

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 79.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ОКТЯБРЯ 3 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Ни день, ни часъ не въ нашей волѣ;
Щастливцевъ совершенныхъ нѣтъ:
Такъ будемъ же въ смиренной долѣ
Сносить равно и мракъ и свѣтъ.
Дмитрисъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДРУЖБА ДРУЖБОЙ, А СЛУЖБА СЛУЖБОЙ.

(Русская народная пословица.)

Въ спашьѣ, подѣ заглавіемъ: Variolage, соспрудникъ Гирланды, В. П. *Бурнашевъ*, бѣзъ всякаго умысла, спроста обѣавилъ, что вышелъ изъ пещаци No 23 журналика (petit journal) *Гирланда*.

Это не совсѣмъ такъ! За три недѣли передъ симъ, т. е. около Успеньева дня, вышелъ No 15-й сего журнальца, а какъ съ тѣхъ поръ, по сіе 10 Сентября не видали мы вновь напечатанной ни одной спрочки остроумнаго (spirituel) и насмѣшливаго (malin) Издавателя *Гирланды*: но обязанностью поставили разувѣрять почтеннѣйшую Публику въ выходѣ нумера 23-го. Эщѣ, въроупно, произошло по опискѣ, или опечатакѣ. Ибо Г. *Бурнашевъ*, о копоромъ насмѣшались мы весьма много хорошаго, конечно не покривилъ душою въ пользу пріятеля.

Дружба дружбой,
А служба службой.

10 Сентября.
Село Токсово.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРОБНИЦА НА ОСТРОВѢ РЮГЕНЬ.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

Артуръ къ Годви.

Авиньонъ, въ Декабрѣ 1793 года.

Я нашелъ ее, мою Марію, и навѣки потерялъ ее. Читай, Годви, и жалѣй обо мнѣ. — Изъ Шафгаузена поскакалъ я во Францію, въ сіе огневдышущее жерло. Безумецъ, я хотѣлъ найти спокойствіе среди опустошеннѣй революціи, но сердце мое содрогалось и горестъ перзала душу. Въ такомъ состояніи прибылъ я въ Воклюзъ, къ симъ вратамъ смерши, обѣ успесы коихъ рушились даже самыя бури мятежа. Memento mori добрыхъ иноковъ Ла-Трапской обипели согласовалось съ моимъ внупреннимъ расположеніемъ, и нѣсколько тихихъ дней пропекло въ ихъ обществѣ. Вчера около полудня пріѣхалъ я въ Авиньонъ. — Главная площадь кипѣла безчисленнымъ народомъ, надъ коимъ грозно возвышалась спрашная гильопина. Казнь должна была совершиться надъ несчастнымъ. Я вышелъ изъ коляски; народъ увлекъ меня съ собою къ подножію спрашной машины,

подъ убійственнымъ оепіріемъ коей, въ сіе время ужасовъ, нали уже споль многія невишныя жершвы фанатизма. Въ эту минушу, при буйныхъ восклицаніяхъ черни, привели жершву — сѣдовласаго спарца, — и кого же — опца моея Маріи. Въ глазахъ моихъ пошемѣло, когда блеснуло орудіе убійства, и я съ прозительнымъ воплемъ ужаса палъ въ объятія моего Гейвриха. Пришедъ въ себя, я очутился въ ближайшей гостиници. Сначала я прицалъ было все это за спрашнй совѣтъ, но хозяинъ разеказалъ мнѣ, что несчастный, въ такой спспени возбудишій мое учаспіе, обвиненъ былъ въ сношеніи съ врагами мнимой свободы; что жена и дочь его помѣшя еще въ темницѣ, и можетъ быть подвергнуся такой же участи. Съ безразсудною поспѣшностію отчаянія лечу я къ Начальнику; мои виды открываюшъ мнѣ входъ, и, благодареніе Промыслу! — я нахожу въ немъ человека: рѣдкостъ между сими шиграми въ человеческомъ образѣ. Онъ склонился на мои просьбы и даровалъ несчастнымъ свободу.

Какъ изобразить тебѣ ихъ положеніе, Годви? — Онѣ представляли собою живую картину отчаянія, добычу убійственной горести. Въ безпамятствѣ я перевезъ ихъ въ гостиници; онѣ не узнали меня, и объятія смертельными ужасомъ, пронзали только дикіе вопли. Сердце мащери уже переставало бишъся — она скончалась въ моихъ объятіяхъ. О Годви! я не въ силахъ изобразить тебѣ картину, ужасную картину той минушы, когда она умерла на рукахъ моихъ и когда подлѣ нее безъ чувствъ лежала Марія, моя милая Марія. Даже врачъ прослезился, преклиная ужасы революціи. Мы опнесли Марію въ другую комнату; черезъ нѣсколькo часовъ она пришла въ памѣшь. Она звала опца, мамъ, и смущенные взоры ея блуждали по комнатамъ; увидѣвъ меня, она съ умоляющимъ болезненнымъ воплемъ проспіерла ко мнѣ объятія. Я прижалъ ее къ сердцу и оросилъ лице ея горючими слезами. Я вѣспощался въ ласкахъ, спарался утѣшить и успокоить ее; но она молчала, усшіривъ на меня неподвижный взоръ; лихорадочный жаръ сврѣшествовалъ въ ея жилахъ. Такъ,

Годви, еслибъ ты взглянулъ на это милое, несчастное существо, прикованное къ одру болѣзни. Тщесно молодость ея противишя хладнымъ объятіямъ смерти; скоро, можетъ быть, Ангельская душа покинетъ прелестную оболочку. Ахъ! зачѣмъ я не могу съ нею умереть? —

Теперь я ошкрою тебѣ все. На смертномъ одрѣ возлюбленной я узналъ ея фамилію. Отецъ Маринъ былъ Баронъ Фонъ Шшейнъ, непримиримый врагъ моего опца. Онъ путешествовалъ для поправленія своего здоровья Низкими водами и благоразствореннымъ климатомъ Баралиюка и Монпелье. Перехваченное письмо къ одному изъ Французскихъ эмиграншовъ подало на него подозрѣніе и — было причиною его казни. Что мнѣ оспаепись дѣлать, Годви? — Я поклялся не покидать Маріи, ни въ жизни, ни по смерти!

Прощай, мой милый!

Онъ же къ Годви.

Майицъ, въ Генваръ 1794 года.

Вотъ я опять въ прекрасной, мирной спранѣ моей юности, подлѣ меня Марія, моя обожаемая Марія. — Горестъ ея ушмхаешъ. — Я вмѣстѣ съ нею оплакиваю ужасную ковчину ея родителей, коихъ брешные останки приняла одна могила въ померанцевой роцицѣ близъ Авиньона. Въ ночь день я произнесъ передъ Богомъ обѣтъ, никогда не покидать Маріи. Во всякомъ случаѣ я бы гошовъ былъ защищать сироту, брешенную судьбою въ добычу кровожаднымъ шиграмъ. Молодость и любовь воскресили Марію — она выздоровѣла въ моихъ объятіяхъ. Авиньонъ слишкомъ напоминалъ ей о потерѣ родителей; я спарал я уговорить ее, чтообы она возвратилась со мною въ опечесниво. Кромѣ нелюбимаго ею двоюроднаго брата къ Богеміи у нее не было никого на свѣшъ, кто бы могъ дать ей присшанице. Она откровенно описала мнѣ свое положеніе; но, изъ дѣвической спыдливости, не въ силахъ была удержаться опъ слезъ, когда я предложилъ ей вхашъ со мною, съ пѣмъ, чтообы намъ никогда уже не разлучашъся. Я упалилъ опъ нее прешпешшя, предспощія нашему союзу, изобразивъ ей

шьолько счастливую будущность и пламенную любовь свою;—Годви, милый Годви! — она приникла къ груди моей, и тихо произнесла: Аршуръ, я ѣду съ тобою! —

Наконецъ, сегодня, я открылъ ей мое званіе, мое имя,—смертная блѣдность покрыла лице ея; вперяя въ меня неподвижный, горесный взоръ, она воскликнула голосомъ опчаянія: вѣшь, Аршуръ! ты не хотѣлъ обманушь меня, но ты не можешь быть моимъ и я никогда не буду твоею! Забудь меня! Предоставь меня моей участи; будь счастливъ, но оставь меня, прошу тебя!— Я заключилъ ее въ объятія, и повспорилъ ей кляшву, никогда не покидай ее; пусть небесная кара поразишь меня, если измѣню сей кляшвъ! Знаю, что ты хочешь сказать!— Я и самъ то же пвердилъ себѣ тысячу разъ.— Никогда, никогда не получу я родительскаго согласія — скорѣе оспановится земной шаръ въ своемъ печеніи,—нежели сей гордый челоуѣкъ, которыи для возспановленія померкшаго блеска своей фамиліи давно уже расположилъ моею рукою, которому чужды благороднѣйшія чувства — позволить сыну своему опдать руку и сердце небогатыи дочери его непримиримаго врага, дочери челоуѣка, погибшаго на эшафотѣ.

Я на все готовъ. Хочу быть счастливымъ; разрушу гнетущія меня оковы, сброшу съ себя иго скучной, мучительной жизни. Явлюсь къ нему съ кроткимъ сердцемъ покорнаго сына; обр руку съ Маріею— брошусь къ ногамъ его и скажу: родители, благослови дѣтсей своихъ! Если онъ не будетъ пронуть гореснью несчастной дѣвушки; если гордосшь его перевѣситъ счастье сына,—тогда, Годви, у меня не будетъ болѣе отца; — тогда мы останемся одни съ Маріею, и будемъ принадлежать шолько другъ другу. Тогда удалюсь въ свой эдемъ, — ты знаешь его, Годви,—одинъ ты его знаешь.— Я найду убужище въ моемъ Рюгенскомъ помѣшѣ, гдѣ мы такъ часно вспоминали о моемъ благородномъ дядѣ, которыи подарилъ мнѣ это имѣніе, съ слѣдующими незабвенными словами: Аршуръ, когда псбѣ нечего будетъ терять, или, когда скромное счастье предпочтешъ тяжкихъ оковамъ приличія,

тогда удались въ сей мирный приютъ, и шы будешь счастливѣе меня! — —

И такъ; я отправляюсь въ путь, самый тяжоспный въ моей жизни. Увы! не ужасно ли это, когда сынъ съ препетомъ воображаетъ свиданіе съ опцемъ. Какъ охотно опказался бы я опъ правъ старшинства, дарованныхъ мнѣ случаемъ; сколь охотно призналъ бы меньшаго брата единственнымъ наследникомъ всехъ богатствъ, еслибъ могъ я симъ искупить родительское благословеніе. Но я готовъ на все рѣшишься! Вошь пропивооставлю вошь!—Прощай! —

Онь же къ Годви.

Волгаспъ, въ Февраль 1794 года.

Жребій палъ! Мое поприще на скользкой спезѣ большаго свѣта кончилось. Я, богатый Графъ, умеръ для надеждъ моей фамиліи, для плановъ моего родителя. Я ничего не спасъ, кромѣ милаго, предѣстнаго существа, боспаняющаго все мое земное счастье, — и кромѣ сердца, которое довольсствуется малымъ.

Марію оставилъ я въ Кассель у пешки, сеспры моей покойной мапери. Изъ Майнца я писалъ уже къ опцу, въ какой день возвращусь на родину. Начало смеркаться, когда я прибылъ въ нашъ родовой замокъ. Окна были освѣщены, и толпа богато одѣтыхъ слугъ засуепидась вокругъ меня на крыльцѣ. Опецъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, и привѣтствовалъ меня—ахъ! зачѣмъ я это долженъ сказать?... съ поржеспвенного холодносшью; но при всемъ помъ я прочелъ на лицѣ его нѣкоторыя черпны доброжелательсства, и надежда успокоила мое сердце. Не смотря на мое дорожное плашье, я принужденъ былъ идти за нимъ въ залу, гдѣ собралось изъ окрестносшей множество дворянства.

Послѣ первыхъ поржеспвенныхъ привѣтствій, опецъ повелъ меня въ средину собранія, и вручилъ мнѣ дипломъ на званіе Камергера.—«Сынъ мой!» сказалъ онъ «въ опсуществомъ твоемъ я заботился о твоемъ счастьи; надѣюсь, что ты уважишь добрыя намѣренія твоего родителя!»—Что онъ говорилъ потомъ, я не помню; я съ препе-

ипомъ помышлялъ о близости роковой минуцы, въ которую должна будетъ рѣшиться моя участь; но я успокоился, и вооружился мужествомъ, которое испребило во мнѣ всѣ опасенія. — Образъ Маріинъ носился надо мною, и укрощалъ бурю сердца. Я подошелъ къ окну, смотрѣлъ на зимнее звѣздное небо, и прохлаждалъ горящее чело мое у замерзшихъ стеколъ. Сестра моя, приближаясь ко мнѣ, спросила съ участіемъ: Артуръ, не боленъ ли ты? — Я прижалъ ея руку къ взволнованному сердцу и вышелъ изъ залы. Могъ ли я провести безконечную ночь безъ рѣшенія моей участи? — Въ полночь же вечеръ я пошелъ къ опцу. Я высказалъ ему все; заклиналъ его; не препятствовать моему счастью, отказывался отъ всѣхъ его богатствъ, и просилъ одного только его благословенія. Улыбался, подошелъ онъ ко мнѣ, и сказалъ: «сынъ мой, ты разгоряченъ, разспроенъ путешествіемъ; спуйай въ свою комнату; тебѣ нуженъ отдыхъ; когда успокоишься, то приходи ко мнѣ.» — Увы! Годви, онъ сказалъ это съ возмущительною холодношью и равнодушіемъ, — съ сей минуцы разорвались узы, коими природа насъ соединяла. На могилѣ моей доброй, несчастной матери, въ самой уединенной сторонѣ парка, пришелъ я опять въ себя. Звѣзды привѣпливо сверкали на тверди небесной — холодная, лихорадочная дрожь меня пронимала. Я поспѣшилъ въ свою спальню, но сонъ бѣжалъ меня, ибо образъ опца, — пожалѣй обо мнѣ Годви! — образъ моего опца грозно носился надо мною. Наступило утро; еще разъ пошелъ я къ опцу — бросился къ ногамъ его, обнималъ его колѣна, умолялъ его о благословеніи; — а онъ — о Годви! — опецъ мой меня проклиналъ. Еще разъ облобызавъ я руку, меня опвергшую, вскочилъ, и черезъ нѣсколько минутъ помчался изъ замка, какъ будто смерть преслѣдовала меня по пятамъ.

Въ полночь же день, около вечера, прибылъ я въ Кассель. Тетушка уговаривала меня, чѣобы я еще разъ, въ послѣдній разъ, попытался упросить опца. Марія заклинала меня, чѣобы я отказался отъ ея руки; но я обнялъ ее и вскричалъ: «Марія, теперь ты моя, моя навѣки! Я сирота, какъ и ты, но

я твоя, а ты моя!» — Я взялъ изъ банка деньги, которыми опказалъ мнѣ добрый дядя. Для Графа онъ сосчиталъ мало, но для просящаго поселенина огромное богатство. Тетушка благословила насъ, и такимъ образомъ мы прибыли сюда. Завтра повезу я Марію въ наше будущее жилище. Привѣпливо синьютъ въ дали исполнскіе утесы, ограждающіе островъ. Расцвѣтеть ли мое счастье подъ мирною кровлею сельскаго домика? — Прощай!

Рюгенъ, въ Юнѣ 1794 года.

Эмениды ли меня преслѣдуютъ, или немолимая судьба погружаетъ душу мою въ мракъ опчаянія? — Я сижу подлѣ больной жены, и шускый, улыбающійся взоръ ея шщепно силится меня успокоить. Горѣсць слишкомъ глубоко вонзила свой убійственныя стрѣлы въ крошкое сердце нѣжнаго существа — шѣло ея изнемогаетъ. Она опдала мнѣ руку, и въ шо же мгновение зарумянилась заря моего счастья; но страшная буря угрожаетъ разрушить рай моихъ надеждъ, и лучшіе цвѣты, облетѣвшіе; падаютъ къ ногамъ моимъ. Я рыдаю и простираю руки къ небу, но Ангель-спаситель не является; могила разверзаетъ враша свои и шребуетъ своей добычи. Безумецъ я! — еще за нѣсколь-ко дней предъ симъ я презиралъ судьбу и вызывалъ ее на борьбу опасную. Весна ушла наша островъ своими первенцами, скромными фиалками — и радость воцарилась въ нашей долине. Крошкое, священное спокойствіе обитало въ душѣ Маріиной, — шихая веселость выражалась въ ея взорѣ; — увы! то были послѣдніа лучи угасающей лампы! Въ одно прекрасное Майское утро мы обринуку вышлн изъ нашего домика и вошли на одинъ изъ холмовъ, опоясывающихъ долину. Мы сѣли на вершинѣ, подъ развалинами Герпабурга, у подошвы огромной древней могилы, гдѣ, помнишь ли, мы игрывали въ дѣтствѣ. Воздухъ былъ чистъ, — въ свѣшлой дали простирался предъ нами берегъ твердой земли. Башенные верхи Волгаша, на которыхъ восхищенный взоръ мой шоль-часто покоился въ младенчествѣ, возобновляли въ моей памяти всѣ явленія шого счастливаго времени, когда мы жили у дяди;

онѣ мелькали мимо меня, какъ Кипайскія пѣ-
ви, и шемныя желанія, неясныя предчувствія
младенческаго міра роились вокругъ меня въ
таинственномъ сумракѣ. Тутъ обнялъ я
Марію, взоры коей бродили по зеркальной
равнинѣ моря! —

«Теперь!» воскликнулъ я: «сбылись мечпы
моего дѣтства: Ангель-пушепроводитель моей
жизни идетъ со мною объ руку! — Пусть
судьба дохнетъ на меня бурей; она не раз-
рушитъ моего спокойствія!» — Случай ли то
было, или обманъ встревоженнаго воображе-
нія; но едва произнесъ я сіи слова, какъ вол-
ны почернѣли, ударились объ утесъ и разби-
лись съ оглушительнымъ ревомъ. О Годви!
я тысячу разъ спрашиваю себя: ужели го-
рестъ сильнѣе любви? — Ужели она споль
глубоко вонзаетъ остріе свое въ сердце че-
ловѣка, что награжденная добродѣтель, удо-
влетворенное желаніе и пламенная любовь
не въ силахъ исцѣлить сіи раны? — Горестъ
провела глубокую бразду на жизненномъ пу-
ти моемъ, какъ нахаръ по цвѣтущей нивѣ; —
бразду, въ которую падаешь все, что было
мнѣ драгоцѣнно, и вопль судьба возвращаетъ
се, чтобы навсегда изгладить слѣды бы-
тія нашего. Сегодня засталъ я Марію мо-
лящуюся передъ образомъ Спасителя. Такъ
я увидѣлъ ее впервые разъ на палубѣ. Та же
одежда, копорой тогда облекала предѣст-
ныя формы, по же покрывало, тѣ же шихіе,
сладостныя звуки ея голоса, — все, все живо
напомнило мнѣ о прекрасномъ весеннемъ
утрѣ, рѣшившемъ мою участь. Тогда я ви-
дѣлъ образъ ея въ темно-синемъ зеркалѣ пу-
чины, — видѣлъ въ ней Ангела-пушепроводителя
моей жизни. Увы! какъ худо понялъ я тогда
значеніе сего образа. Не прежде, какъ пѣмъ,
въ тихой, бездонной глубинѣ, пѣмъ, гдѣ
умолкають бури мятежной жизни, мнѣ су-
ждено было найти ее. То было вѣрное зер-
кало моей будущности. Прощай, прощай, мой
милый другъ!

Рюгенъ, въ Августѣ 1794 года.

Вчера схоронили ее, — въ вѣстѣ съ нею
всѣ мои надежды, все что сулила мнѣ эта
жизнь. — Я сдѣлался одинокимъ, какъ бездѣт-
ный старецъ среди новаго поколѣнія. — Ни-
кто его не понимаетъ; иоваривши его юно-

спи, всѣ милые, данные ему Провидѣніемъ,
похищены смертію; онъ остался одинъ, чуж-
дый радости, другимъ в себѣ въ тягость —
и взоры его вперяются въ землю, въ сію
безмятежную пристань міра, гдѣ ждешь
его міръ младенчества — гдѣ онъ опять уви-
дитъ родину. — Сегодня я всходилъ опять на
холмъ и устремлялъ взоры въ синюю, без-
конечную даль. Зеленѣющіе берега Ясмунда,
песчаные холмы Бергенскіе, бурныя волны,
дробимыя утесомъ, все сіе рисовалось пере-
домною, какъ и прежде. И старый рыбакъ,
какъ часто забавлявшій насъ своими сказ-
ками, спокойно сидѣлъ съ удочкою на кру-
тизнѣ бухты. Онъ еще разъ повторилъ
мнѣ преданіе, копорое говоритъ, что на
томъ мѣстѣ, гдѣ теперь шумятъ морскія
волны, стоялъ некогда великолѣпный городъ,
цвѣтущая Вивена. Сей городъ пошнвалъ,
какъ все понемъ, и корабельщики въ тихую,
ясную погоду понынѣ еще видятъ башни и
слышатъ звонъ колоколовъ. О Годви! — и я
слышалъ его, и мнѣ казалось, будто сей ко-
локольный звонъ возвѣстилъ конецъ мой. —
Тутъ старый рыбакъ запѣлъ пѣсню, копо-
рая сполько явилась намъ въ дѣтствѣ:

Люблю я сморивать въ голубую пучину;

И вижу, какъ рыбки рвзались въ струяхъ, —

И къ сердцу стремятся кипящая кровь:

Железь бы мучительный пылъ пошущить

Въ прохладныхъ волнахъ Океана.

*

Смѣются дни, смѣются ночи

Въ раздолѣ завидномъ для жителей водъ;

Когда непреклонная сила Судьбы

Надъ радостью шихой, недвижноу ихъ

Железной рукой маягопала?

*

Но волны сей жизни, — ахъ! злобно, коварно

Добро наше лучшее рушатъ онъ, —

Вторгаются пагубно въ сумрачный домъ,

Навѣки уносятъ добычу свою,

И скорбь пожиратъ насъ пламенемъ вѣчнымъ.

*

И суетно все, и все сновидѣнье,

Все призракъ на сей вѣроломной землѣ!

Тамъ роза манитъ на вершинѣ скалы, —

Взойдешь — твой прелестный цвѣтокъ уже прахъ,

И пы на безмодномъ утесѣ.

*

Такъ жизнь земная возлущается вѣчно,
И вѣчно надъ страшикомъ буря и мракъ!
Усталый, онъ жаждетъ могильнаго сна;
Къ покою лишь гробъ опроверзаетъ враня:
Тамъ ждетъ его мира свѣспная пальма!—

Да, Годви, памъ ждеишь меня мира свѣспная пальма! О, какъ часто съ сего холма
смошрѣлъ я въ безпредѣльную даль, и сози-
далъ себѣ рай, въ которомъ соединялъ все,
что жизнь имѣетъ изящнаго и великаго;—
погда я жилъ для дружбы и перелешалъ
опѣ цвѣпка къ цвѣпку; все, что я любилъ,
было подлѣ меня, было счастливо, подобно
мнѣ; ахъ! эпонъ рай существовалъ только
въ одномъ дѣтскомъ воображеніи!—Отрокъ,
ставъ юношею, хощѣлъ опыскать его, но
судьба заградила ему дорогу;—надѣжды его
сокрушились о скалы невозможности, и хо-
лодное море существонности хлынуло на
пальмовыя долины его эдема, и погребло ихъ
въ глубинѣ своей, какъ цвѣтущую Винету.

До сихъ поръ продолжаются письма.

Аршуръ недолго жилъ послѣ Маріи, только
погода. Онъ покоится подлѣ нея въ до-
линѣ, бывшей свидѣтелемъ вѣрнѣйшей люб-
ви, высочайшаго счастья и живѣйшей горе-
сти. Печальныя ивы осѣняютъ надгробный
памятникъ, который отецъ, поздно раска-
явшійся въ своей жестокости, воздвигнулъ
своимъ дѣшамъ. Однообразный шумъ сосенъ,
опоясывающихъ долину, и опдаленный гулъ
дробящихся объ утесы волнъ прерываютъ
священную тишину.

Спранникъ безъ благоговѣйнаго трепета
не всхунаетъ въ сіе свѣтилище.—Стопы
вѣроломства или порока никогда не осквер-
няютъ сего мѣста!

Съ Нѣм. *Тило.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВАРШАВА.

Просни на время край родной!
Зовешь насъ честь на поле битвы.
Во оружье друзья!.. Сверхимъ молитвы
И полетимъ туда сирѣлой,
Гдѣ своенравна, величава,
Стоитъ красавица Варшава.

Эпа и вьюга прошивъ насъ,
Продрогли мы . . . сомкнись тѣсны!
Вперѣдъ, впередъ, впередъ! дружите:
Въ бою согрѣмся какъ разъ.
Ура! въ штыки — и съ нами слава;
Держись красавица Варшава!

Зови-жь насъ, милая, на ширь;
Мы все стеклись подъ снѣжны Праги,
И гренадеръ — дѣшя отваги,
И въ черныхъ лапахъ кирасирѣ.
Но на гонимей глядя лукаво,
Молчитъ красавица Варшава.

Пусть пожемаишес на часть;
Пусть на любовные привѣтны
Даетъ серданыя отвѣты:
Сдаваться ей не въ первый разъ.
Нельзя не подивиться, право,
Что такъ упрямится Варшава.

Давно ли баловень побѣдъ,
Наполсонъ, отецъ - *Суворовъ*,
Безъ дальнихъ ласкъ и разговоровъ
Встрѣчали сладкій пивой привѣтны? —
Чтожь нынѣ гордая, какъ Пава,
Предъ нами чванится Варшава?

На Наревъ кровавый бой:
Глошасишь врагъ сирои багряны:
Текише, модныя румяны,
Отъ насъ къ Вислянкѣ молодой.
За нами Оспроменка! — Слава!
Пускай румянится Варшава!

Черезъ Вислу Русскимъ путь открьшишь;
Но даль, новыми рядами,
За неприступными снѣгами,
Непокоренный врагъ спонитъ.
И смошрѣтъ снова величава
На насъ красавица Варшава.

Впередъ! кто грозной бичеи радъ,
Кому не страшны смерть и раны,
Кто помиятъ Кульмъ, Моимариръ, Балканы,
И Саугалугъ и Арарапъ.
Ура! На штурмъ! Надъ нами слава!
Держись, красавица Варшава!

Мы, юноши, за вами въ слѣдъ,
Кипя какъ въ бурю волны моря,
Съ упорными врагами спора
И мы соведемъ вѣнки побѣдъ.

Но вопль гремящій надъ нами слава —
И пала гордая Варшава.

В. Шарковъ.

Ш А Р А Д А.

Меня три слога составляющъ,

И *первыми двумя* меня же называютъ.
(Зачѣмъ, и какъ? шо знаетъ Богъ).

Прибавилъ къ нимъ мой *третій* слогъ —
Мѣстоименіе — и я перерожуся:

Изъ рода мужскаго, я въ женскій обращаюся.
Но чтобъ легче могъ читатель мой понять,
Морское судно я: извольте отгадать.

М. Корольковъ.

Въ № 78, помѣщенная загадка-шарада-логогрифъ,
значить: *Сапог*, ибо въ немъ: *апоп*, *поп*, *оп*, *п*.

Н О В А Я К Н И Г А.

Вегера на хуторъ близъ Диканьки. Повесть, изданная Писемникомъ Рудольфомъ Панькомъ. Первая книжка. С. П. Б. 1851.

Вопль книга, которая приноситъ большую честь Авшору, и вѣрно принесетъ ему большое спасибо со всѣхъ сторонъ святой Руси.—Можетъ быть сіи слова покажутся читателямъ нашимъ немного странными; однакожь они справедливы. Потрудитесь развернуть роспись книгъ почтеннаго нашего А. Ф. Смирдина и просмотрѣть всѣ Повѣсти въ стихахъ и прозѣ: сравните всѣ сіи литературныя *издѣлія* съ упомянутою нами книгою—право, мало, очень мало найдется изъ нихъ такихъ, которыя выдержатъ сіе испытаніе. Отъ чего же это? Отъ того; Милостивые Государи, что повѣсти свои рассказываетъ Писемникъ *Рудый Панёкъ* безъ выдумки, безъ хитрости, безъ требованій на ученость и славу. Лица его не подмалевацы; нѣтъ общихъ мѣстъ, пошлыхъ и пошнѣхъ; происшествія не припаяны за волосы, вселющность не-поддѣльная, остроуміе не вы-

краденное: въ нихъ все *просто*—и потому все прекрасно!—ибо первое условіе истинно-прекраснаго—*простота*.

Вопль, что говоритъ А. С. Пушкинъ въ письмѣ своемъ къ Издателю Липпер. Прибавленій о сей книгѣ: «сей часъ прочелъ *Вегера* «близъ Диканьки. Они изумили меня. Вопль «настоющая вселющность, искренняя, неприукрашенная, безъ жеманства, безъ чопорности. «А мѣстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно «въ нашей нынѣшней Литературѣ, что я «доселѣ необразумился. Мнѣ сказывали, что «когда Издатель вошелъ въ типографію, гдѣ «печатались *Вегера*, то наборщики начали «прыскавъ и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, «признавшись ему, что наборщики помирали «со смѣху, набирая его книгу. *Мольеръ* и «*Фильдингъ*, вѣроятно, были бы рады разсѣмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю «Публику съ истинно веселою книгою, а Авшору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, «если Журналисты, по своему обыкновенію, «нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на «*дурной тонъ*, и проч. Пора, пора намъ осмѣлнть *Les précieux ridicules* нашей словесности, людей толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ «не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ «не просишь, и все это слогомъ камердинера Профессора *Тредьяковскаго*.»

Рецензентъ, будучи совершенно согласенъ съ знаменитымъ Поэтомъ, радуется, что великій талантъ, умѣя постигать все прекрасное—опидаеть полную справедливость юному таланту.—

Мы не хотимъ дѣлать никакихъ замѣчаній на книгу сію, по примѣру литературныхъ щепетильниковъ; но просимъ Автора *Вегеровъ* не замедлить изданіемъ 2-й части своего прекраснаго сочиненія, обѣщаясь съ своей стороны поговорить, при случаѣ, побольше о повѣстяхъ вообще и, въ особенности, о повѣстяхъ Русскихъ; въ числѣ которыхъ *Вегера* занимающъ одно изъ мѣстъ почтительнѣйшихъ.

Л. Яковлевъ.

M O D E S.

La présence de grands personnages (1) avait attiré une foule considérable à l'Opéra vendredi dernier, et les loges offraient des toilettes élégantes, mais pas encore de modes nouvelles.

L'ex-impératrice du Brésil portait une robe de mousseline de laine, bleu suédois, à raies mates et claires, avec une écharpe-mantille en blonde noire, dont les deux bouts étaient réunis sur la poitrine par un coulant en brillans; sa coiffure, très-simple, formait le bandeau sur le front.

La duchesse d'O., qui sait toujours rendre élégante la mise la plus simple, avait une robe d'organdi blanc, sans broderies ni aucun autre ornement, et sa coiffure lisse avait, pour toute parure, un peigne en écaille, à haute galerie sculptée.

De toutes les coiffures en cheveux, qui, au surplus, n'étaient pas très-nombreuses, une seule était ornée de petites fleurs.

Les chapeaux et les capotes formaient la majorité des coiffures des dames. Les uns étaient en paille d'Italie, ornés de plumes et de rubans de gaze d'une nuance assortie à celle de la paille, ou de plumes blanches; les autres étaient en paille de riz doublée en blanc, en bleu, en rose pâle, et ornés de plumes blanches ou de la couleur de l'étoffe qui en doublait la passe; d'autres enfin étaient en gros-de-Naples, et surtout engros-de-Naples moiré, ayant pour ornemens des plumes ou des nœuds de rubans, ou enfin ces mêmes nœuds au milieu desquels diverses fleurs s'ar-rondissaient en bouquet.

Pl. No 24. Costumes Parisiens du 30 Septembre n. s.

(1) Don Pedro, l'impératrice son épouse, et l'ex-déy d'Alger.

M O D Ы.

Присутствіе высокѣхъ особъ (1) въ Оперѣ въ прошедшую Пятницу, привлекло туда множество посѣтителей, и въ ложахъ видны были весьма щеголеватые наряды, — новаго же ничего.

(1) Донъ Педро, Императрицы его супруги и бывшего Алжирскаго Дѣя.

На бывшей Бразильской Императрицѣ, было платье изъ шерстяной кисеи, голубаго Шведскаго (bleu suédois) цвѣта, съ машовыми и прозрачными полосами, черный блондовѣй шарфъ-мантилья (écharpe-mantille), концы схвачены на груди брилліаншовымъ жольцомъ, прическа весьма простиная, повязка на лбу.

Герцогиня d'O. умѣющая придасть щеголеватости самому простому наряду, была въ беломъ платьѣ изъ органди, безъ шипья и всякой опдѣлки; въ гладкой ея прическѣ ничего не было, кромѣ высокаго, черепаховаго гребня съ рѣзбою.

Изъ всѣхъ головъ, убранныхъ въ волосахъ, которыхъ впрочемъ было немного, на одной шолько были мелкіе цвѣшны.

Дамы по большой части были въ шляпкахъ и капоняхъ, Италіанскихъ соломенныхъ съ перьями и газовыми лентами соломеннаго цвѣта, или съ бѣлыми перьями; другія въ басновыхъ съ бѣлымъ, голубымъ или блѣдно-розовымъ подбѣемъ, опдѣланными бѣлыми перьями или подъ цвѣтъ матеріи, подложенной подъ поле; видны были также гроденаплевья шляпки, а особливо изъ морѣ, съ перьями или бантами изъ лентъ, или въ срединѣ сихъ бантовъ букеты изъ разныхъ цвѣтновъ.

Кар. No 24. Парижскіе костюмы 30 Сентября н. стѣ.

С М Ъ С Ъ.

Мы можемъ спю разъ, и всегда съ новымъ удовольствіемъ сморѣть на изображенный живописцемъ сельскій видъ, гдѣ человекъ въ сношеніи съ природою увеличиваетъ дѣйствіе ужаса; или веселости мѣстоположенія.

Спартанцы за суровою нищею своею не пынчивали юношей, и кощорому не по вкусу была ихъ черная похлѣбка: того всенародно осмѣивали и презирали.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходяшь по

Средамъ и

Субботамаъ.

№ 80.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скалкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 7 дня, 1851 года.

Однѣ мудрецъ сказалъ, хопя и не въ стихахъ:

«Найди друзья, найдется кладъ въ друзьяхъ.»—

Я тоже повторю обратными словами:

«Найди ты кладъ, друзья найдутся сами.»

И. Личевскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ХАРАКТЕРНЫЯ ЧЕРТЫ

и

*Расходная записка 43-лѣтго года, 5 лѣтъ а-
цалъ и 13-ти днямъ жизни отставнаго Ка-
питана Петра Юсафовича Нудивленьева,
веденная домашнимъ Секретарѣмъ его Ива-
номъ Сергѣевымъ сыномъ Демокритовымъ.*

Предисловіе.

Авторъ *Путешествія по Невскому проспек-
ту* издалъ, тому уже нѣсколько лѣтъ назадъ,
Записки Москвича. Въ обѣихъ сихъ книгахъ
гораздо болѣе тонкой соли, веселости, замы-
словитости, нежели во многихъ другихъ со-
временныхъ ему нравоописательныхъ сочи-
неніяхъ. Онъ попеременно смѣшишь, про-
гаешъ и увлекаешъ; выведенные имъ на сце-
ну лица испинно Русскіе. Знакомясь съ ни-
ми, вспоминаемъ, что уже гдѣ-то прежде
съ ними встрѣчались, и что это знако-
ство не новое, а возобновленное. По спра-
ной какой-то несправедливости, ни одна
изъ сихъ двухъ живоизображающихъ Русскіе
врагъ, книгъ не была переведена ни на
Французскій, ни на Нѣмецкій языкъ, между
тѣмъ, какъ нѣсколько безполковыхъ опи-

сательныхъ поэмъ одного обвешалаго Ри-
мошлѣна удоспоились сей чести, а жалкія
стихотворенія одного чрезмѣрно извѣстнаго
Припчеписца спавились въ одномъ сеншмен-
пальномъ журналикѣ наравнѣ съ сочиненіями
Расиноль, *Боало* и *Ласфонтеноль*. Опъ чего
эпо? Опъ того, что честный Русакъ—Ав-
торъ не подкрѣпилъ искапелствомъ своего
дарованія; опъ того, что въ журнальной
библіографіи онъ рекомендованы лѣнливой на
составленіе собственнаго мнѣнія Публикѣ
слетка, поверхностно, мимоходомъ. Въ нашъ
вѣкъ писателю необходимо завестись Жур-
нальшномъ-покровителемъ, которъ бы съ
жаромъ увѣрлялъ покупателей-читателей,
что покровительствуемый имъ писатель
дѣлаешъ имъ величайшую честь, надѣвъ на
нихъ дурацкіе колпаки съ ослиными ушами
въ своемъ пасквилѣ, названномъ имъ сапи-
рою; что онъ обогащаетъ ихъ умъ, обирая
деньги, и что у него въ лѣвой ноздрѣ боль-
ше таланта, чѣмъ въ головѣ у *Державина*,
Карамзина и *Жуковскаго*, вмѣстѣ взяпыхъ
и помноженныхъ на *Дмитріева*, *Вяземскаго*
и *Загоскина*.

Спранно, что въ чужихъ краяхъ опдали
справедливость *П. А. Яковлеву*. Въ *Journal*
des Dames et des Modes, 1831, No 33, спра-

ница 179, напечатано: *Zapiski Moskvijska, esquisse des moeurs du jour, pleines de verve et de sel.*

Какъ бы по ни было; однакожь имя Павла Лукьяновича *Яковлева* меньше на Руси извѣстно, чѣмъ имя прагическаго Актера *Яковлева* и въ новомъ водевилѣ прославленнаго писателя театральныхъ кришкѣ *Яковлева* (М. А.) (*).

И въ текущемъ году Авторъ *Записокъ Москвитина* напечаталъ Романъ, подъ заглавиемъ: *Удивительный челоекъ*. О немъ господа Журналисты опнеслись не весьма благопріятно. Одинъ сдѣлалъ изъ названія сей книги игру словъ и заключилъ судъ надъ нею слѣдующими словами: *этотъ Бригадиръ Удивленевъ нимало не удивителенъ*. Вижу, мои почтенныя чашапсельницы и чашапели, что вы поперялись и не видите, какъ мое предисловіе связывается съ *жизнеописаниемъ и расходною книгою*. Подождите немного, я васъ сей часъ выведу на большую дорогу. Меня, въ свою очередь, беретъ охота издать въ свѣтъ *Расходную Записку времени новопредставляющагося благодѣтеля моего Петра Юасафовича Неудивленева*, которая ведена была прежде меня провинціальнымъ Секретаремъ Иринархомъ Харламовичемъ *Подмигивнымъ*, а въ послѣдствіи мною. Я ихъ, по совѣту Г. *Кораблинскаго*, сократилъ. О, еслибы немилосердые оцѣнщики книгъ смиловались надъ бѣднягою и писнули, что *въ этомъ не удивительномъ челоекѣ все удивительно!!*

Демокритовъ.

Характерныя черты.

Мой герой въ минувшемъ году умеръ въ Москвѣ холерою, опъ чрезвычайныхъ предоснорожностей, приняшихъ имъ, чтообы не умереть холерою. Жилъ его было бо льшь, 5 мѣсяцовъ и 13 дней. Онъ былъ природный Великороссійскій дворянинъ; предки его служили при Царскомъ Дворѣ ближними Спольшниками и Боярами. Самъ онъ въ люлькѣ поздравленъ чиномъ Вахмистра Конной Гвардіи. На 17-мъ году, оставишиъ круглымъ сироткою и обладателемъ 7,000 душъ, взялъ,

(* *Медаль на постопъ*, подѣвилъ, сочиненный Мих. Ажк-севичемъ *Яковлевимъ*. — В.

на основаніи жалованной Дворянству грамоты, опставку съ чиномъ опъ армін Капшана. Онъ поселился, подобно своимъ предкамъ, въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, женился на Княжнѣ, за которою взялъ 5,000 душъ. Единственнѣмъ опличіемъ, единственнѣмъ украшеніемъ боярскаго груди *Петра Юасафовича* была бронзовая дворянская медаль на Владимирской лентѣ, уснаноженная въ память 1812 года. Мой покойный благодѣтель имѣлъ на неѣ полное право: ибо на свой счѣтъ и изъ своихъ дворовыхъ людей онъ снарядилъ, вооружилъ и посадилъ на-конь цѣлый эскадронъ лихихъ Козаковъ. Тупъ нѣтъ никакого чуда: у него было 72 музыканна и 100 псарей, изъ коихъ у каждаго, кромѣ верховой имѣлось по заводной лошади. Прибавя къ нимъ 28 конюховъ, праздношапающихся живописцевъ, бронзовщиковъ, рѣшниковъ, споларовъ и прочая, и прочая, онъ одѣлъ ихъ въ сукно собспвенной фабрики, а сбрую и сѣдла поспроилъ изъ шовара съ своего кожевеннаго завода. Въ семъ блистательномъ подвигѣ покойный *Петръ Юасафовичъ* соединилъ наптріопизмъ и полипическую экономію: поспавилъ на Царскую службу безденежно 200 доброконныхъ удалыхъ молодцовъ и избавилъ себя опъ 200 шунедцевъ, коихъ ему надлежало поить и кормить, обувать и одѣвать. Въ первый годъ онъ получилъ опъ сей операція 40,000 рублей чистаго барыша.

Здравомыслящіе чашапели сами видяшъ, что мой герой не могъ бытъ челоеккомъ *работилъ*: поелику онъ былъ не крестьянинъ, не извощикъ, не ремесленникъ; не могъ бытъ *служивымъ*: ибо былъ богатъ и лѣнивъ; не могъ веспи жизнь на манеръ *Крылова, Пушкина, Графа Ѳѣдора Петровича Толстова*, или *Кипренскаго*, потому что онъ не былъ рожденъ Геніемъ. И такъ, мой герой избралъ жизнь праздную, п. е. *Свѣтскую*.

Говоря о какомъ либо предметѣ, я поспавилъ себя за правило прежде всего дѣлать сему предмету опредѣленіе. Это самый вѣрный способъ получить о вещи ясное понятіе. Если бы противники *Жанъ-Жака Руссо* заспавили его опредѣлишиъ: что ша-кое науки? по онъ никогда не былъ бы увѣнчанъ Дижонскою Академіею за свое *Раз-*

сужденіе о вредѣ просвѣщенія, и такъ, дабы познакомишься съ свойствами и характеромъ моего *Неудивленьева*, опредѣлимъ: *что есть жизнь Свѣтская?*

«Свѣтская жизнь, какую проводитъ человекъ хорошаго тона, есть совершенство жизни душевной и тѣлесной;» говорятъ Царедворцы.

«Искусство проживать свои доходы, какъ слѣдуетъ умному человеку;» говорятъ богатые празднующіе.

«Умѣнье ничего не дѣлать, такъ какъ другіе, а показывать видъ, будто все дѣлаемъ, какъ они.»

Но... можетъ быть... сіи опредѣленія не удовлетворяютъ васъ, мои дорогіе читатели, и такъ, не лучше ли вопъ такъ?

«Наука показывать прелесть и вкусъ во всякой вещи, намъ принадлежащей, и во всякомъ предметѣ насъ окружающемъ.»

Или, не справедливѣ ли, вопъ эдакъ?

«Искусство съ честью выказывать свое богатство.»

Одинъ глубокомысленный писатель, по части политической экономіи, полагаетъ, что «Свѣтская жизнь есть благородство, переданное знающимъ хозяиномъ своимъ вещамъ.»

Знаменитый *Адамъ Смитъ* величаетъ «Свѣтскую жизнь росой, освящающею промышленность.»

Уважаемый за свои превосходныя творенія *Г. Жакото* увѣряетъ, что «не нужно сочинять диссертациі о Свѣтской жизни; потому что благочестивый *Фенелонъ* сочинилъ оную и помѣспилъ въ *Телемакъ*; прочитайте спашью о Салемтскомъ уложеніи.»

Новѣйшій Философъ *Кузень* (котораго и *Г. Полевой* хвалитъ, хотя не понимаетъ), простирается еще далѣе въ похвалахъ ей. Онъ, на 44-й страницѣ *Курса Исторіи Философіи*, говоритъ, что «она есть употребленіе ума, которое, необходимо сопровождаясь пособіемъ чувствъ, воображенія и сердца, и соединяясь съ первобытными уставами, съ непосредственнымъ обліспаніемъ тѣлеснаго нашего состава, печетъ и окращиваетъ дни наши яркими своими красками.»

Напропивъ того, угрюмый *Сень-Симонъ* именуешь ея «самою опасною для Государ-

ства болѣзнію, которая влечетъ его къ гибели.»

Такой же неугомонный ворчунъ, сprogій *Ходрукъ* (Chodruc) называетъ «Свѣтскую жизнь пканью мѣлочей, сборомъ вздорныхъ обрядовъ и обычаевъ, коимъ пуспые люди придаютъ важность.» — — —

Оставляю на волю моихъ милыхъ читательницъ и глубокомысленныхъ читателей, держась въ этомъ случаѣ такого мнѣнія, какое имъ покажется справедливейшимъ.

На мнѣ лежала обязанность доказать, что мой покойный благодѣтель, новопреставившійся општванной опъ арміи Капитанъ *Петръ Юасафовичъ Неудивленевъ*, по характеру, по богатству и положенію своему въ обществѣ, избралъ самый приличный ему образъ жизни, слѣдственно, распорядился какъ человекъ мудрый.

Къ чести блаженной памяти его родителей, окружившихъ колыбель его нянями Француженками и мамами Англичанками, надобно упомянуть, что онъ плохо зналъ Русскую грамоту, имѣлъ иностранное произношеніе и особливо затруднялся въ словахъ, гдѣ находились лишеры *Ы* и *Щ*. Сіе произвело, что онъ презиралъ Русскій языкъ, и на ономъ съ одними кучерами и лакейми объяснялся; книгъ же рѣшипательно не читалъ ни какихъ, кромѣ *Наталли Болрской дочери* и *бѣдной Лизы* и, для прочтенія сихъ крошечныхъ сказочекъ, онъ дѣлалъ надъ собою большое усиліе: сіи сказочки во время его молодости были въ модѣ—и человеку хорошаго тона спыдно было неумѣть ничего сказать о нихъ. Дѣловыхъ же бумагъ онъ совсѣмъ не понималъ, и часто, когда необходимость претовала прочесть ему краткую записку изъ какого либо его процесса по деревнямъ: то онъ разъ двадцать меня оспанавливалъ и просилъ перевести ему слово или выраженіе, котораго не понималъ. *За то* послушали бы вы его говорящаго по Французски: каламбуры, эпиграммы, сентенціи сыпались у него съ языка—и природные Парижане вѣрять не хотѣли, чтобы его опцомъ былъ Россіянинъ.

За то Уставъ Свѣтскаго приличія соблюдалъ онъ до педантизма. *Не могу терпѣть ничего, что пахнетъ экономією; скупость*

обнаруживаетъ лтъщанина во дворянствѣ, говариваль мой благодѣшель. Экономія, прибавляя онь, похожа на конопляное масло; смазанныя или колеса ходятъ катяцца; но цвѣтъ его и запахъ отератительны (*).

Входя въ первый разъ къ кому нибудь въ домъ, онь умѣль въ передней—по одеждѣ, словамъ, ухваткамъ слугъ обличать дурной тонъ жизни опкупщика, или провинціального помѣщика, прѣѣхавшаго въ Москву изъ глубины своей степной деревни.

Мало родиться или сдѣлаться богачемъ; восклицаль онь: *чтобы быть челотькомъ хорошаго тона, надобно умѣть чувствовать фальшивыя ноты.*

Каждый годъ онь переспроваль и перекрашиваль домъ, перемѣняль мѣбели, промѣняль прошлогодніе экипажи на новомодные. Заплесневѣвшіе въ своихъ деревняхъ богатые помѣщики, привези въ Москву раскормленныхъ своихъ дочекъ, даюць балы—и самую неумѣспиною пышноспію оныхъ обнаруживаюць чѣрспвый вкусъ. У нихъ въ день пира сполы прещатъ подъ прадѣвскимъ серебромъ; они щеголюющъ аршинными стерлядячи и громоздятъ горы ананасовъ; забъжайте же къ нимъ въ будни, незваные, вы выйдите изъ за-спола голодные. У моего *Петра Іоасафовича* вседневный споль былъ обѣдѣнье: вина Французскія цѣльныя, рыба живая, дичь свѣжая; скашертъ и салфетки какъ снѣгъ, приборы какъ зеркало; слуги были одѣты опряшно, безъ золошыхъ галуновъ, въ чѣрныхъ фракахъ, а не въ длиннополыхъ сертукахъ; въ бѣлыхъ шейныхъ платкахъ, а не въ пестрыхъ набойчашыхъ; безъ грязныхъ ногшей, безъ встопорщенныхъ дѣбомъ волосъ; въ сапогахъ, свѣтло нанѣрпныхъ ваксою, а не въ рыжихъ съ за-

(*) Само собою разумѣется, что Г. Неудивленевъ проповѣдываль свои правила по Французски, а Г. Демокритовъ перевѣль ихъ, но не могъ выразить, даже и съ пособіемъ Г. Кораблнцскаго, силу и пружинность (l'énergie) подлинника. Для любопытныхъ, здѣсь его прилагаемъ:

Tout ce qui révèle une économie est inélegant.

*

L'économie ressemble à l'huile, qui donne de la souplesse et de la douceur aux roues d'une machine: il ne faut ni la voir, ni la sentir.

платами; проворны, а не суеспливы; вѣжливы, а не олухи. Однимъ словомъ: у него вездѣ царствовала проспоца, чистота, красота, соспавляя между собою какую-то таинственную гармонию. Я увѣренъ, что искусство создать её вездѣ и всегда—есть тайна людей, богато-надѣленныхъ чувствомъ изящнаго.

Еще нѣсколько словъ о добродѣтеляхъ усопшаго. Немногіе Дипломаты; немногіе Царедворцы могуць похвалиться такою обдуманною разборчивоспю въ пріемъ гостей и людей, имѣвшихъ до него надобность. Онь выбѣгаль къ однимъ въ офиціантскую, другихъ принималь въ гостиную; пѣхъ, кои покороче, въ своемъ кабинетѣ; родныхъ и друзей въ кабинетѣ, или въ маленькой гостиную Княгини, супруги своей. Для каждого часа дня, для каждого, можетъ бытъ, индивидуального сущеспва надѣваль онь особый коспномъ. Офиціанты его такъ были намѣтаны, что мнѣ, въ продолженіе двадцати-семи лѣтняго нахождения при особѣ его, ни разу не случилось видѣть, чтообы они ошиблись въ имени, опечеспвъ и фамилии того, кто прѣѣхаль, или къ кому были зачѣмъ нибудь посланы. Знаю, коликихъ трудовъ спойло покойному пріучить ихъ къ такой акуратности. И споль многохлопотливую жизнь называютъ многіе праздною, бесполезною?

Злословіе свой ядъ на нми мудрыхъ лѣптъ;

Не судите ни о комъ разсудокъ безпристрастный.

Не хочу однако же приписывать моему благодѣтелю достоинствъ, коихъ онь не имѣль. *Петръ Іоасафовичъ* не могъ бы начальспивовать армію, какъ *Тюренъ*; распоряжась казною, какъ *Кольбертъ*; бытъ такимъ тонкимъ дипломатомъ, какъ *Талейранъ*; но съ честною и блескомъ могъ бы исправлять должность Оберъ-Церемоніймейстера при Дворѣ *Лудовика XIV*.

Пусть спленики вопяптъ! Душа моего покойнаго благодѣтеля, я увѣренъ, водворена въ рай: ибо онь не былъ эгоистомъ. Эгоистъ живетъ для одного себя, свѣпекій человекъ для другихъ; первый не довольспивуется за обѣдомъ первымъ мѣспомъ, онь спарается занять пири; придвигаептъ къ се-

бъ любимыя кушанья—и, не глядя ни на кого, очищаетъ все до дна; послѣдній полагаетъ, что рѣдкія блюда, лакомые куски на блюды, принадлежапіе гостямъ его. Эгоистъ въ каретѣ — занимаетъ большое мѣсто; въ ложѣ — высовываетъ голову, не заботясь видно ли другимъ; громко разговариваетъ, не обращая вниманія на то, что мѣшаетъ другимъ слушать актеровъ. Человѣкъ хорошаго тона уступаетъ свое всякому и садится на послѣднемъ; въ ложѣ боится заслонить сцену. Онъ не считываетъ своею собственностью вещей, кои въ его домѣ къ услугамъ всѣхъ посяпителей. Онъ не бѣднѣетъ, замѣпивъ, что *Вѣтрогонниковъ* засалилъ напомаженною своею головою его шелковые обои, только что изъ Парижа привезенные; не ахаетъ отъ ужаса, если какой нибудь модный негодяй нарочно грязными сапогами испортилъ его Англійскій коверъ, или разорвалъ шпорою прелестную ткань дивана въ будуарѣ. Онъ перепѣливо дослушиваетъ до конца безконечныя рассказы сплетника, пошное стихотвореніе *Хлыстова*. Вы увидите, Милостивыя Государыни и Милостивыя Государя, что человѣкъ хорошаго тона есть человѣкъ хороший. Правда, онъ не подаетъ милостыни пьянымъ, развратнымъ нищимъ, но ободряетъ промышленность, оживляетъ торговлю. Избивая экипажи, портя лошадей, переспировавъ дома, изрѣзывая въ куски Турецкія шали, покупая дорогой хрусталь, фарфоръ, бронзы, карпины, статуи, онъ доставляетъ насущный хлѣбъ ремесленникамъ, довольство художникамъ; разсыпаетъ между просиымъ народомъ червонцы, копорыя заржавѣли бы въ сундукахъ его.

Расходная записка времени.

Хотя и при жизни своихъ достопочтенныхъ родителей, молодой *Неудивленевъ* уже былъ введенъ въ большой Свѣтъ и представленъ родственникамъ и знакомымъ; хотя съ молодыхъ ногней еяшо наблюдалъ священные предписанія моды, ѣздилъ къ значнымъ съ поздравленіями въ шоржеславенные праздники, къ почешной роднѣ въ дни ихъ именинъ и рожденія, развозилъ на чепверкъ ямскихъ визитныя карточки съ написну-

тую золопыми гошическими лшперами своего фамиліею, панцовалъ до упада на балахъ, имѣлъ въ первомъ ряду годовыя кресла, однако же, завися отъ воли отца и матери и—обучаясь еще верховой ѣздѣ, панцованью и фехтованью—онъ не игралъ независимой роли Свѣтскаго человѣка. Потому-то мы и начинаемъ нашу хронологію, по прошествіи годичнаго праура по усопшимъ его родителямъ, и именно, со дня, въ который получилъ онъ отставку.

Всей Свѣтской жизни покойнаго *Неудивленева* было . . . 43 года, 5 мѣсяцовъ и 13 дней. Это составляетъ съ высокосными: 15,869 дней, или 380,856 часовъ.

Петръ Іоасафовичъ имѣлъ привычку ложиться спать въ 2 часа за полночь, просыпаться въ 11; послѣ обѣда дремаетъ, иѣжится, потягивается 2 часа: итого, ночью и днемъ во снѣ имъ проведено 174,559 часовъ.

На завтракъ, куреніе табаку и шуалетъ употреблялъ по 2 часа, ш. е. отъ 11-ши до часа за полдень. Это дѣлаетъ. . 31,678 — —

Въ часъ онъ выѣзжалъ со двора посполно и до самаго обѣда, который подавали въ 5 часовъ, развозилъ визиты, отшѣдывалъ варенья, сыръ, сельдей, кушалъ усприцы, закушалъ фрукты, ѣздилъ по моднымъ магазинамъ выбирать жецъ сюрпризы, по мѣняльнымъ лавкамъ, въ театръ на пробу, смотрѣлъ заморскихъ звѣрей, крокодиловъ, попугаевъ, колибри, панорамы, діорамы, восковыя фигуры, собакъ, копорыя обыгрываютъ людей въ пикетъ, обезьянъ, кои обыгрываютъ ихъ въ шахматы, великановъ, карлицъ, уродовъ; иногда гулялъ по Тверскому бульвару, по Кремлевскому саду, по шелковымъ берегамъ Прѣсенскихъ прудовъ, а въ большіе праздники ѣздилъ къ обѣднѣ. На снѣ, ешоль разнообразныя занятія издерживалъ онъ ежедневно по 4 часа; это скупое для ешоль широко-разселеннаго города, какъ Москва, и не составляетъ болѣе. . 63,446 часовъ.

За обѣдами израсходовано . . 31,678 — —

Послѣ обѣда, если онъ намѣренъ былъ ѣхать въ театръ: то прямо изъ за-стола

бросался въ карету, дремалъ дорогою — и во все продолженіе спекпакля, а какъ выше уже введено въ расходъ по два часа въ супки на отдыхъ и нѣгу: но здѣсь включашь ихъ впорично не слѣдуетъ.

Въ театръ, на публичныхъ гуляньяхъ, или развасясь въ Волшерскіихъ креслахъ; занимая своихъ гостей, или играя съ попугаемъ и москвою, дразня Француза учителя 1812 годомъ, *Неудивленевъ* расходовалъ оишь 7 часовъ до 9-ти вечера.

Оишь 9-ти вечера до 2-хъ за полночь, посвящалъ онъ Англійскому клубу, Благородному собранію, праздникамъ, баламъ, вечеринкамъ у себя или въ гостяхъ, прогулкамъ за городъ, визидамъ. На все сіи веселости вмѣстѣ 5 часовъ въ супки — суцая бездѣлица! Въ 43 года бросилъ онъ шолько . . . 79,355 часовъ.

И шого . 380,856 — —

Само собою ясно, что мой герой не могъ быль непрерывно здоровъ: онъ или самъ заболѣвалъ, или оставался дома для больной супруги; иногда засиживался въ гостяхъ долѣе обыкновеннаго. Спраспную педѣлю говѣлъ, слѣдспвенно, тогда измѣнялся его образъ жизни; но всѣхъ сихъ часовъ выходилъ безконечно малое количество.

З а к л ю ч е н і е .

Отдавъ долгъ благодарности моему покойному благодарному, попрошу коренныхъ Пепербургскихъ жителей не сомнѣваться въ истинѣ сей крапкой біографіи. Я согласенъ, что имъ шрудно мнѣ повѣришь: въ Пепербургъ почти совсѣмъ нѣшь людей праздныхъ; шолько въ блаженной Москвѣ извѣспенъ сей образъ жизни. Между шамошними жителями мой *Неудивленевъ* не возбудишь удивленія.

С Л О В Е С Н О С Т Ь .

Р О С К О Ш Ь .

Изъ преданій, сохраненныхъ для насъ Историками, можно видѣшь, какое чрезвычайное различіе послѣдовало въ роскоши съ печеніемъ времени. Писавшій Исторію Карла VI, Короля Французскаго, увѣряетъ, что во дворцѣ сего Государя не было никакой

другой мебели, кромѣ деревянныхъ кресель. Не смотря на шо, все говорили тогда о пышности Двора и о неумѣренной роскоши.

Довольно любопышно также видѣшь сравненіе тогдашнихъ цѣнъ вещамъ съ нынѣшними. Изъ оищета о расходахъ Королевскаго Двора за 1302 годъ, явспвуемъ, что полная обмундировка Нажа спѣдила 107 су; плащъ Шпашель-Дамы 8 ливровъ; Фрейлины, обходилось впроее дешевѣе, а Камеръ-Фрау, въ 58 су. Порфира, въ кошпору являлся Филиппъ-Августъ во время Пасхи, спѣдила 26½ ливровъ; теплая одежда, кошпору Короли надѣвали въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, 8 ливровъ; шунки, каждая по 20 су; полошно для сорочекъ знатнымъ дамамъ покупалось по 1 су 8 динаривъ аршинъ. Изъ сего можно заключилъ, что прежде можно было составить весь гардеробъ для придворныхъ дамъ за одну шаль, какія носилъ нынѣ Парижскія мѣщанки.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Куплеты изъ водевиля:

НОВЫЯ ПРОКАЗЫ

или

Тише тѣдишь дальше будешь.

Веселяковъ (Офицеръ.)

Незнаю право я и самъ

За что аресты такъ ругаютъ;

Нехорошо, положимъ, намъ,

Да вѣдь за худо и сажаютъ.

Но на гаубтвахшы попадашь

И подъ арестомъ быль спарашься

За долгъ себя не худо взятьъ

— Тамъ можно отъ долговъ спасться.

Вольникниъ (Князь.)

Вы сами объявили намъ,

Что скоро мы въ походъ сберемъ;

Насъ слава ожидаетъ намъ

И мы на славу подерѣмъ.

Вездѣ *раздоръ* оиашъ пойдешь,

И чтобъ къ нему мнѣ приучилъся,

Такъ я задумалъ напередъ,

Сперва, Сіашельный, — жениться!

С л а в н и т ь .

Военному должно бы было
Всегда женишьбы избѣгать ;
Кого жена ужь побѣдила
Тому шруднѣе побѣждать .
Солдаты живенъ со всѣми дружио ,
Не шерпишь никакихъ обидъ ,
И для него жены не цужно
Покамѣсть онъ не инвалидъ !

А г а п ь .

Ужь я Агапъ даннымъ давно ,
А онъ Агапкой называешъ ,
И спало эшо не равно ,
Когда онъ съ мальчикомъ равнелъ .
За шо работу я мою
На два разряда разделяю :
Я за *болшиова* тѣмъ и пью ,
За *маленькаго* — работаю !

Н а р ц и з о в ь .

Невѣсты не боюся я ;
Меня нарядъ мой увѣряешъ ,
Чшо примушь хорошо меня ;
Вѣдь насъ по плашью принимающъ .

А г а п ь .

Но если къ горю моему
Они въ насъ чшо пибудъ замѣпяшъ ! . .
Тогда по плашью хопъ и *встрѣтятъ* ,
Да ужь *проводятъ по уму* .

КУПЛЕТЫ ИЗЪ КОМЕДИИ-ВОДЕВИЛЬ:

НЕЖДАННЫЙ ЖЕНИХЪ

или

У страха страхъ глаза велики !

К р и в у л ь н ь (*Училиской помя-
щикъ* .)

За силы поручусь свон ,
Меня колдунъ не испугаешъ ;
Я знаю , *гонимъ* мон ,
Его навѣрно — *загоняютъ* !
Но у помѣщиковъ никакъ
Съ нимъ дѣло не доидешъ до драки ! . .
И насъ ошъ эдакихъ-*собакъ*
Оберегающъ здѣсь *собаки* !

Б а р о н ь Т р ю ф л и н ь .

Одинъ блаженство въ помъ находить
Въ кругу друзей чшобъ вѣчно жить ,
Другаго жизнь въ игръ проходить ,
Съ друзьями любить претий пить !
Но у меня запѣй немного ,
Я вкуса моднаго держусъ , —
И блюда *выбираю* строго
— Такъ спало мой *отборный* вкусъ !
Любомировъ (*Офицеръ* .)

Я откровенныхъ уважаю ,
Но скрытыхъ право не шерплю .
Т р ю ф л и н ь .

Я откровеннымъ бытъ желаю ,
Но и *сокрытымъ* бытъ люблю .
Любомировъ .

Мы будемъ вмѣстѣ съ нимъ сражашся
И побѣдимъ его какъ разъ ! . .
Т р ю ф л и н ь .

Бы за *меля* хопите драшся ,
Я буду пришащся за *васъ* .

А . Булгаковъ .

L O G O G R I P H E .

Qu'on me laisse en entier, on qu'on me décompose,
Je repands partout la terreur.
Je pars sur mes cinq pieds; qu'à moi rien ne s'oppose;
Les obstacles ne font qu'irriter ma fureur.
Sur quatre encore plus redoutable,
Par d'horribles tourmens je conduis à la mort;
Sur trois, d'un coup inevitable
J'atteins le gueux, le riche, et le faible et le fort.

Въ № 79, помѣщенная шарада значить : *Корвет-та* .

M O D E S .

Nous indiquerons, comme une variation dans la forme habituelle des capotes, celle que nous avons remarquée dans cette soirée. Le gros-de-Naples rose, dont une capote était recouverte, formait des plis sur la calotte : ordinairement l'étoffe y est tendue. Une blonde, qui semblait servir de lien au bouquet de plumes dont cette capote était ornée, partait de la naissance des plumes, et tombait en éventail sur la forme qu'elle dépassait un peu.

Un chapeau de paille de riz présentait également une disposition non ordinaire. Sa passe avait, sur le bord, un entre-deux de blonde qui retombait en demi-voile sur le devant de ce chapeau, auquel des plumes et rubans bleus servaient d'ornemens.

Nous citerons encore une petite capote de moiré, couleur oiseau-de-paradis, qui attirait les regards par la couleur tranchante de ses rubans. Ceux-ci étaient ponceau, et les nœuds qu'ils formaient avaient, chacun au milieu, un bouquet de paquerettes, vulgairement appelées marguerites des champs. Un de ces bouquets se trouvait placé au haut de la forme, et l'autre sur le côté gauche, au-dessus de l'oreille.

Les canezous en tulle ou en mousseline brodée étaient très-nombreux. Les corsages de ces canezous avaient, pour la plupart, des broderies à colonnes formant la gerbe; beaucoup d'autres broderies figuraient des grecques formées par une suite de pois plus ou moins gros.

Un grand nombre de robes étaient blanches, avec un large rempli surmonté d'une broderie. On y voyait également beaucoup de robes en chaly, et nous avons remarqué que les dessins de ces étoffes étaient généralement plus grands, et qu'ils formaient des bouquets détachés.

Les hommes, en habit, avec ou sans poches, ou en redingote noire, avaient, en grande partie, des pantalons blancs et des gilets de satin noir; les pantalons de couleur et les gilets à fleurs s'y voyaient, mais en petit nombre. Les chapeaux noirs sont repris de plus en plus.

М О Д Ы.

Мы замѣтили въ эпохѣ вечеръ нѣкоторую перемену въ обыкновенной формѣ капюшь. Тулья у розоваго гроденаплеваго капюша не гладко была обшпануша, но матерія положена складками. Блонда, которою, казалось, связанъ былъ букетъ перьевъ, прищипленный къ тульѣ, начиная отъ корня перьевъ, упала опахаломъ на тулью, превышая ее немного.

Баспоявая шляпка также сдѣлана была обыкновеннымъ манеромъ; къ краю поля пришила блондовая прошивка, которая висѣла

спереди на подобіе полу-вуаля; сія шляпка опдѣлана была перьями съ лентами.

Мы упоминаемъ еще объ одномъ капюшь изъ морё, цвѣта райской пшпцы, который замѣненъ былъ, по яркости цвѣта, пунцовыхъ лентъ на него наклонныхъ, въ срединѣ каждаго банпа былъ букетъ полевыхъ маргаритокъ. Одинъ изъ сихъ букетовъ прищипленъ къ верху тульи, а другой на лѣвой споронѣ надъ ухомъ.

Много было тюлевыхъ канзу и вышитыхъ кисейныхъ; лифы у канзу по большей части вышиты столбами, въ видѣ колосьевъ, иныя вышиты были греками (grecques), составленными по произволу изъ маленькихъ или большихъ горошень.

Бѣлыхъ платьевъ, вышитыхъ сверхъ рубца, было весьма много; также и шалевыхъ, и мы замѣтили, что узоры на сихъ матеріяхъ вообще крупнѣе, и все опдѣльными букетами.

Муцины во фракахъ, съ карманами и безъ кармановъ, или въ черныхъ сюртукахъ, по большей части, были въ бѣлыхъ панталонахъ и въ черныхъ апласныхъ жилетахъ; также видны были цвѣтные панталоны и жилеты съ цвѣтами, но мало. Черныя шляпы все болѣе входящъ въ употребленіе.

С М Ъ С Ъ.

Одинъ Философъ сказалъ Египтянамъ, кои оплакивали смерть Аписа: «Если вы почищаете его богомъ: то не плачьте по немъ; если же проливаете о немъ слезы: то не почищайте его богомъ.»

Любомудріе и философія означаютъ на Русскомъ языкѣ одно и то же; спанемъ употребляютъ первое.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе второй части Литер. Прибавленій къ Русск. Языкаду.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 81 и 82.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю каршинами модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ОКТЯБРЯ 10 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Но у людей, къ несчастью, топъ порокъ,
Что имъ съ червонцами мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться спанутъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЕЩЕ ЧУДНАЯ ВЕЩЬ! НЕПОНЯТНАЯ ВЕЩЬ!

Въ 29-мъ номерѣ *Слв. Меркурія*, Издаваемаго господиномъ *Бестужевымъ-Рюлинымъ*, (1831, 9-е Марта, понедѣльникъ) помѣщены стихи на взятіе *Варшавы Графомъ Эриванскимъ*, слѣдовательно пятью мѣсяцами и 18-ю днями прежде событія, на которое стихи сіи написаны.

Чудная вещь!
Непонятная вещь!

Доброжелатели Издавателя *Слв. Меркурія* объясняютъ это чудо тѣмъ, что 29-й номеръ сей газеты вышелъ немножко позднѣе означеннаго на немъ числа; а именно, однимъ только полугодомъ!!!

Чудная вещь!
Непонятная вещь!

Побрякушкинъ.

БЕЗЪ ХВАСТОВСТВА СКАЗАТЬ! (*)

(Разговоръ о Русскихъ Журналистахъ).

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ квартирѣ Коллежскаго Советника Подсильнова.

Ротмистръ *Грамотный*, бывшій въ Турецкихъ походахъ 1828 и 29-го, а потомъ пропавъ Польскихъ мѣся-

(*) См. Северный Меркурій 1831 года, № 76-й, страница 508, строка 22-я снизу.—К.

никовъ въ 1831 году, человекъ со вкусомъ, любящій отечественную словесность, по немѣвшій въ военное время досуга занимаясь ею, будучи уволенъ въ отпускъ для излеченія рапы, полученной имъ подъ Осиповкою, прѣхалъ въ Пешербургъ прямо къ другу своему *Подсильнову*. Входя въ дорожномъ плащѣ съ подвязанною рукою. Хозяинъ всакиваетъ изъ за-письменнаго сѣрла и бросился въ его объятія. Послѣ первыхъ воспоговъ и взаимныхъ вопросовъ о здоровьѣ, о знакомыхъ, о жипьѣ бытѣ, и пр. начался между ними шже слѣдующій разговоръ, или краснѣе изречи: *бесѣда* о Журналистахъ и Газетчиккахъ.

Ротмистръ Грамотный.

Лѣта не охолодили ли спраспи пвоей къ театру? Каждый ли день, идучи въ свой Департаментъ и возвращаясь отсюда, заходишь ты къ *Вульффу*, въ кофейный домъ *Липерашоровъ*, гдѣ во время оно часто находили мы *Пушкина*, *Баратынскаго*, *Плетнёва*, *Дельвига*, *Иллитевскаго*. Занимаются ли шибя по прежнему чернилопролиная война между Журналистами?

Самохвальство, самопадѣянность на свои таланты, спѣсь передъ маломощными, дошла у вѣкошорыхъ изъ нихъ до высочайшей сщепени. Мнѣ сказывали въ арміи, что есть измѣнники здравому смыслу, предавали чистаго вкуса, имѣющіе цѣлью ловить въ мушкетной водѣ рыбу и поживиться около легкомысленной Публики. Меня увѣряли, будто есмь

друзья-Липераторы, коихъ сердца связаны паутиною.

Подсмѣяновъ.

Отгаси! Нечего грѣха паишь.

Ротмистръ Грамотный.

Здравствуетъ ли *Н. И. Грець*, спарѣйшина Русскихъ Журналистовъ, спрогий оцѣнщикъ книгъ, законодатель нашего Парнасса?

Подсмѣяновъ.

Благодареніе *Аполлону*, сохранившему его отъ холеры, живъ, здоровъ, издаетъ *Съверную Пчелу* и *Сына Отечества*, сочиняетъ другой романъ, который вѣрно будетъ хорошъ, судя по первому. Но онъ уже не предсѣдатель Парнассакаго суда!

Ротмистръ Грамотный.

Николай Ивановичъ *Грець*, сочинилъ прѣхъ опмѣнно принятыхъ Россійскихъ Граматикъ, хорошей *Учебной книги, Исторіи Русской Литературы*, доставившей ему Европейскую извѣстность, заманчиваго, чиснымъ слогомъ написаннаго романа: *Потѣзка въ Германію*, шесть лѣтъ издающей *Съв. Пчелу*, осмнадцать лѣтъ *Сына Отечества*? Не вѣрю!

Подсмѣяновъ.

Твое сомнѣніе обидно, *Ома* невѣрный! Вишь я никогда еще не рассказывалъ тебѣ ни о Римскихъ огурцахъ, ни о галионѣ, который остановился на крыльцѣ во время Петербургскаго наводненія, ни о мленикѣ-Аспрономѣ: по какому же праву ты не вѣришь мнѣ?

Ротмистръ Грамотный.

Пусишь такъ!... *А Воейковъ*, который въ продолженіи десяти кампаній храбро сражался съ *Съв. Пчелою, Съв. Архивомъ, Сыномъ Отечества*, не ужели бѣзъ боя успунилъ первенство повичку въ ремеслѣ журнальномъ?

Подсмѣяновъ.

Новичку! Новичку! Да эптошъ -новичокъ запквѣтъ за поясъ прѣхъ хилыхъ спаричишекъ. Послушалъ бы ты его. Новичокъ! такъ ворчали спаричишки, когда Директорія рѣшилась послать *Наполеона* въ Ипалію

командовать армією. «Я їду молодъ, а возвращусь спарикомъ!» опвѣчалъ онъ.—*Наполеонъ* нашей журналистики, хопя не завоевалъ Рима, но за то написалъ *Марью Властьевну Толскую* въ спискахъ. Эпо одно твореніе спсичишь всѣхъ двадцати-пяти-лѣтнихъ прудовъ *Грега*, въ кошорыхъ видна ученость, начипанность, умъ, вкусъ—да и полько!

Мой, ис учась учѣнъ, какъ придетъ въ восхищеніе.

Ротмистръ Грамотный.

Маіоръ *Сілановъ*, съ кошорымъ мы нечаянно сполкнулись въ главной кварширѣ покойнаго Фельдмаршала *Дибига*, сказывалъ мнѣ, что почти всѣ новички-Издатели опаздываютъ: пивой хвалѣный не въ ихъ ли числѣ?

Подсмѣяновъ.

Отгаси! Въ минувшемъ году онъ не додалъ сущую бездѣлку—15-ти нумеровъ; въ нынѣшнемъ задержалъ совершенную малоспъ—75 лиспковъ изъ 156-ти. За то, какъ неупомимъ, какъ прилѣженъ, какъ дѣяпеленъ!

Всѣмъ нашимъ Авторамъ—его въ примѣръ я ставлю!

Ротмистръ Грамотный.

Въ эпомѣ я не смѣю сомнѣваться. Но, признаюсь, для меня неизъяснимо, непоспижно, какъ случился таковой великій переворотъ... *А Булгаринъ*, который въ самой короткій срокъ испышалъ, что Публика еспи рѣзвый ребѣнокъ; слѣпо прельщается всякою новоспью, всякою спранностью, и даже уродливостью; кричишь, сердился, хвалишь, бранишь, смѣешься, плачешь безочѣпно, и что «въ то же время, эпо сущесивно зрѣлаго возраста, умное, глубокомысленное, отличчающее хвалою только испинно—прекрасное, поипчасъ охладбвующее къ невѣрно-понятому, ложному; чувствующее все, что велико и изячно, и спревышающее умомъ и знаніями всякой «высокій умъ и всякое обширное ученіе «частное (*);»—а *Булгаринъ*, горлчій, неуспуничивый, кошораго *Эстерка, Модная лавка (или что есть фасонъ), Военныя шут-*

(*) См. Моск. Телеграфъ. 1831 года, No 8, стр. 538.—*Г. Полевой* между прочимъ: *дулаетъ, что за историческіе романы* *Ф. В. Булгарина*... больше не читаетъ.—*К.*

ки, Знакомство съ Наполеономъ подъ Бауцен-
номъ въ 1813 году, Ужасная ночь, Вѣстиво
Станислава Лещинскаго изъ Данцига, Пере-
ходъ Русскихъ чрезъ Кваркенъ, Приключенія
Уланскаго Корнета подъ Фридрихсбургъ и мно-
гія другія написаны легко, остро, прищипно...
не уже ли?

Подсмѣяновъ.

Увѣхалъ въ Лифляндскую свою деревню.
Онъ смекнулъ, что *Г. Вестужевъ побойтъе*
его (*). Всѣ замолкли. Не говорю уже о той
газетѣ, которая имѣетъ своимъ девизомъ:

Чу, въ дали пустой звѣннѣ

Колокольчикъ звонкой.

Не упоминаю о преспававшемся оиъ хо-
леры *Петербургскомъ Вѣстникѣ*, который
былъ ни рыба, ни мясо; умалчиваю о сен-
сименпальномъ журнальчикѣ, котораго Из-
дашель, въ 1825 году безпощадно атаквалъ
Московский Телеграфъ, прозвалъ его *Болбай-*
скаго Калангою, а въ 1831-мъ находилъ без-
смертныя красоты въ *Исторіи Русскаго На-*
рода. Самый *Телеграфъ* не смѣетъ рша ра-
зинуть противъ Издашеля *Сѣвернаго Мер-*
курія, хотя не разъ оуждалъ блистатель-
ные подвиги *Мишпа* и *Пожарскаго*, *Куту-*
зова и *Растропгина*, не разъ сплился навеснѣ
пускъ на свѣплуню славу *Ломоносова* и *Жу-*
ковскаго, *Каралзина* и *Пушкина*. . . . Чшо я
говорю? Даже самый *Телескопъ*, съ бла-
городною опвагою борющійся съ *Сѣв. Пг-*
лою и *Телеграфомъ*, получившій пшжкія ра-
цы въ упорныхъ съ ними бишвахъ, *Теле-*
скопъ, говорю я, не изломалъ ни одного
копья о мишурную броню *Меркурія*.

Ротмистръ Грамотный.

Всѣ это хорошо, да самъ-то *Меркурій* чшо
сдѣлалъ, произвелъ на свѣпъ *Марью Власье-*
вну?

Подсмѣяновъ.

Написалъ *Краткій памятникъ для моло-*
дыхъ Офицеровъ.

Ротмистръ Грамотный.

Давно забытый, въ которыхъ всего коро-
че здравый смыслъ.

(*) Но 76 Сѣв. Меркурія на 1831 годъ, страница 308,
столбецъ 2, спрока 21-я сверху.

Подсмѣяновъ.

Подарилъ любительницамъ и любительямъ
Отечественной поэзіи *Майскій листокъ* 1824
года.

Ротмистръ Грамотный.

Сухой, жѣлшой, поблѣкшій.

Подсмѣяновъ.

Издаль *Сиріуса*.

Ротмистръ Грамотный.

Безъ лучей, безъ сіянія.

Подсмѣяновъ.

Сочинилъ *Разсужденіе о пѣвцѣ въ станѣ*
Русскихъ воиновъ.

Ротмистръ Грамотный.

Не весьма глубокомысленное.

Подсмѣяновъ.

Обогатилъ нашу словесность стихопво-
реіемъ: *Пѣвецъ среди Русскихъ воиновъ, воз-*
вратившихся въ Отечество въ 1816 году. . .

Ротмистръ Грамотный.

Ограбивъ *Пѣвца на Кремль*, *Пѣвца во*
станѣ Русскихъ воиновъ.

Подсмѣяновъ.

Приношеніе новому 1816-му году. . . .

Ротмистръ Грамотный.

Котораго онъ не принялъ.

Подсмѣяновъ.

На шебя не угодишь. Чего же шебѣ хочется?

Ротмистръ Грамотный.

Мнѣ бы желалось видѣшь какое нибудь до-
казательство ощущаемое, чшо нибудь пе-
чашное понимаешь?

Подсмѣяновъ. (*Подала ему въ ру-*
ки листокъ газеты.)

За эшимъ у насъ дѣло не спанетъ. Въ
214-й спашѣ *Учрежденія о Губерніяхъ* ска-
зано, чшо собственное признаніе лучше
всѣхъ другихъ доводовъ. Читай же, чшо на-
писалъ самъ о себѣ скромный *Михаилъ Алек-*
сѣевичъ Вестужевъ-Рюминъ.

Ротмистръ Грамотный. (*Взлел листокъ,*
читаетъ громко.)

«Сѣверный Меркурій, Но 76. Смѣсь. Нѣ-
чшо въ родѣ хамелеонисшики. *Сѣверный Мер-*

курій, безъ хвастовства сказать, держитъ въ когтяхъ своихъ периодическія изданія, и побойте Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду.» (*)

Подсмѣяновъ.

Что ты на это скажешь? Каково?

Ротмистръ Грамотный.

Безъ хвастовства сказать!

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛОРВИЛЕВЫ ВЕЧЕРА.

УПРАВИТЕЛЬ.

Если бы мы имѣли полную Исторію записки, начиная отъ Канны до нашихъ временъ, то мы не нашли бы въ ней ничего, кромѣ убійствъ и злодѣній.

Аддисонъ.

Лордъ Эдвинъ Сиднамъ только что лишился матери; предавшись отчаянію, онъ едва не впалъ въ чахотку; онъ примѣчно испывалъ отъ мученій сыновней любви, которая въ первый разъ присвоила себѣ права другой любви.

Оставшись въ двадцать лѣтъ сиротою и наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, украшенный талантами знаменитыхъ предковъ и превосходными дарованіями, открывающими путь къ важнѣйшимъ мѣстамъ въ Государствѣ, Эдвинъ около полугода помился безуспѣшною скорбію. Въ это время одинъ изъ поварней, съ которымъ онъ учился въ Университетѣ, прибылъ въ его замокъ. Всякой на мѣстѣ Сиръ Ричарда Ольдней наскучилъ бы безпреспанными опказами слугъ Лорда Сиднама. Имъ строго запрещено было отъ своего господина допускать къ нему посѣщителей. Одинъ изъ нихъ выгнавъ былъ изъ замка за то, что позволилъ войти въ паркъ Лорда нѣсколькимъ постороннимъ людямъ. Случай сей подѣйствовалъ на прочихъ служителей столь сильно, что всѣ просьбы и подарки Сира Ричарда оставались тщетными.

(*) См. справку 308-ю, столбецъ 2-й, строку 18-ю и слѣдующіе сверху.

Не довольствуясь симъ, онъ спрашиваетъ, живъ ли еще старый губернёръ, котораго съ Эдвиномъ находился въ Оксфордскомъ Университетѣ? Ему отвѣчаютъ, что старикъ сей никогда не оставялъ Милорда и живетъ въ одномъ изъ павильоновъ, прилегающихъ къ замку, гдѣ воспитанникъ каждый день посѣщаетъ его, прилагая объ немъ нѣжнѣйшія попеченія; ибо бѣдный Диксонъ разбитъ пераличемъ. «Опведите меня къ сему почтенному старику, подхватилъ Сиръ Ольдней, онъ вѣрно узнаетъ меня и постарается сблизить меня опять съ своимъ воспитанникомъ.» Какъ друзья Диксона имѣли свободный входъ въ его павильонъ, то Сиръ Ричардъ безъ труда введенъ былъ къ старому губернёру; онъ узналъ отъ него, въ какомъ безуспѣшномъ состояніи находится его любезный Эдвинъ; Диксонъ обѣщавъ всѣми силами содѣйствовать Сирю Ольдней, чтобы исцоргнуть друга его отъ мучительной горести и удалить его отъ этого мѣста, гдѣ все пипало оную.

Невинная хипрость дружбы рѣдко бываетъ неудачна; ибо зная напередъ, что простятъ ее, и чувствуя чистоту своихъ намереній, чуждыхъ всякой личности, другъ дѣйствуетъ гораздо отважнѣе и вѣрнѣе. Успѣхъ превзошелъ ожиданія Ричарда. Эдвинъ, тронутый участіемъ своего друга; котораго пожертвовалъ всѣмъ, дабы подать ему утѣшеніе, не въ силахъ былъ долго пропивиться убѣжденіямъ дружбы.

Сиръ Ричардъ приказавъ приготовить все къ продолжительному путешествію, и Эдвинъ предался его волѣ, не спрашивая даже, въ какую часть свѣта намеренъ онъ ѣхать. Онъ удалялся отъ могилы своей матери, единственнаго друга, котораго понималъ его, и потому для него было все равно, какое бы ни избрали мѣсто для его изгнанія; не смотря на сіе жестокое равнодушіе ко всему, что не имѣло отношенія къ его горести. Прекрасное небо Италіи перемѣнило однако мрачное расположеніе Эдиновой души.

Едва Лордъ Сиднамъ переступилъ Альпы, какъ видъ сихъ яросныхъ попоковъ, сихъ горъ, увѣчанныхъ вѣчными снѣгами, сихъ явленій, представляющихъ Природу во всемъ

ел величій, заставилъ его забыть собственное состояніе. Находясь вблизи сихъ громадъ, человекъ чувствуетъ себя столь малымъ, что исчезаетъ въ собственныхъ глазахъ, подобно какъ въ глазахъ пастуха, которой съ вершины скалъ силился усмотрѣть насъ въ долинѣ.

Прибывъ по окрестности Рима, Эдвинъ еще живѣе почувствовалъ свое ничтожество. Какая грусть не разсѣется при видѣ сей бесплодной пустыни, оставшейся опъ всемирной Имперіи.

Пребываніе въ Римѣ не имѣетъ такой пріятности для людей, убитыхъ поскою, ибо все здѣсь папаетъ ихъ задумчивость: слава, безпокойное правленіе, угрожающая бѣдность, невольна приводящъ въ уныніе путешественника, возбуждая въ немъ столько же воспоминаній, сколько опасеній. Ричардъ вскорѣ замѣнилъ, что жизнь въ Римѣ, вмѣсто того, чтобы возстановить здоровье Эдвина и возвратить его Свѣту, умножила только его спраданія и уничтожила всю пользу, которую могло принести ему путешествіе.

Ожидая болѣе опъ Неаполя, его очаровательныхъ окрестностей и благословеннаго климата, вдыхающаго радость, Ричардъ объявилъ Эдвину, что важныя дѣла заставляющъ его немедленно туда отправиться, и другъ его охотно за нимъ последовалъ.

Камердинеръ Лорда Сиднама посланъ впередъ съ порученіемъ, выбрать лучшую квартиру на Шіайѣ. Лордъ такъ былъ доволенъ его выборомъ, что невольно улыбнулся опъ удивленія, вышедъ на балконъ своего новаго жилища, откуда открывался прелестный видъ на море, покрытое бѣлыми парусами, усѣянное смѣющимися островами и повелеваемое Везувіемъ. «Наконецъ нашли мы убожище, гдѣ можно отдохнуть!» вскричалъ Эдвинъ въхавъ въ Неаполь. Въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро ощутилъ благодѣтельное вліяніе климата, такъ что каждое утро могъ дѣлать дальнія прогулки верхомъ. Ричардъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что другъ его постепенно привязывался ко всему, что только поражаетъ воображеніе въ сей странѣ чудесъ; но Ричардъ скрывалъ въ сердцѣ радость, доставляемую ему счастливою пере-

мѣною Эдвина. Такъ, самыя чистыя, самыя возвышенныя чувствованія не бывающъ безъ примѣси нѣкотораго тщеславія: мы не охотно принимаемъ утѣшенія въ скорби, которую почитаемъ вѣчною; для сего-то Ричардъ старался только доставлять на каждой день новыя развлеченія любезному своему Эдвину, не показывая вида, будто бы онъ переспалъ о немъ сожалѣть.

Ободренный симъ расположеніемъ Эдвина, Ричардъ предложилъ ему возвратиться въ Свѣтъ, но опытъ сей произвелъ совершенно противное дѣйствіе; Эдвинъ возвращался домой изъ блестящихъ обществъ столь печальнымъ, что онъ просилъ Ричарда впредъ не брать его съ собою, предоставляя себѣ удовольствіе слушать разсказъ друга о томъ, что болѣе всего занимало его въ собраніяхъ.

Въ одинъ вечеръ, когда Ричардъ былъ въ концертѣ у супруги Австрійскаго Посланника, Эдвину вздумалось погулять по террасу, примыкающему къ двору того дома, въ которомъ онъ жилъ. Пріятный запахъ померанцевыхъ деревьевъ, журчаніе ключа, который изливался близъ Эдвина, заставили его сѣсть на скамью посреди цвѣтовъ, равно украшающихъ въ сей странѣ и кровь бѣдняка и террасу черпоговъ. Оживленный балзамическими испареніями распѣній и пишиною Италіанской ночи, онъ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ постигло его несчастіе, предался сладостнымъ мечтамъ. Грусть объ одиночествѣ, о невозможности повѣрить свои воспоминанія родной душѣ, осуществило, такъ сказано, мечту его безъ предмета; онъ создалъ для себя любимый идеалъ, желая бесѣдовать съ нимъ и особенно отвѣчать на его вопросы.

Взоры его, обращенные къ звѣздному небу, казалось, искали тамъ образа, о коемъ онъ мечталъ, какъ вдругъ они поражены были яркимъ свѣтомъ. Терраса соседняго дома озарилась; множество пшичекъ; заключенныхъ въ золотыхъ сѣткахъ, вспрепенулось; обманутыя внезапнымъ блескомъ, инныя изъ нихъ запыли. Вскорѣ попомъ явилась женщина подъ покрываломъ, которая спускала опершись на подножіе спатуи, украшавшей сей висячей садъ. Она долго оставалась неподвиж-

ною на одномъ мѣстѣ; но вдругъ запретила и поропливо обернулась къ окну, откуда происходили гармоническіе звуки. Появленіе молодой и прекрасной женщины посреди цвѣтника, и воображающей слышать звуки арфы, осуществило мечту Эдвина; онъ нимало не удивился, когда къ ней подошли двое другихъ людей, и одинъ изъ нихъ подавъ ей руку, почтительно проводилъ до воротъ, ведущихъ къ террасу. Въ мѣстѣ съ удаленіемъ ихъ исчезъ и свѣтъ; Эдвинъ былъ въ недоумѣніи, считалъ ли ему все сіе за игру воображенія. Онъ конечно провелъ бы остатокъ ночи въ ожиданіи возврата милаго призрака, еслибы приходъ Сира Ричарда не извлекъ его изъ задумчивости. Пожуривъ своего друга, за то, что онъ въ ожиданіи его, не ложился еще спать, Ричардъ началъ рассказывать о проведенномъ имъ вечерѣ и съ воспоргомъ перевозносилъ превосходное соединеніе рѣдкихъ артістовъ, бывшее у супруги Посла, очень сожалѣя, что Эдвинъ не слышалъ сего удивительнаго концерта. Онъ даже упрекалъ самаго себя, что не уговорилъ его идти на вечеръ, не смотря на его отвращеніе отъ свѣтскихъ забавъ, и полагалъ навѣрное, что задумчивость друга его происпекаетъ отъ прежней причины.

Не желая обманывать своего друга, Эдвинъ оставилъ его въ заблужденіи; не въ силахъ будучи изъяснить собственныхъ чувствъ, онъ молчалъ. Подобныя ощущенія имѣютъ особенную пріятность, которая исчезаетъ при всякомъ выраженіи. Нѣжная душа предчувствуетъ, что одно слово, малѣйшее размышленіе можетъ разрушить очарованіе, которое осуществляетъ надежда, а страхъ дѣлаетъ сомнительнымъ.

Между тѣмъ Лордъ Эдвинъ, неперенѣливо желая знать, кому принадлежитъ сосѣдній домъ, поручилъ своему камердинеру осведомиться о семь; послѣдній не замедлил извѣстить его обо всемъ, что онъ могъ узнать отъ своего хозяина и нѣкоторыхъ сосѣдей.

«Этотъ домъ, котораго вы видите опсюда самую худшую часть, принадлежитъ старинной фамиліи Герцоговъ Фіорамонте; гово-

рятъ, что въ немъ находится отличная картинная галлерей, которая составляетъ единственное достояніе владѣльцовъ ея, съ тѣхъ поръ, какъ старый Герцогъ Фіорамонте, приславъ къ сторонѣ другаго Короля, въ надѣждѣ сохранить свое имѣніе, потерялъ оное при возвращеніи нынѣшняго Государя. Если вамъ, сударь, будетъ угодно, прибавилъ Жоржъ, то не прудно приобрести за дешевую цѣну нѣсколько картинъ или статуй изъ сего драгоценнаго собранія: нацѣ хозяинъ имѣетъ порученіе предлагать о покупкѣ ихъ своимъ постояльцамъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они никому не открывали насильящаго ихъ владѣльца: ибо Италіанскіе вельможи считаютъ за большой стыдъ продавать рѣдкія произведенія искусствъ, сколько лѣтъ украшающія ихъ чертоги.»

— Безъ сомнѣнія, я готовъ купить нѣсколько изъ сихъ произведеній, отвѣчалъ Эдвинъ съ живостью; но прежде всего нельзя ли видѣть ихъ?

— «Я думаю, что можно; однакожь я узнаю прежде отъ управителя Герцога Фіорамонте; онъ часто бываетъ по вечерамъ у Синьора Ринальдо, и мнѣ не прудно.» . . .

— Нѣтъ, лучше предоставъ это самому Ринальдо; онъ сдѣлаетъ сіе безъ всякаго шума, такъ что не догадается ни старый Герцогъ, ни его служитель; я знаю, какую важную роль играютъ здѣсь домоправители; они обыкновенно властвуютъ надъ своими господами.

— «Ваша правда сударь; этотъ домоправитель говоритъ не иначе, какъ наша галлерей, наши палаты, наша *bella fanciulla*.» . . .

— О комъ вы говорите? спросилъ съ жаромъ Эдвинъ: не о той ли особѣ? . . . Онъ вдругъ оспановился, боясь измѣнить себя.

— «Вы угадали, сударь: я говорю о дочери Герцога Фіорамонте, вѣтренной попеченіямъ его и старой гувернантки. Говорятъ, что она прелестна, какъ Ангель; но сіи два Аргуса такъ строга за нею присматриваютъ, что нельзя обмануть ихъ бдительность. Синьоръ Ринальдо утверждаетъ, что всѣ дѣвцы знатныхъ фамилій, лишившихся своего состоянія, осуждены здѣсь на уединеніе;

ихъ заранѣе пріучаютъ къ тому, чтобы онъ безъ сожалѣнія вступали въ монастырь.»

—Если можно, завтра же осмотрю я эту галерею, сказалъ Лордъ Сиднамъ. Поспѣрайся переговорить съ управителями: это опять него зависить. — Жоржъ, обрадованный шѣмъ, что господинъ его обнаружилъ въ первый разъ желаніе, поспѣшилъ исполнить оное.

Въ шопъ же вечеръ Жоржъ выждалъ время, въ которое Стефано каждый день выходилъ на крыльцо дома Фіорамонте подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ съ такимъ жаромъ описывалъ богатство своего господина, его щедрость и охоту до картинъ, обольщая Стефано вѣрною покупкою часни галереи сараго Герцога, что старый управитель обѣщаль Жоржу на другой день ушромъ показанъ галерею Лорду Сиднаму.

Попомъ, Жоржъ намекнулъ о прелесной особѣ, которая нѣсколько разъ выходила по ночамъ на шеррасъ Герцогскаго дома. Таинственный видъ его, съ какимъ онъ допытывался, нельзя ли увидѣть ее въ сей драгоценной галереѣ, гдѣ прелеснѣйшія головы Рафаэля и Доминикана не могутъ спорить съ ея головою, скоро открылъ управителю, что дѣло идетъ не столько о покупкѣ картинъ, сколько о любовной интригѣ. Жоржъ примѣпилъ, что брови спарика нахмурились, и онъ принялъ на себя такой видъ, что первый началъ опасаться, не сдѣлалъ ли какой неосторожности; но Стефано, мало по малу успокоясь, спросилъ, когда Лордъ Сиднамъ увидѣлъ прелесную Валерію. Тутъ съ обѣихъ сторонъ посыпались вопросы насчетъ господъ того и другаго: Стефано узналъ по, что ему нужно было знать; Жоржъ также былъ увѣренъ, что онъ принесетъ важнѣйшія вѣсти своему господину, уведомивъ его, что Синьора Валерія столько же пріятна, какъ и прекрасна, и что мысль о скоромъ заключеніи ея въ монастырь, приводитъ въ опчаяніе сараго служителя, который въ младенчествѣ носилъ ее на рукахъ.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СВИДАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

5-й Сонетъ.

—«Тыль это, такъ поздно?»—Зашла я далеко —
Невѣрно луца освѣщала мнѣ даль. — —
—«Грустнлалъ? меня вспоминалалъ?» — Жесткою!
Спроси, о другомъ чѣмъ я думать могла? — —

*

—«Дай сжать твою руку; какъ мнѣ сей мнѣ дорогъ!
Дрожишь ты! чего же?»—Не знаю; въ пошмахъ
Меня все пугаетъ, крикъ шицы и шорохъ;
Ахъ! мы виноваты, коль чувствуемъ страхъ. — —

*

—«Въ глаза погляди мнѣ; взгляни на меня ты:
Не съ эшимъ лицомъ—не такъ смѣлъ виноватый.
Бесѣду ли нашу считаешь виной?»

*

«Сижу далеко; говорю я такъ мало;
Тобой такъ люблюсь, мой Ангель земной,
Какъ будшо небеснымъ пы Ангеломъ спаза.»

Ю. Познанскій

Кіевъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое пльпяло васъ не разъ,
Тогда какъ Вирпуозъ предъ вами оплнчался
И шижный звукъ въ душъ и сердцѣ опзывался.
Послѣднее жъ мы говоримъ шопчасъ,
Когда что свинь повелѣваемъ.
А шъ шолу съ восторгомъ мы внимаемъ;
И шочно славный онъ пѣвецъ.
Узнали—на конецъ?....

В. Шелиховъ.

Въ No 80, помѣщенный логографъ значить: *Orange*.
Въ семъ словѣ найдете вы: *rage* и *âge*.

MODES.

Mme Pasta, Lablache et Rubini avaient attiré la foule à l'ouverture du Théâtre-Italien, et rempli les loges d'un grand nombre de femmes élégantes. On y remarquait beaucoup de coiffures en cheveux, pour la plupart très-simples; quelques-unes cependant

étaient ornées d'un bouquet formé d'une grosse rose entourée de petites fleurs, et placé sur le côté gauche.

Une fort jolie femme avait une coiffure à la grecque, dont les cheveux étaient relevés en bandeau par-devant, et ceux de derrière, tressés en natte, étaient tournés et laissaient s'échapper une fusée de cheveux en tire-bouchons; une sévigné traversait le front.

Une autre coiffure également à bandeau avait les cheveux de derrière nattés et tournés sur le sommet de la tête; un peigne en écaille s'élevait au-dessus de cette natte, de toute la hauteur de son immense galerie.

Les chapeaux, en grand nombre dans cette brillante soirée, étaient en paille de riz, en paille d'Italie, ou en gros-de-Naples moiré; beaucoup étaient ornés de plumes.

Les loges, contre l'ordinaire, offraient peu de bonnets.

Outre le grand nombre de robes en chaly, on en voyait également en organdi et en mousseline. Ces dernières avaient des manches courtes, bouffantes et à plis irréguliers.

Une toilette qui attirait les regards se composait d'une robe de tulle brodé, à deux volans de sept à huit pouces de haut, surmontés chacun d'un entre-deux de broderie. Les manches de cette robe étaient courtes, en béret, et bordées d'une petite ruche de tulle.

La plupart des hommes portaient des cravates blanches et des habits noirs ou bleus. Les gilets étaient ou blancs ou de satin noir. Le plus grand nombre des chapeaux d'hommes avaient les bords fortement relevés sur les côtés.

Pl. No 25. Les costumes les plus usités.

М О Д Ы.

Г-жа Паста, Лаблашъ и Рубини привлекли множество посетителей въ Италіанскій шеапръ, и ложи наполнены были щеголевато-одѣжными дамами. Видно было много головъ, убранныхъ въ волосахъ и, по большей части, весьма прорно; на иныхъ однако были букеты, изъ большой, окруженной мелкими цвѣтами розы, припиченной на лѣвой споронѣ.

Одна, весьма пригоженькая дама, причесана была по Гречески: спереди волосы сдѣланы повязкою, а задніе заплемены въ косу, положены въ кружокъ, откуда висѣло множество локоновъ; по лбу повязано à la Севинье.

Другая дама причесана была также съ повязкою, задніе волосы заплемены и положены въ кружокъ на маковкѣ; высокой черепашовой гребень сверхъ косы.

Шляпки, въ семь блестящемъ собраніи, по большой части были басповыя, Италіанскія соломенные и морс, много съ перьями.

Въ ложахъ, проливъ обыкновенія, мало видно было чепчиковъ.

Кромѣ множества шалевыхъ платьевъ, были также изъ органди и кисейныя; сіи послѣднія съ короткими, пышными рукавами и неправильными складками.

Мы опишемъ нарядъ, привлекавшій всѣ взоры: вышитое пиюлевое платье, съ двумя оборками въ семь или восемь дюймовъ ширины, сверхъ каждой вышитая прошивка; рукава короткіе, сдѣланные берегами, внизу обшипы узенькимъ пиюлевымъ рюшемъ.

Мушвы по большой части были въ бѣлыхъ галстукахъ и черныхъ или синихъ фракахъ. Жилеты бѣлые или черные опланные. Шляпы по большой части съ круто-заворочеными полями на бокахъ.

Кар. No 25. Больше другихъ употребляемые костюмы.

С М Ъ С Ъ.

Общество раздѣляется на два многолюдные разряда: первый составляющъ шѣ, у коихъ болѣе обѣдовъ, нежели апешипа; второю заключаетъ въ себя шѣхъ, у коихъ болѣе апешипа, нежели обѣдовъ.

При сихъ NNo 81 и 82-мъ Литер. Прибавленій къ Русск. Империалу раздѣсая 1-й листъ *Замѣтаний на III томъ Исторіи Русскаго Народа, соч. Н. Полевыль.*—Слѣдующій же за пятъ No 85-й Литер. Прибавленій выдепъ въ будущую Субботу 17 сего Октябрл.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 83.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ОКТЯБРЯ 17 дня, 1831 года.

Кто спорить въ помъ?—Ни что не можешь здѣсь сравниться
Съ блаженствомъ — жребіемъ съ подругою дѣлиться
И видѣть вокругъ себя малопокъ рѣзвыхъ сонмъ,
Которыхъ, въ торжествахъ, мечтаешь быть отцомъ,
Ихъ ласки, суету, домашнихъ уваженіе —
И обморокъ жены при маломъ огорченіи!

Милонковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛЮБИМЦА МАРШАЛЬШИ ЛЮКСАМБУРГЪ,
МАДАМЪ БРИЛЬЯНЪ.

Однажды ввечеру посѣтила меня Маршальша Мирпуа: на лицѣ ея написана была глупокая горесть. «Ахъ! Божѣ мой! сказала я, что съ вами сдѣлалось?»

— «Увы! отвѣчала она жалобнымъ тономъ; я прямо пріѣхала сюда изъ одного дома, пораженнаго печалію. Какая важная потеря! Маршальша Люксамбургъ неупѣшна.»

— «Какъ! вскричала я, ужь не скончалась ли Герцогиня де Лозюнь?»

— «Совѣтъ нѣтъ.»

— «Такъ, Г-жа Буфлеръ?»

— «И шого менѣ.»

— «Кто же умеръ? говорите.»

— «Г-жа Брильянъ.»

— «Вѣрно пріятельница старой Маршальши?»

— «Болѣе, нежели пріятельница, возразила Г-жа Мирпуа; вѣрная подруга ея, наперсница, единственнѣйшій предметъ ея вѣжності, съ нѣхъ поръ... какъ посѣтила ее старость; однимъ словомъ, ея кошка; ну, довольно ли вамъ?»

— «Ахъ, Боже мой! вы меня перепугали. Но что это за кошка, кошорой потеря причинила столько слезъ?»

— «Какъ! вы не знаете Г-жу Брильянъ, по крайней мѣрѣ по имени?»

— «Я въ первый разъ объ ней слышу.»

— «Разговоръ вашъ останется между нами, иначе Г-жа Люксамбургъ придетъ въ бѣшенство. Послушайте, моя милая, чтобы не разсориться съ Маршальшею, вамъ довольно оставить у швейцара ея визитную карточку.»

Я помирала со смѣху.

«Не шумите, прибавила Г-жа Мирпуа; кончина Г-жи Брильянъ есть истинное несчастье для Маршальши Люксамбургъ. Изъ Шантелюна ожидаютъ удѣшительнаго письма; Г-жа Дефанъ будетъ въ отчаяніи; не скоро перестанутъ вспоминать о превосходныхъ качествахъ сего бѣднаго живошного.»

— «По этому, оно было ошлично отъ прочихъ?»

— «Напротивъ, это была самая глупая, несносная и гадкая изъ кошекъ; но все ошличіе ея состояло въ томъ, что она принадлежала Г-жѣ Люксамбургъ.»

Послѣ сего панегирика мы опъ души по-смѣялись съ Маршалъшею.

По прїѣздѣ Короля, я рассказала ему о сей потерѣ и разговорѣ съ Маршалъшею. Лудовикъ XV выслушалъ разсказъ сей съ важнымъ видомъ. Когда я кончила, онъ замѣпилъ: «вошь прекрасный случай исполнить желаніе одного изъ мѣлкопомѣстныхъ дворянъ моихъ, челоуѣка самага честнаго и вмѣстѣ самага глупаго въ моемъ Королевствѣ.»

—Позвольте, Государь, узнать его фамилію! Иначе я не могу опгадать, кого вы разумѣете.

—«Вы большая насмѣшница, подхватилъ Лудовикъ XV. Его фамилія Корбенъ де Шеврольери... Недавно эпомъ доброй челоуѣкъ выпросивъ у меня аудіенцію, разсказалъ мнѣ, что онъ надѣялся жениться на одной богатой вассалницѣ, но родственники ея непремѣнно хошятъ, чтобы онъ выпросилъ себѣ мѣсто Посланника. Я удивился сему требованію. Но онъ прибавилъ, что родители невѣсны люди честные, и гошювы счищаютъ его Посломъ, если только я опсправлю его опъ себя къ кому нибудь для изьявленія привѣтствій. Я обѣщавъ упошребить его, какъ скоро случашя похороны или свашьба въ одной изъ Герцогскихъ фамилій. По чести, я его опсправлю къ Маршалъшѣ Люксембургѣ.»

Эта мысль показалась мнѣ забавною; я позвонила, вошелъ слуга, и я велѣла позвать къ Королю Корбена де Шеврольери. Его опыскали. Является простшой дворянинъ со всею важностію, достойною сакого посольства. Е. В.—во приказалъ ему пошчасъ опсправиться къ Г-жѣ Люксамбургѣ, для изьявленія ей сожалѣнія о кончинѣ Г-жи Брильянъ. Корбенъ вышелъ опъ Короля надменный своимъ посольствомъ.

Впрочемъ, Лудовикъ XV, слишкомъ привязанный къ своимъ вѣрнымъ служилецамъ, черезъ нѣсколько дней пошомъ вознаградила сего дворянина, сдѣлавъ ему значительное порученіе.

Анекдотъ сей разсказанъ Герцогинею де Барри.

СЛОВЕСТНОСТЬ.

ЛОРВИЛЕВЫ ВЕЧЕРА.

У П Р А В И Т Е Л Ъ.

(Продолженіе.)

Оплакивая такимъ образомъ участь молодой барышни своей, Стефано давалъ замѣтить, что онъ готовъ упошребить все средства, чтобы избавить ее опъ вѣчнаго започенія. Мысль сія ободрила Эдвина; не давалъ себѣ опчепать въ чувстввахъ своихъ, онъ думалъ, что слѣдуетъ только движенію состраданія, когда на другой день, сшоя съ Стефано передъ порпиретомъ, который, по словамъ управителя, списанъ съ Валеріи, вскричалъ: «какъ жаль, что сполько прѣлестей должны сокрыться опъ нашего обожанія! Сколько взоръ сей, эта обворожительная красота доставили бы счастья любимому его предмету!»

Одинъ только глубокій вздохъ Стефано былъ опрѣпомъ на сіе восклицаніе.

—«И такъ опецъ ея неумолимъ? прибавилъ Эдвинъ.»

—Онъ думаетъ, что для дочери его всего приличнѣе быть монахинею. —

—«Но если бы представился кто нибудь...» Въ эту минушу Эдвинъ прерванъ былъ раздавшимся надъ галлереею шумомъ. При эпомъ шумъ, произведенномъ будио скорымъ шагами идущаго, Стефано запрепеналъ; онъ бросился къ двери галлерей, попросивъ знакомъ Эдвина подождать его, и пошчасъ исчезъ.

Лордъ Сиднамъ, удивленный уходомъ Стефано, приписалъ это неожиданному прибытію Герцога, и боязни его подвергнуться гнѣву своего господина, за то, что впустилъ въ галлереею чужестранца. Досаду на то, что можетъ навлечь упрекъ бѣдному спарику, Эдвинъ рѣшился уйти до его возврата, съ гнѣмъ, чтобы въ пошъ же вечеръ при-слать ему чрезъ Жоржа подарокъ за его услуживость.

Послѣдній возвратился, обшанный извиненіями и благодарностію управителя. «Спартый Герцогъ не приходилъ, какъ вы, сударь, полагали, говорилъ Жоржъ; шумъ, заславив-

шій Стефано удалиться, происходилъ изъ комнакъ Валеріи; ей сдѣлалось дурно, и старая гувернантка подняла такой крикъ, какъ будто ее зарѣзали.»

— Она больна? вскричалъ Эдвинъ, и Стефано мнѣ ничего не открылъ? Ахъ! Онъ конечно не смѣлъ говорить о спраданіяхъ, причиненныхъ ей спрогимъ заключеніемъ: въ семнадцать лѣтъ, бывъ сполью прекрасною и чувствительною, родясь подъ небомъ, вдыхающимъ любовь; бывъ воспитанною въ черпогахъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь она группы мраморовъ и картины, возбуждающія сіе чувство, и спрашиться впечатлѣній, производимыхъ сими очаровательными предметами; слышаши грозный приговоръ, осуждающій нѣжнѣйшія ощущенія, которыя Природа вложила въ ея сердце; видиши себя преданною ужасной казни; это значиши убить ее! но суетность требуетъ сей жертвы, она должна умереть. Эдвинъ произнесъ послѣднія слова почти съ бѣшенствомъ; которое привело Жоржа въ шрепетъ.

— «Ахъ! Милордъ, не говорите этого бѣдному Стефано, онъ будетъ въ опчальніи, ибо предсказаніе сіе приметъ онъ за голосъ судьбы, а вы конечно не захотите огорчить его несчастіемъ, которое онъ сполько желалъ бы опвратить отъ своей барышни. О, если бы вы знали, какъ онъ говоритъ объ ней, какъ ей преданъ!.. Если бы видѣли, какъ онъ сей часъ сполько съ слезами на глазахъ рассказываетъ мнѣ о своихъ спраданіяхъ, при видѣ ея, невольно подвергающейся спрогимъ правиламъ монастыря, куда скоро должна она заключиться! Вы не могли бы спомтреть на сіе равнодушно.»

— Добрый слуга, сказалъ тихо Эдвинъ; у него чувства гораздо благороднѣе, нежели у его господина. Скажи ему, что завтра упрямъ я надѣюсь спомтреть оснальную часню галлерей.

— «Я не знаю, сударь, можетъ ли онъ прилипнъ васъ;» возразилъ Жоржъ съ видомъ замѣшательства.

— Почему же нѣтъ? съ живостью спросилъ Лордъ Сиднамъ.

«Мнѣ кажется, сударь, что дѣвица Фіорамонше сего дня упрямъ занемогла отъ вашего посѣщенія, и что Стефано опасается.»

— Возможно ли это? Она меня вовсе не знаетъ!

— «Конечно такъ; но она принимаетъ васъ за того, который часно всмапривался въ нее съ своего шерраса, и хотя она не знаетъ вашего имени, даже ничего не слышала о васъ, однакожь Стефано опасается, чтобы не произведи на нее какого либо впечатлѣнія ваши постоянныя наблюденія съ шерраса во время ея прогулокъ. Впрочемъ, я угадываю мысль его, хотя онъ и не говорилъ прямо.»

— По этому нельзя и подышать свѣжимъ воздухомъ, когда надобно опасаться, чтобы сосѣдъ не увидѣлъ тебя изъ окна?

— «Совѣмъ нѣтъ; я знаю, что Стефано сегодня вечеромъ велѣлъ подать себѣ шербешъ въ пипчій павильонъ; но большая разница показывалась издали, или спрѣтись въ самой галлерей и разговаривать.»

— Чшожь за бѣда, если я скажу ей нѣсколько словъ?

— «Ахъ, сударь, не бранише Стефано за то, что онъ спарается удалитъ прелестную Валерію отъ встрѣчи съ вами, которая для нее опасна. Говоряши, что женщина, находящаяся подъ спрогимъ надзоромъ, готова влюбиться въ перваго урода; судите же сами, какъ ей успоитъ противъ прекраснѣйшаго дворянина въ цѣлой Англій.»

Эдвинъ улыбнулся, какъ бы услышавъ самое глупое замѣчаніе; потомъ онъ велѣлъ сказать о себѣ Сиру Ричарду, что не намѣренъ прогуливаться съ нимъ водою, какъ прежде они спговорились.

Черезъ два часа въ павильонѣ показался свѣтъ; раздался звукъ арфы: на сей разъ они сливались съ сладкимъ и нѣжнымъ голосомъ, который пѣлъ стансы Мелпазасіевы, положенныя на музыку Россини. Эдвинъ не сомнѣвался, что это голосъ Валеріи. Ему казалось, что слова доходили до его слуха, выражали жалобы безнадежной любви; онъ увѣрился, что его любилъ; что одно слово его можешъ перемѣнить участь существа, обреченнаго на несчастіе и неволю; въ первомъ

порывъ вѣжнаго участія, онъ написалъ нѣсколько словъ на листкѣ изъ альбома своего, съ тѣмъ, чтобы при первомъ случаѣ поручить Стефано, доставивъ это молодой его барышнѣ.

Эдвинъ жилъ въ Неаполѣ уже болѣе мѣсяца; въ это время Сиръ Ричардъ получилъ письмо, по которому онъ непременно долженъ былъ возвратиться въ Лондонъ. Онъ надѣялся, что другъ его, съ возстановленіемъ здоровья, охотно увидитъ опять свое опечаленіе, гдѣ молодые друзья, большое общество и всѣ выгоды блестящей доли, обѣщали ему самую пріятную жизнь.

«Мнѣ оставишь Иппалію! сказалъ Эдвинъ. Ахъ, другъ мой! не пребууй сего опъ меня: это раскрыло бы всѣ мои прежнія сердечныя раны!»

Печаль, изобразившаяся во всѣхъ чертахъ Эдвина, при одной мысли увидѣть опять мѣста, бывшія свидѣтелями его спрдацій, побудила Ричарда не настаивать въ своей просьбѣ. При томъ, имѣя въ виду одну только пользу своего друга, онъ не могъ не сознаться, что климатъ Неаполи необходимо нуженъ для совершеннаго его выздоровленія, общая Эдвину соединилъ съ нимъ опять, какъ скоро кончитъ свои дѣла.

Если бы опъздъ Ричарда не былъ столь поспѣшенъ, то Эдвинъ безъ сомнѣнія не скрылъ бы опъ друга своего, какое удовольствіе приноситъ ему таинственная переписка съ существомъ, которое называлъ онъ своимъ Ангеломъ-хранителемъ; ибо письмецо, доставленное чрезъ Стефано, послѣ многихъ просьбъ и увѣреній, произвело такое дѣйствіе, какого Эдвинъ не смѣлъ ожидать. Онъ не сомнѣвался болѣе въ любви Валеріи, когда увидѣвъ ее, замѣтилъ сквозь длинное покрывало на груди ея пучокъ цвѣтшвъ, присланный имъ въ тотъ же вечеръ. Впрочемъ опъвъвъ Валеріи соспоалъ только въ двухъ словахъ, которые лишили бы Эдвина всякой надежды, еслибъ только слова имѣли нѣкоторую власть надъ силою взора, или малѣйшею благосклонностью, которая есть уже признаніе въ любви. Она писала къ Эдвину, что судьба ея навсегда рѣшена, прося его не лишать ее твердости совершить свое

назначеніе. Какъ мила эта просьба! и какое счастье не исполнить ее!»

Переписка сія продолжалась нѣсколько недѣль. Лордъ Сиднамъ, коего надежда быть любимымъ возвратила къ жизни, рѣшился посвятить ее счастью Валеріи. Онъ призвалъ Стефано и спрашивалъ его мнѣнія: согласится ли господинъ его выдать дочь свою за одного изъ лучшихъ Англійскихъ дворянъ?

«Я увѣренъ, Милордъ, опъвчалъ Стефано, что Герцогъ предпочитаетъ замужство своей дочери заключенію ея въ монастырь; но мнѣ извѣсна его гордость; онъ никогда не согласится на предложеніе знатнаго человѣка, который женился бы на Валеріи безъ приданого: это значило бы нѣкоторымъ образомъ унизиться, а это для него ужасно. Онъ скорѣе пошлетъ похитителя своей дочери, нежели благороднаго человѣка, которой бы изъ жалости принялъ ея руку.»

— Несчастливая гордость! вскричалъ Лордъ Сиднамъ; могли я стерпеть, чтобы Валерія сдѣлалась ея жертвою? Нѣтъ, если она будетъ согласна, я опмщу за всѣ перенесенныя ею жестокости. Если она вѣрится мнѣ, то я освобожу ее навсегда опъ сего пиранства.

— «Небо конечно даруетъ вамъ успѣхъ», сказалъ Стефано, и старый Герцогъ не заставилъ васъ долго ожидать своего прощенія; ибо нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ доброй души. Если бы дочь его могла наслаждаться жизнью онъ былъ бы счастливейшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. . . Но какъ бытъ увѣрену, чтобы послѣ такого поспука. . . .»

— Развѣ ты не вѣришь моему слову? прервалъ его Лордъ Сиднамъ съ благороднымъ негодованіемъ.

— «Я вѣрю, Милордъ; но вы едва знаете бѣдную Валерію; вамъ извѣсны только красота и несчастья ея. . . .»

— Этого довольно, чтобы жертвовать для нее своею жизнью; съ жаромъ подхватилъ Эдвинъ; но недовольно для того, чтобы склонить ее къ такому предпріятію, которое одна любовь можетъ извинить. Если бы она чувствовала половину того, что я къ ней ощущаю, то я поощаю рѣшился бы на все, чтобы овладѣть ею; но увѣренъ ли

я во взаимной ея страсти, и могу ли предлагать ей счастье, еще не зная, потребуешь ли онаго любовь ея!

—«Вамъ все сіе извѣстно уже, Милордъ, и это меня не оспариваетъ; но я спрошусь послѣдствій подобнаго приключенія: мнѣ надобно напередъ подумать... чшобы въ избытокъ пресупной ревности не навлечь на себя упрековъ...»

—Не опасайся ничего со стороны своего господина, я увезу тебя съ собою; ты будешь обезпеченъ; а когда утихнетъ гнѣвъ стараго Герцога, ты можешь сюда возвратиться.

—«Но вы не вообразите, Милордъ, до какой степени я...» И Стефано, блѣднѣя отъ ужаса, не могъ окончить.

—Успокойся, повторялъ ему Эдвинъ, я одинъ буду виновенъ; на тебя нападутъ, ты во всемъ можешь обвинять меня. О, еслибъ только Валерія ввѣрилась мнѣ, ты уже не спавешь раскаиваясь въ томъ, что предалъ ее въ руки мужа, который долженъ защищать ее отъ отца.

Стефано, побѣжденный такою честию видовъ, общалъ употребить все свое вліяніе на Синбору Христину, чшобы склонить ее къ участию въ благородномъ предпріятіи Лорда Сиднама, и къ сообщенію онаго своей госпожѣ.

Съ какимъ неперпнѣемъ Эдвинъ ожидалъ минушы, въ которую онашь увидитъ Валерію, и какъ сильно забилось его сердце, когда опдернулись занавѣсы въ павильонъ! Но какое горестное чувство смѣнило волненіе надежды! Валерія одѣта была въ прауръ; вмѣсто прозрачнаго покрывала, на ней былъ черный креплъ; наружность ея выражала печаль.

Эташь прауръ ничто иное есть, какъ изображеніе опчаяннаго ея положенія, и служилъ опвѣдомъ на его спросъ. Если бы кто нибудь умеръ изъ родственниковъ Валеріи: то Стефано, извѣщавшій его обо всемъ, что дѣлается въ домъ Фіорамонне, не упустилъ бы увѣдомить его и о семъ происшествіи. Эдвинъ даже не хотѣлъ шептаться въ догадкахъ.

«Она надѣла прауръ для того, думалъ онъ, чшобы извѣстить меня, что она умерла для свѣта; но я клянусь испоргнуть ее изъ могилы, въ которую хопашъ зарытъ ее живую.» Въ испугленіи страсти, раздражаемой столь многими препятствіями, онъ предпринимаетъ самое безразсудное намѣреніе.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ЧЕТЫРЕ НАНТСКИХЪ УРОЖЕНЦА.

Происшествіе, которое мы намѣрены описать, случилось, сколько могу припомнить, въ началѣ революціи, ниспровергнувшей Францію...

Раздача наградъ въ училищѣ Нантской Орапоріи только что кончилась; публика разошлась; остались только памъ и сямъ группы воспітанниковъ и молодыхъ людей изъ Нантеса, кои возобновляли знакомства и заключали истиннѣйшій союзъ старой школьной дружбы... Въ глубинѣ залы, Члснъ Орапоріи, человекъ лѣтъ 28-ми, разсуждалъ съ время молодыми людьми, изъ коихъ спаршему едва ли было 20 лѣтъ отъ роду. Опершись на подножіе скамьи Лудовика XXIV, онъ съ улыбкою выслушалъ описаніе плановъ и надеждъ сей пылкой и безразсудной молодежи.

Это былъ длинный, сухощавый и блѣдный человекъ; глаза у него были на выкатѣ, взглядъ провицапельный, коварная улыбка; словомъ, ни что въ немъ не напоминало о кроткомъ и благочестивомъ оишельникѣ; напротивъ того, лице его было зеркаломъ разгара мірскихъ страстей...

И такъ, мой молодой витія, сказалъ онъ одному изъ своихъ слушателей, коего выразительная физіогномія показывала необыкновенное остроуміе, вы вслунаете въ свѣтъ, и я увѣренъ, что вы не зароете въ землю своихъ талантовъ... — «Да, я желалъ бы ими воспользоваться» отвѣчалъ печально молодой человекъ: «но къ чему послужатъ мнѣ науки? Какое могу сдѣлать изъ нихъ употребленіе, вслунивъ въ космопическій магазинъ моего дяди? Не нужно учиться краснорѣчію, для того, чшобы умѣть дѣлать помалу... Впрочемъ, я чувствую, что я могъ бы избрать

лучшее завяжіе; словесность, науки, вопшь благородное ремесло, вопшь чпо я люблю... Медицина, на примѣръ; да, Медицина, вопшь мой предметъ.»

Въ самомъ дѣлѣ благородное сословіе, подхвалилъ Членъ Орапоріи, превосходная наука для человѣка съ Геніемъ... А вы, прекрасной молодой человѣкъ, прибавилъ онъ обращаясь къ сшапному юношѣ съ пріяпною наружносшью, я бьюсь объ закладъ, чпо вы желали бы бышь чѣмъ нибудь лучше, нежели вы теперъ? — «Я желалъ бы, ошвѣчалъ молодой человѣкъ, сдѣлаться опкущикомъ, чпобы нажить большое сословіе: бышь богашу, какъ это деспно! Имѣшь, помѣсшья, замки, экипажи, слугъ, вопшь верховное благо... Но увы! помѣсшья и замки воздушныя! Меня хоташъ упряпашъ въ прикащики къ торгашу пряними кореньями.» — Терпѣніе, Г. продавецъ свѣчь, опвѣчалъ наспавникъ улыбаясь; возише на пачкахъ свои ящички съ мыломъ; вы еще наживете карепу. Попомъ обращаясь къ сосѣду, сказалъ съ живосшью и увѣренносшью: для этого юноши нужно немного; мы сдѣлаемъ его воиномъ, и онъ будетъ доволенъ. — «Правда;» возразилъ молодой человѣкъ: «клянусь честію, я желаю бышь Офицеромъ, да еще и Шпабъ-Офицеромъ.» — Для чего не Генераломъ? возразилъ Пащеръ съ насмѣшкою.

За симъ продолжалось нѣсколько минушь молчаніе. — «А вы, почтенный Пащеръ, спросилъ въ свою очередь виція, вы хотише оспашься въ евоемъ монастырѣ, опказавшись опъ всѣхъ честолюбивыхъ видовъ, попому только, чпо сердце ваше чуждо всѣмъ радосшямъ жизни?...» — Членъ Орапоріи испустилъ вздохъ; лице его сдѣлалось необыкновенно выразишельнымъ. — «Кпо знаешь, сказалъ онъ, передо мною еще длинный рядъ годовъ...»

Черезъ годъ попомъ, виція вступилъ въ косметическій магазинъ своего дяди; молодой прикащикъ москотильнаго торговца опвѣщивалъ сахаръ и свѣчи; безпечный молодой человѣкъ записался въ волонтерный полкъ; а Членъ Орапоріи продолжалъ изъясняшь своимъ воспитанникамъ Гораціа: *beatus ille, qui procul negotiis.*

Но буря революціи разразилась... Я потерялъ изъ вида сихъ молодыхъ людей... Спустя двадцать лѣтъ попомъ, я встрѣтился уже съ ними въ Парижѣ. Они очень много перемѣнились.

Виція былъ солдатомъ, Студентомъ медицины, попомъ славнымъ Докторомъ, ученымъ Профессоромъ, липераторомъ, писателемъ, переводчикомъ швореній Гиппократа, Членомъ Медицинской Академіи... Имя его было извѣстно уже въ цѣлой Европѣ, и въ послѣдствіи народы Африки и Азіи благоговляли его свѣдѣніа.

Честолюбивый торгашъ пряними кореньями оспавилъ свою торговлю и занялся небольшими поспавками, попомъ сдѣлался спорговцемъ галантерейныхъ вещей, далѣе росповщикомъ, подрядчикомъ, и наконецъ главнымъ поспавщикомъ арміи. Онъ ворочалъ кучами золота; нажилъ помѣсшья, замки, экипажи, имѣлъ цѣлый народъ прикащиковъ, слугъ... ..

Молодой волонтеръ послѣдовалъ за Генераломъ Гошемъ въ Вандею, сражался въ Цирихѣ подъ знаменами Массены, въ Австріи со всѣми знаменитыми Полководцами Европы, въ Іенѣ, на Днѣпрѣ, въ Краонѣ, подъ спѣнами Парижа, при Ватерло... Онъ сдѣлался Графомъ и Геромъ Франціи...

Чпо касается Члена Орапоріи, то онъ попеременно былъ шо несповымъ Орапоромъ клубовъ, шо Депутатомъ конвенша; Проконсуломъ, Посломъ, Министромъ, Сенапсоромъ, Герцогомъ, Римскимъ Губернаторомъ. Позднѣ, онъ свергнулъ шото, кому обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ; сдѣлался распорядителемъ Государства; присталъ къ новому Правительству, и опяшь перешелъ на сторону прежнего своего повелителя; но будучи гораздо сильнѣе его, безъ спрахъ соспязался съ симъ колоссомъ; попомъ сдѣлался ревностнымъ роялистомъ, и собралъ 14 милліоновъ франковъ...

Молодой виція былъ извѣстный врачъ *Париже*; торговецъ пряними кореньями, *Уерарѣ*; волонтеръ, *Калбронѣ*; а Членъ Орапоріи, *Фуше*.

Пер. В. Соколовъ.

И ПОХОНДРИКЪ.

Въ Таунтонъ (въ Англии) и теперь еще живешь одинъ Ипохондрикъ, который со-держится подъ присмотромъ. То онъ воображаетъ себя кошкою и ходитъ на четверенькахъ; но чайникомъ, одною рукой подражая ручкѣ, а другою носуку. Наконецъ онъ увѣрился въ своей смерти, и не прогалясь съ мѣста, ожидалъ, пока принесутъ гробъ. Жена его, встревоженная не на шутку, послала за Докторомъ. Послѣдній обратился къ покойнику съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, спросивъ его: каково онъ поживаетъ?

— «Каково я поживаю? возразилъ онъ тихимъ голосомъ; прекрасный вопросъ мертвому.»

— Мертвому?— что вы хотите сказать? Сударь.

— «Да, въ прошедшую среду я умеръ; скоро принесутъ гробъ и завтра меня похоронятъ.»

Докторъ, человекъ умный и разсудительный, пощупалъ у больного пульсъ и покачавъ головою, сказалъ: «вы правду говорите; въ самомъ дѣлѣ вы умерли и умерли не шутя: кровь въ васъ остановилась, скоро тѣло ваше начнетъ портиться, надобно пошоропиться вашими похоронами.»

Принесли гробъ, ошорожно положили въ него покойника, и за симъ послѣдовалъ выносъ тѣла въ церковь. Докторъ напередъ далъ наставленіе нѣкопорымъ изъ сосѣдей, какъ они должны поступать. Не успѣла процессія отойти на сто шаговъ отъ дому, какъ кто-то спросилъ, чьи это похороны? Почтеннаго нашего Инспектора Г-на Д... , былъ отвѣтъ.

— Какъ! этошь старой плутъ умеръ? Туда ему и дорога; такого бездѣльника еще не бывало.

Мнимый мертвецъ слыша, какъ перзаютъ его память, приподнялся изъ гроба и съ грознымъ видомъ, сказалъ: «Злодѣй! Еслибъ только я былъ живъ, то дорого заплатилъ бы ты за свой ругательства; но какъ я умеръ, то надобно терпѣть.» Онъ опять спокойно улегся въ гробъ. Но еще не прошли подороги, какъ процессія опять должна была остановиться, пошли новые вопросы и

новые ругательства. Тутъ испошилось перифініе мертвеца; онъ выскочилъ изъ гроба и хотѣлъ бѣжать за поносителями; но всѣ зрители захохотали надъ нимъ. Публичное посмѣяніе возвратило ему разсудокъ; онъ спаралелъ разсѣявъ свои бредни и успѣлъ въ домъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д О Н Ъ.

(1829).

Блеща средь полей широкихъ;
Вонъ онъ льется! . . . здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далѣкихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ.
Какъ прославленнаго брата
Рѣки звають тихій Донъ;
Отъ Аракса и Еврата
Я привезъ тебѣ поклонъ.
Опдохнувъ отъ злой погои,
Чул родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую спрую.
Приготовь же, Донъ завѣщный,
Для набздииковъ лихихъ,
Сокъ кипучій, искромешный
Виюградниковъ твоихъ.

А. Пушкинъ.

ENIGME.

De la chair des mortels nos cinq bouches sont pleines,
Et nous en jouissons en hiver à souhait;
Si nous perdons un frère, alors chacun nous hait,
Et nous jette dans un coin au rang des choses vaines;
Sans cela nous faisons, par l'ordre des humains
Presque tout ce qu'ils font avec leurs propres mains.

Въ No 81 и 82, помѣщенная шарада значитъ: *Соловей*.

ЕЩЕ МАЛЕНЬКОЕ ОПРАВДАНІЕ.

Въ 79. No *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* сказано было, что Господинъ Бурнашевъ ошибся, объявля въ *Miroir* о выходѣ 23 No *Гирланды*. Онъ проситъ Издателя оныхъ Лист. Прибавленій объявить, что сія погрѣшность есть совершенно неумышленная: ибо онъ ошибся лишь въ

названіи номера (*), а именно вмѣсто 24-го, упомянулъ о 25-мъ, въ чемъ и извиняется чистосердечно. Что же касается до увѣренія Токсовскаго жителя, будто по 10 Сентября съ Успеньева дня, т. е. послѣ 15-го Но Гирланды, не видали подписчики ни спрочки Издателя оной, — то Бурнашевъ имѣетъ честь донести, что прежде десятаго числа вышли NNо 24 и 25 (**), соединенные въ одну (***) книжку, и при семъ, обещае выдавъ оспальныя восемь книжекъ въ двухъ помилкахъ, каждый въ 80 страницъ, и о *явленіи оныхъ объявить особенно*. Не входя въ разсмотрѣніе того, до какой степени досадны для читателей и особенно для подписчиковъ, а также какъ невыгодны для Издателей и сопридниковъ подобныя неисправности, — сопридникъ Гирланды, Меркурія и Міроір изъясляетъ свое сожалѣніе о томъ, что за свою ошибку подвергся замѣчаніямъ Токсовскаго жителя, котораго онъ не имѣетъ чести знать, и котораго проситъ и впредь не сомнѣваться (****) о его добросовѣстности, тѣмъ болѣе, что для дѣланія умысленно такихъ погрѣшностей, онъ вовсе не способенъ.

(Сообщено.)

MODES.

Les variations que la température a éprouvées depuis quelques jours en ont amené également dans la mise des femmes. C'est ainsi que, dans les prome-

(*) Нѣтъ, не въ одномъ названіи. Господину Б... слѣдовало бы *досказать*, что невѣдущія своевременно сели книжекъ будутъ выдавы подписчикамъ *послѣ* и *впрло*. — В.

(**) Вмѣсто Но 16, коему подлежало бы выйти въ слѣдъ за Но 15, появился Но 24 и 25 въ одной худошавой книжкѣ. Гдѣ же NNо 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 23? Увы! ихъ нѣту.

Онъ, еще не видя свѣту,
Бухъ въ Лету. — В.

(***) Тоненькую, худошавенькую. Для чего, въ, Г. Б. не договариваете? — В.

(****) Г. Кораблинскій никогда въ этомъ не сомнѣвался. — В.

nades surtout, les robes de soie de couleur ont succédé aux robes blanches ou fond blanc, que naguère on y voyait si nombreuses. Les couleurs qui nous ont paru dominer le plus sont celles scabieuse, immortelle et noire. A ces couleurs se mêlent encore, dans les salons, les gris lapis et argenté, et quelques couleurs changeantes; mais nous devons faire observer que ces dernières ne sont plus de mode. Quant au blanc, il est et sera toujours employé pour la grande toilette.

Les ateliers de nos premières couturières n'offrent pas encore de modes nouvelles; nous venons d'y voir cependant une robe à corsage dit en corbeille. Ce corsage, qui ne dépasse pas la naissance de la gorge, est à draperie plissée en travers; une autre draperie à plis en long, partant de chaque épaule, descend en cœur jusqu'à la ceinture. Ce corsage est de même forme par derrière. Les manches de cette robe sont en cornet, c'est-à-dire commençant à s'élargir progressivement depuis le poignet où elles ne sont pas froncées, jusqu'à leur extrémité supérieure.

МОДЫ.

Нѣсколько дней какъ погода перемѣнилась; и за симъ послѣдовали измѣненія и въ нарядахъ женскихъ. На прогулкахъ особливо бѣлыя платья и по бѣлому грунту съ узорами, уступили мѣсто шелковымъ. Цвѣта скабіозы (scabieuse), безсмертныхъ (immortelle) и черной, какъ мы замѣтили, предпочтительны въ употребленіи. Въ собраніяхъ видны также цвѣта сѣрой, голубоватой и серебристой и нѣкоторыя двуличныя цвѣта; мы должны замѣтить, что сіи послѣдніе болѣе не въ модѣ. Бѣлый цвѣтъ, какъ и всегда, употреблялся въ большой нарядъ.

У первыхъ Парижскихъ модистокъ ничего новаго не видно; мы замѣтили только одно платье съ лифомъ, называемымъ корзинкою. Лифъ сей, не возвышающійся выше начала груди, сдѣланъ складочками, положенными ребромъ; попомъ наложены складки сердцемъ вдоль отъ плеча до пояса, сзади также. Рукава сдѣланы рожкомъ, то есть: у кисти безъ сборокъ; отсюда расширяясь поспешно до верху.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 84 и 85.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. И. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 21 дня, 1851 года.

Слава замѣнила вамъ
Мечпанья пайнаго отрады:
Вы разошлись по рукамъ,
Межь тѣмъ, какъ пыльная громада
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждуть себя чтецовъ,
И вырвеной ея награды.
(Изъ разговора плицопродавца съ поэтомъ.)

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛОРВИЛЛЕВЫ ВЕЧЕРА.

УПРАВИТЕЛЬ.

(Опопчаніе.)

На разсвѣтѣ онъ идесть въ чертоги Фіорамонте, и спрашиваетъ Стефано. Напрасно увѣряють его, что управитель еще спитъ; онъ пребудетъ, чтобъ его разбудили, и первое слово его при встрѣчѣ съ нимъ заключало угрозу. Онъ вообразилъ себѣ, что старый Герцогъ приказалъ Валерію собираться въ монастырь; что на слѣдующій день она должна уже оставить домъ родительскій, и рѣшился всѣми силами воспрепятствовать сему намѣренію.

Стефано, успрашенный гнѣвомъ Лорда Сидвама, даетъ ему замѣнить, что Валерія, пропнушая великодушнымъ его участіемъ, готова предаться его покровительству; не опасаясь стыда, и не спрашась даже почета его уваженіе; словомъ, онъ увѣрилъ его, что Валерія его любитъ. Тогда изъ бышенства Эдвинъ вдругъ переходитъ въ

воспоргъ: все препятствіе для него исчезло. Положено, чтобы при наступленіи ночи, когда въ домѣ все успокоилось, Стефано тайно вывелъ изъ чертоговъ Фіорамонте и проводилъ ее до повозки, которая будетъ сползти недалеко отъ Виллы-Реале; Синьора Хриспина будетъ сопутствовать Валерію: все прое они отправятся въ Мола ди Гаэте; Стефано предваритъ священника въ монастырь Санто-Бернардо, и въ тотъ же вечеръ Эдвинъ и Валерія соединятся братьскими узами въ подземельной церкви монастыря.

Стефано получилъ съ избыткомъ достаточную сумму на нупевья и другія тайныя издержки. Одно только оставалось еще неизвѣстнымъ, согласится ли на сей планъ Валерія. Получивъ сіе согласіе, Стефано долженъ былъ извѣстить о помѣ Эдвина посредствомъ условеннаго знака. Сей послѣдній не хотѣлъ слышать болѣе ни слова, какъ симъ рѣшился его участь: столь опасался онъ опдалать отъ себя счастье.

День прошелъ въ неописанной тревогѣ, ибо все сіи приготовленія, сдѣланныя въ

пайнѣ и съ такою ревностію, могли разрушиться въ одинъ мигъ сопропивленіемъ Валеріи.

Но наконецъ, она явилась между легкою колонадою, ведущею къ павильону. Стефано былъ съ нею и поддерживалъ ее подъ руку. Она была уже не въ траурѣ, но въ inomъ самомъ плащѣ, въ коемъ предспавилась въ первый разъ Эдвину подобно пріятной мечтѣ. Не смотря на счастливое предзнаменованіе сего превращенія, онъ все еще не смѣлъ надѣяться. Неподвижный, усремивъ глаза на Валерію, онъ замѣчалъ каждое ея движеніе. Омъ чрезвычайнаго неперпѣнія сердце его судорожно билось; онъ едва могъ держаться на ногахъ. Въ эту минуу Валерія медленно подняла покрывало, лежавшее на роскошныхъ волосахъ ея; она оспанавливается, обращается къ Стефано, и кажется сморпшь на него съ вопрошающимъ взоромъ; попомъ склонясь на балконъ, она роняетъ внизъ покрывало, которое подхватывается Эдвиномъ.

Это былъ условенный знакъ. Какъ скоро Лордъ Сиднамъ увѣрился, что Валерія готова за нимъ слѣдовать, пошчасъ ошдалъ приказанія приготовляться къ отъѣзду. Уже лошади заложены были въ 4-хъ мѣспную карету, въ которой Валерія съ своею гувернанткою должна была ѣхать въ Гаэпу. Стефано поручено было вожатымъ, Жоржъ и двое слугъ Лорда Сиднама должны были соспавлять прикрытіе, и счастливый Эдвинъ, увѣрлся въ ихъ отъѣздѣ, смѣлъ на верховую лошадь и поскакалъ впередъ.

Чрезвычайный зной не позволялъ продолжать путешествіе, и спрахъ возбудить подозрѣніе, заспавилъ Стефано оспановиться въ Кауѣ. Валерія принята была тамъ содержателемъ гостиницы съ чрезвычайно учпивоспшью, обыкновенно оказываемою богатымъ людямъ, и скоро во всемъ домѣ узнали, что у него изволила оспановиться Лади Сиднамъ. Стефано надѣялся, что Валерія подѣ симъ именемъ, которое она получила пошъ же вечеръ, гораздо безопаснее будетъ отъ поисковъ, какихъ надлежало спрашивать послѣ бѣгства ея изъ дома Фограмонтѣ.

Пробило два часа; Лордъ Сиднамъ достигнувъ уже вершины горы, повелѣвающей Гаэпою, и шренеца отъ неперпѣнія и радости, внимательно прислушивался къ свисту бича и спуку коляски, ожидая пріѣзда Валеріи; но ропощъ волнъ, разбивающихся о песчаный берегъ, крики погонщиковъ муловъ, спянувшихся маленькимъ караваномъ, и пѣсни рыбаковъ, собирающихъ свои стѣти, одни только нарушали тишину сей прекрасной ночи. Сидя на пнѣ опрокинутого бурею дуба, Эдвинъ попеременно усремлялъ взоръ, то на пристань, то на арки Гаэпы, озаренныя луною; и освѣщенные окна церкви, гдѣ 12 зажженныхъ свѣчъ возвѣщали совершеніе священнодѣйствія. Кто видѣлъ красоты Природы, соединенныя съ пышностію Богослуженія, кто чувспвовалъ пайное смяпеніе любви, пошъ можетъ предспавить себя, въ какомъ волненіи были мысли Эдина во время столь долгаго ожиданія.

Наконецъ послышались голоса; Жоржъ, весь запыхавшись, прибѣгаетъ извѣспить своего господина, что Валерія и Хриспина, оставивъ карету у подошвы ушеса, идутъ по шропинкѣ, ведущей къ церкви, и скоро уже появптся. При сихъ словахъ Эдвинъ хочешъ броситься къ нимъ на встрѣчу, но Жоржъ его удерживаетъ; Стефано поручилъ ему попросить Лорда Сиднама, прежде не показываться на глаза Валеріи, какъ при входѣ въ церковь, и ни слова не говорить съ нею, пока не произнесетъ отъѣзда, который соединитъ ихъ навѣки.

Не смотря на то, что просьба сія показала довольно спранною Эдвину, онъ согласился исполнить все, чего отъ него требовали; такую недовѣрчивость можно проспшить только одному управителю, и Лордъ Сиднамъ принялъ сію излишнюю оспорожнеспшь за доказательство привязанности его къ своей госпожѣ.

На колокольнѣ раздался благовѣспъ; церковныя двери распворились, и Стефано, ведя подѣ руку даму подѣ покрываломъ, приблизился къ Эдвину: «Вопъ она, сказалъ онъ задыхающимся голосомъ; ежалъспшь надѣ ея волненіемъ; она шренецетъ; ведите ее къ

алтарю . . . и произнесише объѣтъ защищать се отъ несчастія, которое. . .»

— Клянусь заслужить то, что она сдѣлала для моего счастья, прервалъ его съ жаромъ Эдвинъ; съ этой минуты вся жизнь моя будетъ посвящена на исполненіе сего долга. Потомъ взявъ руку Валеріи, онъ повелъ ее къ алтарю, гдѣ Паперъ ожидалъ ихъ. По окончаніи первой молитвы, Паперъ сказалъ Христину, чтобы невѣста сняла съ себя покрывало, которое она помогла снять Валеріи. Эдвинъ нетерпѣливо ожидалъ сей минуты, и одна только святость мѣста заставила его удержаться отъ восклицанія, при видѣ столь величественной и нѣжной красоты Валеріи. Но неизвѣстный спрахъ смѣшивался съ его благоговѣйнымъ удивленіемъ. Смертная блѣдность покрывала прелестныя черты Валеріи и томный взоръ ея выражалъ не столько сладкое смятеніе, сколько горестъ и опчаяніе.

Впрочемъ пріятная улыбка была отвлѣтомъ на пылающій взоръ Эдвина, когда Паперъ порожественно спросилъ ее: желаетъ ли она быть супругою Лорда Сиднама. Но едва объѣтъ измѣпелъ изъ устъ ея, какъ она зашаталась и пала безъ чувствъ на ступени алтаря. Эдвинъ въ опчаяніи кидается къ ней на помощь и видитъ ее обгащенную своею кровію: «она ранена! она умираетъ! вскричалъ Эдвинъ; Стефано! Стефано!» . . . и управитель шщепно спарается успокоить его. Эдвинъ, перзаемый ужаснымъ подозрѣніемъ, что Валеріи нанесенъ смертельный ударъ, разорвалъ платье на груди ея, чтобы найпи ея рану. «Чудовищи! они умертвили ее! Горе злодѣямъ, совершившимъ столь гнусное пресступленіе! горе сообщникамъ безчеловѣчнаго отца!» Бѣшенство мѣщало Эдвину слышать голосъ Стефано, который напрасно повторялъ, что Валеріи наканунѣ пущена была кровь, что спали перевязки и открылась рана, и что случай сей не имѣлъ другой причины. Наконецъ, видя всѣ свои усилія бесполезными, онъ схватилъ руку Валеріи и остановилъ теченіе крови. Но Валеріа чрезвычайно ослабѣла. Несчастный Эдвинъ, едва вѣря словамъ Стефано, помогъ ему перенести Валерію въ Мову

ди Гаэпъ, гдѣ приготовленъ былъ для ней домъ. Они входятъ въ освѣщенныя и усыпанныя цвѣтами залы; столъ накрытъ былъ близъ перраса, примыкающаго къ морю, и освѣннаго померанцевыми деревьями. Все возвыщало праздникъ не такой, какія даются суепностью любопытнымъ, не столько для забавы, сколько для униженія ихъ; но одинъ изъ шѣхъ семейныхъ праздниковъ, гдѣ изящный вкусъ соединяетъ все для наружнаго и сердечнаго удовольствія. О, сколько видъ сей увеличиваетъ горестъ Эдвина! Онъ видѣлъ, какъ брачное ложе приняло умирающую Валерію.

Между шѣмъ Стефано увѣряетъ, что черезъ нѣсколько часовъ ей будетъ лучше; что здоровье ея немного было разстроено, почему Медикъ ея рѣшился пустить ей кровь; но что жизнь ея совершенно внѣ опасности. Въ самомъ дѣлѣ Валеріа, послѣ кратковременнаго отдыха, открыла глаза и произнесла нѣсколько словъ, но такимъ слабымъ голосомъ, что Эдвинъ не могъ различить ихъ; но не смотря на то, онъ отвѣчалъ ей, называя ее нѣжнѣйшими именами и осыпая руку ея поцѣлуями.

Лордъ Сиднамъ хотѣлъ поспѣшь послать Жоржа въ Неаполь за Докпоромъ Валеріи; но Стефано утверждалъ, что это напрасно, и что госпожа его въ состояніи будетъ на другой день продолжать путешествіе, если только ввѣрятъ ее попеченіямъ его и Христины, и если оспавятъ ее въ покоѣ.

На лицѣ Валеріи мало по малу началъ показываться прежній румянецъ; она дышала свободно, и по всему видно было, что сонъ подкрѣпилъ ея силы. Эдвинъ принялъ совѣтъ Стефано, и расположился въ залѣ рядомъ съ переднею комнатою Валеріи, чтобы въ случаѣ опасности, скорѣе подать ей помощь.

Ночь прошла спокойно, и Стефано послѣдовалъ увѣдомить Лорда Сиднама, что *Миллади* скоро можетъ принять его. Но всякой разъ, когда онъ подходилъ къ ея комнатѣ, Христина просила его немного подождать; наконецъ наступило время обѣда, и Стефано пригласилъ Лорда Сиднама на перрасъ, гдѣ накрытъ былъ столъ, и гдѣ Валеріа ожидала его.

Восхищенный сею вѣспію, Эдвинъ бѣжигь въ померанцевую роуцу. Онъ видигь Валерію, сидящую за споломъ, покрышымъ цвѣтами и плодами; онъ невольно оспанавливаеися, чтобы насладишья прелестнымъ лицемъ возлюбленной, которое, послѣ смертной блѣдности, блисало свѣжестью и здоровьемъ. Услышавъ шаги его, Валерія оборотилась къ нему и знакомъ просила его подойти къ ней. Улыбка ея была такъ прелестна, взоры дышали такою нѣжностью, что Эдвинъ проклиналъ присутствіе окружающихъ ее, которое препятствовало ему заключить ее въ свои объятія. «Правда ли, сказалъ онъ усуремивъ взоры, исполненные надеждою, правда ли, что вамъ сдѣлалось легче, и что завтра мы можемъ опривисья въ Альбано?»...

— Въ нынѣшній же вечеръ, если вамъ, сударь, угодно, подхватилъ Стефано. — Да, въ эпошъ вечеръ, повшорила Валерія; съ робостью посморѣвъ на Стефано. — Какъ вамъ угодно; опвѣчалъ Эдвинъ, опусивъ вдругъ руку Валеріи; потомъ онъ занялъ мѣсто по другую сторону спода.

Тутъ слуги начали разносить кушавье и Стефано съ Христинуою удалились.

Эдвинъ хранилъ молчаніе, удрученный горестными мечтами и стараясь преодолѣть мучительное впечатлѣніе, которое въ соспояннн произвела одно слово; онъ поднял глаза и въ нѣкоторомъ разспоанн увидѣлъ Христину съ Стефаномъ, показывавшихъ знаками на Валерію, коей взоры, усуремленные на удаляющееся опъ гавани судно, пылали дикимъ пламенемъ. Раздирающій вопль вырвался изъ груди ея; она просперла руки къ морю и готова была броситься въ волны, если бы Эдвинъ не удержалъ ее; но онъ едва могъ оспановить Валерію. «Гнусный убійца! вскричала она съ бѣшенствомъ, не ты ли опнял ея у меня? Развъ не довольно того, что ты упопилъ ея живую въ моръ? Ты еще хочешь удалить мѣня опъ того, копорой силится спасти ея, но ты не долго будешь поржесивовать, безчеловѣчный!.. Подожди, и ты не избѣжишь смерти...» При сихъ словахъ схвативъ со спода ножъ, она пронзала грудь Эдвина, прежде, нежели Сте-

фано и Христина успѣли вырвать его изъ ея рукъ.

На крикъ Христины сбѣжался весь домъ; не сморя на сильный припадокъ бѣшенства, успѣли связать Валерію; ее опнесли прочь опъ берега, ибо видъ морскихъ волнъ, казалось, еще болѣе усиливалъ ея припадки. Въ эпо время Жоржъ, перзаемый спрахомъ и досадою, помышлялъ только о ранѣ своего Господина; а Стефано, спол на колѣняхъ предъ умирающимъ, умолялъ со слезами не проклинать его.

«Описишите мнѣ, говорилъ онъ въ опчаянн; предайте меня правосудію за преступную ревность, копорая заставила мѣня обмануть васъ, въ надеждѣ, что любовь и счастье возвращаютъ ей разсудокъ, копорого лишило ея опчаянне.

— Что ты говоришь несчастный? — Она сумасшедшая? вскричалъ Жоржъ.

— «Увы! съ тѣхъ поръ, какъ сестра ея погибла въ волнахъ, перепивъ кораблекрушеніе; я долженъ былъ предвидѣть, что картина моря возвращитъ всѣ припадки съ безумія. Накажите мѣня, говорю, я заслужилъ смерть; но не проклиняйте спараго служителя, копорый изъ любви къ своимъ владытелямъ, изъ жалости къ несчастной безумной, сдѣлался преступникомъ.»

— Такъ, опвѣчалъ Лордъ Сиднамъ ослабвающимъ голосомъ, я прошу тебѣ.... если умру.

Пер. В. Соловѣ.

П Е Р В А Я П Ѣ В И Ц А.

Никогда еще нѣжный и чистый голосъ дѣвы, ни арфа Серафима не изливали споль прелестныхъ; споль восхищительныхъ звуковъ. Она кончила небесное пѣніе, но сила гармоніи еще владычествовала въ обширной залѣ надъ безчисленною полною слушательей; еще все было неподвижно, все безмолвствовало; никто не смѣлъ пошевелиться, перевести духъ. Еще минула, и глухіе клнки изспупленія, воспорга, сожалѣнн, слились въ одинъ звукъ, слезы заблнспали на всѣхъ глазахъ, и со всѣхъ споронъ посыпались вѣнки и цвѣпы. Три раза она опкланивалась публикѣ и хотѣла удалиться, и прикрасно единодушныя восклицанія ея удерживали.

Наконецъ, занавѣсъ театра опустился и разлучилъ съ пѣвицею публику, которая никогда бы съ нею не разсталась. Вдругъ являлся молодой человекъ. Онъ окружилъ препещущими руками стройный станъ прелестной и напечатлѣлъ поцѣлуй на бѣлоснѣжныхъ, полуобнаженныхъ плечахъ ея. — «Теперь ничто, нѣтъ, ничто не разлучитъ насъ,» — произнесъ онъ съ живѣйшимъ чувствомъ: «ты принадлежишь мнѣ, такъ, одному мнѣ. *Беатрисы* больше нѣтъ. Ты *Леди Кларендонъ!* моя супруга, милая супруга.» —

Надобно, чтобы молодая дѣвица вооружилась всею своею нѣжностію, чтобы она полюбила *Эдуарда* со всею горячностью пылкого юнаго сердца, дабы не пролила горькихъ слезъ, опказавшись отъ такого шоржества, отъ славы, столь упоительной.

И вопль она сдѣлалась владѣтельница обширнаго и богатаго помѣстья на дикихъ и живописныхъ берегахъ Клайда. Каждый день смѣнялись пышные, блистательные и разнообразныя праздники. Красота и богатство юной хозяйки были предметомъ зависти для женщинъ; молодые Лорды почивали за счастіе взглянуть только на прелестную Графиню.

Но скоро, какое-то пайное безпокойство, смутное сожалѣніе о минувшемъ, мучительная тоска по какомъ-то неясномъ для нее самой предметѣ, закралась въ грудь *Леди Кларендонъ*: она спала задумчива; дѣпская свѣжесть лица ея измѣнилась. Мало по малу мечтательность ея превратилась въ угрюмую, мрачную горесть, — и здоровье ея возбуждало живѣйшія опасенія.

Когда *Эдуардъ* на блѣдныхъ щекахъ своей возлюбленной увидѣлъ два роковыхъ красныхъ пятна; когда всею силою любви своей онъ не могъ возбудить въ ней ничего, кромѣ слабой улыбки, тогда онъ бросился передъ нею на колѣна, схватилъ изсохшія руки *Беатрисы* и заклиналъ ее излить въ сердце супруга причину тайной ея печали.

— Увы! отвѣчала она, я не могу изъяснить причину страдающаго меня недуга. Знаю, какъ много ты меня любишь, и можешь ли что сдѣлать меня счастливою, кромѣ любви твоей?

И справедливая отвернула голову, чтобы скрыть слезы, которыми глаза ея наполнились.

Эдуардъ не щадилъ ничего, для опысканія извѣстнѣйшихъ врачей.

Но испытавъ безполезныя и сомнительныя средства, они должны были признаться, что здоровье супруги его безвозвратно поперяно, и печально удалились.

Если вы никогда не были любимы нѣжною, обожаемою подругою; если никогда не видали, какъ она вянетъ медленно въ вашихъ глазахъ: то напрасно буду описывать вамъ печаль *Лорда Кларендона*.

Онъ съ опчаяніемъ наблюдалъ ходъ губительной болѣзни, и съ невыразимымъ мученіемъ повторялъ: «еще одинъ мѣсяць, и я останусь на землѣ сиротою.» Съ холоднымъ опчаяніемъ ожидалъ онъ удара судьбы; сего дня ее неспанетъ, а завтра пробьетъ его послѣдній часъ.

Незнаю, какимъ случаемъ, посовѣтовали ему взять одного врача, стараго и страннаго, но опытнаго и проникательнаго. *Эдуардъ*, безъ всякой надежды; велѣлъ попросить его къ *Беатрисѣ*.

Доктора *Гриффита* на силу могли упротить, чтобы онъ навѣспилъ *Лорда Кларендона*. Но когда онъ увидѣлъ страдалицу, то, безъ околичностей, поселился въ замкѣ, и съ тѣхъ поръ ни на минуточку не отходилъ отъ *Беатрисы*. Ночью, онъ подслушивалъ несвязныя слова, произносимыя ею во снѣ; днемъ старался разными средствами приводить ее въ такое положеніе, въ которомъ она невольно обнаружила причину болѣзни. Опытность, искусство и знаніе Доктора были безуспѣшны.

Въ одно утро, онъ, въбѣжавъ въ комнату *Эдуарда*, вскричалъ: «Я спасъ ее! я спасъ ее!»

Эдуардъ кинулся къ нему на шею и чуть не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ. Въ душѣ его мелькнулъ первый лучъ надежды, послѣ двухъ безконечныхъ лѣтъ страха и опчаянія.

«Скорѣй карету, лошадей, продолжай Доктора; мы ѣдемъ въ Лондонъ. Прошу только не препятствовать мнѣ, или я ни за что не ручаюсь.»

Черезъ двѣ недѣли Друмлиненскій театръ съ утра былъ уже наполненъ зрителями. Въ этотъ день объявленъ концертъ первой пѣвицы *Беатрисы*.

Она явилась на сцѣнѣ, блѣдная и худая! Публика привѣтствовала ее радостными восклицаніями. Когда все утихло, она запѣла; но глаза ея наполнились слезами; рыданія заглушили ея голосъ; она упала въ обморокъ, и малорослый *Гриффиѳъ*, выбѣжавъ изъ за-кулисъ на сцену, вскричалъ: «Она спасена! Я спасъ ее!»

Въ самомъ дѣлѣ, съ эпою минушы, *Беатриса* мало по малу возвратила прежнюю веселость; болѣзнь ея прошла и, черезъ полгода, не осталось другихъ слѣдовъ ея, кромѣ блѣдности.

Старый Медикъ отгадалъ болѣзнь *Беатрисы*: онъ зналъ, что слава есть самый сильный недугъ, котораго не въ силахъ исцѣлить ни богатство, ни разсѣяніе, ни самая любовь.

(Изъ *Gaz. de Cambrai.*)

Ч И С Л О П Я Т Ь .

Китайцы имѣютъ большое пристрастіе къ сему числу. У нихъ считается 5 стихій: вода, огонь, металлы, дерево и земля. Столько же полагаются отношеній между людьми, какъ то: Государя къ министру, отца къ сыну, старшаго брата къ младшему, мужа къ женѣ, и наконецъ, взаимное отношеніе друзей. Пять вѣчныхъ добродѣтелей: благость, правосудіе, честность, знаніе и истина. Пять степеней дворянства: *ружь*, *бювъ*, *пикъ*, *тзе* и *нань*. Пространство дѣлится на 5 частей: на Востокъ, Югъ, Западъ, Сѣверъ и Средошочіе. Пять вкусовъ: кислота, сладость, горечь, острота и соль. Пять цвѣтовъ: голубой, желтый, шѣлесный, бѣлый и черный. По мнѣнію Китайцевъ, внутренность челоуѣка состоишь изъ печени, сердца, легкихъ, почекъ и желудка. Они находятъ пять органовъ чувствъ: уши, глаза, ротъ, носъ и брови. Одинъ Китайскій писатель сочинилъ спранный разговоръ между семи органами: ротъ жаловался на близость носа, и что сей занимаетъ мѣсто выше его;

носъ въ защищеніе правъ своихъ приводитъ, что безъ него ротъ принималъ бы всякую дрянь. Носъ въ свою очередь жаловался на ипо, что глаза помѣщены выше его, а глаза отвѣчали, что безъ нихъ носъ разбился бы о первое твердое шѣло.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р О М А Н С Ь .

Мой другъ, не спрашивай меня,
О чемъ душа моя поскуеетъ?
О чемъ грущу и плачу я?
Что сердце бѣдное волнуеетъ?—
Мой другъ, не спрашивай меня.

Мой другъ, не спрашивай меня,
О комъ завѣтныя мечтаныя
Въ глуши ночей и въ шумъ дня?
Въ чьихъ звукахъ пью очарованье?
Мой другъ, не спрашивай меня!

Мой другъ, не спрашивай меня,
Чьи вѣчно пламенные очи
На мнѣ горятъ, какъ отблескъ дня,
Меня мрачатъ, какъ сумракъ ночи?
Мой другъ, не спрашивай меня.

Мой другъ, не спрашивай меня,
Съ пивоей двусмысленной улыбкой,
Кого люблю, . . . любилъ ли я?
Боюсь . . . —проговорюсь ошибкой.
О милой другъ, спроси себя!

Ев. Адауровъ.

П А Р Г О Л О В О .

Замолкъ Столицы наглый шумъ.
Просторъ для чувствъ! Просторъ для думъ!
Опять въ тиши уединенья
Я началъ жить для вдохновенья;
Опять увидѣлъ небеса,
Увидѣлъ зеркальныя воды,
Поля и шѣмныя лѣса.
Въ Столицѣ не было природы,
Тамъ камень грудой лежишь
И люди жестки какъ гранишь.

Тамъ Божій міръ угрюмъ и пѣсенъ;
Но здѣсь—какъ онъ опрадевъ мнѣ.

Чу! стройный ладъ весѣлыхъ пѣсенъ;
Знать, при вечерней тишинѣ,
Гуляюшъ парни и дѣвицы.
А вопъ старушки у воропъ
Силетаюшъ быль и небылицы,
Глядя на рѣзвый хороводъ.
«Да, мы немножко по-опстали!
«Но мы не хуже ихъ гуляли
«Тому назадъ лѣтъ прирідцать пять.
«И какъ тѣхъ дней не вспоминать!»

Но мнѣ ихъ поляки надобли:
Возьму мой посохъ, побреду
Въ Графининъ садъ. А въ помъ саду
Шумяшъ березки, липки, ели;
Вопъ тихой прудъ; какъ рашный строй —
Здѣсь дремлетъ лѣсъ пирамидальный
Надъ влажной скапертью — водой.
И сводъ небесъ, и мѣсяцъ дальный,
И бѣлый облакъ въ вышинѣ —
Сквозяшъ, бѣгушъ, дрожатъ на днѣ. . . .
Не двѣ ли бездны расшупились,
И небеса какъ вождь молодой
Въ проломъ насильственнѣ вломились
Въ порѣиръ свѣтлоголубой? . . .
Вопъ сосны жесткими вѣтвями
Едва киваюшъ и шумяшъ,
И навзничъ оспрыми главами
Въ прозрачномъ зеркалѣ висяшъ.

Но поднимаю на холмъ высокой. . . .
Здѣсь новыи видъ передомпой;
Вопъ башня Писера далеко
Блещитъ вершиной золопой;
А вопъ гора воспоминанья;
Что — госипъ минушый, въ знакъ прощанья
Рукой небрежной начерпипъ:
Скрижалъ дубовая хранитъ.
И можешъ бытъ, въ пучинѣ жизни —
Ужъ многихъ сгинулъ уплыи чолнъ:
Ивой далеко опъ опчизны
Въ сей мигъ лепишъ средъ бурныхъ волнъ;
Другихъ — давно взяла могила,
Иныхъ—шеперъ мершвишъ шоска. . .

А имеца ихъ сохранила
Какъ вѣрный другъ сія доска!
И грустно мнѣ!.. При легкомъ шумѣ
Кругомъ заросшихъ дерѣвъ,
Я упонулъ въ печальной думѣ,
И на хадѣ именъ и словъ
Гляжу...какъ будто на могилы!
Свѣтлеюшъ звѣзды . . . я одинъ
Бреду задумчивый, унылый,
Среди смѣющихся долипъ!

Но вдругъ, вечернею порою
Раздался попомъ конскихъ ногъ. . . .
И я лѣнливою рукою
Открылъ окно . . . гляжу . . . мой Богъ!
Вопъ Нѣмецъ — въ худенькой шляпенкѣ —
Какъ Донкишошъ *тащитса* въ скакъ —
На долгогривой собаченкѣ!
Ипой классической рифмащъ
Такъ семенитъ дорогой жесткой;
Его пегасъ пришелъ впупкѣ. . . .
Глядитъ съдокъ . . . чпобъ не настигъ
Романшикъ съ пагубной шрехвюспкой!

Вопъ Нѣмки вышпи погулять,
Считая жизнь безцѣннымъ даромъ.
«Фесенный фоздухъ подишашъ!»
И нѣшъ конца спепеннымъ парамъ!
Нашъ полунѣмецъ, колкій ***
Ихъ могъ бы лихо подсперечь!

Трилуный.

1831 г. Юня 4 днѣ.

Парголово.

Ш А Р А Д Л.

Начальное мое есть *цѣлому* отецъ;
А въ азбукѣ у насъ найдеиъся и *копецъ*.
Когдажъ *начальное* пріятно намъ бываетъ,
Или ужасною безсонницей терзаетъ,
То въ *цѣлое* погда его мы обратимъ
И съ радостью объ немъ, иль съ сердцемъ
говоримъ.

В. Шелиховъ.

Въ No 83, помѣщенная загадка значитъ: *Gants*.

M O D E S.

Les nouveaux manteaux de dames sont brodés, couleur sur couleur: ces broderies sont relevées et non à plat, comme celles que nous avons vues l'année dernière.

Dans une des dernières représentations de l'Opéra, une dame dont nous avons déjà remarqué la mise pleine de goût avait, pour ornement de coiffure, un bouquet de petits œillets blancs auxquels se mêlaient quelques branches de jasmin. Sa robe, en crêpe noir, avait un corsage carré et bordé d'une petite blonde. Ses manches étaient courtes, très-bouffantes, et ornées de rubans tombans en aiguillettes; une écharpe couleur cerise complétait cette toilette.

On voyait à la même représentation, dans une loge d'avant-scène, deux jeunes personnes dont les cheveux de devant étaient relevés en bandeau sur le front, et ceux de derrière tressés en natte et tournés en couronne. L'une d'elles avait une ferrennière qui ne descendait pas plus bas que la raie des cheveux; l'autre un rang de perles qui, après avoir passé sur le front, formait le tour de la natte, derrière la tête. Leurs robes étaient blanches et à manches courtes.

La toilette de Mlle P., l'une des jolies femmes de la capitale, se composait d'une robe en mousseline de laine à dessins imprimés, très-légers, dont le corsage croisé en cœur était orné d'une mantille qui, formant jolies sur les épaules, se terminait par devant au-dessous de la manche.

Les capotes à l'anglaise, quoique rares, se voient cependant encore. Deux jeunes et jolies personnes avaient, à la même soirée théâtrale, de ces capotes en paille ouvragée, sous lesquelles était une forte ruche en tulle au-dessus du front; cette ruche, formant ensuite un seul rang, tombait de chaque côté des joues, et se nouait sous le menton par un ruban.

M O D Ы.

Новые дамскіе плащи вышнцы цвѣтнымъ по цвѣтному; шнше возвышенно, а не плоско, какъ на прошлогоднихъ плащахъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ представлений, одна дама, которую мы уже замѣтили по отличному ея вкусу въ одѣваньи, имѣла въ

волосахъ букетъ мелкихъ бѣлыхъ гвоздикъ, къ нимъ примѣшано было нѣсколько вѣтокъ жасмина. Черное креповое плащье, съ четверугольнымъ лифомъ, обшитымъ узенькою блондою; рукава коропкіе, чрезвычайно пышные, опдѣланные ленпами на подобіе ахсель-банна; шарфъ алаго цвѣша довершалъ сей нарядъ.

Въ томъ же представленіи, въ одной ложѣ на авансценѣ, двѣ молодыя дѣвицы причесаны были съ повязкою, задніе волосы заплетены въ косу и положены короною. У одной ферроньера, которая не спускалась ниже волосъ, а у другой по лбу положена нипка жемчугу и сзади обернута около косы. Плащья на нихъ были бѣлыя съ коропкими рукавами.

Нарядъ дѣвицы П., одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ, состоялъ изъ шерстянаго кисейнаго плащья, съ мелкими печатными узорами, лифъ крестнообразно сердцемъ съ манпильею, которая, составляла на плечахъ эполеты, оканчивалась спереди ниже рукавовъ.

Англійскіе капоты, хопя рѣдко, но видны еще. Въ томъ же вечерѣ, двѣ молодыя и красивыя собою дѣвицы, были въ такихъ капотахъ, изъ узорчатой соломки, снизу на лбу самой густой рюшь, копорой на щекахъ сдѣланъ былъ въ одинъ рядъ и завязанъ на подбородкѣ леншою.

П о п р а в к а.

Въ No 80-мъ сихъ лешковъ, на страницѣ 618-й, во второмъ столбцѣ, спрѣки 17-ю и 18-ю надобно читати такъ: въ маленькой гостиной супруги своей, урожденной Княжидь.

При сихъ NNo 84 и 85-мъ Литер. Прибавленій къ Русск. Инвалиду раздася 2-й листъ *Записаній на III томъ Истории Русскаго Народа, соч. Н. Полевыль.*—Слѣдующій же за тѣмъ No 86-й Литер. Прибавленій видѣшь въ будущую Среду 28 сего Октябрю.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 86.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Октября 28 дня, 1851 года.

По мнѣ ужь лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

У Т Р Е Н Н Я Я З В ѣ З Д А,

*Литературный Альманахъ, на 1851 годъ,
въ Москвѣ, составленный изъ сочиненій
Дмитрія Сигова.*

Взойди моя звезда

На литературный горизонтъ;

Въдъ тебѣ Полярная сестра,

И другъ — милый Аполлопъ (*).

Вотъ собственнаго издѣлія вирши, по-составленныя Авторомъ сего чуднаго Альманаха на заглавномъ листѣ. Найдя въ ономъ и оригинальную орфографію, и неслыханный доселѣ въ Русской поэзіи метръ, и въ римахъ нѣкое дикое разгласіе, мы взяли за эпиграфъ нѣсколько умныхъ спрочекъ, которыми обмолвился Издатель *Московского Телеграфа*.

«Безспорно, что и въ другихъ земляхъ выходящихъ много вздору; но, съ одной споробны — каковъ же памъ бываетъ годовой ипогъ «хорошаго? По каждой почти части лишературапы ежегодно издается сполько превосходныхъ книгъ, сколько у насъ и хороша-

(* Мы поставили себѣ закономъ соблюденіе, какъ собственнаго правописанія Г. Сигова, такъ и знаковъ препинанія. — К.

«то и сколько нибудь сноснаго выходящъ, по «всѣмъ часпямъ. Съ другой стороны, воля «ваша, Мм. Гг., нигдѣ нѣтъ явленій, споль «нелѣпыхъ, каковы видимъ въ Русской ли- «пературѣ! Господа Орловы, Сиговы, Пар- «шовы, Кобылины, Толмины, Кузмищевы, Се- «дуловы, Гурьяновы, Зилулины, Колмиса- «ровы, Бестужевы-Рюмины (*) — гдѣ соперни- «ки ихъ у иноспранцевъ? Гдѣ такіе ино- «спранцы, которые не умѣли бы наблю- «стии правописаніе въ прѣхъ спрокахъ, не «знали сочетанія рифмъ, и писали, печата- «ли, издавали романы, поэмы, журналы? У «насъ все это дѣлается.»

Моск. Телеграфъ, 1851, No 12, стр. 488 и 489.

Изъ сего благоуханнаго букета писателей Александръ Аноимовичъ Орловъ, красуется предъ другими, какъ пышная роза, царица садовъ, предъ мелкими фалками, ноготками и бархашцами; онъ сіяетъ, какъ лучезарное солнце 11-го Іюня въ полдень.

(*) Можемъ, не боясь упрековъ свѣдѣсти, умножить списокъ Литераторовъ сего разрада, именами: Прова Максимовича, автора поэмы: Безпретвал; Петра Мошкова, сочинителя поэмы: Разбойникъ; Ивана Косляковского, Лебедева и Валеріанъ Никонова, одного изъ издателей *Колоколггика*. — К.

Димитрій Сиговъ, сія юная звѣзда Россійской липературы, пытающій свои крылышки, правильные перушки—уже съ честию дерзаетъ во слѣдъ Господину *Бестужеву-Рюмину*, коего избралъ онъ своимъ образцомъ, и за коимъ слѣдуетъ, какъ пѣнь за предметомъ.

Г. *Димитрій Сиговъ* расхваливаетъ самъ себя (стр. 99) въ своей книжкѣ:

О я! О я! хоть не Пушкинъ я,
А напишу—прочтуть меня,
Потому что назову,
Въ подражаніе ему—
Какимъ нибудь Евгеніемъ,
И въ этомъ поручуся своимъ Геніемъ.

Въ эпиграфъ, который выписанъ нами, онъ съ гордою самонадѣянностью восклицаетъ, что его звѣзда родная *Полярной звѣзды* (альманаху) сестра.

Г. *Сиговъ* (стр. 11) заставляетъ друга своего говорить о себѣ: «всѣ журнальные стрѣлы будутъ падать на однихъ васъ;» и отвѣчаетъ ему: *не бойтесь за меня, я со встѣми справлюсь!*—Г. *Сиговъ* имѣетъ много смѣлости. Онъ опмичаетъ геніальными нововведеніями въ нашу Грамматику, Синтаксисъ, Рипорику и Пипику, какія найдутъ чашатели въ примѣрахъ здѣсь выписанныхъ:

1-е, Ошносительно Грамматики: по встѣй Россіи;—по внимательнѣе;—немедленно;—по вымѣрянію;—началь смощить на его—но на перво надѣясь;—послѣднее—вы у его остановилось;—вы звонили въ свое кабинетное колокольчико;—обгъзки—для ихъ;—что называется;—не хороши;—подижь скорѣй;—на его плакую рецензію;—не уже ли я вструги;—вступилъ онъ въ подражаніе;—и прочая, и прочая, и прочая, и прочая.

2-е, Ошносительно Синтаксиса: пока не отошла еще мода на альманахи;—и тотъ считалъ себя за величайшій стыдъ;—вы слѣдуете все по модѣ;—встѣ служащіе у васъ на особыхъ порученіяхъ;—пожалтъ, Князь, лучше то, что я её пою на сценѣ;—помѣщу арно подъ голосъ этой;—о, въ этомъ не безпокойтесь;—имтъ уже маленькое къ нему лобонъство.—

3-е, Ошносительно Рипорики: лице ваше напоминаетъ мнѣ чпо-по знакомое? Можетъ быть, ибо вы мнѣ кажетесь такимъ же образомъ.—О! молодые люди, молодые люди! Вы не можете бороться съ спраспами, не можете сносить спокойно даже маленькія, ничего незначущія воспоминанія.—Жили бы, жили съ ровнею и были бы хотя пѣмъ довольны, что иногда, какъ витные, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ нашимъ братомъ; а то вѣдь нтъ: все надобно лести въ родню выше и выше и даже еще съ интригами и съ оспориваньемъ другъ у друга!.... Это очень глупо... (*). Желалъ бы я имъ лучше держаться въ интригахъ, если есть на это охота, съ своими съ братами, таковыми же какъ они, мелкоправчашными Липераторами, которыхъ нынѣ на Руси расплодилось, благодареніе Богу, довольно (**).

4-е, Ошносительно Пипики, Г. *Сиговъ* изобрѣлъ новыя мепры, какъ-по:

Надвось, милые друзья,
А изъ васъ есть многіе прозаики, поэты (***)...
А потому и я себя счастливейшимъ почиту,
Когда вы благосклонно приминте мою звѣзду (****)
*
Гусары! Бокаль Шампанскаго кипитъ,
*
И начинаетъ свои жесты.
*
Аполлонъ, счастливецъ Музы,
Когда-то сыграетъ онъ вздумалъ на Парнасъ шутку (****)
Для этого взошелъ онъ въ тесны узы:
Съ Юпитеромъ, Венерою, и наконецъ уже настроятъ
дудку.
*

Съ необыкновеннымъ мастерствомъ и опвагою вшавляетъ Г. *Сиговъ* такія рифмы, какихъ ни одинъ Русскій поэтъ упошребитъ не дерзнулъ; какъ-по: *горизонтъ—Аполлонъ; звѣзда—сестра—друзья; почиту—звѣзду; по днесъ—печь; креслы—жесты; старъ—вялъ; и прочая, и прочая.*

(*) Согласенъ!—К.

(**) Согласенъ!—К.

(***) 7 стопъ!!!—К.

(****) 7 стопъ.—К.

(*****) 10 стопъ. Самодиннѣйшій Всероссийскій сшишше.—К.

Пожалѣмъ о томъ, что Г. *Димитрій Сиговъ* не предпринималъ еще до сихъ поръ изданія учёнаго и критическаго журнала. За чѣмъ робѣшь? Прямѣры удачи у него нередъ глазами!

Въ заключеніе, выписываемъ изъ Утренней Зари Г. *Сигова* снатью въ прозѣ, два стихотворенія и заключеніе. Первую, для удостовѣренія почтеннѣйшей Публики, что Г. *Сиговъ* кушаетъ лимонадъ, посѣщаетъ театры и прогуливается въ садахъ съ Графинямъ; стихотворенія, для доказательства, что Геній можетъ въ чепырѣхъ стихахъ нагромоздить чепыре тысячъ цѣпъ сощъ недѣлностей, а эпилוגъ или заключеніе, вмѣсто комплимента.

I.

Прогулка въ Нескучный садъ съ театромъ.

«Ахъ, Боже мой! какъ вы долго отдыхаете!» сказалъ мой другъ, *Любославскій*, входя ко мнѣ въ мою спальню, въ 5 часовъ дня, въ мѣсяцъ Іюнь.

— Помилуйте! я только что сей часъ *откушалъ* и прилегъ отдохнуть!

— Какъ! вы развѣ не намѣрены быть сего дня въ Русскомъ спектаклѣ?

— *Пошелъ ты* (*) съ своими спектаклями... да и скажи, что тебѣ за охота *выхлѣбать* (**) и зѣвать съ 6 до 12 часовъ въ театрѣ? Я хочу лучше въ это время насладиться вольнымъ воздухомъ въ какойнибудь роощѣ, чѣмъ дремать въ креслахъ въ нашемъ *исполнинскомъ хаосѣ* и, смотря на ламповый свѣтъ, зѣвать, *отъ нечего дѣлать*, въ нашихъ чрезъ чуръ длинныхъ антрактахъ.

— Да вы читали ли сегодняшнюю афишу?

— Не читалъ! и закаялся читать, послѣ длиннаго и скучнаго спектакля въ бенефисъ N. N., до Августа!

— Такъ вопъ тебѣ *афиша!* прочти, вѣдь сего дня не въ Большомъ театрѣ!

— А если въ Маломъ, то еще хуже: тамъ надобно. . . .

— Да скажи! что тебѣ такъ *противели* наши милые театры? Не уже ли ты хочешь вздыхать и зѣвать по Верперовски, смотря

(*) Выраженіе изъ словаря большова Свѣта.—К.

(**) Похищено изъ *Аглаи Князя П. И. Шазикова*.—К.

на высокія сосны и берёзы, или восхищаться невосхитительнымъ, обыкновеннымъ закатамъ солнца, или. . . .

— Остановись, остановись! вы *заврались* (*) и, кажется, уже чрезъ чуръ!

— Такъ прочти же *афишу*—вѣдь нашъ театръ перенесся въ Нескучный садъ!

— Какъ! что ты говоришь? . . . Въ самомъ дѣлѣ! . . . Ахъ, вѣдемъ сей часъ же! . . . Но скажи, что за причина такогого небывалаго перехода? И хорошо ли тамъ сдѣлано: если не чѣмъ сидѣть, слышно ли что, видно ли? . . .

— Все; все это черезъ полчаса увидимъ, узнаемъ и если хорошо, то навѣрное—насладимся и проведемъ весьма пріятно нынѣшній вечеръ!

Я велѣлъ закладывать лошадей, а между тѣмъ приказалъ подать *кофею*.—Напившись *кофею*, мы въ 5½ часовъ уже переѣзжали нашъ *исполнинскій Каменный мостъ*, и чрезъ нѣсколько минутъ наши экипажи остановились у подъѣзда въ Нескучный. Подъѣхавши къ саду, съ перваго взгляда, я *погуствовалъ* уже какое-то *удовольствіе*, ибо прежнее *грязное* у воротъ *мѣсто* было *вымощено досками*, и около сада стояло премножество экипажей; а вошедши въ него, я совершенно увѣрился, что нынѣшній вечеръ у меня не будетъ поперинь. *Первому* моему *взору* *бросилась* темная *алея*, прежде *заросшая*, а теперь вычищенная и усыпанная пескомъ. Другъ мой меня поропилъ идти скорѣе, ибо отдаленный громъ музыки давалъ знать, что скоро начнется спектакль. Мы почти побѣжали, и я воображалъ себѣ, чтобъ намъ переѣзжая чрезъ рвы, на гнилыхъ бывшихъ мостикахъ не обрушиться; но мой спрхъ былъ щепетъ: ибо *подѣзжая* къ одному *таковому мостику*, я *увидѣлъ*, что онъ былъ *сдѣланъ новый*, следовательно, думалъ я, въ самомъ дѣлѣ *здѣсь гулянье* будетъ не на шутку, въ чемъ также меня увѣряли и бѣгущіе предъ нами и за нами любители, какъ мы же, драматургии или драмалогии, и увеличивающійся спукъ *подѣзжающихъ* экипажей.

Нашъ галопъ продолжался около пяти минутъ, и наконецъ мы, *запыхавшись* и поч-

(*) Цѣликомъ выхвачено изъ стихотворенія: *Марья Васильевна Толская*.—К.

ни уставши, очутились на прелестной полянѣ, на копорой увидѣли, къ удивленію своему, величайшее непокрытое зданіе. Это былъ театръ, устроенный во вкусъ новой готической архитектуры, по планамъ нашихъ сценическихъ *Архитекторовъ*, *Механиковъ*, *Режисёровъ* и—что мудренаго—*Актеровъ съ шоварищи*.

Я хотѣлъ было описатьъ внутренность сего величайшаго зданія, но, къ сожалѣнію моему, она уже извѣстна Публикѣ по описанію, и даже по *вымышленію*, нашего отличнѣйшаго писателя, поэта-прозаика, вѣнчающаго и прославляющагося на Парнасъ Московскихъ вѣдомостей! А потому я, оставляя сіе *алгеологическое описаніе*, скажу только то, что мы уже вошли въ театръ и сѣдѣли, вмѣсто предполагаемыхъ креселъ, на зеленыхъ скамьяхъ. Билеты у моего друга были взяты, какъ для себя, такъ и для меня, еще до обѣда въ канторѣ театра, а потому мы и попали въ первые ряды зеленыхъ скамеечекъ.

Спустя немного времени началось и представленіе. Для открытія представленъ былъ водевиль... не упомяну какой. *Щепкинъ въ оноль игралъ и пѣлъ, и игралъ, съ музыкой и подѣ музыку, и подѣ музыку, и съ музыкой* (*)... Кажется былъ и *Сабуровъ*... но что мнѣ до нихъ... Такимъ образомъ наслаждался пріятною игрою, я не забылъ и своей привычки: осмотрѣть въ *трубочку* всѣхъ зрителей, а болѣе зрительницъ. *Производя такіа маневры*, вдругъ мои глаза остановились на *одномъ редултѣ*... и гдѣбы вы думали, почтеннѣйшіе читатели?—весьма не далеко, то есть на одной ложѣ, въ копорой сѣдѣла *одна персона женскаго рода!* Эта персона, изволите видѣть, была мнѣ не безызвѣстна, а потому я и почелъ себя за долгъ *путешествовать въ ея резиденцію!*—Хотя мое путешествіе и не столь блестящее, какъ *Г. Булгарина* въ его описаніи: изъ райка въ преній ярусъ ложъ, но все таки могу сказать, что было путешествіе и не мало важное.

Кажется въ спектакль былъ уже антрактъ, ибо *Любославскій* шепталъ мнѣ, что пора

(*) Какое остроуміе! Какая тонкая шутка. — К.

прохладиться лимонадомъ. — Прошу извинить меня, если я не помню: *былъ ли это антрактъ или тянулась еще пѣса*—я былъ занятъ, или лучше сказать, какъ будто уже летѣлъ въ резиденцію (*), обворожившую мои чувства.—Мы вышли изъ пѣсапра, вышли по *стакану лимонада* (**), и я рѣшился отвязаться отъ своего друга, сказавъ ему, что хочу идти осмотрѣть садъ; но онъ мнѣ спалъ прошившись, и звалъ меня доглядѣть спектакль, ибо ему уже слышалось, что началось представленіе. После нѣкоторыхъ маленькихъ переговоровъ, я съ *Любославскимъ* разстался, и онъ пошелъ, почти на меня *разсердясь, какъ водится дружески, шуточно, досматривать спектакль, а я...* а я... *полетѣлъ къ своему предмету* (***)....

Вбѣжавши опроченью, по маленькой лѣсенкѣ, въ коридоръ ложъ, я вдругъ остано-вился и невольно вздрогнулъ. Эта робость отъ чегожь?—Неужели Графиня разсердилась?—Но вотъ уже моя дрожащая рука опворяетъ дверь въ ложу, и.... я.... взошелъ.—Мое нечаянное вступленіе привело въ смущеніе Графиню, и она немного покраснѣла. После несвязнаго моего привѣтствія по Французски, начавшагося: *Bon jour mad...* я остановился на какомъ-то *Французскомъ куплетѣ-Романсѣ* (****). Графиня немного улыбулась и показала мнѣ спулъ. Я сѣдѣлъ уже, но былъ въ какомъ-то *безчувственомъ восторгѣ*, и смотря на Графиню, замѣнилъ однакожь, что она, *взглядывавши на меня, что-то мнѣ говорила, ибо я сіе прилѣтилъ по движенію ея прелестныхъ губъ*, но-словъ ея я слышать не могъ, хотя и сѣдѣлъ прошивъ нея не болѣе, какъ на два фута.—Вдругъ сильныя рукоплесканія, вынужденныя

(*) Изъ *Далекаго журнала*. — К.

(**) *Г. Сиговъ* во второй разъ увѣряетъ насъ, что онъ точно кушалъ лимонадъ; онъ боится, что не повѣрятъ. — К.

(***) См. *Путешествіе въ Малоросію Князя Петра Шаликова*, (М. 2 частн. 1804).

(****) Опять похищеніе! *Г. Сиговъ* выцѣдилъ всю сентиментальность изъ *Путешествій въ Кронштадтъ Кн. Шаликова* (М. Въ типографіи С. Селивановскаго, 1817). — К.

одною панцовщицею, пробудили меня, и шепнули мнѣ, что я въ ложѣ и... съ Графиней *Лилейской*. . . . *Я хотѣлъ встать, но силы мои ослабли. Я хотѣлъ что-то говорить, но и этого сдѣлать не могъ. Чувства мои волновались, и я, схвативъ прелестную руку Графини, едва сказалъ ей, почти шопотомъ: не ужели вы однѣ въ сегодняшнемъ спектакль (*)? — «Почти одна;» отвѣчала она мнѣ улыбаясь, «но братъ мой Графъ, также здѣсь—вонъ видите сидитъ внизу. . . . Ахъ, извините! Онъ вышелъ, его нѣтъ.» . . . Графъ почто былъ въ театръ, но выходилъ въ это время, какъ я послѣ узналъ, наградить комплиментомъ ту панцовщицу, кою которой панцамъ всѣ рукоплескали; она была ему очень знакома. . . . Немного помолчавъ, я опять спросилъ Графиню: а ваша пестушка не изволила прѣхать въ спектакль? — «Она хотѣла прѣхать, но, можетъ быть, сіе оставила по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, случившимся въ ея грансъ-пасажъ!» — Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, ничего значущихъ, я наконецъ собрался съ духомъ, а между тѣмъ и пѣса кончилась. — Графиня мнѣ предложила выдти прогуляться до слѣдующей пѣсы или дѣйсвія. . . . Извините, что я все таки не знаю, что представляли—да и до того ли шупъ! . . .*

Вышедши изъ ложи, мы пошли на темную алею, по коюрой и достигли прекраснѣйшую поляну, усаженную разными цвѣтами. Съ сей поляны представились нашимъ взорамъ: на право и на лѣво большія березовыя и сосновыя деревья, вѣтви коихъ могутъ служить защитою отъ солнечнаго зноя (**); отъ сихъ деревьевъ, взглянувши лѣвъя, видно глубочайшій ровъ и въ немъ разбросанныя Природою небольшія березки, сосенки и болотные кустики, копорые своими зелеными листиками заснѣняютъ про-

(*) Не могу припомнить гдѣ, но я читалъ это. Думаю, что либо у *Кн. Шаликова*, либо у *Кн. Хованскаго*, либо у *Ефима Люценки* въ журналѣ *Пріятное и полезное препровождение времени*, издававшемся въ Москвѣ въ 1790, 1791 и 1792 годахъ, т. е. за 40 лѣтъ предъ симъ. — К.

(**) Изъ книги *Плодъ свободныхъ чувствованій*, соч. *Князя Петра Шаликова*.

зрачной ручеекъ, текущій по сему рву (*) и впадающій въ Москву рѣку; прямо — кристальныя струи Москвы-рѣки съ ея прелестными окрестностями. На одномъ величественномъ берегу сей рѣки видимъ исполнскія зданія, какъ-то: *Холовоиическія казармы* — жилище нашихъ храбрыхъ воиновъ, — дома Князей и Графовъ, а въ лѣво отъ сихъ зданій огромнѣйшій Ново-дѣвичій монастырь съ своею высокою колокольнею. Тамъ еще лѣвъя, на этомъ уже берегу рѣки, усматриваемъ и восхищаемся необозримою рощею сосновыхъ деревъ, тянущеюся черезъ Воробьевы горы, почти до самаго сада, изъ котораго мы *взираемъ* на сіи *романтическія картины*.

Мы начали разговаривать о сихъ *романтическихъ прелестяхъ Природы*. Графиня увѣряла меня, что она подобныя прелести видела на каждомъ шагу, во время своего путешествія по Швейцаріи (**). Я напропивъ того увѣрялъ ее, что у насъ не только въ Россіи, но даже около Москвы можно найти тысячи сихъ прелестей Природы; но дѣло въ томъ, что у насъ еще нѣтъ такихъ *лихихъ Романтиковъ*, копорые могли бы описать всѣ красоты оной. Мы спорили—я утверждалъ, что у насъ есть большія запасы *Природы* для описателей, но чтобы выполнить сіе, нѣтъ еще Романтиковъ; а Графиня опровергая это, увѣряла меня, что у насъ уже Романтиковъ много, но только нѣтъ восхитительныхъ красотъ Природы. Такимъ образомъ мы все еще спорили: одно она утверждала, я опровергалъ, другое я утверждалъ, она опровергала, и наконецъ *Ея Сіятельство вынужденно нашлась пуститься на доказательства*. . . . Но чтожь! . . . Какія были ея доказательства? — Она мнѣ только дала знать, что болѣе еще ничего не читывала, о семъ предметѣ, о копоромъ мы спорили, кромѣ Кавказскаго пѣнника, Марьиной рощи и . . . *Вдругъ хлопнула ракета — мы вздрогнули, и побѣжали скорѣе къ толпу*

(*) Видно, что *Г. Сиговъ* изучалъ безсмертныя творенія *Кн. Шаликова!* Такъ описываетъ онъ красоты Природы въ книгѣ своей *Цвѣты Грацій*. — К.

(**) Воробьевы горы похожи на *Монбланъ*, на *Сенъ-Готардъ*, на *Юру!!!* — К.

лѣтству, изъ котораго намъ звукъ ея послышался. Это предвѣщало, что скоро начнется еще представленіе. — Входимъ въ ложу, и представте наше удивленіе — мы видимъ великолѣпнѣйшій фейерверкъ! Блистающіе его алмазные огни ярко отражались на природныхъ деревьяхъ! Огненные фонтаны появлялись и съ шумомъ исчезали! . . . И наконецъ — послѣ многихъ перемѣнъ — залъ ракетъ заключилъ фейерверокъ и сдѣлалъ окончаніе Русскому спектаклю сего вечера.

Я предложилъ Графинѣ остающіяся еще нѣсколько минутъ вечера провести въ семь саду, наслаждаясь благоуханіемъ Цоньскаго вечерняго вѣтерка. Мы пошли гулять по саду и начали восхищаться уже не Природою, но — сладостными разговорами, льгочились изъ двухъ сердець, понимающихъ другъ друга. . . . О! пріятнѣйшія минуты сего незабвеннаго вечера! Вы не изгладитесь изъ моего пылкаго сердца!

Восхищаясь душевными прелестями, мы непримѣтнымъ образомъ дошли почти до одного угла сада. Въ семь мѣстѣ дорожка, по которой мы шли, попянулась излучиной возлѣ рва, простирающагося въ разныхъ направленіяхъ по саду. Подошедши къ сему мѣсту, насъ какое-то невольное чувство остановило, и мы присѣли на спящую скамью. Лишь только успѣли мы сѣсть, какъ вдругъ вблизи насъ во рву какой-то женскій голосъ произнесъ прагматическимъ прощальнымъ тономъ: «Измѣнникъ! Ты. . .» Последнихъ словъ мы не могли разслушать, ибо они выговорены были уже слишкомъ драматически и очень тихо. Послѣ нѣкотораго молчанія, мы услышали маленькій шорохъ, и кто-то мужескимъ голосомъ началъ говорить, но только такъ, что намъ ничего не можно было разслушать. Голосъ сего послѣдняго намъ былъ нѣсколько знакомъ, но мы однакожъ не могли его узнать; да и то надобно сказать, что намъ не было и большой охоты къ телу любопытству, ибо у насъ между собой продолжался болѣе важный разговоръ; а потому, оспавъ сихъ героевъ изяснясь между собою, мы встали и пошли далѣе по той же дорожкѣ, которая, извиваясь излучинами, выходитъ на большую алею.

Вся Природа безмолвствовала и вкушала нипательную для нея низпадающую росу, кошорая, въ видѣ прозрачнаго тумана, орошала благоухающіе цвѣты и величественныя деревья. Только одинъ опдаленный звукъ громкаго ночнаго соловья, улаждающаго, можетъ быть, свою любезную подругу, нарушалъ тишину, царствующую во всемъ саду. Эптъ прелести, думалъ я, эптъ величественныя красоты ночной природы, моглибъ меня удержатъ въ семь саду до самаго восхода солнца, а можетъ быть, и сдѣлалибъ изъ меня пылкаго Романшика; но я. . . . я былъ съ предметомъ въ тысячу разъ милѣе мнѣ всѣхъ красотъ, какія только моглибъ явиться въ воображеніи Романшика. . . .

Наконецъ, я нечаянно взглянулъ на свои часы. Часовая стрѣлка спояла уже на числѣ, означающемъ 12. Графиня сказала мнѣ: «пора, милый мой, ѣхать домой (*)!» — Амуръ понесъ насъ на своихъ легкихъ крыльяхъ къ подъѣзду сада (**). Богатый экипажъ Графини споялъ уже у дверей онаго и ея пздовые лакеи дремали, сидя на скамьяхъ при входѣ въ садъ. Лишь только мы успѣли сказать, чтообъ намъ опворили карешныя дверцы, какъ вдругъ кто-то съ зади закричалъ: «Графиня, Графиня, поспой, вы меня и забыли!» — Графиня невольно вздрогнула; но, оглянувшись, узнала, при свѣтѣ сіяющей луны, что это блѣжитъ во вѣсь головъ ея братаецъ—двадцатилѣтній Графчикъ.

Мы сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали. Графъ дорогою разсказалъ намъ романтическое геройство, по содержанию своему похожее на наше съ Графиней, совершенное имъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ, Любославскимъ, кошорый также былъ знакомъ Графу, какъ и я. Любославскій, по увѣренію Графа, еще оспался въ саду на нѣсколько минутъ. — Между тѣмъ, мы уже подъѣхали къ крыльцу дома Графини и—воптъ уже въ залъ (***), гдѣ

(*) Вся сія сцена взята изъ сочиненій Кн. Шаликова, на кошорый пакинула душегрѣйка повѣшняго улынія изъ гардероба Г. Курьевскаго.—К.

(**) Какой богатый предметъ для каршины.—К.

(***) Невольно приходится здѣсь на память слова А. С. Пушкина: «Пора, пора намъ осмѣять les précieux ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ

проведши нѣсколько минушъ, и опуживавши у Графини, куда поспѣшилъ явиться и *Любославскій*, я похалъ домой, благодаря друга своего, что онъ мнѣ далъ такой *драгоценный* случай провести сей вечеръ.

На другой вечеръ я съ Графиней гулялъ также въ прелестномъ саду, но только уже не въ Нескучномъ, а поному и прошу моихъ почтенныхъ чинашелей меня извинить, что я не могу помѣстить сего моего описанія подъ этой спашней.

II.

И. А. Крылову (*).

Я удивляюсь тебѣ, Крыловъ!
Какъ мысли ны крупнѣе,
Какъ нравы все острѣе,
И все творишь ны крапкостію словъ!

III.

А. С. Пушкину (**).

Нашъ Пушкинъ молодець!
Для всѣхъ онъ образецъ:
Хоть пишешь мало,
Но за то не вяло.

IV.

З а к л ю ч е н і е.

И наша милая словесность,
Для всѣхъ спановиши въ извѣстность.
Писателей же Русскихъ роты,
Уже готовилася на штурмъ западной Европы!
Смирнись *Шиллеры*, *Валтеры-Скотты*, *Гёте!*
Объ васъ ужъ похвалы намъ надобны въ свѣтъ.
Взгляните на одно: какіе есць уже у насъ романы!
Хотя и въ нихъ найдутся маленьки изъяны;
Но вспомните, что даже иногда
Бываетъ очень мупна и вода!...
Намъ оспаешся еще только сдѣлавъ шагъ
И...но, извините, мнѣ пора окончить *Альмапахъ!*

вѣчно о прекрасныхъ чинашельницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просить, и все это слогомъ Камердицера-Профессора *Тредьяковскаго*. — К.

(*) Что, если бы по какому нибудь несчастному случаю испребились все 40,000 экземпляровъ басенъ *Крылова*, а дошла до позднего потомства эта надпись? Чтобы они подумали о баснописцѣ, который крупнѣе снахи, какъ верѣвку, и острѣе нравы, какъ колья? — К.

(**) Лестная похвала для сочинителя трагедіи *Борисъ Годуновъ!*

Извините и меня, что во зло употребилъ ваше долгошерстное, почтеннѣйшее чинашеле!

А. Кораблинскій.

С. Токсово.
Сентября 12, 1831.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ С. ***

Оставь . . . и не буди во мнѣ воспоминаній.
Я все забылъ! Я все забылъ!
И эшотъ жаръ примапчивыхъ лобзаній
И эшотъ взглядъ—онъ крѣпко заронилъ
Мнѣ, въ душу пыжкую, оправу. . .
И можешь быть, на зло судьбѣ,
На перекоръ уму, уставу,
Моей довѣрчивой мольбѣ,
Въ меня весь адъ переселится,
Самъ Демонъ руку мнѣ подастъ. . .
Когдабъ я могъ переродиться,
Изгнавъ разсудкомъ эту страсть;
Но какъ забыть на вѣкъ, что было
Такъ обольстительно и мило.
Нытъ, нытъ!
Безцѣнный другъ! я забываюсь.
Прости, прости любви предметъ,
Въ тебѣ мнѣ миль опрадный свѣтъ,
Тобой блаженствомъ упиваюсь;
Когдажъ даришь улыбкой ты
И взглядомъ пыжкимъ. . .
Не поспуя,
Покниувъ ревности мечшы
Я къ сердцу жму . . . въ душѣ рисую
Мнѣ ненаглядныя чершы.

Сергей Хитрово.

МОГИЛА ГРАФА ПОЛЬЕ.

Какими грустными мечшамы
Я былъ у гроба осѣнень!
Здѣсь смерть увѣнчана цвѣшамы,
И шихъ ея могильный сонъ.
Что жизнь? мгновенное спраданье.
Кому завѣщано въ удѣлъ
Хотя одно воспоминанье:

Топъ не совѣмъ оспрошѣлъ.
 Минувшій день ему свѣтлѣешь
 Какъ Херувимъ въ полночной мглѣ.
 Прекрасный мѣръ не запустишь
 Тому — кто плачетъ на землѣ!
 Слеза любви не даромъ льется. . .
 Альпше, грустные цвѣты!
 Вотъ чей-то призракъ къ вамъ несется. . .
 Жилецъ эврийной высоты.

Трилуный.

Парголово.

LOGOGRIPHE.

Je passe sur dix pieds une assez triste vie;
 Coupez m'en trois, lecteur, je vous en prie,
 Je n'aurez plus le mal que je porté en tous lieux,
 Et par ce moyen-là vous me rendrez heureux.

Въ No 84 и 85, помѣщенная шарада значить: *Ног-ка.*

MODES.

Les garnitures de tulle à festons carrés très-creuses sont d'un effet charmant pour les canezous.

Des festons à très-longues pointes, entourés de crêtes de coqs s'emploient beaucoup pour les bonnets de linge; ces garnitures deviennent ainsi très-légères et vont très-bien avec les feuilles de rubans de gaze que l'on place entre deux.

Les habits d'hommes les plus élégans sont de couleur marron, bleue ou d'un brun foncé tirant sur le violet. Cette couleur offre de beaux reflets. Les habits se font moins larges et avec des crans moins aigus.

Les redingotes sont vert foncé, ou noires.

Les gilets sont toujours à la chevalière, mais plus généralement à collet droit.

Les pantalons demi-collans et guêtres, sont tout-à-fait en vogue.

МОДЫ.

Тюлевая оборка, съ четверугольными, глубокими зубцами, прелестны для канзу.

Зубцы съ длинными мысками, вымѣстными пѣтушьями гребешками, въ большомъ употребленіи для чепчиковъ, принадлежащихъ къ бѣлью; оборки сіи кажутся весьма легки и очень красивы съ листьями изъ газовыхъ лентъ, копорыя прикалываются между двухъ оборокъ.

Для мужскихъ фраговъ, въ наибольшемъ употребленіи цвѣтъ: каштановый, синій или темный, выпадающій въ фіолетовый. Сей послѣдній имѣетъ прекрасный опливъ. Фраки дѣлаютъ не такъ широки и лацканы не такъ оспры.

Сюртуки дѣлаютъ темно-зеленыя или черныя.

Жилеты продолжаютъ носить съ шалью, но съ прямымъ воротникомъ употребительнѣе.

Панталоны не совѣмъ въ обтяжку, и жилеты въ большомъ употребленіи.

СМѢСЬ.

Сбирался на пятидневное мореплаваніе, мы запасаемся всѣмъ для насъ нужнымъ; но не думаемъ о томъ, какъ бы сохранить въ копорыя пособія про нашу старость. А казалось бы, что это такой пушъ, о копоромъ имѣемъ довольно времени позаботиться; однако же, совѣмъ пѣмъ, мы не заботимся ни о какихъ запасахъ, не принимаемъ никакихъ мѣръ предосторожности.

Полиптики говорятъ, что ученые неспособны быть завоевателями; нельзя ли сказать того же и о побѣдахъ надъ женщинами?

Встрѣчать сострадаательныя сердца въ несчастіи есть большое упѣшеніе.

Умъ ничто другое, какъ позваніе порядка, копорымъ должны мы управлять дѣйствіями нашей души.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по

Средащъ и

Субботащъ.

№ 87 и 88.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ доставкой и пересылкою 55 рублей.

СУББОТА, Октября 31 дня, 1831 года.

Буде рѣчь моя слаба, буде пѣшь въ ней чину,
Ни связи, должноль о томъ шужить дворянину?

Князь Каптелицъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЕМУ ВЕЗЛО.

(1797).

«Дядя моего дѣда,» говорила мнѣ бабушка: «командовалъ двадцати-эскадроннымъ Конно-Гренадерскимъ полкомъ, имѣлъ опѣ него по спу тысячь рублей въ годъ — и жилъ какъ Принцъ!!!» — А я, слушая эпо, качалъ буйною головою и сквозь зубы ворчалъ:

— *Ему везло!*

*

«Что нынче за Губернаторы?» съ досадою жаловалась мнѣ моя бабушка, свѣдавъ, что племянникъ ея, а мой внучатный братъ, возвратился съ Губернаторства съ пустыми руками: «поѣдушь на воеводство голы, а прѣдушь наги. Мой крестный отецъ, будучи опредѣленъ Правителемъ Губерніи, отправился спуда на пропьяныхъ въ рогожной кибиткѣ, опшолъ же выѣхалъ на 70-ти лошадахъ, а все громоспкое имущество оппустилъ водою на баркѣ!!» — Я въ эпо время насвистывалъ на голось Русской проспонародной пѣсни: Ахъ, шалаиъ ли мой, шалаиъ шакой, слова:

— *Ему везло!*

*

Бабушка, между прочимъ, увѣрляла меня, что въ старину одинъ Князь, баловень природы, перевелъ любовныя спраданія Вертера, сочинилъ чувствительное путешествіе и новое чувствительное путешествіе, двѣ дидактическія поэмы: Искусство дѣлать лишницу изъ канарейныхъ яицъ и Искусство собирать жемчужную росу; мадригалъ на Анюпины глазки, элегію на прыщикъ Всемилы, оду на родимое пятнышко Въспраны, эпистолю на бородавку Пльниры и сонню анаграммъ, парадъ и логогрифовъ — и чрезъ шо попалъ въ члены обществъ любителей словесности въ Санктшпербургъ, Москвѣ, Казани, и Харьковѣ — и будучи 64 лѣтъ опъ роду, и уже забывался до пого, что хвалилъ враговъ своихъ (чего въ цѣшущихъ лѣтахъ съ нимъ ни однажды не случалось!) и бранилъ благопріятелей, а все еще издавалъ сепименпальный журнальчикъ съ картинками погдашнихъ модъ:

— *Ему везло!*

*

Николай Игнапьевичъ *Льнтлевъ* родился въ благодатное Царствование Императрицы Елисаветы Петровны въ 1756 году, скончался въ 1796 году Ноября 5 дня. Въ день своего крещенія записанъ въ Гвардію Сержантомъ; не бывъ ни разу въ спрою,

онъ на 18 году выпущенъ въ армію Капипаномъ, а черезъ годъ, не ѣздя въ полкъ, уволенъ по прошенію въ чистую опісавку съ чиномъ Маіорскимъ. Съ тѣхъ поръ никогда не служилъ, не обременялъ себя брачными узамы, не упражнялся въ липературъ, не занимался ни торговлею, ни мануфактурами, ни промышленностью, не предпринималъ путешествій, не игралъ въ азартныя игры, не любилъ ни собой охоты, ни горячихъ лошадей;—не нажилъ ни рубля, а все получилъ по наслѣдству послѣ родителей. Въ деревнѣ просыпался онъ въ полдень, а въ Москвѣ въ часъ по полудни; былъ Членомъ Благороднаго собранія и Англійскаго клуба; ни разу не ѣздилъ на дрожкахъ и не прогуливался пѣшкомъ; пилъ только портеръ и безпреспанно держалъ въ зубахъ огромную пенковую трубку; цѣлый день ходилъ въ шлафрокъ и въ шуплихъ на босую ногу; расплсѣлъ, какъ сороковая бочка, вѣчно улыбался и умеръ скоропоспихно опъ апоплексическаго удара:

— *Ему везло!*

*

Жилъ-былъ въ бѣлокаменной, злагоглавой Москвѣ Профессоръ Россійской словесности, и болѣе сорока лѣтъ преподавалъ оную Спуденіамъ и вольнымъ слушателямъ. Но какъ преподавалъ? Сорокъ лѣтъ разбиралъ поржесственную Оду Ломоносова на возвращеніе изъ Санкппетербурга въ Москву Императрицы Елисаветы Петровны, послѣ Коронаціи. Сія Ода начинается сими стихами:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ

И нову силу въ чувства льетъ?

Сей прудолубивый мужъ скончался, пользуясь славою многоученаго Педагога и краснорѣчиваго Випіи, совмѣспившаго въ своей особѣ *Демосфена* и *Цицерона*. Это было давно, давно; уже 26 лѣтъ, какъ онъ покойся на Лазаревомъ кладбищѣ; однакожь нельзя не сказать, что

— *Ему везло!*

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С О Ф І Я.

With hospitable ray.

(Goldsmith.)

. . . . Для несчастливца, которъй печально влачитъ дни свои, довольно того, если хотя одинъ лучъ надежды изрѣдка озаритъ его, и онъ готовъ испить всю чашу справеданій; для упомяннаго пушника, блуждающаго среди мрака, доспапочно чуть брежущаго вдали огонька, чтобы оживить его бодрость. Этопъ прівѣтныи свѣпъ увидѣлъ я въ окнѣ хупора, лежащаго близ опушки лѣса. Я прямо направилъ къ нему шаги, хотя очень сомнѣвался въ радушномъ пріемѣ. Въ самомъ дѣлѣ, скитаясь въ паковую пору около лѣса, и явившись распрепаннымъ и промокшимъ до костей, все это не могло внушить ко мнѣ довѣрія хозяевамъ хупора. Однакожь нѣкогда было разсуждать въ пакой крайности. Я послушался эфесомъ корпика въ запертыя ставни подклѣпа: собака громко залаяла, и вскорѣ надо мною открылось окно, въ которомъ я видѣлъ издали свѣпъ. «Кто тамъ?» Извините, что я попревожилъ васъ въ пакую пору. На пуши изъ Нанси въ мѣспечко Р. . . урѣ, я заблудился въ лѣсу, и не знаю гдѣ укрыться опъ сей ужасной непогоды. Женцина, которая открыла окно, оборотясь въ комнату, сказала: «другъ мой! какой-то прохожій молодой человекъ проситъ у насъ ночлега.»

Я удивился, услышавъ пріятныи женскій голосъ и Парижское нарѣчіе; между тѣмъ, какъ я спарался изъяснить сію нечаянность, черезъ нѣсколько минутъ заспучалъ у воротъ запоръ. Ко мнѣ вышелъ съ фонаремъ молодой креспьянинъ, которъй извинясь со всею вѣжливостью и приличіемъ, что заставилъ себя долго дожидаться, просилъ меня войти въ домъ. Онъ ввелъ меня въ залъ, гдѣ устроены были прекрасный каминъ. При свѣпѣ яркаго огня, разведеннаго въ немъ, я разсмотрѣлъ черты своего хозяина, на лицѣ его примѣтна была блѣдность и изнуреніе, которое скорѣе можно было приписать ученымъ занятіямъ и забавамъ, нежели грубой креспьянской работъ. Въ то

время, какъ сей молодой человекъ суешился около меня, я услышалъ женскіе шаги на лѣстницѣ и по голосу узналъ ту, которая говорила со мною изъ окна. Это была хозяйка. Если я удивленъ былъ пріятностію ея голоса, то еще болѣе былъ пораженъ ея поступью, непринужденною ловкостію, умными опвѣтами, и въ особенноти привлечительною наружностію, свойственною болѣе молодымъ Анпенскимъ красавицамъ, нежели женщинамъ, сокрытой въ глубинѣ Лоренскихъ лѣсовъ. Въ самомъ нарядѣ ея находилъ я что-то особенное, какую-то смѣсь городской роскоши и уповченности съ сельскою простотою. Здѣшніе крестьянки обыкновенно скрываютъ прекрасные свои волосы подъ красную шапочку съ выемками на лбу и вискахъ, которая подвизывается двумя черными лентами; прическа ихъ на манеръ Маріи Спурартъ. Любезная хозяйка моя была также въ Лоренской шапочкѣ; но противъ обыкновенія поселенокъ, по обѣимъ сторонамъ упали два длинные локона, по тогдашней Парижской модѣ. Не менѣе казалось мнѣ удивительнымъ, что она, занималась нужною въ хозяйствѣ работою, надѣвала лайковыя перчатки, и что вмѣсто крестьянскихъ деревянныхъ башмаковъ, изъ подъ шерстяной юбки ея выказывались кончики ботинокъ, обрисовавшихъ прелестныя ножки.

Исключая простой деревенской утвари, спальня моя ни въ чемъ не уступала Парижскимъ альковамъ, гдѣ ничто не было забыто для удовлетворенія прихотей свѣтскаго человека. Хозяйка оставляя меня, замѣтили, что въ головахъ постели моей находится нѣсколько полокъ съ книгами. Этомъ крестьянинъ, изготовившійся чистить мою лошадь, и одѣтый не лучше прочихъ земледѣльцовъ, во время короткаго разговора о своихъ книгахъ, сказалъ нѣсколько словъ, которые ясно показывали въ немъ человека, занимавшагося литературою. Мнѣ больно было видѣть, что суешность заставила его выйти на минуту изъ своего быта, и что онъ хотѣлъ показаться мнѣ болѣе ученымъ, нежели земледѣльцемъ, какъ будто хуже воздѣлывать землю для пропитанія себя, жены и дѣтей, чѣмъ изсушать тѣло свое и мозгъ, прун-

дась надъ бесплоднымъ листомъ бумаги! . . . Въ сихъ размышленіяхъ я заснулъ такъ покойно, что на другой день хозяйинъ мой, превозмась столь продолжительною пишиною въ моей спальнѣ, пришелъ разбудить меня: ибо тогда было уже 12 часовъ, и вызвался проводить меня черезъ лѣсъ до мѣстечка Р. . . ура. Извиненія мои доказали ему, сколь пріятно было для меня его предложеніе. Я поспѣшно одѣлся и вышелъ въ залъ, чтобы проститься съ хозяйкою. Какъ она была мила! Сколько желалъ я оставаться у нихъ долѣе, чтобы имѣть право получитьъ прощальный поцѣлуй!

Между тѣмъ мы вышли на дворъ, гдѣ мужъ ея ожидалъ меня съ двумя лошадьми. Она подошла къ нему, схватила его руку, прижалась къ груди его, и устремивъ на него черные глаза свои, произнесла нѣжнымъ голосомъ: «Іосифъ, не оплучайся отъ меня надолго, и берегись, чтобы въ лѣсу чего нибудь съ тобою не случилось.» Іосифъ улыбаясь, обѣщалъ ей черезъ часъ ворошиться; онъ вскочилъ на свою лошадь, я поже, и мы поѣхали лѣсомъ. Мы опѣхали уже довольно далеко отъ хупора не говоря ни слова, какъ молодой мой жошашый, опгадывая мои мысли, сказалъ: «изъ всѣхъ профъжихъ, копорыхъ случай заводилъ къ намъ до сихъ поръ, вы первые ничего не говорите о женѣ моей. Не правдали, что для крестьянки она. . .» Тутъ я прервалъ его, увѣряя, что одна полько разборчивость не позволяла мнѣ дѣлать неумышленные вопросы, но и подъ простою кровлею и одеждою ихъ, отъ меня ничего не скрылось. На это молодой поселанинъ опвѣчалъ мнѣ съ умомъ, и мы сказали другу другу нѣсколько двусмысленныхъ словъ, въ которыхъ я изъявлялъ опасеніе оскорбить его, будучи пронупъ его опкровенностію. Попомъ зашла рѣчь о моихъ предпріятіяхъ, о цѣли моего пушешествія. При семъ случаѣ я обнаружилъ къ нему столько довѣренности и описалъ ему всѣ свои обстоятельство съ такимъ простодушіемъ, что онъ, почипая меня достойнымъ узнать тайну его счастья и желая заплашить мнѣ равною довѣренностію, рассказалъ свою исторію слѣдующимъ образомъ:

«Я единственный сынъ одного земледѣльца; отецъ мой лишился моей матери вскорѣ послѣ рожденія моего. Горестъ, причиненная поперею нѣжно любимой жены, еще болѣе усилила его ко мнѣ привязанность. вмѣсто того, чтобы воспитать меня лично своему сосполнѣю, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ меня что нибудь значительное; занятый мечшою о моемъ счастіи, онъ слѣдовалъ влеченію своего сердца. На девятомъ году отъ роду меня отдали въ военное училище въ Нанси. Въ семь заведеніи я провелъ лучшіе лѣта свои, и вмѣсто того, чтобы научиться чему нибудь полезному, я набилъ голову безплодными науками. Это драгоценное время, поперлянное споль безразсудно, было, какъ вамъ извѣстно, только началомъ жалкаго моего поприща. Изъ сей школы надобно было перейти въ другую, и я посланъ въ Парижъ обучаться правовѣдѣнію; но съ самаго начала я почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ оному. Тщетно старался я цѣлый годъ побѣдиль сие чувство; единственными плодами сихъ усилій были глубокое уныніе, мучительная скука и расстройство здоровья. За отвращеніемъ всегда слѣдуетъ праздность; отъ бездѣля я началъ искать разсѣянія въ удовольствіяхъ. Человѣкъ рождается не для забавъ: умъ слабѣетъ, пылкость вводитъ въ заблужденія, и каждый поступокъ носитъ на себѣ оппечалокъ испорченнаго сердца. Я вовлеченъ былъ въ пороки, неразлучные съ праздностью; какъ вдругъ одно обстоятельство, которое по порядку вещей, должно было бы совершенно меня погубить, избавило меня навсегда отъ опасностей Парижа. На Французскомъ Театрѣ появилась новая молодая актриса, которая игрою своею, исполненною огня и чувства, сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе: его нельзя было назвать чувствительностью, возбужденною совершенствомъ формъ, ни удивленіемъ къ таланту; нѣтъ, я каждый вечеръ приходилъ въ театръ любоваться женщиною, а не артисткою. Спранное дѣло, которое доказываетъ однакожь, какъ любовникъ ревнивъ къ предмету своей страсти! Общія рукоплесканія, распочаемыя сей молодой дѣвушкою, вмѣсто того, чтобы упѣ-

шать меня, наво дилимнѣ поску и уныніе. Мнѣ казалось, что при появленіи ея на сценѣ, я одинъ долженъ отдавать справедливость ея прелестямъ и искусству, и я всякой разъ готовъ былъ просить партнерную публику поберечь руки свои и восклицанія: *браво*, для другихъ актрисъ. Мнѣ небольшого труда и издержекъ спойло пробраться въ залъ, гдѣ актеры собирались до представленія, или выходили во время онаго показаться съ своими знакомыми всякаго состоянія. Софія, вся въ брилліантахъ и цвѣтахъ, одѣтая сообразно прекраснымъ ролямъ, сочиненнымъ для неѣ молодыми писателями, нерѣдко выходила въ сей залъ; при входѣ ея вдругъ наступило общее молчаніе; всѣ удивлялись и приносили дань красотѣ ея. Самые артисты, ея поварищи, не могли еще привыкнуть къ сему соединенію кокетства, прососердечія и спыдливости, конми одушевлена была прелестная голова ея. Забившись въ самый темный уголъ зала и припворясь, будто слушаю какой нибудь остроумный разговоръ, я безмолвно разсматривалъ это милое существо, которое всѣ обожали, и коего каждое слово изумляло остроуміемъ, каждое движеніе дышало новою прелестью, новымъ очарованіемъ.

«Къ ней подходили молодые актеры, артисты, Офицеры, знаменитые волокипы, цѣловали у неѣ ручку, смѣялись съ нею и заставляли ее смѣяться; ибо она отъ души предавалась веселости, показывая себя споль же доброю, сколько была прекрасна, и надеясь одною только ласкою и спыдливостью сохранить должное къ себѣ уваженіе. Я не смѣлъ говорить съ нею. Даже когда она подходила къ софѣ, на кошорой я сидѣлъ, я трепещалъ, чтобы она не сѣла подлѣ меня и не вступила со мною въ разговоръ; что я могъ сказать ей? Иногда я пытался преодолѣть робость и сказать ей что нибудь лестное; но я въ такомъ былъ расстройствѣ, что не въ силахъ былъ найши ни одной мысли, ни одного слова, которое бы удовлетворило ея нѣжный вкусъ. Подъ видомъ дерзости, я старался скрыть свое замѣшательство, и сказавъ что нибудь, самъ чувствовалъ, какъ это было не кспати и

смѣшно. Вы видите, что я долго паилъ бы страсть свою, о которой она вовсе не знала бы, еслибъ не помогъ мнѣ одинъ случай.

«Я вышелъ однажды на театральный балконъ, чтобы увидѣть Софію, какъ одинъ молодой человекъ, сидѣвшій подлѣ меня, завелъ разговоръ съ однимъ изъ сосѣдей нашихъ о сей молодой дѣвушкѣ; отзываясь о ней весьма дурно. Невозможно описать что я перѣлъ, слушая сей разговоръ; увѣряю васъ, говорилъ онъ, что въ эпоху малюшкѣ нѣтъ ни сердца, ни души; добродѣтель для нее пустой звукъ; одинъ спарикъ даетъ ей на содержаніе по 20,000 франковъ, и она сохраняетъ вѣрность къ эпоху кучкѣ золота. Кровь во мнѣ кипѣла; я едва не лопнулъ съ досады. Я хотѣлъ говорить, но у меня вырывались одни несвязныя ругательства; чувствовалъ, что мнѣ должно удалиться, и уже вспалъ было съ своего мѣста, какъ сосѣдъ мой продолжалъ: «какъ вы назовете женщину, которая поругаетъ своими прелестями?» Онъ не успѣлъ еще кончить сіи послѣднія слова, какъ я въ бѣшенствѣ далъ ему пощечину; такъ, что у него брызнула кровь изъ носа. Знаю, что ударить такимъ образомъ публично когонибудь, неприлично модному человеку; но это случилось машинально, въ изступленіи гнѣва, въ совершенномъ безпамятствѣ. Разумѣется, что на другой день мы явились въ условленное мѣсто со шпагами въ рукахъ, будучи увѣрены, что такое шажкое оскорбленіе должно кончиться смертію одного изъ насъ. Но кажется, противникъ мой не былъ изъ числа храбрецовъ: ибо послѣ нанесенной мнѣ легкой раны въ руку, онъ согласился съ нашими секундантами, что эпоху удовлетворенія для него достаточна. Не смотря на то, приключеніе сіе сдѣлалось извѣстнымъ, и черезъ нѣсколько дней узнала о немъ Софія. Около недѣли я не выходилъ изъ комнаты; потомъ снова обратился къ своимъ привычкамъ, съ позволенія хирурга, который велѣлъ мнѣ только подвязывать больную руку. Въ одинъ вечеръ я оставилъ театральную залу довольно поздно, какъ вдругъ подошла ко мнѣ горничная и опведя въ сторону, сказала: «Софія проситъ васъ на

минушу зайди къ ней въ квартиру.» У меня занялся духъ и я не могъ ничего отвѣчать. Я смотрѣлъ на сію женщину. Нѣтъ ли тутъ какой хитрости? не хочетъ ли ктонибудь подшутить надо мною, или опомспитъ мнѣ? Возможно ли, чтобы Софія захотѣла видѣть меня въ такую пору? Я снова взглянулъ на горничную, какъ бы желая прочесть въ глазахъ ея, не обманываетъ ли она: «Спугайте за мною!» сказала она. Я удержалъ ее, произнесъ нѣсколько несвязныхъ словъ; потомъ спросилъ ее съ безпокойствомъ, нѣтъ ли кого у ея госпожи. Я желалъ бы, чтобы она отвѣчала: да. Я пошелъ за нею, не помня, гдѣ я, и старался медленностью шаговъ отдалить отъ себя свиданіе, за которое однакожь не пожалѣлъ бы жизни. О, какъ шепетало во мнѣ сердце, когда мы проходили по темнымъ коридорамъ, едва освещеннымъ гаснущими фонарями; наконецъ, проводница моя оспановилась у маленькой двери, на которой написано было: *Софія*, отворила ее, провела меня чрезъ переднюю и заперла дверь; вдругъ я очутился одинъ съ дѣвицею, которую я любилъ. Едва успѣвъ снять съ себя театральную костюму, полурасдѣвая, небрежно накинувъ на себя бѣлый кисейный шлафрокъ, она сидѣла на софѣ, споявшей въ глубинѣ комнаты. Физиогномія ея потеряла свою обыкновенную игру; на успахъ ея не было улыбки; она была печальна, и черные глаза ея казались еще свѣплье отъ блѣдности лица. Сначала она извинилась, что обезпокоила меня своимъ приглашеніемъ, потомъ просила садиться. Въ замѣшательствѣ я не замѣтилъ, что она позволила мнѣ сѣсть подлѣ себя, схватилъ складной стулъ, споявшій въ противоположномъ углу комнаты и пододвинулъ его къ софѣ. Когда я сѣлъ, Софія произнесла: «Знаете ли вы, сударь...» Она не могла продолжать; закрыла лице руками; потомъ съ живостью отперла слезы, текуція по лицу ея, продолжала: «знаете ли вы, что незнакомецъ, котораго вы ударили на театральномъ балконѣ, говорилъ правду? Да, онъ правъ. Скажите, спали ли бы вы жертвовать за меня жизнью, когда бы знали, кто я?» Я пощипалъ глаза, не говоря ни слова; бѣднейшая

поняла отвѣтъ мой: «Ахъ, я въ этомъ очень увѣрена!» Она произнесла слова сіи съ такою улыбкою и такъ грустно, что камень могъ бы пронупись; потомъ, сложивъ руки и устремивъ глаза вверхъ, сказала: «Боже мой! что я сдѣлала, что такъ несчастна! Вотъ вамъ вся жизнь моя: до пятнадцатилѣтняго возраста я воспитана была для роскоши и богатства; въ это время мнѣ предложили экипажи, лошадей, богатые наряды, пышное жилище, сказавъ: это все будетъ твое, согласишься только принять друга, котораго тебѣ представятъ. Съ нимъ найдешь ты довольство, пышность, счастье; безъ него, одну бѣдность. Избирай, ты свободна; ни что не можешь тебѣ препящствовать: ты одна на свѣтѣ. Я ничего не понимала; желала только нравиться; меня ослѣпляли прекрасные уборы, новая коляска; но я никогда не размышляла о себѣ, о своемъ назначеніи въ свѣтѣ, о ненавистной роли пѣхъ людей, которые употребляютъ во зло легковѣріе и протосердечность неопытной дѣвушки. Злодѣи, они лучше бы сдѣлали, еслибъ умертвили меня!» Видя, что воображеніе ея мало по малу разгорячается, я старался успокоить ее, выдумывая на удачу пошлыя причины, которыя могли бы извинить ея несчастіе; но она имѣла столько врожденнаго благородства, что не могла не чувствовать ничтожность сихъ извиненій: слезы ея не переставали литься, тяжкіе вздохи спѣсняли грудь ея; нельзя было смотрѣть безъ жалости на ея рыданія, на рассыпанные по лицу въ безпорядкѣ черныя волосы, омоченные слезами, на зардѣвшіяся отъ горести щеки, и плапокъ, которымъ она старалась удержатъ свои рыданія. Удрученный любовью къ ней, искреннимъ ея признаніемъ, ея горестью, я не въ силахъ былъ утѣшать её...

«Въ эту минуточку кто-то постучался у дверей, и какъ мы вдругъ умолкли, то кто-то вложилъ ключъ въ замокъ двери. «Это онъ!» — сказала она. Тутъ я увидѣлъ вошедшаго пожилаго мужчину, который, кидая яростныя взгляды по на молодую дѣвушку, по на меня, сказалъ съ прищворною ласкою: «кажется, теперь меня вовсе не ожидали!

Впрочемъ мнѣ извѣстно, что уже не въ первый разъ меня обманываютъ!»

«Софія прерывая его, отвѣчала съ достоинствомъ: «я никогда васъ не обманывала, особливо въ эту минуточку; вы это говорите, сударь, изъ одной ревности; это честной человѣкъ, который не зная, кто я, уважалъ меня; я хочу заслужить его уваженіе; я пригласила его въ свою квартиру, чтобы открыть ему, что съ этой минуточки я не принадлежу вамъ, что я гнушаюсь вашими подарками, что, если бы я должна была сдѣлаться нищею, и тогда я предпочла бы сіе состояніе стыду, который вы нанесли мнѣ. Такъ, сударь, возьмите назадъ все, что я отъ васъ получила; вотъ вамъ ключи, возьмите свои брилліанты.» Сказавъ сіе, Софія накинула на себя шаль, поспѣшно надѣла шляпку и вышла вонъ, оставя спарика, отъѣвшаго отъ удивленія и досады.

«Сія благородная рѣшимость возвратила всю мою любовь: я бросился въ слѣдъ за нею; не спросивъ позволенія, взялъ ее подъ руку, и мы вмѣстѣ прошли длинные коридоры театра. Мы не говорили ни слова; я наслаждался своимъ счастьемъ; она была слишкомъ расстроена, и я чувствовалъ, какъ рука ея перепетала на груди моей. У театральнаго вѣроша мы нашли карету, въ которой доѣхали до ея жилища; я вмѣстѣ съ нею вошелъ въ ея комнату, и когда служители удалились, я бросился къ ногамъ ея, цѣловалъ ихъ, орошая слезами; просилъ у неѣ прощенья; умолялъ ее сжалившись надъ моею любовью, называя ее нѣжнѣйшими именами, какія только могла изобрѣсть стращь моя, и наконецъ открылъ ей тайну моего сердца. Она благосклонно подняла меня; лице ея прояснилось, и я имѣлъ счастье замѣнить, что ей пріятно было видѣть меня у ногъ своихъ. «Иосифъ, сказала она, давно уже говорили мнѣ о любви твоей.» — И чтоже? вскричалъ я. — «Я хотѣла знать, правду ли говорили, ибо я считала себя честнымъ человѣкомъ. Послушай, сердце мое отдано на вѣки; безъ тебя я никогда бы не рѣшилась принести этой жертвы. И я умѣю перепѣть безмолвно, казаться равнодушною къ любимому предмету. Иосифъ, я давно уже люблю

тебя всѣмъ сердцемъ.» Мучительное подозрѣніе на минушу отравило мое счастье; я вообразилъ себя игрушкою кокетства. «Ахъ Софія, воскликнулъ я горестно, не обманывайте меня, это слишкомъ тяжко!» Я споялъ передъ нею на колѣняхъ, а она сидѣла. вмѣсто отвѣта на сей упрекъ, она обхватила руками мою голову, поцѣловала меня въ лобъ. Въ сердечномъ упоеніи, забывъ все, я вскочилъ и заключилъ ее въ объятія: «послушай, вскричалъ я, если ты не шутишь надо мною, если спросишь пвоя равняется моей, то ты рѣшишься на всякую жертву. Пойдемъ со мною, оставимъ сіи мѣста, гдѣ моя ревность и сущность, гдѣ пвоя гордость и прелести мѣшаютъ намъ быть счастливыми. Пойдемъ, я сынъ крестьянина; сокроемся у опца моего, онъ приметъ насъ съ радостью; ты будешь его дочерью, ты будешь моею женою. Удалимся опсюда, мой Ангель, сдѣлаемся поселянами; мы не можемъ быть иначе счастливыми, какъ въ чертогахъ, или въ хижинѣ.» На другой день мы съ Софіею оставили Парижъ и заключились въ хуноръ, гдѣ вы насъ нашли.

Вожапный мой только чпо кончилъ свой рассказъ, какъ мы, выѣхавъ изъ лѣсу, увидѣли замокъ Р...ура. Иосифъ указалъ мнѣ на высокую черную башню, потомъ раскланявшись со мною и пожелавъ мнѣ счастливаго пути, онъ поворотилъ назадъ свою лошадь и поскакалъ во весь опоръ къ милой своей Софіи.

И. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЕЙ ЗВѢЗДОЧКѢ (*).

Очаровательныя строчки,
Гдѣ жизнью дышетъ каждый стихъ,
Я получилъ! . . . Но мнѣль на нихъ,
Мнѣль отвѣчать? — Любви уроки,
Любви счастливыя мечты,
Съ такимъ искусствомъ, такъ прекрасно,
Преподавать — лишь можешь ты!
А мнѣ и начинать напрасно! . . .
«Пускай счастливецъ молодой,

(* Сія піеса написана въ отвѣтъ на стихи И. И., скрывшей свое имя подъ звѣздочкой.

Поетъ — и поцѣлуй живой —
Съ уснть милыхъ сорванный украдкой;
Взлелѣанный надеждой сладкой —
И полный вѣги томный взоръ —
На немъ покоившійся спрасшно,
И вдохновенный разговоръ. . . .
«Все это для меня не ясно!»
Мои мечты, моя любовь —
Покрыпы сумрачнымъ туманомъ!
Мой челмъ, игралице валовъ,
Несется грознымъ Океаномъ.
Но пусть надежды гаснеть лучъ,
И пусть валы вздымаютъ море:
Мнѣ звѣздочка — блеснеть изъ тучъ,
Блеснеть — и я забуду горе! . . .
Пусть громъ колеблетъ ось земли —
Мнѣ звѣздочка блеснеть опрадно! . . .
Опа моя — хопи въ дали,
Мой Ангель — крошкій, ненаглядный! . . .
Она мнѣ жизнь, опа любовь,
Надежда, счастье, всѣ желанья,
Во всѣхъ несчастіяхъ покровъ,
Во всѣхъ печаляхъ — упованье! . . .
Но долголь звѣздочку мою
Я буду называюъ своею?
Мнѣ долголь любовался ею?
Ужъ я надъ бездною спою!
И скоро на лазурномъ пропѣ
Царицей явится луна,
Зажгутся звѣзды! . . . Гдѣжь она? . . .
Она на томъ же небосклонѣ,
Все пажь опа, все потъ же свѣтъ,
Щелетъ въ міръ опъ неба голубаго, —
Но для меня ее ужъ иптъ!
Она сіяетъ для другаго!

И. В — иі.

Ш А Р А Д А.

Когда считать вы чпо хопните,
То *первое* мое сначала говорите,
И имя у него вдвойнѣ.
Послѣднее жъ мое бываетъ на войнѣ,
На поединкахъ (между нами);
Въ Испаніи оно бываетъ и съ быками,
И попроспу, оно не болѣе какъ драка.
А *цѣлое* мое, жестокой забіяка,
Въ лѣсахъ и между горъ заводитъ,
И страхъ всѣмъ вдуцимъ и жишелямъ наводитъ

В. Шелиховъ.

Въ No 86, помѣщенный логотифъ значить,
Malheureux, поелику вы найдѣте въ немъ: *heureux*.

M O D E S.

Nous avons parlé, dans un de nos derniers numéros, de la nuance *feuille d'acanthé* comme d'une nouveauté qui paraissait devoir être très à la mode cet hiver; elle est déjà beaucoup demandée pour robes et chapeaux. Mais, ainsi que nous l'avons dit, cette nuance n'existe encore qu'en échantillon: on la remplace par celle *aventurine*, qui, beaucoup plus jaune, en diffère essentiellement. Nos fabriques s'occupent activement des apprêts de cette charmante couleur, et les dames pourront bientôt se la procurer dans nos grands magasins: elle sera sous peu de jours dans ceux de M. Delisle.

La forme des robes n'a pas encore subi de changemens. Ce sont toujours, pour la ville, des robes à jupes unies, à corsage montant et ayant une ou deux pélerines, ou des robes à corsage plissé-croisé, avec des pélerines en tulle.

Les robes qui se portent en toilette continuent d'être blanches; elles sont, pour la plupart, en organ-di ou de mousseline, et beaucoup ont des broderies plus ou moins riches, toujours placées à la hauteur du genou. Les broderies les plus nouvelles se composent d'une guirlande de fleurs qui fait le tour de la jupe, et de fleurs détachées, disposées en palmes et placées au-dessus de cette guirlande. Nous avons vu plusieurs de ces robes qui, sans être faites, se vendent plus de trois cents francs.

Une fleur nouvelle vient de paraître: c'est le *ketmia* à grandes fleurs. La première qui ait été faite vient d'être envoyée à l'épouse de l'ambassadeur extraordinaire français à Rome, pour qui elle fut commandée; elle sort des ateliers de M. Cartier fils, boulevard des Italiens, n° 2, à qui nous devons le plumet-saule dont nous venons de parler.

Pl. No 26. Costume des dames et des enfans.

M O D Ы.

Мы говорили въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ нашихъ, о цвѣтѣ акантовый листъ (*feuille d'acanthé*), какъ о новости, которая, кажется, зимою войдетъ въ большое употребленіе; цвѣтъ сей уже многими спрашивается для платьевъ и шляпокъ. Но такъ какъ мы уже сказали, что онъ существуетъ

только еще въ образцахъ, то замѣняютъ его цвѣтомъ *aventurine*, который, будучи, гораздо желтѣе, весьма съ нимъ различествуетъ. Фабрики наши дѣлательно занимаются приготовленіемъ сего прелестнаго цвѣта, и дамы скоро могутъ получить его въ большихъ магазинахъ; въ самомъ короткомъ времени онъ будешь находиться у Г-на Делиля.

Въ покроѣ платьевъ нѣтъ никакой перемены. Обыкновенныя платья для города дѣлаются съ гладкими юбками, лифы высокіе съ одной или двумя пелеринками, или лифы съ крестообразными складками и надѣваются съ шюлевыми пелеринками.

Въ нарядъ все продолжаютъ надѣвать бѣлыя платья, по большей части изъ орган-ди или кисеи, многія болѣе или менѣе вышиты, все въ ровень съ колѣнами. Самое новѣйшее шитье состоитъ изъ гирлянды вокругъ юбки, и сверхъ оной оплѣтно цвѣты, расположенныя пальмами. Мы видѣли много подобныхъ, несдѣланныхъ платьевъ, которые продавались слишкомъ по широкимъ франковъ.

Показался новый цвѣтокъ, называемый *кетміа* (*ketmia*) большаго цвѣта. Первый такой цвѣтокъ былъ сдѣланъ и отправленъ супругъ чрезвычайнаго Французскаго Посланника въ Римъ. Онъ сдѣланъ былъ въ рабочихъ Г-на Картье сына, на Империальскомъ бульварѣ, No 2; онъ дѣлалъ также *plumet-saule*, о которомъ мы уже упоминали.

Кар. No 26. Дамскій и дѣтскій костюмъ.

При сихъ N№ 87 и 88-мъ Литер. Прибавленій къ Русск. Инвалиду раздается 3-й листъ *Замѣтокъ на III томъ Истории Русскаго Народа, соч. Н. Полевыма*.—Слѣдующій же за тѣмъ No 89-й Литер. Прибавленій выдешъ въ будущую Субботу, 7 Ноября.

При сихъ же номерахъ предлагается *Оглавленіе третьей части Литер. Прибавленій къ Русск. Инвалиду*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 89.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сважкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 7 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Ахъ, часто и въ себѣ я это замѣчалъ,
Что глухости бѣжа, въ другую попадалъ.
Дмитрѣевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КТО ПРАВЪ? КТО ВИНОВАТЬ?

Въ No 21 журнала *Le Miroir*, ревностный со-трудникъ Издашеля *Стьв. Меркурія, Вла—иръ В—ашевъ*, увѣряетъ Публику, что по пре-«ращеніи сего маленькаго журнальца, на-«смѣшливаго и остроумнаго, половина под-«писныхъ денегъ будетъ возвращена подписчи-«камъ.»

Въ No же 30 и 31 *Стьв. Меркурія*, самъ Г. Издашель онаго изъясняется иначе: «*Стьв. Меркурій*,»—говоритъ онъ: «по многимъ по-«будительнымъ обстоятельствомъ, опъ Из-«дашеля независимымъ, за вѣпорую половину «1831 года, и. е. съ 1 Юля по 1 Января 1832 «года, изданъ не будетъ.»

«Подписавшимся особамъ на *Стьв. Меркурій*, «*шестилѣтнее* изданіе сей газеты замѣ-«няется *осмилѣтнимъ* изданіемъ *Гирлан-«ды*, журнала словесности, музыки, модъ и «шеапровъ, состоящимъ изъ 29 книжекъ, со «всеми принадлежащими къ онымъ картин-«ками модъ, ногами, рисунками экипажей, «и проч.» — —

Далѣе, Издашель обѣщаетъ: «возвратитъ «подписныя деньги шѣмъ особамъ, кои под-«писались на оба его журнала; и шо, *если «имъ будетъ это угодно.*»

Изъ вышепроеписаннаго выходишь явное противорѣчіе у Издашеля *Стьв. Меркурія* съ Господиномъ его Сопрудникомъ.

Кто же правъ? Кто виноватъ?

А. Кораблинскій.

Токсово.
10 Октября.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Повѣсть въ стихахъ, соч. *Н. Кобылина*.
Москва, — 1831, — въ Тип. Рѣшетникова.

Блится молпля, *грохъ* явится,
Горитъ сводъ неба, воешь боръ,
И ночь ужаситъ спановится.

Такъ, подъ двойнымъ мракомъ ночи и шу-чи, начинается *ужасная* повѣсть *Г. Кобылина*.

Блѣдна, поникнувъ помно взоръ,
Марія ищетъ лишь спасенья:
Въ уныньи, спрахъ, изступлень,
Мольбы отчаянной полна
Во шѣмъ чужь двигалась она. (5 стр.)

Но кто эта Марія? спроситъ читатель. — Авшоръ отвѣчаетъ, что это оспаетъ *для его во тѣмъ!*.. Двигалась такимъ образомъ, она—упала.... (вѣроятно, что набрела на пень, или напкнулась на камень.)

И видишь:—шарець передъ ней,

Который приглашаетъ её *взойти подъ его пустынный кровъ*.—Взойдя:

Марія слутал внимаешь
Разказу старца передъ ней:
Еще я молодъ жизнью *быль*
И жизнь безпечную *любилъ*.
Людмила въ пылкомъ цвѣтѣ *лѣтъ*,
Блестая прелестью *очей*
Предмешъ любви была *моей*;
Я помню первая *спраданья*,
Ея съдѣливость, *трепетанье*,
Безсмыслицу *рѣчей моихъ*. (8).

Авпоръ помнишь *безсмыслицу рѣчей своихъ* и читашели её не позабудушь!.. Спарикъ продолжаетъ:

При яркомъ блескѣ *звѣздъ* однажды
Ужь поздней вечера *порой*,
Я друга ждалъ въ *глуби льской*,
Въ мечтаньяхъ *сладостныхъ*, и *каждый*
Считалъ улымый бой часовъ
И *говоръ листьевъ осторожный*,
И *шопотъ ветра*, скрипъ *деревъ*,
Казались знакомъ мнѣ *неложнымъ*:
Людмила—нищеть *другъ мня*.
Но такъ обманчивы *надежды*,
Такъ мы себѣ *подъ часъ невѣры*:
Опасно *вѣдро* среди *днѣ*.
Вошъ *мѣсяцъ* *всталъ* и *падъ дубровой*
Плывешъ въ *эфирной* *глыбинѣ*;
Звучитъ *памъ спорожъ* для *забавы*
Доской *чужушной* въ *сторонѣ*.
Поѣтъ *пѣтухъ* въ *деревнѣ ближней*,
Поѣтъ *другой*,—Людмилы *пѣтъ*;
Тоска въ *груди*, *тешилеть свѣтъ*.

И у читашелия *темишетъ въ глазахъ*. Далеѣ, поѣтъ *вольными стихами* описываешь *шорохъ и шумъ листьевъ, вольными*: ибо, по своей *водѣ*, переносишь *ударенія*, не покорился *законамъ грамматики*.

Что-то *блѣвлетъ*, *мелькаетъ*
О *другъ!* *ужель ты* *предо мной?*
Она, мой *ангелъ*—*еѣ* *голосъ*;
Но съ *нею* *кто-то* *есть* *другой*,
Дрожу, *кладю*—*дыбомъ* *волосъ*. (спр. 11).

У кого не спанешъ *дыбомъ* *волосъ*, читая повѣсть Г. *Кобылина!* Онъ слышишь *голосъ*, узнаешь *свою Людмилу*, о которой читаш-

пелъ *ничего* не *бѣдаешъ*. Узнаешь *еѣ*—и *убиваешъ!*..

Рука *дымилася* *моѣ!*..
Но *живъ* ли *онъ* (?) *живаль* *она?*
То *знаешъ* *лрчная луна*. (спр. 12).

Вѣроятно, что тогда было *лунное затмѣнѣ*. Глядя *такимъ образомъ* онъ *видишь*:

Тирапа *всѣхъ своихъ* *спраданій*
И *градомъ* *попъ* и *трепетанье*...
Злодѣй, *злодѣй*, *еще* ли *ты*
Мученьемъ *грудь* *мою* *пронзаешъ?*
Я *кажъ*, я *сырашешъ*, какъ *скелешъ*,
Горячей *капли* *во* *мнѣ* *пѣтъ*. (спр. 15).

Онъ *вспрѣшилъ* *ширана* *всѣхъ своихъ* *спраданій*, *чегожъ* *думаешь?*—*Пафъ!*..

И *прутъ* *красавый* *покапился*...
.....
Склопаясь въ *крови* къ *его* *лицу*,
Въ *какомъ-то* *сердца* *трепетанье*;
Я *вспрѣшилъ* *пушъ*, *мой* *другъ*—*одни*
Его...*мой* *братъ!*.. *его* *черпы!*..
О *правосудіе!* *гдѣ* *ты?*.. (16).

Онъ не узналъ *роднаго* *братца*.

Промчалосъ *нѣскольکو* *годовъ*
Въ *пуманѣ* *грусни* *безопрадной*
И *лѣтъ*, и *грозъ* и *холодовъ*,
И *былъ* *день* *пикій* и *прохладный*,
На *небѣ* *лсномъ* *лучъ* *блесталъ*,
И *въперокъ* *чупъ* *полавагъ*
Въ *пѣни* *навислыми* *вѣтвями*,

Гонясь *однажды* за *медвѣдемъ*, *вдругъ* *слышишь* *голосъ*. . . .

И *чпожъ?* *Людмила* *предо* *мной!*..

Она *ожила?*—*чпожъ* *долго* *думаешь?*..

Я въ *грудь* *невѣрной* *ножъ* *вопзилъ!*..

И *концы* въ *воду!* И по *дѣламъ* *ей* *покойницѣ*: не *броди* по *лѣсамъ* *одна*, какъ *медвѣдь!* Но вы *думаете*, *перпѣливые* *читашели*, что съ *кончиною* *Людмилы* и *повѣсть* *кончилася?* Нѣтъ,—не *пушъ-то* *было*; *опшельникъ* *продолжаетъ*:

Глядя *порой* на *дымъ* *ружья*,
Я въ *немъ* *искалъ* *опдохновенья*.
Острилъ *ужъ* *лезвіе* *ножа*,—
Но *силою*, *можешъ*, *Провидѣнья*
Булашъ *былъ* *чуждъ* *груди* *моей!*

То падалъ трупомъ предъ унылой
Брати погибшаго могиллой;—
 Одна отрада *была* въ ней,
 И гасъ огонь мопхъ очей...
 О любви!—ты вѣкъ страданій,—
 Воспоргъ минуша—*потомъ* вздохъ,
 И часто слѣдъ лишь злодѣяній

Въ слѣдъ за пѣмъ слѣдуемъ *финалъ* :

Однажды помпо въ опдалёны
 Раздался благовѣстъ къ обѣднн.
 На старца грустнаго взглянуть
 Слѣшила дѣва въ дальній нуть :
 Она колѣна преклонила,
 Предъ небомъ мрачнымъ—и слеза
 Блеснула тихо на глазахъ,—
 На сердце грусть свинцомъ ложилась.—
 Идетъ она. Знакомый боръ,
 И хвой (*) унылое шептанье
 Приводитъ грудь всю въ шрепешанье;
 Чего-то ищетъ *ея* взоръ.—
 Уже ручей перебѣгаетъ,
 Сквозь сосны хижина мелькаетъ,
 И дверь *отперта* передъ ней...
 Но чпожь въ виду *ея* очей?
 Пустынной кельи той въ углу
 Лампада тихо догараетъ,—
 И безотрадной вѣкъ кончается
 Опшельникъ бѣдный на полу!

На полу оканчивается Г. *Кобылинъ* свою мрачно-мглистую повѣсть. Намъ кажется, что Авпоръ поступилъ слишкомъ свирѣпо съ бѣднымъ опшельникомъ. Можно бы позволить ему умереть на кровати.

Къ концу, нашъ поэтъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы ударить на сердце читателя. Онъ прикѣпиль нѣчто въ родѣ эпилога!—Послушаемъ :

О даръ священный!—вдохновење,
 Щастливъ, кто гения перомъ
 Игривой живостью въ твореньяхъ
 Блистаетъ съ здоровымъ лишь умомъ;
 Щастливъ, кѣпо въ бѣдности умѣетъ
 Помочь не мздою—хоть слезой.
 Съ душой чувствительной—прямой
 Цѣнить пріязнь кто даръ имѣетъ я проч.

Вопшъ краткій очеркъ новаго опшельника!—Можешь быть, мы мало сказали на

(*) *Хвойное* дерево, сосна, ель.—Б.

счетомъ литературнаго достоинства повѣсти, но выписанные мѣста говорятъ сами за себя!.. Охотникамъ до подобныхъ новостей совѣтуемъ прочесть всю повѣсть Г. *Кобылина*; они встрѣтятъ въ ней много удивительнаго!.. Впрочемъ, можно быть увѣрену, что *стихотвореніе* его будетъ вѣчнымъ опшельникомъ въ библіотекахъ *Смирдина* и *Глазунова*.

Кузьма Бирюлькинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О ВОЛОСАХЪ.

Прическа составляетъ одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей туалета, также какъ волосы служатъ однимъ изъ лучшихъ украшеній рода человѣческаго. Они возвышаютъ красоту прелестной женщины: это признакъ молодости и здоровья; очарованіе ея продолжается, пока волосы роскошно рассыпаются по плечамъ, и исчезаетъ вмѣстѣ съ ними. Они были единственнѣмъ украшеніемъ первобытнаго человѣка, и мода, поспешная провозвѣстница поспоянныхъ успѣховъ гражданственности, во всѣ времена пользовалась ими для украшенія человѣка въ общественномъ состояніи.

Человѣкъ, лишенный сей природной красоты, спановится гнуснымъ и опвратительнымъ; искусство никогда не замѣнитъ ее: голова Аполлона, Венеры и всякое другое представленіе божественной мысли, не привлекли бы нашихъ взоровъ:—ибо прелестъ заключается въ цѣломъ и печать божественнаго созданія видна въ малѣйшихъ подробностяхъ. Удивляясь отрывкамъ, которые столь долго скрывались въ землѣ Греціи и Италіи, мы въ поже время воображаемъ волны кудрей, которыми воображеніе даетъ любимый цвѣтъ съ его опливами, со всеми хипростями искусства и благовоніями, коими они были умащены. Такъ, спараясь усовершенствовать каждую вещь, искусство, кофроря скучные фолософы называютъ руководителями, силились замѣнить пошерю натуральныхъ волосъ искусственными. Но если искусство шоржествуетъ въ обществѣ, если очарован-

ный взоръ въ госпинныхъ ничто не оскорбляетъ въ семъ отношеніи, если обманъ пакъ незамѣненъ: то, по крайней мѣрѣ, не для любовника, который напечатлѣваетъ поцѣлуй на откровенномъ челѣ невѣсты; не для супруга, который въ упоеніи страсти играетъ прелестными волосами своей подруги; ихъ обмануть нельзя; для прелести нѣтъ тайны, или лучше сказать, природа и юность суть тайны счастья, которыя тщателью должно хранить.

Волосы играютъ важную роль въ исторіи: женщины обрѣзывали себѣ волосы въ знакъ печали. Анхигона, образецъ дѣтской любви, положила свой волосы въ могилу Эдипа, жертвы рока; Римлянки приносили волосы свои въ жертву опечесству, почитая ихъ опличительнымъ знакомъ; Царица Берениса принесла волосы свои въ храмъ Венеры, по возвращеніи Пломомея побѣдителемъ; на другой день одинъ мамемашикъ, открывшій на небѣ новыя звѣзды, при или пять, (ученымъ спыдно бы противорѣчить), похитивъ сіи волосы, объявилъ, что они превращены въ созвѣздіе, которое названо *власами Беренисы*. у древнихъ Галловъ длинные волосы служили знакомъ почестей и свободы. Цесарь, лишившій ихъ сей послѣдней, приказалъ обрѣзать имъ волосы. Первые Французы избирали Королей съ длинными волосами: *Franci elegerunt Pharamundum filium ipsius Marcomiri, et levaverunt cum super se regem crinitum.* (Франки избрали Фарамунда, сына Маркомирова, и поставили его надъ собою длиновласымъ Королемъ). Извѣстно, что Клодіонъ по той же причинѣ прозванъ былъ длиновласымъ. Впрочемъ, всѣ Принцы пользовались правомъ носить длинные волосы. Обычай сей относился къ самой глубокой древности; это подтверждается несчастіемъ Авессалома. Одинъ рыбакъ нашелъ въ Марнѣ тѣло Кловйса, одного изъ сыновей Шильдерика, который узнанъ былъ по длиннымъ волосамъ. Гондебо самъ только хотѣлъ доказать, что онъ сынъ Клопера, который, желая объявить его самозванцемъ, приказалъ обрѣзать ему волосы: это лишило его сына. Обришый Принцъ потерялъ всѣ свои права и заключенъ былъ въ монастырь. Монахи,

однимъ посприженіемъ волосъ, подтверждають обынъ опреченія опъ свѣта. И теперь еще бритая голова служила клеймомъ пресупленія, а обрѣзаніе волосъ для убійцы есть предвѣстникъ смерти, называемой въ ужасную насмѣшку *туалетоль*: этошь кровавый шулетъ производится рукою палача.

Мода сполько занималась волосами, что эпохи можно опредѣлить физиологическимъ изслѣдованіемъ прически; ибо начиная опъ самыхъ грубыхъ изображеній лица человека, всегда были украшеніемъ его волосы, которые дають понятіе о красотѣ и силѣ. Во всѣ времена полагали красу въ длину и цвѣтъ волосъ, но не всѣ народы и не всегда предпочитали одинъ цвѣтъ; почему для шѣхъ, у которыхъ волосы не были моднаго цвѣта, изобрѣшались средства придашь имъ оный. Во Франціи, во время Директоріи, вошли въ моду свѣтлорусые волосы; надлежало прибѣгнуть къ парикамъ, и аншикваріи, желая польспить склонности къ подражанію Грекамъ и Римлянамъ опносительно туалета, не упустили доказать, что искусство поддѣлывать волосы существовало у Афинянъ и Римлянъ. Современники Лудовика XV почитали пудру и тогдашнія прически обращеніемъ къ природѣ, тогда какъ парики вѣка Лудовика XIV казались оппечаткомъ величія безсмертнаго Пѣпокамбу. Теперь мода пребуетъ натуральныхъ волосъ: это легко сказать! Знаемъ, что поддѣльные волосы усовершенствованы съ удивительнымъ искусствомъ, и что обманъ почти не замѣненъ для самыхъ опытныхъ глазъ, но не для руки, не для осязанія, чувства грубаго, но споль разборчиваго. Какое счастье играть волосами на головѣ любезной! . .

Машильдѣ было 16 лѣтъ опъ роду; она обладала всеми прелестями своего возраста. Нѣкоторыя удивлялись ея глазамъ, сіяющимъ подъ длинными рѣсницами, другіе предпочитали уста ея, украшенныя перлами, ея невинную улыбку и ямки на щекахъ, придающія сполько прелестей правильной физиогноміи; но всѣ превозносили похвалами ея волосы, койхъ неопредѣленные опшѣйки измѣнялись свѣто-пѣнью и производили

дѣйствиіе, которое столь удачно умѣлъ схватить Прюдокъ своею кистию. Представляли ли они собою видъ гладкаго или волнующагося поля, или разсыпались небрежными локонами, или казались дымчатыми, во всякомъ случаѣ нельзя было смотрѣть на нихъ безъ очарованія. Альфредъ, ея сверстникъ и другъ, коему семейныя отношенія и взаимная склонность общали счастливую будущность, сколько разъ швердилъ въ спрашномъ упоеніи: «Машильда, какіе у тебя прелестные волосы!» Въ присутствіи матери ея, онъ не разъ осматривалъ поцѣлуями ея голову, невинно склоненную на его плечо, и спрашное трепетаніе пробѣгало по всѣмъ членамъ ея; персты его какъ бы ненарочно разсматривали гордую прическу и волосы пышными волнами разсыпались по плечамъ ея, а мать, смотря на сію прелестную чешу, улыбалась отъ удовольствія.

Альфредъ не охотно уходилъ отъ любезной; но черезъ годъ положено бытъ ихъ свадьбѣ; въ это время Альфредъ долженъ былъ ознакомиться съ чуждыми странами. Изъ Испаніи писалъ онъ: черные, какъ агачъ волосы, имѣющъ сизые опливы, коимъ здѣсь удивляются, но сколько бы они ни были прекрасны, я ни на минушку не забуду свѣтлорусыхъ кудрей Машильды.» Въ письмахъ изъ Германіи говорилъ Альфредъ: «открытое чело дѣвственныхъ молодыхъ дѣвушекъ оплещается шелковыми волосами; но все это не Машильдины волосы.» Сердце Машильды прыгало отъ радости; на балъ, гдѣ все улыбается красотѣ, она думала только объ Альфредѣ. Но шумныя удовольствія измѣнили свѣжій цвѣтъ лица ея; оно покрылось какою-то помнотію; Машильда занемогла опасною горячкою, и когда опасность миновалась, свѣтлорусые волосы исчезли. . . . Какъ! въ такихъ молодыхъ лѣтахъ? — Да, улыбка на устахъ и глаза съ длинными рѣсницами утратили силу очарованія. Наирасно знакомыя дамы спарались утѣшать Машильду: одна изъ нихъ приводила тысячу подобныхъ примѣровъ; другая видѣла сей примѣръ на вѣпоромъ сынѣ своемъ; временный парикъ его не разъ заставлялъ смѣяться бѣдную больную; иная разсуждала о семъ предметѣ, какъ уче-

ный. . . Но Машильда вздыхала, и имя Альфреда носилось на устахъ ея. Докпоръ, съ обыкновенною своею вѣпреностію, утверждалъ, что волосы ничто иное, какъ волокна, составленныя изъ пяти или шести фибръ, заключенныхъ въ шлеву, довольно круглую, или если угодно, шрубчатые шѣла, изъ коихъ каждое снабжено маленькимъ луковичнымъ корешкомъ, оканчивающимся пирамидальными сосками; что въ сей головкѣ или луковицѣ оплещаются питающіе ихъ соки; что отъ качества питающаго сока зависитъ длина и цвѣтъ волосъ. Онъ говорилъ о Польской *пликтѣ*, о линіи волосъ и другихъ болѣзняхъ, и кончилъ шѣмъ, что всего надобно ожидать отъ времени и сложенія.

Между шѣмъ Машильда, терзаемая безпокойствомъ, медленно выздоравливала. Однажды пошпила ее пріятельница ея матери Г-жа Р., философка и миспикъ, знающая науку шворенія Шведебургга, Севъ-Маршеня, Ожера, Дидерота и Кребилона, женщина впрочемъ превосходная, предпочищающая медицинѣ магнетизмъ, проповѣдница патриотизма и религіозныхъ правилъ, органъ избирашельныхъ и философскихъ мнѣній; за нею слѣдовала женщина-лунапикъ, воспитанница Фабра д'Оливе, которая по первому знаку засыпала съ открытыми глазами; оплещала удачно на самые оплещенные вопросы; въ обыкновенное время едва умѣла вязать чулки, за то во снѣ была всевѣдущая.

«Милая моя, сказала она Машильдѣ, я принесла тебѣ волосы.» Попомъ обратясь къ своей прислужницѣ, приказала ей заснуть, приведя ее въ магнетическое сношеніе съ удивленною Машильдою.

Изъ магнетической науки Г-жи Р. . . и опкровеній ея прислужницы—лунапика, вышло весьма подробное описаніе расположенія поровъ головы и волосъ, съ опредѣленіемъ ихъ поперечника, и способа леченія Машильды. По данному рецепту пошчасъ составлено лѣкарство, которое вскорѣ произвело чудесное дѣйствиіе; такъ, что при возвращеніи Альфреда, шщашельно скрывали отъ него сію шайву.

Тайна сего драгоценнаго состава открылась; человеколюбіе пользуется всѣми науками, а промышленность предлагаетъ соспавъ сей публикѣ, подѣ именемъ: *l'eau conservatrice*.

Когда намъ о чемъ нибудь рассказываютъ, мы должны тому вѣрять. Пусть древніе и новые физиологи не согласны между собою о свойствѣ волосъ; шѣмъ лучше; но чпобы посредствомъ магнетизма можно было выращивать ихъ, этого нельзя допустить; мы скорѣе повѣримъ Вульфери и Арнольду, которые въ своихъ *Философическихъ запискахъ* рассказываютъ, первый, что по открытіи гроба одной женщины въ Киренбергѣ черезъ 40 лѣтъ, нашли оный наполненнымъ волосами, выросшими послѣ ея смерти; а второй увѣряетъ, что у одного висельника значительно выросли волосы въ то время, какъ онъ качался на висѣлицѣ. Впрочемъ, если намъ случится потерять волосы, то будемъ пользоваться послѣдними двумя рецептами, только съ большою осторожностію. Не надобно забывать, что папенопанная предохранительная вода для волосъ, продается въ косметическомъ магазинѣ Г. Бріера, въ Палероаль, подлѣ Ротонды.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Густавъ (*) (*ловитъ мотылька, летящаго вокругъ свѣчки.*)

Голучишь мотылькѣ, попался!

Крылатыхъ энихъ мошекъ рой

Лучь свѣта зашмѣвалъ собой,

Когда здѣсь по свѣту шипался;

За то, за шихъ вѣчной, шмой,

Окружишь адъ, по приговору

Послѣдняго суда!

Пока жъ, несчастные, погибли навсегда,

По свѣтлому простору

Син ройца духовъ тьмы

Блуждаютъ осуждены,

(*) Одно изъ лицъ въ поэмѣ А. Мицкевича: *Dziady* (Праопцы).

Жеспоче нѣтъ для нихъ мученья,

Какъ племени сему,

Любщему одну лишь пьму,—

Блуждашь во блескъ освѣщеня! . . .

Смотри, вопъ эпошъ мотылькѣ,

Въ порфиристо-блещущей одждѣ,

Быль видно прежде

Какой нибудь Князѣкъ

Или бояринъ знатный и богащій,

Который города и области шемнилъ

Объѣмами своихъ широкихъ крылъ;

Меньшой, сей чѣрный и пузатый,

Быль безшолковый цензоръ книгъ:

Онъ лучше цвѣты искусства облепал,

Едва завидѣлъ въ нихъ

Какія красоты—чернилъ не понималъ,

А сладость лдомъ обливалъ;

Иль въ землю проникалъ,

Онъ жаломъ гадины шерзалъ

Зерно наукъ въ зародышъ безшильномъ;

А эпошъ рой, въ семъ облачени пыльномъ

И съ шумомъ вьющійся—то гордые льстецы,

Чернильные писцы!

Когда ихъ вождь на что озлился —

Туда нештовово во свѣдъ

И вся ватага ихъ шпремится;

И будь созрѣвый плодъ иль шолько въ почкѣ
цвѣшъ —

Какъ сарапча все выбѣетъ безшощадно!

За эшихъ всѣхъ не шдншь и одной

Молишвы шшворишь шшрадной

За упокой!

Романовичъ.

О С Е Н Ь.

Подъ небомъ шасмурнымъ дубравы опустѣли,

Грядями желшыми лежишь опадшій листъ;

Пернатыхъ хоръ умолкъ, шпада ихъ улешѣли,

И шолько слышишся унылый вѣтра свистъ.

*

Въ излучинѣ долины цвѣточикъ запоздалый

Едва распустилъся—и къ стеблю ужъ прильнетъ,

Такъ двѣшвенныхъ ланишъ краса—румянецъ алый,

За сладкій поцѣлуй, за мигъ любви умретъ,

*

И бѣдны юноши въ шумахъ наслаждений
 Утраши жизни цвѣтъ, за смертью въ слѣдъ
 идущъ. . .
 Ихъ умъ, ихъ радость дней, духъ бодрственный,
 ихъ гений —
 Какъ блѣдный листь съ деревь — въ могилу
 упадущъ!

Θ. Кафтыревъ.

LOGOGRIPHE.

Objet de tous les vœux chacun me cherche ici,
 Voudrait m'avoir, me posséder; aussi
 Pour m'obtenir que de poursuites vaines!
 Pour me perdre que de fredaines!
 Mon second pied tranché, je deviens agissant,
 Et cours après mon tout comme maint commerçant.
 Mes pieds premier, troisième, quatrième,
 Font ce qui date du baptême;
 Or, sans mon tout assurément
 On n'obtient pas ce sacrement.

Въ No 87 и 88, помѣщенная шарада значить: *Разбой*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

1831 года Октября 14 дня на Большомъ театръ, въ С. Петербургъ, въ пользу актера Г. Толленова, была представлена въ первый разъ драма въ 5-ти дѣйствіяхъ: Мадринъ атаманъ Разбойниковъ, съ пѣніемъ! танцами, сраженіями, пожаромъ, разрушеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ, передѣланная съ Французскаго Г. Несмѣяновымъ и проч. и проч. За него послѣдовала Татьяна прекрасная, интермедіа-водевиль въ 1 дѣйствіи.

Бенефициантъ достигъ своей цѣли: т. е. полного сбора, чему мы и радуемся: Г. Толленовъ, какъ рабочій актеръ, всегда угощаетъ радушно своихъ зрителей, чѣмъ Богъ послалъ; роли разыгрываетъ, по крайнему своему разумнію, усердно; а шалавты, а искусство?—На нѣтъ и суда нѣтъ!—Обратимся къ Г. Несмѣянову: Для чего Г. пере-

водчикъ, (или лучше сказать передѣлыватель) изъ хаоса заграничной маклапуръ, хотѣлъ выбрать самое нелѣпое, самое нескладное? Догадываемся: это мистификація! Это Донъ-Кихотъ романтической драматургін! Г. Несмѣяновъ почти вездѣ достигъ своей цѣли, т. е. представилъ въ лицахъ пародію вкуса и смысла. Благодаримъ!—Сему полезному намѣренію (если оно только было) способствовало все: актеръ, декорация, костюмы, сраженія, пѣніе и проч. Наибольше изъ сего безобразія бросилось въ глаза конвульсивное движеніе Г. Каратыгина б., когда онъ увидѣлъ Изору, входящую въ его пемницу; это было коверканье до нес plus ultra. Видно было, что онъ очень хорошо понималъ иронию пѣсы. Г. Сосницкій кажется не понималъ, или не хотѣлъ понять пайнаго смысла сего уродливаго созданія, и игралъ на прямки, т. е. очень хорошо; о прочихъ актеряхъ говорить нечего.—Изъ декораций—облака спустившіяся на полъ, кисей съ полстпыми рубцами, балетъ чершей, пожаръ и разрушеніе удачно выразили ту же иронию. Изъ костюмовъ халатъ Мадрина былъ настоящею мѣркою безмѣрно — нелѣной драмы: Г. Каратыгинъ б., самый высокій нашъ актеръ, принужденъ былъ, въ виду всѣхъ зрителей, поддерживать оный изъ подпояски, такъ, что на груди у него образовались два мѣшка!—Сраженій, совершившихся въ пяти актахъ драмы, доспапочно бы было для дюжины драмъ, меньше дюжинныхъ, чѣмъ Мадринъ. Романсъ былъ пропѣтъ Г. Шуваловымъ!—Благодаримъ всѣхъ вообще, до кого сіе надлежитъ, за то, что нельзя было лучше осмѣять снраспи къ тѣмъ безобразнымъ пвореніямъ, гдѣ грабежи, пожары и убійства составляютъ сущность, а разбойники герои драмы.—

Татьяна прекрасная на Воробьевыхъ горахъ противъ всякаго чаянія доставила много удовольствія зрителямъ: рукоплесканія не умолкали: въ самомъ дѣлѣ очень пріятно было видѣть между прочимъ Французенку—панцовщицу въ Казацкой пляскѣ.

Правдивъ.

М О Д Е С.

Aucune étoffe nouvelle ne paraît encore ; ce n'est même pas actuellement l'époque où les nouveautés de ce genre voient le jour ; mais un assez grand nombre de dessins nouveaux sur chaly, tous plus séduisants les uns que les autres, viennent d'être mis en vente dans les beaux magasins de M. Delisle, et nous nous empressons de faire connaître leur apparition. Nous regrettons de borner à une simple annonce ce que nous aurions à dire de ces charmantes nouveautés ; mais il serait impossible de les décrire. Nous ajouterons seulement, et sans crainte d'être contredits, que ces dessins nouveaux ne le cèdent en rien pour le bon goût, l'heureux mélange et la beauté des couleurs, à ceux qui ont déjà paru dans le même établissement.

En attendant des formes nouvelles de robes, quelques dames ont fait border les pélerines de leurs redingotes de soie, et même toute la redingote avec un tulle ou une dentelle légèrement froncés, d'un pouce environ de hauteur. Cette petite garniture est d'un charmant effet sur une nuance un peu foncée, et surtout sur celle aventurine.

Une autre mode nouvelle est celle des peignes d'écaïlle à haute galerie, découpée en branches de saule garnies de leurs feuilles, et retombant d'un seul côté, comme les plumes d'un oiseau-de-paradis. Plusieurs de ces peignes servaient d'ornement à des coiffures que nous avons remarquées à l'une des dernières représentations du Théâtre-Italien.

Les coiffures à la grecque se multiplient beaucoup. Devenues plus basses que jamais, elles forment une espèce de cône planté horizontalement derrière la tête des femmes, comme une queue à la Jeannot.

À la même représentation, la jolie Mme V. portait sur son chapeau un plumet-saule en plumes de coq, comme celui dont nous avons donné le dessin dans une de nos dernières gravures.

М О Д Ы.

Новыхъ маперій никакихъ еще нѣтъ, теперь не то время, въ которое показыва-

юшся новостии сего рода; но въ опличныхъ магазинахъ Г-на Делиля поступило въ продажу большое количество шалевыхъ маперій съ новыми узорами, и мы поспѣшаемъ уведомить о ихъ появленіи. Мы сожалѣемъ, что должны ограничиться простымъ объявленіемъ о сей прелестной новостии: описатьъ сіи маперіи нѣтъ возможности. Мы прибавимъ только, и не опасаясь противорѣчія, что сіи новые узоры не уступаютъ ни сколько въ хорошемъ выборѣ, составѣ и яркости красокъ, тѣмъ, которыя уже продавались въ семъ заведеніи.

Въ ожиданіи переменъ въ покроѣ платьевъ, нѣкоторыя дамы обшиваютъ пелеринки у рединготовъ и даже всѣ рединготы, тюлемъ или кружевомъ, слегка собраннымъ, шириною около дюйма. Эта небольшая накладка имѣетъ прелестный видъ на платьѣ темновашаго цвѣта, особливо цвѣта aventurine.

Еще новая мода: черепаховые высокіе гребни, вырѣзанные вѣтвями ивы съ листьями, висящими на одну сторону какъ перья райской пнички. Мы замѣтили много подобныхъ гребней въ одномъ изъ послѣднихъ представлений въ Италіанскомъ театрѣ.

Прически à la grecque весьма размножаются. Онѣ чрезвычайно низки, и составляютъ родъ горизонтальнаго конуса сзади головы, какъ коса à la Jeannot.

Въ томъ же представленіи, на шляпкѣ у пригожей Г-жи В. былъ plumet-saule изъ пѣнушыхъ перьевъ точно такой, какъ изображенъ на одной изъ послѣднихъ нашихъ картинокъ.

Въ No 84 Литер. Прибавленій къ Руск. Инв. ошибкою не сказано о вышедшей при ономъ картинкѣ модѣ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1852 году. Планъ остается прежній, то есть: каждую Среду и Субботу будутъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или нумера; каждые 10 дней, т. е. 5 раза въ мѣсяцъ, господа подписчики получаютъ по картинкѣ новѣйшихъ, съ послѣднею заграничною почтою полученныхъ модъ; всѣхъ же картинокъ въ годъ 36.

Исправность, съ какою выходили *Новости Литературы* и *Славянинъ* до 1851, в *Литературныя Прибавленія* въ выпущенъ 1851 году, ручасны почтенной Отечественной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе листковъ сей газеты сатирической, критической, модъ и словесности.—С. П. Бургъ. 14 Октябръ 1851.—Издатель А. Воейковъ.

С. П. Бургъ.—Въ Типографіи Главнаго Управленія Путей Сообщенія. Печаташь позволено: 30 Октябръ 1851 года.

Цензоръ Гавевскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 90.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
савкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 11 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Опечество всего дороже,
И любо за него страдать;
А не любить его все поже,
Что не любить родную мать.

Князь Шаховскій.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ПОМИНОВЕНІЕ ПО УСОПЧИМЪ ОТЪ ХОЛЕРЫ
ЖУРНАЛАМЪ.

Начало бытія—начало разрушенія.

Буринскій.

Еще въ прошломъ году въ Одессѣ, а въ нынѣшнемъ въ Вѣнѣ, наблюдали замѣпили опустошительную силу холеры надъ скопами: лошадьми, собаками и даже птицами. Мы, жители Петрограда, простерлись еще далѣе: открыли разрушительное вліяніе сей Индійской заразы на газеты и журналы. Сію печальную истину увидѣли мы въ минувшемъ 1830 году въ первопрестольномъ градѣ, гдѣ, въ самый короткій срокъ скончались: исполненный силы *Московский Вѣстникъ*; эфирная, давно уже въ чахоткѣ томившаяся *Галатея*; исполненный дней—*Вѣстникъ Европы* и важный *Атеней*, и при номера *Московского Телеграфа*. Это поразило и любознательныхъ мудрецовъ и врачей; но сія послѣдніе не смѣли еще произнести о семъ рѣшительнаго мнѣнія.

Бѣдственныя событія въ Петербургской журналистикѣ, гдѣ смертность между газетами и журналами въ продолженіе нынѣшняго дѣла была необыкновенна, и, можетъ

быть, сравнена только съ опустошеніями холеры въ Меккѣ и Венгріи, не оставили ни малѣйшаго сомнѣнія о гибельномъ вліяніи сего миазма на періодическія изданія.

Къ спрайностямъ сей новѣйшей эпидеміи принадлежатъ то, что она появилась между произведеніями ума человеческого прежде, нежели между людьми. Она поразила *Журналь иностранной словесности* и придапочный къ нему листокъ: *Эхо*, въ исходѣ Января, между тѣмъ, какъ въ первый разъ обнаружилась надъ людьми въ Петербургѣ, въ Рождественской, самой не липерашурной части города, 14 Юня.

Въ Юль, къ общему сожалѣнію, кончила земное поприще свое *Литературная Газета*, оплывавшая стихотвореніями *Пушкина*, *Хомякова*, *Деларю*, *Трилунаго* и *Якубовича*; оригинальными, Русскими повѣстями, и дѣльными, остроумными спашьями полемическими (*). Впрочемъ, сія газета всегда спрадала простудою, полученною ею отъ частаго употребленія мороженыхъ спашей извѣстнаго классическаго драматурга.

(* Въ No 15-мъ *Телеграфа*, остроумный, ѣдкій *Соофилактъ Косишкинъ*, въ спашь о *мизинцѣ Г. Булгарина* и о *прогелѣ* (читая которую я чуть не лопнулъ со смѣха), несправедливо на стр. 413 приписываетъ ей *уничтоженіе литературной славы Г. Булгарина*. Во

Въ слѣдъ за нею, переселился въ мрачную обитель пѣней скромной молодой *Петербургскій Вѣстникъ*, въ крашкременной жизни сей бывшій пище воды, ниже травы. Память о немъ сохранился въ нѣсколькихъ музыкальных пѣскахъ.

Слабая сложеніемъ *Бабочка* съ колыбельныхъ лѣтъ спралада недоспашкомъ жизненности, и скончалась въ половинѣ Іюля, объѣвшись — сахарнаго варенья.

Колокольчикъ (неудачно въ Валдаѣ вылитый), гудѣвшій только про домашній обиходъ двоихъ своихъ издапелей, при первомъ появленіи холеры лишился языка; два мѣсяца помился изнурипельною двухдневною лихорадкою, между жизнью и смерщью. Онъ скончался въ собщвенномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ во время оно одному изъ издапелей.

Съверный Меркурій долго перемогался, въ предсмертныхъ судорогахъ вскакивалъ съ поспели, вскрикивалъ громгласно и, попомъ, падалъ въ продолжипельный обморокъ. Болѣзнь его началась въ записной книжкѣ; ищоща жизненные силы онаго, перешла въ карманы, гдѣ высосала все красное вещество крови, на бѣду горемычныхъ подписчиковъ. Липерапурные врачи нѣсколько разъ осуждали его на смерщъ; однако *Меркурій*, вопреки оному, продышалъ до половины Октябрю и наконецъ испустилъ духъ.

Гирланда, при самомъ своемъ рожденіи, не общала бытъ живущемо: съ Января до Марта не слыхашъ было опъ неѣ ни гласа, ни спона, ни вопля. Въ Мартѣ подписчики замѣшили, что она съѣжилась изъ 52-хъ книжекъ въ 44, а въ непродолжипельномъ времени въ 29!!! Тенерь кое-какъ, съ горемъ пополамъ, дожила она до 25-й книжки; но сомнипельно, чтобы Декабрь заспалъ еѣ въ живыхъ.

Миръ праху вашему, усопшія газетшы и журналы!

Викторъ Вл—ій.

первыхъ потому, что сіе уничтоженіе не доказано; во вторыхъ, если бы мы и согласились, что она нѣсколько поколебалась: то сямъ обязащъ Г. Булгаринъ не Издапеламъ Лип. Газетшы, а Издапеламъ Московскаго Телерава, кошорый изъ усердія

Хватъ друга камнежъ въ лобъ!...

СПЛЕТНИ.

Глава шрешья.

Quod sit, quod non sit, quis possit dicere verum?

Cicero.

Il n'y a point de doute, que la plupart de ceux, qui liront ces anecdotes, ne les régarderont que comme le fruit d'un cerveau exalté, ou l'effet d'une imagination échauffée; mais j'assure avec toute vérité, que je n'avance rien qui ne m'ait été raconté par des personnes dignes de foi.

Comte Swedenbourg.

Княгиня *Чижкинская* потеряла брата, нѣжно ею любимаго, долго жившаго у неѣ въ деревнѣ, и управлявшаго разспроеннымъ имѣніемъ покойнаго Князя, ея мужа. Это было въ Октябрѣ. Глубоко огорченная симъ ударомъ судьбы, рѣшилась она всю зиму не выѣзжашъ изъ своей пущыни. Это не помѣшало однако же городскимъ дамамъ, связаннымъ съ нею узами дружества, посѣщашъ и унѣшашъ еѣ. Спарушки привозили съ собою дочерей и сыновей, а иногда и мужей своихъ. Княгиня жила открыто; любила и умѣла угоспипъ и взглядомъ, и привѣпомъ, и хлѣбомъ-солью. Четыре дочери ея, не будучи красавицами, были лучше всѣхъ красавицъ: благородны безъ спѣси, образованы безъ педанпства, обходипельны безъ кокешства, ласковы безъ припорной лести, остроумны безъ колкости, рѣзвы и скромны, живы и благоразумны, любипельницы словесности, музыки, рисованья, псаптра, шанцовъ. И пакъ, не мудрено, что у нее въ деревнѣ ещедневно садилось за сполъ до придцати человекъ гостей. Танцовъ, по случаю шраура, не было, музыки пакже. Дамы вечера проводили за каршочными сполами, а дѣвщцы и молодые люди уходили въ круглую залу, занимались рукодѣльемъ, разговаривали, играли въ загадки, омонимы, шарады, въ вопросы и опѣшшы; но въ шощъ вечеръ, о коемъ я здѣсь говорипшъ собираюсь, не было запѣяно никакой игры. Сошла Октябрская ночь на землю: мѣсяцъ не свѣпиль, ни одна звѣздочка не сіяла, черныя пучи задѣрнули небо съ одного края до другаго; крупный дождь спущалъ въ кровлю, въшеръ завывалъ

въ шрубѣ и собаки выли на улицѣ. Спаршая Княжна рассказывала подругамъ сонъ, прошедшею зимою видѣнный въ Москвѣ ея родителемъ.— «Глупо было бы вѣрить всякому сну, замѣтила Княжна: но естъ сны предзнаменательные, или предостерегательные, копорыхъ никакъ нельзя называть случайными. Думаю, что они происходятъ отъ неизвѣстныхъ намъ силъ души, раскрывающихся только при важныхъ обстоятельствахъ, или въ минушу опасности. Я расскажу вамъ сновидѣніе моей мапушки просто и вѣрно, не заставляя васъ вѣрить въ его чудесность. Очень могло случиться, что онъ былъ обыкновенный, но спеченіе обстоятельствъ предопределило его намъ сверхъестественнымъ. Приснилось мапушкѣ, что къ ней вошелъ монахъ и, помолясь святымъ образамъ, сказалъ ей: «Княгиня! ты слышишь комъ предана суешь мірской, рѣдко ѣдишь въ церковь, не держишь постовъ, пристрашилась къ каршамъ: за то Господь хощетъ наказати тебя смертию, но я умолилъ Его тебя помиловать. Бди и молись!» — Мапушка чрезвычайно испугалась, расстроилась. Мы поѣхали съ нею въ саняхъ къ Иверской Божіей Матери, отслужили молебенъ съ акаѳистомъ. Маменька во все продолженіе службы проспоюда на коленяхъ и проплакала, я также. По окончаніи молебна, намъ нужно было разсѣяться, подышать свѣжимъ воздухомъ — и мы велѣли кучеру прокатить насъ по Никольской и по Ильинкѣ. Поровнявшись съ Ниренбергскими лавками, мы остановились, чѣобы купить шелку. Не успѣли мы войти въ лавку, какъ поднялся вихоръ, сорвалъ съ петель желѣзную дверь — она зашаталась — и съ страшнымъ громомъ рухнула на наши сани. Лошади взбѣсались, помчали, опрокинули ихъ — и очень больно ушибли кучера. Мы безъ души возвратились домой на извозикѣ. Маменька дала объятъ не ѣсть екоромнаго не только въ посты, но и по средамъ и пятницамъ; не играли въ карты ни подъ праздники, ни въ праздники, а весною испили пѣшкомъ въ Новый Іерусалимъ и къ Троицѣ.» Княжна остановилась, вынула изъ кармана спиртъ, подохала и обернувшись къ Федору Федорови-

чу *Колачёву*, — прослывшему вольнодумцемъ за то, что разсмѣялся надъ *Глафирию Грифоновною*, выгнавшею взрослую дочь изъ за стола по тому резонту, что за обѣдъ съло 13-ть человекъ, — примолвила: «теперь пусть Волперіанцы насмѣхаются надъ суевѣріемъ маменьки.»

«Я не вижу шупъ ничего достойнаго порицанія;» возразилъ учитель Княженъ *Иванъ Алексѣевичъ Добрытовскій* (старшій Учитель Гимназіи): «и древніе языческіе мудрецы вѣрили предчувствіямъ во снѣ и предзнаменованіямъ. *Цицеронъ* (*) оставилъ намъ описаніе сна, весьма достопамятнаго: два другапутешественника прѣехали въ Мегару. Одинъ изъ нихъ остановился въ гостинницѣ, другой у своего знакома. Сему послѣднему явился во снѣ другъ его и умолялъ спасти ошь рукъ хозяина, наѣревающегося умертвить его. Онъ проснулся, началъ было собираться, но вспомнивъ, что это сновидѣніе, опять заснулъ. Не успѣлъ онъ сомкнуть глазъ, какъ вторично явился ему другъ его и заклиналъ его, уже не о помощи, но о мщеніи, и о томъ, что въ это время трупъ его, закрытый навозомъ, вывозятъ за городъ. Онъ вскочилъ, побѣжалъ къ городскимъ воротамъ, нашелъ шамъ пелегу — и предалъ убійцу въ руки правосудія.»

«Если для васъ мало свидѣтельствъ величайшаго Римскаго орапора: то я подкрѣплю оное естество-испытателемъ *Плиніемъ* (**);» примолвилъ Г. *Добрытовскій*: «Онъ повѣствуетъ объ одной Римлянкѣ, копорой привидѣлось, что ея сынъ, находившійся въ лагерѣ и одержимый водобоязнію, проситъ еѣ прислать ему шиповнику. Мать исполняетъ его желаніе, а сынъ исцѣляется отъ своей болѣзни.» — — —

— — «Вы найдете въ исторіи, что супруга *Юлія Цесаря*, увидя его во снѣ обгореннаго кровію и падающаго къ ней на руки, умоляла сего знаменитаго полководца не выходить въ тотъ день изъ дома: *Цесарь*

(*) De divinatione lib I. cap. XXVII. Valerius Maximus lib. I. cap. VII.

(**) Historia Natural. V. cap. XI.

смѣялся надъ ея спрахомъ—и заплашилъ за то жизнью. Онъ убилъ въ Сенатѣ сыномъ своимъ *Брутомъ* и другими заговорщиками;» прибавилъ Директоръ Гимназіи *Башкировъ*, подкрѣпляя доводы своего друга и подчиненнаго: «супругъ *Генриха II*, Короля Французскаго, пригрезилось, что Король, супругъ ея, окривѣлъ. И дѣйствительно, на турнирѣ, данномъ вскорѣ послѣ сего, выкололи ему глазъ.» — — —

— «За чѣмъ рышья въ исторіи и приписывашь въ книгахъ примѣры необыкновенныхъ сновидѣній?» подхватилъ *Факеловъ*: «у насъ въ Кромахъ былъ случай, во всемъ сходный съ цѣмъ, который опыскалъ нашъ Русскій *Сократъ-Добрытовскій* въ швореніяхъ *Цицерона*. Въ четырехъ вершкахъ отъ города живетъ и теперь нѣкто *Чудаковъ*: онъ отдавалъ чинить карманные часы живущему въ Кромахъ часовому мастеру. Починя ихъ, онъ опослалъ съ своимъ ученикомъ и просилъ вручить слѣдующія ему за труды деньги. *Чудаковъ* выдалъ ихъ присланному и, какъ на дворѣ спановилось уже поздно: по уговаривалъ его оспаться ночевать; ученикъ поупрямился—и побрѣлъ домой, а *Чудаковъ* легъ спать. Едва успѣлъ онъ закрыть глаза, какъ увидѣлъ передъ собою умоляющаго его о помощи ученика часовыхъ дѣлъ мастера. *Чудаковъ* проснулся; но разсудивъ, что это пустая сонная греза и слѣдствіе разговора его съ симъ мальчикомъ, перевернулся на другой бокъ; но едва сомкнулъ вѣжды, какъ несчастный опять просираетъ къ нему руки, молитъ о спасеніи и увѣряетъ, что черезъ полчаса онъ будетъ зарѣзанъ. *Чудаковъ*, бывшій Университетскимъ Студентомъ и, слѣдственно, человекъ, спаравшійся показывашь, что онъ выше предразсудковъ, и на сей разъ не послушалъ сна предвѣщательнаго. Мальчикъ явился ему въ третій разъ; но уже съ перерѣзаннымъ горломъ и глубокою въ боку ранюю, изъ которой текла кровь. Онъ бросилъ укорительный взглядъ на маловѣра и гробовымъ голосомъ сказалъ: «поздно:—я погибъ; тѣло мое брошено въ оврагъ подъ Барскимъ березнякомъ (имя роци) и завалено хвороспомъ. Опыщи его—и похорони.» Мершвецъ

исчезъ. *Чудаковъ* вскочилъ, наскоро одѣлся—и, взявъ съ собою двоихъ дворовыхъ людей, опроремью побѣжалъ по дорогѣ къ Кромамъ. Не доходя съ версту, они увидѣли на право въ кустарникѣ свѣжую уполоченную круговину—и слѣдъ крови, который привелъ ихъ въ оврагъ и къ недавно набросанной кучѣ сухаго хвороспу. Разметавъ оный, нашли они еще теплѣйшій прупъ зарѣзаннаго мальчика. *Чудаковъ* немедленно донесъ о семъ Правительству: наряжено слѣдствіе—и найдены убійцы—мѣщане города Кромъ. Все это слышалъ я отъ самаго *Чудакова*.» — —

— «Я въ свою очередь могъ бы сообщить вамъ о весьма замѣчательномъ сновидѣніи; еслибъ не боялся упомянуть дамъ, и безъ меня уже напуганныхъ спрашными повѣстями;» сказалъ скромно сидѣвшій въ уголкѣ гвардейскій Поручикъ *Кролинъ*, прѣхавшій въ отпускъ для свиданія съ преспарѣлыми родителеми, ближними сосѣдами Княгини *Чижинской*. Всѣ дамы и дѣвицы начали увѣрять его, что они ни крошечки не успали—и упросили его удовлетворить ихъ любопытство. — «Другъ мой, Подполковникъ *Двойниковъ*, храбрый и свѣтлый душою, какъ его шпага, рассказывалъ мнѣ, что онъ, будучи ребѣнкомъ лѣтъ девяти, жилъ съ своею матерью въ деревнѣ у роднаго своего дяди *Тиханова*, и въ ту ночь, когда дядя его убилъ дворовыми людьми, видѣлъ во снѣ, будио онъ гуляетъ по площадѣ; на встрѣчу ему скачетъ верхомъ ѣздовой дяди его въ парадной ливрѣ. Поровнявшись съ нимъ, лакей оспановилъ лошадь, подозвалъ къ себѣ маленькаго *Двойникова*, вынулъ изъ кармана красный сафьянный футляръ, открылъ его—и, показавъ бриллантовое перо, въ немъ уложенное, спросилъ: «нравится ли вамъ эта вещь?»—Прекрасная! неподобная! вскричалъ восхищенвый сіяніемъ пера ребѣнокъ.—«Знаете ли къ кому везу еѣ къ вашему дядюшкѣ; котораго сего дня ночью убьютъ разбойники.»—Маленькой другъ мой ипакъ сильно былъ въспревоженъ симъ сновидѣніемъ, что вскочилъ съ постели, разбудилъ мать, спавшую въ другой комнагѣ—и умолялъ еѣ иппи предувѣдомить дядю объ угрожающей ему опасности. Мать сильно раздосадована была

пѣмъ, что онъ осмѣлился разбудить её и приказала ему лечь спать; когда же увидѣла, что онъ не слушается, то пригрозила ему розгою. Бѣдный ребѣнокъ попалился къ своей постели. Онъ проснулся весьма рано, но не вспавалъ еще; между пѣмъ въ комнату къ его матери, сидѣвшей за самоваромъ, вошелъ управитель и, поздоровавшись съ нею, панинственнѣмъ голосомъ прошепталъ: «Матрѣ Григорьевна, насъ сегодняшней ночью постигло великое несчастіе; стараго бабрина не спало.» Дитя слышало это и, поспѣшно накинувъ на себя шафрокъ, прибѣжалъ къ матери: «вотъ маменька, я говорилъ вамъ, что хотѣлъ убить дяденьку; моя правда!» — — Умная старушка спаралась, какъ могла, замять его рѣчь и прослала одѣваться, а потомъ рассказала управителю о чудесномъ его сновидѣніи.» — —

— «Вы всё коротко меня знаете; вамъ извѣстно, что я не мечшатель, не имѣю склонности къ чудесному и не люблю обманывать ни себя, ни другихъ;» сказалъ Конногерскій Капитанъ *Енисеевъ*, прибѣжавшій въ наши края для покупки ремонта: «но за 9 лѣтъ передъ симъ случилось мнѣ испытать самимъ собою, что сны, хотя не всегда ясно, однакоже предсказываютъ намъ важные случаи нашей жизни — радостные и не радостные. Конногерская дивизія расположена была въ Виленской Губерніи; нашъ полкъ стоялъ въ Винницѣ. Бригаднымъ нашимъ Командиромъ былъ Генераль-Маіоръ *Алмазовъ*, владѣтель семи тысячъ душъ и славныхъ конскихъ заводовъ въ Малороссіи, и самъ страстный охотникъ до лошадей. Онъ жилъ по барски и, если не всё Офицеры хаживали къ нему обѣдать: но уже вѣрно проводили у него каждый вечеръ. Однажды пригрезилось мнѣ, что я опдаю жиду шляпу свою, саблю и перчатки. Въ слѣдующій день я обѣдалъ у своего Бригаднаго Командира: зашелъ споръ о быстротѣ скаковой лошади Генерала *Алмазова* и горской Донскаго Полковника *Краснощѣкова*. Отъ спора недалеко до заклада. Генераль, раненный въ ногу, не могъ крѣпко держаться верхомъ — и просилъ меня скакать на его лошади; Козачій Полковникъ самъ хотѣлъ пускаться

на своемъ конѣ. Осѣдлали лошадей и повели за заспаву, а мы всё гурьбою пошли туда пѣшкомъ. День былъ жаркій, солнце палило насъ съ безоблачнаго неба. Сѣвъ на лошадь, я снялъ съ себя саблю, шляпу и перчатки — и глазами искалъ, кому бы опдать ихъ. Вдругъ... представьте себѣ мое удивленіе!... я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя того самаго Жида, который мнѣ во снѣ привидѣлся. У меня опустились руки... я испугался; оправившись нѣсколько, я опдалъ ему поберечь свои вещи и приготовился къ скачку; но сердце мое было все не на мѣстѣ. Оно ожидало чего-то неизъяснимаго, спрашнаго. Скоро событіе оправдало сіе предчувствіе. Надобно васъ предувѣдомить, что часа за два передъ скачкою, наша пучка — и пролилась дождѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ назначено было риспалити; лужи еще не совершенно высохли. Полковникъ и я, по данному трубкою знаку, помчались во весь опоръ, лошадь моя поскользнулась, перекувырнулась со мною черезъ голову и придавила меня всею тяжестью своего пѣла. При семъ несчастномъ паденіи, лукою сѣдла переломило мнѣ душу съ правой стороны. Кость расколосась вдоль, половина ея переломилась, другая, надломясь только, согнулась дугою: отъ того, когда Коспоправъ принимался сводить вмѣстѣ концы половины переломленной кости, другая еще болѣе сгибалась и, съ невыносимою болью, угрожала переломомъ. Когда же рѣшался онъ выпрямить верхнюю, согнутуюся половину, то концы нижней кости расходились одинъ отъ другаго — все далѣе и далѣе: такъ что ни Коспоправъ, ни Дивизионный Лекаръ никакъ не могли уладить моей души, а между пѣмъ, какъ ихъ брало раздумье, душа моя гошова была распашься съ пѣломъ. Добрый Генераль рѣшился опправивъ нарочнаго въ Вѣну за операторомъ, который счастливо выправилъ мнѣ кость; совѣмъ пѣмъ, я спрадалъ отъ эпига ушиба семь мѣсяцовъ, и, на память о немъ, ношу наростшій хрящъ, съ Грецкой орѣхъ величиною.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛОВИЦА.

Такова время долго ждали.

Не въ мѣру льщомъ дождь и жаръ
Наносящъ спрашный вредъ расщенью;
Тогда шорговцы, къ сожалѣнью,
На зрѣлой лакомой шоварѣ —
Наложашъ сами щѣпу вдвое!
Въ обильномъ ягодномъ ряду —
Какъ на подрядѣ все дорогое.
Съ усмѣшкой говорящъ, къ щѣду,
Что вѣрно многіе слышали:—
Такова время долго ждали.

Купчиха ли въ гостинный дворъ
Придетъ купитъ матерій модныхъ,
Леншъ разнощѣпныхъ на уборѣ,
Иль кружевъ тонкихъ и узорныхъ;—
Дороже все!—Тяжелый годъ!
Твердящъ купцы съ учпвой лаской:—
Ншщъ кораблей съ шелками, съ краской,
Съ матерьями, съ вещами модъ;—
Товары все подорожали!—
А мы такъова время ждали.

Зовешъ гульба по островамъ
Прохладной щѣнью насладитъся,
Захочешъ роскошь прокашитъся
На лѣгкой шлюпкѣ по водамъ;
Съ поклонами садитъся проситъ
Тущъ переводчикъ молодой,
Болярамъ вѣжливо доноситъ:
За шрудъ гошовитъ золошой!
«Съ чего шакую глушосщъ взяли?»
Такова время долго ждали.

Излилъ гнѣвъ праведный—Творецъ:
Болезнь изъ дома въ домъ лешаетъ!
Здѣсь гибнешъ мать! а памъ отецъ!
Тущъ брашъ любимый умираешъ!
Къ врачамъ, щѣмъ дверь отворена;
Идушъ съ рещепшомъ за спиртами,
За благовонными шравами;
Въ пашъ кращъ умножилась щѣна!
«Безсовѣщно!» имъ намѣкали;—
Такова время долго ждали.

Поспигла горькая бѣда,
Холера безъ разбора коситъ!
Пришли за гробомъ,—безъ щѣда,
Щоляръ шройную щѣпу проситъ!
Помилуй, братащъ, вспомни шпахъ!
Нещасщій облако надъ нами!—
Щоляръ не прогаящъ словами,
Въ опщѣпъ: «лѣщъ дорогъ на дворахъ,
Рабочіе дороже спали;—
Такова щѣ время долго ждали.»

Пора пословицу забыщъ,
Ощавитъ жадносщъ, быщъ умѣе,
Законъ Божешпвенный хранищъ;
Пущъ правды—щѣщы вѣрищъ.
Хощъ горы злаша соберемъ,
Непрочно со грѣхомъ спяжанье;
Разрушитъ время алчныхъ зданье!
Корысти праха не найдемъ;
Развѣщъ время, щшо спяжали!
И скажутъ:—*вощъ щего все ждали.*
О. Сщпрушннщ.

13 Іюля 1831 года.

ШАРАДА.

Слогъ первый въ Азбукѣ найдете;
Конецъ же очень вщѣмъ знакомъ;
Вспоминая же о немъ,
Ай да! иль *ну ужъ!* придается,
Смошря, шрйшенъ былъ иль нщщъ.
Мое же *цѣлое* — поѣщъ
Получше нежели Синичка,
И ещъ — премиленькая пшничка.
В. Шелиховъ.

Въ № 89 помѣщенный логогриффъ значитъ: *Argent*,
пшелику содержитъ въ себѣ; *agent* и *age*.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Понедѣльникъ, 26 Октябля, для бене-
фиса танцовщика Г. Алексса, на Большомъ
театрѣ даны были: Любовь и случай, ко-
медія въ 3 дѣйствіяхъ; эпизодическій дивер-
тиссементъ: Неожиданное возвращеніе
или вечеръ въ саду; Госшнница, новая
комедія-водевилъ, и Мишавская ярмарка
или Филашка въ маскерадѣ.

Щешыре пшэсы, одна одной хуже, одна од-
ной нескладнѣе! Не знаемъ, чему болѣе удив-

ляться: безвкусію ли бенефицианша, легкѣвѣрію ли публики, копорая на сей разъ до-вольствовалась, кажепся, количественнымъ, а не качественнымъ матеріаломъ спектакля. Сначала представлено было *Неожиданное возвращеніе или вечеръ въ саду*. Во всей безполковщинѣ сего диверписсеменша, мы успѣли однакожь съ удовольствіемъ замѣшпимъ очень граціозную мимику крестьянъ—малюпокъ Ванюши и Нанешы;—оспальному можно бы было и не показываться на сценѣ; по крайней мѣрѣ зрители выиграли бы во времени. За диверписсеменшомъ послѣдовала комедія бездарнаго *Мариво: Любовь и случай*. Достоинство сей комедіи есть неестественность въ высочайшей степени: правдоподобно ли, на примѣръ, намѣреніе жениха самому перерядиться лакеемъ, а лакея одѣшь женихомъ: не ужели опъ лакеевъ хопѣлъ онъ узнашь о качествахъ своей нареченной? Правдоподобно ли, намѣреніе невѣсты въ то же время, безъ вѣдома о намѣреніи жениха, перерядиться служанкой, чпобъ лучше разглядѣшь своего суженаго? Естественна ли, чпобы благовоспитанная дѣвица въ одинъ день влюбилась въ лакея, а благородный юноша влюбился въ служанку? Послѣ сего нельзя винить Г. *Брянскаго*, выполнявшаго роль свою ощупью, совершенно не понимая положенія своего, неестественнаго и безобразнаго. Г-жа *Каратыгина* б. даже въ своей также неблагодарной роли умѣла найти прекрасныя мгновенія для своего паланца. Г. *Дюръ*, одинъ изъ прекраснѣйшихъ нашихъ артистовъ, игралъ превосходно; радуемся, чпю имѣемъ здѣсь случай высказать всю нашу благодарностъ сему юному, но быспро мужающему паланцу. Многія, очень многія пѣсы на нашей сценѣ одолжены своимъ успѣхомъ ему одному. Г-жа *Азаревичева* была довольно хороша; но смѣемъ замѣшпимъ, слишкомъ не жалѣла румянъ, или лучше сказать, миленькаго своего личика. Не смѣя на совокупленіе въ одной пѣсѣ почти всѣхъ лучшихъ нашихъ комическихъ артистовъ, комедія была нестерпимо скучна.—Далѣе: *Гостинница*, новая комедія-водевиль, или лучше сказать новая гиль актера Г. *Григорьева* б.: ибо иначе, право, не

умѣю назвать выходки пьянаго, отставнаго копииста Гуллева противъ своей матери и Пуншевскаго, многокрашняя ругательства надъ женою? Невѣроятное неуваженіе къ публикѣ! Кому пріятно, кому любопытно, кому не обидно было видѣть пьянство и развратъ, олицетворенные на театрѣ? Долгомъ поспавляемъ замѣшпимъ Автору, чпю оспропта двухъ, прехъ куплетовъ не можетъ испкупить нравственнаго безобразія. Въ заключеніе спектакля дана была *Митавская ярмарка или Филапка въ маскерадѣ*.—Сочинитель, извѣстный бенефицианшнй поставщикъ, скрылъ свое имя—стыда ради. Главное дѣйствующее лице въ сей мелодрамѣ есть Филапка, захавшій въ Митаву и заведенный въ маскерадъ, бывший въ домъ Нѣмецкаго Барона. Любопытно знашь, чпю имѣлъ Авторъ въ виду, когда сочинялъ сію нелѣпицу? Хотѣлъ ли онъ высавить двѣ противоположности Русскаго и Нѣмецкаго быта? Но мнѣ кажется, чпю Филапка пачкой же представилель Русскаго быта, какъ Авторъ представилель Русской драмы!... Оспропты Филапки на ярмаркѣ и въ маскерадѣ восхищали раекъ. Довольно ли для самолюбія Автора? А. Г. *Воротникову* замѣшпимъ, чпю его грубое пѣніе въ прекрасной Русской пѣснѣ: *не бѣлы-то стѣги*, пропивно истинному понятію о мелодіи нашихъ народныхъ пѣснѣ. Напрасно употребляетъ Г. *Воротниковъ* свой паланцъ на кривлянье и фарсы: можно бы употребить его гораздо лучше. Г. *Огюсть* и Г-жа *Сосницкая*, въ Русской пляскѣ заставляли подозрѣвать, особенно первый, чпю пляска ихъ была продолженіе маскерада: казалось, будто не Русскіе люди плясали по Русеки. Оспаетпся сказать нѣсколько словъ о Г. *Алексистѣ*: нижняя половина его шѣла, п. е. ноги, дѣлали свое дѣло хорошо, а на верхнюю смѣшно было смотрѣшь.

Правдинъ.

MODES.

A défaut de grandes soirées, qui, d'ailleurs, n'ont pas encore lieu à cette époque, c'est toujours aux représentations des théâtres Italien et de l'Académie

royale de Musique que nous allons observer le peu de modifications que les modes adoptées ce printemps subissent de temps à autre; pour des modes tout-à-fait nouvelles, c'est seulement lorsque la température, devenue constamment froide, exigera un changement dans la mise, que l'on pourra trouver du nouveau soit dans les étoffes, soit dans la coupe et la forme des vêtemens.

Les perles qui semblaient être oubliées commencent à reparaître dans les coiffures. A la rentrée de Mlle Taglioni, à l'Opéra, plusieurs dames portaient, dans leurs cheveux, des torsades en perles, disposées avec goût et d'un bon effet:

Deux dames avaient les cheveux en bandeau sur le front. Ceux de derrière formaient, une natte tournée sur elle-même; une chaîne d'or entourait cette natte à plusieurs reprises, et venait passer sur le front, en guise de féronnière.

L'une d'elles portait une robe de cachemire couleur ponceau, à corsage à la grecque. Les manchons, dits ruverts, se composaient de deux morceaux terminés en pointe, que bordait une petite broderie à dessins-cachemire. Une broderie semblable placée à la hauteur du genou ornait la jupe de cette robe; les manches étaient longues et en tulle.

L'autre dame avait une robe de blonde, richement brodée depuis le bas jusqu'au genou. Les manches brodées à dessins plus larges du haut que du bas, et formant la colonne, avaient dans leur partie supérieure, et entre chaque broderie, des crevés bordés d'un liseré de satin; de chaque crevé sortaient des rubans attachés aux manches de dessous, et qui formaient des nœuds.

Enfin, toutes deux portaient un cachemire long, qui remplaçait l'écharpe, complément ordinaire d'une mise de bon goût.

Pl. No 28. Manteau de velours de Mme Barrois. Robe d'organdi brodé en laine. Echarpe jetée sur une coiffure à la grecque au sortir du théâtre.

М О Д Ы.

По недоспашку большихъ вечернихъ собраний, копорья впрочемъ въ сіе время года еще не бывающъ, только въ шапкахъ Испанскомъ и Королевской Академіи музыки

можно замѣчать нѣкопорья измѣненія въ модахъ, принятыхъ нынѣшнею весною; совершенно же новыя увидимъ только тогда, какъ погода сдѣлавшись поспоянно холодною, попребуемъ перемѣны въ одѣждѣ, тогда появляться новыя матеріи, крои и ошдѣлки платьевъ.

Бусы, копорья совсѣмъ были оставлены, начинаютъ опять показываться въ прическахъ. При новомъ появленіи дѣвицы Тальони въ оперѣ, у многихъ дамъ въ волосахъ были шорсады изъ бусъ, сдѣланные со вкусомъ и весьма красивыя.

У двухъ дамъ передніе волосы сдѣланы были повязкою, а задніе заплелены въ косу, положенную въ два кружка, одинъ на другой; золотая цѣпь обернута была около косы въ нѣсколько разъ, и попомъ проходила по лбу вмѣсто ферроньеры.

На одной изъ сихъ дамъ было пунцовое кашемировое платье, лифъ по Гречески, рукавички, называемыя разрѣзными, соспожали изъ двухъ лоскутковъ, оканчивающихся мысками, вышитыхъ по краю узенькимъ Турецкимъ узоромъ. Юбка также была вышита въ ровень съ коленами; рукава длинныя тюлевые.

На другой дамъ было блондовое платье, богато вышитое снизу юбки до коленъ; рукава вышиты узорами къверху шире, а кънизу уже, колоннами, вверху рукавовъ между колоннами шипья прорѣзы (crevés), обшитые апласной выпушкой, въ каждомъ прорѣзѣ бантъ прищипый къ нижнимъ рукавамъ.

Наконецъ, на обѣихъ дамахъ были длинныя Турецкія шали, вмѣсто шарфовъ; обыкновеннаго дополненія къ совершенному наряду.

Кар. No 28. Бархатное маншо. Платье изъ органди, шитое гарусомъ. Шарфъ, накинутый сверхъ причоски à la Grecque, при выходѣ изъ шаптра.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 91.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 14 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему нибудь годна.

Крыловъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава шретья.

(Продолженіе.)

«Сны ваши еще можно изъяснить естественными причинами, сказала Княжна Варвара Алексѣевна *Чижкинская*, преодолевъ свою заспѣчивость; но есть такія, которыхъ, сколько ни спанете вы ломаетъ надъ ними голову, остаются неизъяснимыми. Славный Германскій психологъ *Морицъ* приводитъ въ примѣръ сего анекдотъ, рассказанный ему Графиней фонъ *Розенбахъ*. Сія Графиня, ежегодно проѣзжая чрезъ Мюллендорфъ въ свои помѣстья, обыкновенно ошанавливалась у одного тамошняго купца, которому покойный Графъ, супругъ ея, имѣлъ случай оказать большое благодѣаніе, и который за счастье поспавлялъ принявъ у себя споль знапную даму. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ она очень успала и рѣшилась ночевать. Во снѣ является ей хозяйская жена съ пеплею на шеѣ и, указывая на красный рубецъ увѣдомляетъ, что мужъ удавилъ ее и бросилъ въ колодець, на заднемъ дворѣ находящійся; она просила Графиню объявить объ этомъ Полиціи. Сія дама, хопя и пробудилась отъ такого спрашна-

го сна, но будучи выше предразсудковъ легковѣрной черни, не дала ему вѣры, а опять преспokoйно започивала. Хозяйка является ей въ другой разъ и, укоривъ ее въ невѣріи, берѣтъ со стола Графининъ бриліантовый перстень, раскрываетъ свой черепъ—и бросаетъ его пуда, кладетъ костлявую руку свою на плечо Графини и, произнеся слово: вѣрь!—пропадаетъ. Это уже была не шутка; испуганная Графиня чувствуетъ боль въ плечѣ, кличетъ горничную, велитъ подать ей зеркало—и видитъ у себя на плечѣ синее пятно; ищетъ перстни, которыхъ сама, ложась въ постелью, спяла съ пальца, но тщетно; перстень пропалъ! Она уже не могла сомкнуть глазъ, одѣлась, велѣла подать кофе и просидѣла до разсвѣта. Какъ скоро ободняло, она поѣхала въ нанятой каретѣ къ Полицейстеру, который внезапно окружилъ домъ купца; два полицейскіе служилея опустили по веревкѣ на дно колодца, заваленнаго всякимъ хламомъ, разрыли его и—къ ужасу, нашли мертвое тѣло хозяйской жены съ удавкою на шеѣ, а по вынятіи онаго и Графининъ перстень въ черепъ онаго.» —

—«Описанное *Виландомъ* происшествіе, которое Авторъ назвалъ *неизъяснимымъ*, еще чудеснѣе, еще сверхъ-естественнѣе!» возразила дѣвица *Златогорская*, смиренная дочь бранчивой матери.—«*Виландъ* назвалъ свое

сочиненіе: *Эотаназія, или о жизни послѣ смерти*, и напечатала оное, по случаю выхода въ свѣтъ въ Лейпцигѣ спиранной книги, подъ заглавіемъ: *Извѣстіе о истинномъ двукратномъ явленіи жены моей по смерти*, соч. Докторомъ *Вецелемъ*. Княжна Варвара Алексѣевна перевела сей опривокъ; прибавила дѣвица *Златогорская*. И дамы и дѣвушки и кавалеры присупили къ Княжнѣ—и принудили ея прочесть сіе любопытное сочиненіе.—

Неизъяснимое происшествіе.

(Разговоръ между *Виллибальдомъ* и *Бландиною*.)

«Здѣсь, подъ именемъ *Виллибальда*, говоритъ самъ *Виландъ*;» замѣтила Княжна: «нельзя, кажется, сомнѣваться въ истинѣ его повѣствованія. *Виландъ* никогда не бывалъ мечпашелемъ. Онъ самъ, рассказывая повѣсть свою, оспается въ сомнѣніи, хотя увѣренъ совершенно, что она не вымышленная басня.»

Виллибальдъ. Я еще у тебя въ долгу, *Бландина*: обязанъ тебѣ рассказать по происшествію, о которомъ говорилъ вчера, и которое, могу тебя увѣрить, не выдумка—я слышалъ его отъ очевидцевъ, умныхъ и достойныхъ довѣренности.

Бландина. Слушаю съ любопытствомъ!

Виллибальдъ. Будетъ около пятидесяти лѣтъ, какъ я познакомился въ N. N. съ однимъ благороднымъ семействомъ, составленнымъ вообще изъ людей необыкновеннаго ума и характера. Не стану ихъ описывать, но войду въ нѣкоторыя подробности о той женщинѣ, которая играетъ первую роль въ моей исторіи. Я не имѣлъ счастья знать ее въ лицѣ; она умерла не задолго до моего знакомства съ ея семействомъ; но всѣ извѣстія о ней почерпнуты мною изъ самаго вѣрнаго источника. Смѣло могу причислить ее къ самымъ необыкновеннымъ женщинамъ нашего вѣка; что очень согласно съ тою неизвѣстностію, въ которой провела она и кончила дни свои. Нѣкоторая особенная высокость въ чувствахъ, пылкое воображеніе, нѣжное, полное любви сердце, чтеніе мистическихъ книгъ, внѣшнія од-

спояпельства образовали въ ней сильную склонность къ мечпашельности, возвышенной и чистой, на которой основывались всѣ ея чувства, мнѣнія и поступки. По многимъ отношеніямъ могу сравнить ее съ Госпожею *Гюйонъ*, которой необыкновенная судьба, мистическая привязанность къ Богу и дружба съ Камбрейскимъ Епископомъ *Фенеломомъ* тебѣ извѣстны. Любовь ко Всевышнему Существо для чистой души ея была неисчислимымъ источникомъ моральныхъ наслажденій челолюбія и дѣятельной благопосильности, нерѣдко весьма трудныхъ, соединенныхъ съ великими пожертвованіями, и даже съ чувственнымъ опроверженіемъ. Посредственное состояніе не дозволяло ей во всей полнотѣ удовлетворять потребностямъ своего сердца, которое влекло ее на помощь къ несчастнымъ. Госпожа Т**, желая замѣнить дѣятельностію недостатковъ способовъ, рѣшилась приобрести нѣкоторыя искусства, нѣкоторыя познанія, полезныя для бѣдныхъ поселянъ, въ кругу которыхъ она обила. На примѣръ, она умѣла готовить лекарства, чаще другихъ употребляемыя крестьянами; раздавала ихъ безденежно, и такимъ образомъ спасла многихъ немощныхъ или слишкомъ бережливыхъ. Всего искуснее и счастливей была она въ повиваніи младенцевъ. Въ окружности нѣсколькихъ миль бѣдные поселене имѣли неограниченную вѣру къ чудотворной рукѣ ея; Госпожа Т** никогда и никому не отказывала въ пособіи; нерѣдко приходили къ ней ночью, въ холодную, дождливую погоду, будили и звали ее на помощь къ бѣдной родильницѣ, которая, будучи оспавлена цѣлымъ свѣтомъ и перпя совершенной во всемъ недостаткомъ, страдала въ какой нибудь отдаленной полуразвалившейся лачугѣ. Госпожа Т** спѣшила угѣшить спрадалицу, и приходъ ея въ обитель нищеты казался явленіемъ свѣтлаго Ангела, который приносилъ съ собою надежду, спасеніе, довольство!

Госпожа Т**, уважаемая всеми, которые умѣли цѣнить высокую, чистую, благопосильную душу ея, драгоценная своему семейству, обожасмая нищими, была подвер-

жена удивительнымъ, доселѣ неизъяснимымъ припадкамъ болѣзни. На примѣръ, не рѣдко, посреди ночи, вспавала она съ постели, одѣвалась, выходила съ закрытыми глазами въ другія комнашы, занималась какъ будто наяву дѣлами; но никогда, если пробуждаема бывала какимъ нибудь случаемъ или своею дочерью, которая повсюду слѣдовала за нею изъ осторожности, не могла она вспомнить о томъ, что съ нею происходило, чувствовала въ себѣ необыкновенную слабость, и была не въ состояніи безъ помощи другихъ допачишься до постели. Нерѣдко случалось, что она, сидя въ кругу семейства, вдругъ приходила въ содроганіе, попомъ младѣла, спановилась неподвижною какъ мраморъ: состояніе, которое очень часто продолжалось болѣе получаса! Наконецъ, мало по малу возвращала она память и сказывала обыкновенно, что въ продолженіи сего чудснаго параксизма происходило во внутренности ея нѣчто необычайное, неописанное. Припадокъ возобновлялся такъ часто, что родственники, которые сначала чрезвычайно пугались, наконецъ вида, что онъ не имѣлъ ни какихъ вредныхъ послѣдствій, къ нему привыкли, смотрѣли безъ ужаса на Г-жу Т** въ состояніи недвижимости—состояніи бездѣйствія внѣшней жизни, соединенномъ, по словамъ ея, съ неописанно-сладкими внутренними чувствами—и очень спокойно ожидали ея возвращенія въ міръ вещественный.

Я кончилъ свое предисловіе. Теперь и ты, *Бландина*, должна быть увѣрена, что Госпожа Т** принадлежишь, по всемъ отношеніямъ, къ существамъ необыкновеннымъ. По мнѣнію моему, она сама гораздо удивительнѣе того чуда, которое мнѣ рассказывали о ней вѣрные люди.

Въ сосѣдствѣ замка, обыкновенно служившаго ей мѣстпомъ пребыванія, находился Бенедиктинскій женскій монастырь, въ которомъ званіе духовника опправлялъ Паперъ *Кайстанъ*—подлиннаго имени его не помню—человѣкъ изъ благородной Нидерландской фамиліи, добродѣтельный, и непорочною жизнію своею заслужившій всеобщее уваженіе. Между имъ и фамиліею Госпожи Т** суще-

ствовала тѣсная дружба. Паперъ былъ опмѣнно привлекателенъ въ обхожденіи, ученъ, и сверхъ того искусный музыкантъ; короче, въ этомъ домѣ и старый и малый опъ всего сердца любили добраго Папера *Кайстана*, всѣ обходились съ нимъ, не взирая на разность религій, какъ съ истиннымъ родственникомъ.

Года за два до кончины Госпожи Т**, Паперъ *Кайстанъ* перемѣщенъ былъ, по приказанію своего Князя, въ Беллинцону, Итальянскій городокъ, гдѣ поручили его присмотру городовую школу, въ которой надлежало ему учить Математику и Натуральной Исторіи. Господинъ и Госпожа Т** искренно сожалѣли объ опшѣздѣ своего друга; Паперъ также; уговорились вести переписку, и это условіе съ обѣихъ сторонъ исполняемо было съ великою точностію.—

Госпожа Т** занемогла; болѣзнь ея казалась легкой; семейство не имѣло никакого безпокойства; надѣялись скорого ея выздоровленія. Но Госпожа Т** думала иначе; она объявила дочери, которая въ то время имѣла не болѣе девятнадцати лѣтъ, что непременно умретъ наканунѣ числа, въ такой-то часъ, въ такую-то минушу, и строго запретила не сказывать объ этомъ ни слова ни опцу своему, ни родственникамъ. Господинъ Т**, который не замѣчалъ ничего, такъ былъ увѣренъ въ выздоровленіи супруги своей, что даже не счелъ за нужное писать о болѣзни ея къ Паперу *Кайстану*. Но день приближился; день, въ которой Госпожа Т**, въ слѣдствіе предсказанія своего, должна была умереть. Казалось, что ей гораздо лучше; на лицѣ ея было написано веселіе; она спокойно разговаривала съ дочерью (которой одной позволила въ этотъ день къ себѣ приближаться), разговаривала о смерти своей, какъ будто о нужномъ посѣщеніи друга, живущаго въ нѣсколькихъ миляхъ, смотрѣла на нее съ неизъяснимою нѣжностію, съ нѣкоторымъ уныніемъ, которое непримѣтно сливалось съ чистымъ веселіемъ непорочной души ея. Послѣднія минушы, которые оставалось ей провесити на землѣ, хотѣла ознаменовашъ она матерію некою любовью: говорила о жизни, которая только

что начинала разцвѣпать для ея дочери; говорила о сладости добра, о восхищительной надеждѣ безсмертія, которая оживляла ее въ послѣднюю минушу, о будущемъ соединеніи; глаза умирающей блистали, въ голодѣ не было замѣтно никакой слабости; могли подумати, что болѣзнь совсѣмъ миновалась—обманчивая надежда, которая возвратила на ту минушу спокойствіе сердцу дочери! Пришла полночь; большая приподнялась; взглянула на дочь свою съ улыбкою, сказала: *близко! постышимъ проститься съ тобой другомъ!* оборотилась на другой бокъ; казалось, что она спокойно заснула; черезъ минушу пробуждается, опять устремляетъ печальныя, исполненные нѣжности взоры на милую дочь, даетъ ей послѣднее благословеніе и засыпаетъ навѣки.

Въ ночь самый вечеръ и, какъ узнали послѣ, въ ночь самый часъ Паперъ *Кайстанъ*, находившійся въ Беллицонѣ, сидѣлъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ и занимался рѣшеніемъ математической задачи, не имѣя и въ мысляхъ Госпожи Т**, которой болѣзнь была ему, какъ сказано выше, неизвѣстна. На задней стѣнѣ, у самыхъ дверей, висѣла его гитара. Вдругъ зазвучала она сильно; казалось, что лопнула дека. Паперъ содрогнулся, вскочилъ, глядитъ на дверь и—что же?... въ глазахъ его привидѣніе, образъ Госпожи Т**, свѣтлый, воздушный! Она устремила на него дружескій взглядъ, улыбнулась и исчезла. Паперъ былъ въ ужасѣ; долго не могъ прийти въ чувство; спарался увѣришь себя, что онъ не спалъ, что видѣлъ точно лице своей пріятельницы, живущей отъ него въ тридцати миляхъ; идетъ къ гитарѣ, смотритъ—она лопнула; явленіе казалось существовнымъ. Во всю ночь прохаживался онъ въ безпокойствѣ по комнатѣ; во всю ночь перзался мыслию, что привидѣніе, бытъ можетъ, предсказало ему кончину Госпожи Т**. На другой день пишетъ къ ея супругу; спрашиваетъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ—какого причина однако пѣишь—каково ея здоровье; и получаетъ въ отвѣтъ, что она въ это самое время, въ которое представил-

ся ему призракъ, скончалась.... Что скажешь объ этомъ происшествіи, *Бландина?*
Бландина. Признаться: увѣренъ ли ты въ его справедливости?

Виллибальдъ. Я рассказалъ тебѣ то, что знаю, что слышалъ самъ отъ дѣвицы Т**, мѣсяца два по смерти ея матери. Дѣвица Т** въ это время, когда я узналъ ее и, сказать правду, полюбилъ отъ всей души, была простодушная, непришворная дочь натуры, довольно образованная въ умѣ, но совершенно неопытная и незнакомая съ свѣтомъ. Отъ матери своей получила она въ наслѣдство рѣшительное расположеніе къ нѣжной мечтательности; болѣе жила въ мысленномъ, спихотворномъ мірѣ, нежели въ существенномъ, и окружена была идеалами, которые поселили въ ней совершенное равнодушіе ко всему вѣшнему и естественному. Не смотря на то, я твердо увѣренъ, что она сказала мнѣ такую правду, т. е. не прибавила ни слова къ тому, что почтала, или, отъ спеченія обстоятельствъ, должна была почтати истиннымъ. Свидѣтельство Папера *Кайстана* также не подвержено для меня сомнѣнію: этотъ человекъ былъ совершенно честенъ; онъ вовсе не зналъ о болѣзни Госпожи Т**, и сверхъ того не имѣлъ ни малѣйшей причины говорить неправду. Съ какою цѣлію и для какой выгоды выдумывать такую басню? Болѣе не ручаюсь ни за что, *Бландина!* Обманывалась ли умирающая мать, когда говорила дочери: сиѣшу проснуться съ моимъ другомъ? Обманывался ли Паперъ *Кайстанъ*, когда онъ видѣлъ передъ собою безмолвный ея образъ? Принимать ли простому естественному случаю, что непонятное явленіе призрака послѣдовало въ эту самую минушу, въ которую хотѣла явиться умирающая? На все эти вопросы имѣю одинъ обыкновенный отвѣтъ: не знаю! неизвѣстно!

Бландина. А я надѣялась отъ тебя другаго, болѣе удовлетворительнаго отвѣта. На примѣръ: естли бы нынче сказала я *Кларъ:* завтра по утра, какъ можно ранѣе, положи на письменной столѣ отца своего пучокъ пуберозъ и ясиновъ, и естли бы ты въ самомъ дѣлѣ нашелъ на письменномъ

своемъ сполникъ пучокъ пуберозъ и яминовъ, тогда подумалъ ли бы, что это дѣйствіе одного случая? Таково и явленіе Госпожи Т**! Она говоритъ: хочу проспитъся съ моимъ другомъ! и черезъ минушу эпому другу представляется образъ ся. — Въ какое же время? — Когда онъ занятъ математическою задачею, совсѣмъ не думаетъ о умирающей, и не слышалъ ни слова о болѣзни ея! Что же назовешь умышленнымъ, когда и здѣсь не замѣчаешь ничего, кромѣ случайнаго? Могъ ли Паперъ *Кайстанъ* въ описанныхъ побую общоудельствахъ самъ себя обмануть, или бытъ обмануемымъ опъ другихъ? И что подумаетъ о лопнувшей гитарѣ, которая звукомъ своимъ пробудила Папера, и принудила взглянуть на то мѣсто, на которомъ представился ему образъ Госпожи Т**? Не спорю, что всякая гитара легко можетъ лопнуть — дѣйствіе случая: но здѣсь замѣшенъ не одинъ случай: ударъ послышался въ ту самую минушу, въ которую духъ умирающей (вѣроятно, что не могла она болѣе одной минушы промедлить) желалъ обратитъ на себя вниманіе Папера. Могутъ ли подуматъ, чтобы и здѣсь не было никакой умышленной связи между причиною и дѣйствіемъ?

Виллибальдъ. Очень хорошо! Согласенъ почитать это явленіе Госпожи Т**, случившееся за минушу до смерти ея, происшедшійемъ истиннымъ! Какоежь извлечемъ изъ него заключеніе?

Бландина. Первое то, что наша душа, по крайней мѣрѣ за вѣсколько мгновеній до совершенной разлуки своей съ тѣломъ, способна изъ него выходить и являться въ другомъ мѣстѣ, въ образѣ ощущательномъ; — второе, что явленіе Госпожи Т**, будучи для насъ несомнѣннымъ, хотя неизъяснимымъ, доказываетъ — когда внимательно рассмотримъ всѣ обстоятельствова — что она точно являлась сама, точно хотѣла явиться въ томъ видѣ, въ которомъ предсказывалась Паперу *Кайстану*, и что следовательно — претъе, имѣла она способность въ одно мгновеніе соспавитъ для себя изъ видимой, пончайшей матеріи новое тѣло, подобное прежнему, земному и грубому. Скажу опкро-

венно, что эпощъ необыкновенный случай уменьшаетъ мое сомнѣніе въ бытіи эфирнаго душевнаго органа, который, по мнѣнію господъ Философовъ, неразрывно соединенъ съ человѣческою душою.

Виллибальдъ. Заключенія швои слишкомъ поспѣшны, *Бландина.* Сказать правду: воздушное, соспавленное изъ пончайшей матеріи шѣло для меня не очень попятно и нѣскольکو смѣшно. Желаю знать, какимъ средствомъ душа наша получила способность въ нѣскольکو минушъ приготавливать для себя такую новую, необыкновенную одежду? И почему душа Госпожи Т** имѣла чудесную привилегію произвольно выходить изъ своего тѣла и опять въ него возвращаться? Нужно ли доказывать, что эпаш привилегія не всякой душѣ человѣческой свойственна? У всѣхъ насъ, сколько насъ ни есть, душа до самой минушы рѣшительнаго раздѣленія, прикрѣплена, такъ сказать, къ тѣлесной машинѣ множествомъ повкихъ, невидимыхъ нитей, и, по несчастію, не можетъ — сколько бы она того ни желала — безъ помощи грубаго поварища своего, шѣла, перенестися не только за придевять земель въ придесланное царство, но даже въ ближнюю комнату, или на ближнее кресло. И такъ, произвольное путешествіе души въ то время, когда лѣнливое или больное тѣло покоится на одномъ мѣстѣ, почитаю не только неизъяснимымъ, но даже и невозможнымъ чудомъ! Но можетъ бытъ шы вѣришь магическимъ заклинаніямъ какой-нибудь феи Спиригиллины, или всемогущему слову Абракадабра: въ такомъ случаѣ охотно признаю себя побѣжденнымъ!

Бландина. Ты можешь сколько угодно смѣяться! Но что если душа умирающей Госпожи Т** разорвала уже почти всѣ понкія нити, которые, по швоему мнѣнію, привязывали ее къ земному тѣлу? Что естьли осталась только одна, довольно длинная нить, по которой она, какъ паукъ, могла въ минушу перебѣжать въ Беллинцону къ Паперу *Кайстану*, и потомъ въ одну же минушу по шой же дорогѣ возвратиться назадъ въ свое обещанное жилище? —

Виллибальдъ. И шамъ ожидашь, когда послѣдняя тонкая нить перервется?

Бландина. Положимъ, что такъ!—Но, говоря безъ шутокъ, *Виллибальдъ*, что думаешь объ этомъ удивительномъ происшествіи?

Виллибальдъ. Что оно совершенно истинное, но чудное, непонятное, невѣроятное, сверхъ-естественное, и слѣдовательно не представляющее разсудку никакихъ удовлетворительныхъ заключеній происшествіе.

Бландина. Жаль! а я бы усердно желала придумать что-нибудь удовлетворительное.

Виллибальдъ. И можешь! На примѣръ, кто запрещаетъ тебѣ, основываясь на этомъ чудесномъ случаѣ, вообразить, что наша душа непосредственно, отдѣльно отъ времени и пространства, сама собою способна дѣйствовать на другую душу; что на примѣръ, Госпожа Т** почто такимъ образомъ дѣйствовала на внутреннее чувство друга своего, и образъ ея представился одному его воображенію?

Бландина. Хорошо! А гипара? Конечно и на нее душа Госпожи Т** дѣйствовала непосредственно?

Виллибальдъ. Таково-то, *Бландина*, спрашивается объясняешь неизъяснимымъ неизъяснимое. Лучше повторю выраженіе свяаго *Августина*: душа наша шамъ, гдѣ она любитъ!

Бландина. Прекрасная мысль! Но я и ты, *Виллибальдъ*, можемъ знать навѣрно, справедлива ли она въ словесномъ своемъ смыслѣ? По настоящему, душа наша не только шамъ, гдѣ любитъ, но вмѣстѣ и шамъ, гдѣ мыслишь. Читая *Тассовъ* Іерусалимъ, я слѣдую за поэтомъ и въ лагерь Христіанъ, и въ замокъ *Армиды*, и въ страшный, очарованный лѣсъ: но это объясненіе совсѣмъ не объясняешь чудснаго своего происшествія.

Виллибальдъ. Чтожъ дѣлать намъ, *Бландина*? Признаться, что мы совершенные невѣжды въ вещахъ духовныхъ, болѣе ничего! То, чего не узнаемъ никогда никакимъ средствомъ, и что премудростію Промысла навѣки отъ насъ сокрыто, должно по настоящему занимать насъ столь же мало,

какъ и семейственные обстопапельства дунныхъ жителей, или обитателей Сириуса.

Бландина. Въ этомъ я не согласна съ тобою, *Виллибальдъ*! Желаніе знаешь, что будешь съ нами по смерти, что сдѣлалось съ тѣми драгоценными для насъ твореніями, которые нѣкогда раздѣляли съ нами жизнь, почитаю весьма естественнымъ человеку желаніемъ!

Виллибальдъ. Естественнымъ, *Бландина*? Я сказалъ бы, напротивъ, что неестественно человеку думать о смерти: это желаніе причисляю къ тѣмъ многочисленнымъ искуственнымъ потребностямъ, которые произведены бывають воспитаніемъ и обыкновенно поселяются въ насъ общественнымъ кругомъ, въ которомъ живемъ и дѣйствуемъ. Признайся, что мы думаемъ о смерти только слегка, мимоходомъ, бываемъ наснигнуты ею обыкновенно невзначай, въ минушу разсѣянія, ни мало не воображая, что она близко.

Бландина. Признайся и ты, что мы имѣемъ важную причину думать о смерти! И такъ, не лучше ли думать о ней съ удовольствіемъ, спокойствіемъ, надеждою утешительною.

Виллибальдъ. О, *Бландина*! кому жъ и думаешь съ спокойною, сладкою надеждою о смерти, какъ не тебѣ, невинному, добросердечному созданію? По крайней мѣрѣ Сократова тайна: *восполинаніе о жизни, добродѣтельно проведенной*, кажется для меня самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ. Помнишь ли о послѣдней минутѣ моей *Фанни* (*), которая никогда не бывала мечтательницею? Какъ ясно и безмятежно встрѣчала она смерть! *Бландина*! это восхищительное внутреннее убѣжденіе, что жизнь моя протекла невинно, что я всегда любилъ единое добро, и сколько могъ, къ нему стремился; это ясное спокойствіе въ послѣднія минуты жизни, пріятный отдыхъ успалаго путника; это ясное довольный взоръ, бросаемый на протекшее, не должны ли намъ ка-

(* *Виландъ* говоритъ о своей супругѣ, любезной женщинѣ, съ которою въ теченіе многихъ лѣтъ наслаждался онъ завиднымъ семейственнымъ счастьемъ.—*К.*

зашься начадоуь того блаженства, которое религія обѣщаесть челоуьку за гробомъ? Тощъ, кто въ сію минушу не находить въ себѣ ничего, кромѣ добра; тоощъ ничего кромѣ добра не замѣчаесть и въ природѣ! Ему ли спрашитель будущаго? Ему ли оставанься въ мучительномъ сомнѣніи о томъ, что пригошвила для него вдали благая рука Создателя? Чему ни опредѣлено случиться, онъ спокоенъ, въ душѣ его мужественная надежда на Провидѣніе. О! такая душа стремиться на лоно безконечнаго съ любовью младенца, прижимающагося къ мапернему сердцу; непримѣнно улетаетъ она изъ того міра, въ которомъ никогда и никѣмъ не будещъ уже видима! *Бландина*, такое средство разспаванься съ жизнью оуцъ насъ неопъемлемо! Для чего же напрасно заботишься о томъ, чтобы распорглась для насъ сія непроницаемая завѣса, копороу задержаны передъ глазами нашими таинственныя сцены за гробомъ? Конечно! естественнo въ часы уныніа усаждаць себя, вмѣстѣ съ *Элизоу Ровъ*, прелесными призраками воображенія, упѣшипельными надеждами сердца, или съ задумчивымъ *Юнгомъ* внимать пророчесствамъ высокаго духа, возлещѣваго превыше чувственаго міра; но слѣдующее всего вѣрнѣе для челоуька добраго въ душѣ, слѣдующее почипаю несомнѣннѣйшею изъ всѣхъ несомнѣнныхъ истинъ спрашисъ одного невѣрія, и съ пихоу покорностіоу къ Промыслу, до послѣдняго вздоха, надѣйся лучшаго!

Бландина. Виллибальдъ! сердце мое съ тобою согласно. Что можно прибавишь къ убѣдительнымъ, всесильнымъ его доказательствамъ?

Княжна окончила чпеніе и закрыла пещраду. Минущіа пашь продолжалось глубокое безмолвіе, какъ будшо Ангелъ пишины пролетѣль по комнапѣ. *Златогорская* нарушила оное, открывъ обществу, что у Княжны Напальи Алексѣевны естѣ переводъ изъ *Лагарпа* о чудесномъ предсказаніи *Казота*.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Грени побѣдный гласъ Кимвала:
Мяшежная Варшава пала,
Спыдомъ, раскаянемъ полна;
Свои колѣна преклоняя,
Къ стопамъ державнымъ НИКОЛАЯ.
Такъ въ щепной ярости волна;
Ударясь о скалы гранита,
Къ нимъ упадаешъ въ прахъ разбиша.

*

Но обновися бѣдный край
Тобоу, твердый НИКОЛАЙ!
Въ твоей десницѣ благотворной
Забудешъ сирахъ години черной,
Залечить ранѣ глубокой слѣдъ.
И крѣпко свяжешъ двѣ Державы
Родства и дружества обѣтъ
Навѣки для взаимной славы.

*

Въ бояхъ извѣданный Герой,
Нашъ Графъ Паскевичъ-Эриванской
Громилъ съ дружиною Славянской
Мяшежныхъ Ляховъ буйный спрой.
Тебѣ была предшечей слава,
Ты спрашенъ въ бурѣ бранныхъ стѣлъ;
Твой испытавъ могучій мечъ
Смирилась гордая Варшава.

*

Свяшой преданностью горя
Къ престолу Русскаго Царя,
Ты въ рядѣ съ Суворовымъ поставилъ
Себя, и родину прославилъ!
И щедрый Царь изъ рода въ родъ;
Изъ вѣка въ вѣкъ передаешъ
Достойный подвигъ громкой славы:
Ура, Паскевичъ — Князь Варшавы!

Тобольскъ.

8 Октябрия 1831 года.

Иванъ Черкасовъ.

ЕЛИСАВЕТЪ НИКОЛАЕВНЪ ЛИХАЧЕВОЙ.

О горестная мать! лишилася ты сына!
 Плачевна смерть его, слава его кончина;
 Во цвѣтѣхъ юности, надежды и весны,
 Твой милый, добрый сынъ—сраженъ въ поляхъ
 войны.

Паль за Отечество, кто былъ шебъ опрадой!—
 Върь: за такую смерть—безсмертіе наградой;
 И въ утѣшеніе могу шебъ сказать:
 Мать Россіянка ты, и—Христіанка мать!

Б. Фёдоровъ.

Мая 30, 1831.

E N I G M E.

Je suis rare, quoique commun;
 On n'est pas moi quand on n'est qu'un.
 Toujours difficile à connaître,
 Tel se dit moi qui n'est peut-être
 Que le contraire; à son serment
 Ne croyez pas légèrement.

Въ No 90, помѣщенная шарада значить: *Пл-ночка.*

M O D E S.

Une température à laquelle nous ne sommes pas en droit de prétendre à cette époque a fait reparaitre ces jours-ci les légères mousselines fond blanc à des- sins si variés, les étoffes de soie de nuances claires, les robes blanches, voir même des chapeaux de paille d'Italie et de paille de riz, qui semblaient condamnés à attendre un Longchamps pour revoir le jour, après toutefois qu'une mode nouvelle leur aura fait subir une modification quelconque, soit dans la forme de leur passe, soit enfin dans la manière de les orner. Ainsi, à l'exception de quelques pélerines en velours, la mise des femmes est, à la ville, depuis quelques jours, ce qu'elle était pendant l'été dont nous venons de sortir.

Une dispositions dans l'ornement des corsages de robes se remarque depuis quelques jours aux spectacles; et comme elle se multiplie, nous serions tentés de penser qu'elle pourra devenir bientôt une mode:

c'est une espèce de collerette de la même étoffe que la robe, large d'environ un travers et demi de main, qui borde tout le tour du haut du corsage, sur lequel elle retombe, et qui est assez généralement découpée en serpenteau. Deux petits liserés de satin bordent cette collerette, quand l'étoffe est en soie. Ces liserés sont remplacés par une broderie en point de chaînette ou par un ourlet dans lequel passe une ganse, selon le tissu de la robe.

Un nouveau plumet - saule ornaît un chapeau à l'une des dernières représentations de l'Opéra; sa tête ou sommet était formée par des marabouts.

М О Д Ы.

Погода, какой мы не могли ожидать въ сіе время года, заставила опять явиться на свѣтъ легкія, бѣлыя кисеи съ разнообразными узорами, матеріи свѣтлыхъ цвѣтовъ, бѣлыя платья, даже Ипадіанскія соломенные и ба- сповыя шляпки, которыя уже, казалось, не могли опять появиться прежде гулянья въ Longchamps, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ въ формѣ полей, такъ и въ опдѣлкѣ. И такъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ бархатныхъ пелеринокъ, одежда женщинъ въ городѣ, съ нѣкотораго времени почно шакова, какъ льшомъ.

Опдѣлка лифовъ, замѣченная съ нѣкотораго времени въ спекпаклѣхъ, весьма разнообразяется, и легко можно подуматъ, что войдетъ въ моду: это родъ кольрешки изъ пакой же матеріи какъ платье, шириною почти въ полторы ладони; она пришивается къ верху лифа, на которой откинута; ихъ вообще вырѣзываютъ изгибами. Кругомъ апласная выпушка въ два снурочка, если матерія шелковая. У другихъ платьевъ выпушка сія замѣняется вышитію по краю цѣпочкою или рубцемъ, въ который прoderнута снурокъ, смотря по платью.

Въ одномъ изъ послѣднихъ представлений замѣтили мы на одной шляпкѣ новый plumet-saule; головка его или верхушка была составлена изъ марабу.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 92.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
савкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 18 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Сколь часто въ пользу служишь намъ
Что мы вредомъ себѣ считаемъ!
Сколь часто на судьбу богамъ
Неправой жалобой скучаемъ!

Хеленицеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава шрешья.

(*Окончаніе.*)

—«И любопытно и наставительно слы-
шать о столь важномъ предметѣ мнѣнія
такихъ опытныхъ мудрецовъ, такихъ здра-
выхъ мыслишелей, какъ *Морицъ*, *Виландъ* и
Лагартъ ;» — замѣшилъ важнымъ тономъ *Со-
кратъ Добрытовскій*. — «Въ молодости своей
Лагартъ былъ слѣпой послѣдовавшей разру-
шительной секты Фернейскаго Папріарха
и, слѣдственно, отступникъ отъ Христіан-
ской религіи; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ пор-
жественно опрелея отъ прежняго своего
нечестія, назвалъ его несчастнымъ заблу-
жденіемъ разсудка, и объявилъ себя ревност-
нымъ защитникомъ высокихъ истинъ Еван-
гельскихъ.

«Его обращеніе можно назвать дѣйстви-
тельнымъ Небесной благодати и особеннымъ промы-
сломъ о немъ Всевышняго. Въ царствованіе
ужаса, *Лагартъ* осмѣлился назвать *Робертс-
ра* безразсуднымъ глупцомъ; это при-
чли ему въ уголовное преступленіе; погибель
его была рѣшена — и онъ брошенъ въ одну

изъ тѣхъ ужасныхъ темницъ, которыя до-
спавляли вседневно жертвы кровавому эша-
фоту революціи.

«Заключенный въ Люксамбургской шюр-
мъ, всякой день своими глазами *Лагартъ* ви-
дѣлъ плачевныя сцены; видѣлъ, какъ безжа-
лостные рабы самовластнаго мучителя Фран-
ціи извлекали изъ мрачныхъ заклеповъ не-
счастливыхъ, обреченныхъ на смерть неиз-
бѣжную; каждую минуточку ожидалъ онъ самъ
подобной участи.

«Вмѣстѣ съ нимъ заточена была одна ум-
ная, любезная и благочестивая дама: она рѣ-
шила обратиться *Лагарта* къ св. Вѣрь — и
начала тѣмъ, что дала ему прочесть псал-
мы *Давидовы*, Евангеліе и книгу *Оолы Кем-
пійскаго* о подражаніи Иисусу Христу.

«Собственноручныя записки, оставшіяся
послѣ смерти *Лагарта*, удостовѣряющъ насъ,
что милосердый о заблудшей овцѣ Спаси-
тель соблаговолилъ явиться надъ нимъ почти
по же самое чудо, какимъ ознаменовано, какъ
извѣстно, дѣйствіе благодати Его надъ свя-
тымъ *Августиномъ*. Знаменимый Французскій
вольнодумецъ не зрѣлъ видѣнія, не слышалъ
на горѣ гласа, вѣщающаго къ нему: *возьми
и гитай!* Но когда взывалъ онъ къ Господу
о ниспосланіи утѣшенія спѣшенному печал-

лю своему сердцу: по раскрывъ, безъ всякаго намѣренія, лежавшую на столѣ книгу о *подражаніи Иисусу Христу*, глаза его невольно остановились на словахъ: «*Я здѣсь, сынъ мой! иду къ тебѣ, когда призываетъ меня.*»

Между пѣмъ, какъ dospойный важнаго своего званія, училель *Добрѣтовскій* изъяснялъ сіе молодымъ людямъ и дѣвицамъ, скромная ученица его принесла свой переводъ. Все умолкло. Началось чтеніе: «Мнѣ кажется, будто вчера только былъ я свидѣтелемъ описываемаго здѣсь происшествія, хотя въ самомъ дѣлѣ оно случилось еще въ началѣ 1788 года;» — пишетъ *Лагарпъ*. — «Мы сидѣли за столомъ у одного вельможи, умнаго человека, и нашего собрата по Академіи. Многолюдное общество состояло изъ особъ разнаго званія, изъ придворныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, Липерашоровъ, Академикомъ и проч. Пиръ былъ богатый. Передъ окончаніемъ обѣда Мальвоази и Конспанское вино такъ развеселили гостей, что каждый почиталъ себя въ правѣ говорить все, лишь бы только заставилъ смѣяться. *Шамфоръ* читалъ свои неблагопрістойныя повѣсти; знатныя дамы, собесѣдницы наши, слушали и не закрывались опахаломъ. Потомъ начали шутить надъ религіей одинъ читалъ отрывокъ изъ *Орлеанской дѣвы*, другой повторялъ философическіе стихи *Дидеротовы*, прерпій встаетъ, держа въ рукъ полной стаканъ, и восклицаетъ: «Такъ, господа! я столько же увѣренъ, что пѣшь Бога, какъ и въ «помѣ, что *Гомеръ* былъ глупецъ!» — И онъ говорилъ точно какъ думалъ. Начали разсуждать и спорить о Богѣ и о *Гомерѣ*. Разговоръ шановился опчасу важнѣе. Удивлялись генію *Вольтера*; превозносили его за революцію, которую произвелъ въ умахъ современниковъ, и признавались, что это именно дастъ ему главное право на знаменитость. «Онъ давалъ тонъ своему вѣку; онъ заставилъ читать себя и въ гостинныхъ и въ переднихъ.» Одинъ изъ гостей разсказалъ намъ, какъ парикмахеръ, стоя за креслами съ гребенкою въ рукахъ, удивилъ его словами: «Знайпе, сударь, что я, бѣдной слуга, также не держу ни какой вѣры, какъ

и другой кто нибудъ.» — Все заключили, что скоро воспослѣдуетъ великая переменна; что суевѣріе и фанатизмъ усупятъ мѣсто философіи; вычисляли, когда именно наступитъ сіе вожелѣнное время, и кто изъ собесѣдниковъ доживетъ до царшвованія Разума. Старики съ прискорбіемъ говорили, что не увидятъ его; молодые люди радовались, имѣя вѣроятнѣйшія причины ожидать близкой перемены; все поздравляли Академію съ пѣмъ, что она пригосовила великое дѣло, и что была главнымъ мѣстомъ, средопочіемъ, пружиною свободы мыслишь.

Одинъ изъ собесѣдниковъ не бралъ участія въ веселости нашего разговора, и даже скромно шутилъ надъ нашимъ воспоргомъ. Это былъ *Казотъ*, человекъ любезный, оригинальный, но по несчастію до безумія зараженный мечтами иллюминаповъ. «Господа!» — сказалъ онъ, принявъ на себя видъ важный: «успокойтесь; вы все доживете до эпои «великой и славной перемены, которой такъ «неперпѣливо желаете. Вамъ извѣстно, что «я опчасти умѣю угадывать будущее; по- «вторяю: вы ее увидите.» — Ему отвѣчаютъ извѣстнымъ припѣвомъ: *faut pas être grand sorcier pour ça* (для сего не нужно быть великимъ колдуномъ). — «А можете быть и «нужно для того, что хочу сказать вамъ. «Знаете ли, что послѣдуетъ за эпою рево- «люціей, — что случится со всеми, сколько «васъ шупъ ни есть, и что будетъ по- «слѣ!» — Увидимъ! сказалъ *Кондорсетъ* съ обыкновенной угрюмостью. «Вы, Г. *Кондорсетъ* «издохнете на полу въ пюръмъ; умрете опъ «яда, чтообъ избавишься опъ рукъ палача, — «умрете, говорю, опъ яда, который прину- «ждены будете носить при себѣ въ сіе сла- «славное время.» — — —

Все встревожились; но вспомнивъ, что доброй *Казотъ* часто на яву бредишь, спали смѣяться. — «Г. *Казотъ!* сказка, которою вы насъ шеперь пошчивали, не такъ забавна, какъ вашъ *влюбленный дьяволъ* (*). Опъ чего пришло вамъ въ голову говорить о пюръмъ, объ ядѣ, о палачахъ? Какое имѣетъ опшошеніе весь этотъ вздоръ къ философіи,

(*) Такъ называется повѣсть, сочиненная *Казотомъ*.

къ царству Разума?—«Говорю вамъ, что во имя философіи, человечества, свободы, васъ погубяшь, и что это случится въ царствованіе Разума; тогда Разумъ только будетъ имѣть свои храмы; во всей Франціи будутъ воздвигнуты храмы одному Разуму, а болѣе никому.»—Увѣрю васъ,—сказалъ *Шамфоръ* съ ядовитою улыбкой—что вы не будете въ числѣ жрецовъ при сихъ храмахъ.—«Я думаю также; но вы, Г. *Шамфоръ*, какъ жрецъ, и какъ особа, достойная сего званія, вы надрежете себѣ жилы бритвою въ двацѣпни двухъ мѣсяцѣхъ, но умрете спустя спомомъ нѣсколько мѣсяцовъ.»—Опять всѣ смощрашъ одинъ на другаго, и смѣются. «Вы, Г. *Викъ д'Азиръ*, не сами себѣ откроеете жилы, но въ припадкѣ подагры велике себѣ пускаете кровь шесть разъ въ одинъ день, и въ слѣдующую почъ умрете. Вы, Г. *Николай*, погибнете на эшафотѣ; вы, Г. *Бальи*; также на эшафотѣ; вы, Г. *Мальзербъ*, также на эшафотѣ. . .» — Слава Богу, сказалъ *Руше*: кажется Г. *Казотъ* сердитъ только на Академію; онъ поступилъ съ нею безжалостно: благодареніе Небу, что я. . .—«И вы, и вы погибнете также на эшафотѣ.»—Можно биться объ закладъ—закричали гости—что онъ поклялся перерѣзать всѣхъ!—«Не я поклялся.»—Ктожъ? развѣ Турки, или Таптары овладѣютъ нами?—«Совсѣмъ нѣтъ; я уже сказалъ вамъ: одна философія, одинъ Разумъ будетъ управлять вами. Философы окажутъ вамъ сіи услуги,—тѣ самые люди, которые безпрестанно будутъ произносить нынѣшнія ваши слова,—будутъ повсоряшъ всѣ ваши правила, будутъ ссылашъся, подобно вамъ, на стихи *Дидеротовы* и на опривки изъ Орлеанской дѣвы. . .»—Онъ сошелъ съ ума! Онъ пошлой дуракъ!—говорили гости одинъ другому на ухо; ибо *Казотъ* не перемѣнилъ своего важнаго вида: онъ шутитъ; а вы знаете, что въ шуткахъ обыкновенно есть и чудесность.—Правда, сказалъ *Шамфоръ*: но чудесность его вовсе не забавна; онъ слишкомъ изволилъ жаловать эшафоты и висѣлицы. Когда же все это сбудется?—«Все, что я ни говорилъ вамъ, исполнится прежде шести лѣтъ.»

Сколько чудесь!—сказалъ я: но для чего вы обо мнѣ не упомянули?—«И съ вами случается чудо: вы обратитесь къ Христианству.»—Громкія восклицанія.—Слава Богу!—подхватилъ *Шамфоръ*: я ободряюсь; если намъ суждено погибнуть въ то время, когда *Лагартъ* случится Христианиномъ, то намъ никогда не умирать!—

Мы, женщины, весьма счастливы!—сказала Герцогиня *Граммонъ*: революція до насъ не касается, говорю не касается не потому, буди бы мы не мѣшались въ политику, но потому, что насъ уважаютъ, и что поль нашъ. . .—«Вашъ полъ, милосивыя государыни, на сей разъ не защититъ васъ; мѣшайтесь вы, или не мѣшайтесь, но съ вами поступлено будетъ точно какъ съ муцинами.»—Что это значитъ, Г. *Казотъ*? Вы намъ проповѣдуете преспавленіе свѣта.—«Этого ничего не знаю; знаю только, что Вашу Свѣтлость и многихъ другихъ госпожъ, вмѣстѣ съ вами, повезутъ къ эшафоту на позорной телегѣ, съ завязанными назадъ руками.»—Въ этомъ случаѣ надѣюсь по крайней мѣрѣ имѣть карету, обитую чернымъ сукномъ.—«О, нѣтъ, сударыня! дамы знаютъ васъ, побѣдутъ на телегѣ, и также съ завязанными руками за спиною.»—Знаютъ же меня? Не уже ли Принцессы крови?—«Знаютъ же васъ, сударыня, знаютъ. . .» — Все общество пришло въ смущеніе, и самъ хозяинъ нахмурился: ибо шутка уже казалась весьма неумѣренной. Герцогиня *Граммонъ*, желая прекратить непріятность, не стала пребывать окончанія послѣдняго опѣта, а только прибавила: увидите, господа, что онъ не дастъ мнѣ и духовника.—«Такъ почто, сударыня! вы не будете имѣть его; ни вы, ниже кто либо другой. Послѣдній, кому окажутъ это снисхожденіе, будетъ». . . *Казотъ* оспановился. — Говорите, говорите! кто этотъ счастливый смертной, который будетъ имѣть преимущество передъ другими?—«Сие преимущество одно только у него оспанется; этотъ человекъ есть Король Французскій.»

При семъ словѣ, хозяинъ дома потчасъ вскочилъ съ мѣста, и всѣ гости вспали. Онъ подошелъ къ *Казоту*, и съ огорченіемъ

сказалъ ему: уже время, дорогой *Казотъ*, прекратишь эту печальную шутку. Вы простираете её слишкомъ далеко; вводите въ хлопоты все общество и самихъ себя. — *Казотъ*, не отвѣчая ни слова, хотѣлъ было уйти; но Герцогиня *Гримальонъ*, которой хотѣлось развеселить общество, подошедъ къ нему, сказала: Господинъ пророкъ! вы объявили намъ будущія приключенія, для чего же о себѣ ничего не говорите? — *Казотъ* нѣсколько времени молчалъ, попутываясь взоры. — «Милоспивая государыня! читали ли вы у *Иосифа* объ осадѣ Иерусалима?» — Безъ всякаго сомнѣнiя; кому не извѣстно это мѣсто! Однакоже, положимъ на часъ, будто я не читала его. — «Во время осады Сватограда, одинъ человекъ семь дней сряду, въ виду посаженныхъ и осаждающихъ, по разу въ день ходилъ вокругъ окоповъ и кричалъ голосомъ громкимъ и плачевнымъ: горе Иерусалиму! Въ седьмой день воскликнулъ онъ: горе Иерусалиму! горе и мнѣ! — И въ ту же минушу пребольшой камень, брошенный изъ машинъ непрiятельскихъ, упалъ ему на голову, и разможилъ его подъ собою.»

Казотъ поклонился и вышелъ изъ бѣды. —

Переводчица остановилась и покраснѣвши сказала: всё! — «Краснорѣчиво описанная, заставляющая кровь застывать въ жилахъ — былъ или небылица!» — воскликнулъ *Факеловъ*: «не стану опровергать возможность такого предвѣщанiя: собесѣдники мои и милыя собесѣдницы слишкомъ просвѣщенны, чтобы допустить овладѣть собою суевѣрiю. Замѣчу только, что *Лагарпъ*, и по обращенiи своемъ къ истинной вѣрѣ, не обратился къ духу кротости и смиренiя: онъ оспался властолюбивымъ, гордымъ, вспыльчивымъ; сдѣлался мизантропомъ, деспотомъ, гонителемъ, врагомъ всякой терпимости.» — «Кажется, что вы, Г. *Факеловъ*, боитесь за насъ;» — насмѣшливо возразила ему двѣнадцатипятилетняя *Сашенька*, Княжна *Чижинская*: «будьте спокойны; маушка умѣла насъ сдѣлать набожными и испребитъ въ сердцахъ нашихъ самый корень смѣшныхъ предразсудковъ. Мы съ удовольствiемъ слушаемъ сказки о домовыхъ, но проказамъ домовыхъ не

вѣримъ; наизусть заучили Баллады *Жуковскаго*, но мерзавцевъ и чертей совѣмъ не надѣемся видѣть. Рассказывайте, Господа, что вамъ на умъ взбрѣдетъ, вы насъ не испугаете; мы спанемъ спать спокойно!» — «Расскажу вамъ одинъ анекдотъ, слышанный мною въ бытность мою въ Петербургѣ отъ человека государственнаго, славнаго писателя, ученаго, какихъ мало, не только въ Россiи, но и въ Европѣ, отъ *Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола*;» — сказалъ *Факеловъ*.

«Князь Владимiръ Сергѣевичъ *Долгорукий*, въ чинѣ Полковника былъ опредѣленъ чрезвычайнымъ Посланникомъ къ Прусскому Двору въ 1763 году. Назначенiе *Екатерины II* Князя *Долгорукаго* къ *Фридриху* великому, не менѣе славному на полѣ брани, какъ ловкому, искусному, хитрому въ дѣлахъ дипломатическихъ — служилъ доказательствомъ, что избранный Ею вмѣщалъ въ себя всѣ достоинства, долженствующiя украшать предсавителя могущественной Монархини. Князь Владимiръ Сергѣевичъ заслужилъ оказанное ему предпочтенiе: приобрѣлъ любовь, особенную довѣренность Короля. Находясь въ Россiи; утѣшалъ себя умною, занимательною бесѣдою *Фридриха* и перепискою съ роднымъ братомъ своимъ, Княземъ Пешромъ Сергѣевичемъ. Тѣснѣйшая дружба соединяла ихъ даже въ самой разлукѣ, не смотря на разнообразныя мысли относительно религiи. Тщетно послѣднiй старался склонить на свою сторону любимаго имъ брата; увѣрялъ его: что онъ находится въ заблужденiи; что безъ истинной вѣры, нѣтъ блага на землѣ, нельзя быть добродѣтельнымъ; что она утѣшаетъ насъ въ бѣдствiяхъ, удерживаетъ порывы страстей, напоминаетъ намъ нашу ничтожность въ дни счастья крашкременнаго, соуправляетъ въ лучшую жизнь, гдѣ каждому воздается по дѣламъ его и у самыхъ дверей гроба торжествуетъ надъ ужасами смерти. Князь Владимiръ Сергѣевичъ смѣялся надъ убѣжденiемъ брата: читалъ ему любимыя мѣста изъ *Вольтера*, *Дидерота*, *Даламберта*, самаго *Фридриха*, котораго боготворилъ и въ опечесства; продолжалъ наполнять письма свои ссылками на новѣйшихъ *Философовъ*,

причинившихъ неизгладимое зло современникамъ и попомощву. — Можно предсавить себѣ разговоръ двухъ вольнодумцевъ! Однажды Князь *Долгорукий*, возвращаясь поздно отъ Короля и чувствуя сильную усталость, раздѣлся наскоро, бросился въ кровать, немедленно уснулъ. Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то ошдергиваетъ его занавѣсъ, приближается къ нему и хладная, оледенѣвшая рука прикасается къ рукѣ его, жметъ оную. Онъ смотритъ и видитъ брата своего, слышитъ слова, имъ произнесенныя: вѣрь! Обрадованный, восхищенный неожиданнѣйшимъ явленіемъ *Долгорукий* пробуждается, хочетъ броситься въ объятія друга единокровнаго, гоповиися приказанію его къ сердцу, раскаленному любовью—какъ вдругъ мечта исчезаетъ; онъ отворяетъ дверь въ другую комнату, пробѣгаетъ по всему дому, будитъ служителей, спрашиваетъ у каждаго: «гдѣ братъ мой? Куда онъ дѣвался?» — Удостоверяется, что видѣнное имъ ничто иное, какъ сонъ, игра воображенія; но слово: вѣрь — продолжаетъ раздаваться въ ушахъ его, не даетъ ему покоя! На другой день *Фридрихъ* узнаетъ причину печали Министра Россійскаго; смѣется надъ нимъ, спарается утѣшить и успѣваетъ. Однакожъ *Долгорукий* записалъ въ памятной книжкѣ случившееся происшествіе; означилъ число, часъ, минуту. . . . И каково было изумленіе его, когда первыя вѣсти изъ Россіи сообщили ему кончину брата, послѣдовавшую въ тотъ самый день и часъ, въ ту самую минуту! По видимому Провидѣніе желало и въ будущей жизни не разлучать двухъ братьевъ, дружбою соединенныхъ! Истинная вѣра водворилась съ того времени въ сердцѣ опекунника; живѣйшее раскаяніе заснуило мѣсто пагубнаго изнеженія.

«Молодые люди—говорилъ подѣ старость Князь Владиміръ Сергѣевичъ, возвращаясь въ опчизну—«вошь что послѣдовало со мною: «Всемогущій сжалился надъ моимъ заблужденіемъ; извлекъ меня изъ пропасти. Берегитесь попасья въ оную; не читайте книгъ соблазнительныхъ. Примѣръ мой да послужитъ вамъ поученіемъ. Безъ благоче-

«спія нѣтъ счастья на землѣ; не найдете онаго и въ будущей жизни.»

«Ваши повѣсти, сновидѣнія, предчувствія;» сказалъ тяжело вздохнувъ опспавной Гусарскій Роммиспръ Князь *Муромскій*, (молодой человекъ съ опличными талантами въ живописи и музыкѣ, оплично игравшій первыя роли на благородныхъ театрахъ) «немножко воспаменяютъ воображеніе, слегка щекочутъ сердце, пріятно пугаютъ умъ; и все шутъ! Грозный сонъ Княгини кончился шѣмъ, что она изволила кушать сперлядей вмѣсто цѣплятъ и миндальное молоко вмѣсто коровьяго; пріятель мой *Енисеевъ* счастливо опдѣмался отъ своего таинственнаго жиды переломомъ кости; сонъ друга его Подполковника *Двойникова* остался безъ всякихъ дурныхъ для него послѣдствій... Все это давнопрошедшее! Ахъ, еслибъ вы знали мое ужасное положеніе, примолвилъ Князь, пропаянувъ и усиля слова *ужасное положеніе*: вы бы привяли во мнѣ сердечное участіе. Мое будущее, какъ свинецъ давитъ грудь мою. Всмотритесь въ меня: мнѣ 26 лѣтъ отъ роду, но я похожъ на старика пятидесятилѣтняго. Грудь моя ноетъ; внутренность горитъ, природа потемнѣла для глазъ моихъ; боюсь мрачнаго лса, боюсь оппаваться одинъ въ комнату». . . . «Вы, мущина и гусаръ, боитесь темноты и одиночества? Я бы никакъ не могла вообразить этого!» — подхватила захохотавъ маленькая *Княжна Чигинская*; я бы гопова была пробить объкладъ мою канарейку, что вы, Рыцарь безъ страха и препета, проведете ночь въ церкви и заснете на кладбищѣ такимъ крѣпкимъ сномъ, что пляска мертвецовъ не въ еополнѣи разбудитъ васъ.» — «Это такъ и было, милая Княжна!» скромно возразилъ Князь *Муромскій*: «до одного случая бѣдственнаго, ужаснаго. . . Онъ въ одинъ часъ состарилъ меня; онъ изсушилъ мозгъ въ костяхъ моихъ: Услышите — и запрепещите!» — произнесъ онъ гробовымъ голосомъ. — Въ это время на сельской колокольнѣ заунѣвно пробило полночь; лампа горѣла шуткло, въ комнатѣ водворилось глубокое молчаніе. — «Я служилъ въ Глуховскомъ Гусарскомъ полку и жилъ душа въ душу съ сослуживцемъ, мо-

имъ *Дубровиньмь*. Оба мы были молоды, пылки, въ одномъ чинѣ, въ одномъ эскадронѣ; стояли на одной кварширѣ; оба до безумія любили Нѣмецкую литературу, вмѣстѣ читали *Шиллера*, *Кёрнера*, *Гёте*, вмѣстѣ гуляли по рощамъ, вмѣстѣ ѣзжали на вечеринки, на балы. У насъ не было ни одной мысли, ни одного чувства, сокрышаго другъ отъ друга: въ насъ жила одна душа, билось одно сердце. Оба мы простудились на осеннихъ манѣврахъ, оба слегли: я выздоровѣлъ, онъ угасть на рукахъ моихъ, я принялъ его послѣднее дыханіе, похоронилъ его, поспавилъ надъ нимъ дубовый крестъ, помянулъ въ круговинѣ его сослуживцевъ. Прошло три дня; я, еще слабый послѣ горячки, пораженный попереею друга, обложенный подушками, сидѣлъ вечеромъ въ своей кварширѣ, курилъ трубку и посмапиривалъ на огонь полившейся печки. Вдругъ дверь тихо распворилась — и мой усоншій другъ не вошелъ, а какъ бы, *подлетѣлъ ко мнѣ*: ликъ его былъ свѣщелъ, глаза сіяли какъ звѣзды, одежда бѣлизны ослѣпительной: *я блаженъ*, шепнулъ онъ мнѣ голосомъ, сладкимъ какъ звуки эоловой арфы: *мнѣ позволено открыть тебѣ, что ты проживеши еще двѣнадцать лѣтъ; прости! за день до твоей смерти явлюсь тебѣ!* Онъ исчезъ, но оставилъ по себѣ глубокіе слѣды; все мнѣ опропивѣло; я взялъ опшавку, не смѣю ни къ чему пристрапшиться, ничего завеспи, ничѣмъ заняться. Для разсѣянности, я пупешествовалъ по Европѣ, но ни Швейцарскія горы, ни Ипаліакское небо, ни вѣтреность болшпивыхъ Парижанъ не могли меня заставитъ забыть усоншаго моего друга. Чѣмъ ближе срокъ: шѣмъ спановлюсь я групшнѣе, задумчивѣе. Вчерашній день минуло 12 лѣтъ, какъ другъ мой скончался. Я жду его, какъ Ангела-благовѣспника, съ нетерпѣвиемъ и, признаюсь вамъ, съ робостію, видѣшь пришельца изъ другаго міра... разговаривать съ мерпвецомъ... слышатъ вѣспъ о близкой своей смерти!.. Ахъ, вошь онъ! Я вижу усоншаго моего друга; вскричалъ Князь *Муромскій* прерывающимся голосомъ — и ударился объ спѣну головою, шакъ крѣпко, что спѣны задрожали. Дамы взвизгнули — и разсыпались, какъ дождь. —

Опомнившись, въ своихъ комнапахъ онъ увидѣли, что эпо была шупшка — и сами первыя смѣялись своей прусоспсти; однакоже не пришли за ужинъ: имъ спыдно было глаза показашъ!

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СВЯТОПОЛКЪ.

(Отрывокъ изъ повѣсти.)

Его душа горитъ въ превогъ,
И воздухъ душенъ и шяжелъ
Въ велико-Кпяжескомъ черпогѣ. . .
Онъ встрепенулся — и ушелъ —
Какъ увлеченный мыслью злою. . . .
Рѣшился дпесъ его судьба,
И съ добродѣтелью святою
Его послѣдпал борьба.

Идетъ изъ града одинокій —
Не совѣщашься ль со святымъ
Пещеры близкой, нль со злымъ
Пустыни духомъ? Шлемъ высокій
Надвпнушъ мрачно на глаза,
И въ нихъ пльветъ — не чувствъ слеза —
Но блещетъ влажное безумье,
И взоръ оцѣпелъ въ раздумъ.
Въ покровъ мрачно-голубомъ
Восходптъ шуча надъ Дивпромъ
И шмптъ клубящіяся волны:
Такъ на душъ его порокъ
Ужасной шѣію возлѣгъ.
Остановился, спраха полный,
У входа въ мрачно-шумный боръ
И, на груди сложивши длани,
Онъ съ бѣсомъ сердца и желаній
Заводптъ злобный разговоръ:

« Чего спрашусь? измѣна ль честп, —
Когда святое право мести (*)
Велптъ нещадно убивашъ?
Моя обпженная машъ!
Не ты ль со слезною шоскою,
Въ углу теремнаго дворца,

(*) Понятіе поддашаго вѣка, еще не вполне озареннаго
благотворными лучами Хрпстіанской вѣры.

Мнѣ показала кровь опца —
Увы — невиданнаго мною?
Владиміръ! Грековъ крошкѣй Богъ
Тебѣ просипишь убійство могъ,
Цѣрковостроителю - Герою —
Я не прощу! Кровавый долгъ
Внушаемъ дѣтскою любовью. . . .
Съ лица земли опасной кровью
Обиду смоешь Святополкъ!»

Земля дрогнула; вихрь жестокой
Предъ нимъ повергнулъ дубъ высокій, —
И опъ удара грудь дрожитъ.
Перуиъ сердито стрѣлы мечетъ,
Раскатомъ буйнымъ громъ прещипъ
И ярый Диѣръ о берегъ хлещетъ.
Огромнымъ пылъ взвямь сполбомъ;
Лучами тучу пропикая,
Звѣзда кровавая, большая
Зажглася на небъ огнѣмъ.
Съ высотъ чудовище несется. . .
Упалъ на землю страшный змѣй;
Предъ изумленнымъ Княземъ вьспелъ
И, огнедышущей своей
Поднявшись челюстью открытой,
Шипитъ, бросаешя, исчезъ —
И огнь кружился, съ дымомъ слипый.

И вотъ! явился другъ небесъ,
Пещеры старецъ знаменитый!
Его власы и видъ маспшій,
Его высокое чело,
Гдѣ отражаешя свѣшло
Души величье, миръ съ собою—
Все говорипъ: надъ сей главою
Уже столѣшье прошекло!

«Святпый опшелъникъ! чпо со мною,
Скажи, чпо будешъ? Опъ чего
Природы дивное смущенье?»
—О Князь! вотъ сердца швоего,
Твоихъ спрашней изображенъе!
Молись, чпобъ Тотъ, Кпо бунпъ спихій
Въ единый мигъ смиряпъ во власти, —
Чпобъ опъ души швоей грѣхи
Ошвелъ, и пагубныя спраштя!

Не по—державный человекъ!
Зардѣешъ кровію швой вѣкъ,
Какъ эшо чудное созвѣзде—
И примешъ пляжкое возмезде!
О, вѣрь мнѣ: днесъ себѣ о шомъ
Ты не составишь и поняпья. . . .
Разящимъ грома языкомъ
Богъ изречешъ свои прокляпья!
Тебя низвергнушь люди въ прахъ. . . .
Въ чужбинѣ, въ дебряхъ и лѣсахъ
Скипашья будешъ какъ безумный—
Опъ боли взвоешь! вѣперъ шумпый
Разбросипъ длинныя власы
И въ полуночныя часы
Тебя обшупляпъ бѣсы, черпш—
И *окалптымъ* прозовупъ
И, растерзавъ тебѣ до смерпш,
Въ полымя ада повлекупъ. —

Баронъ Розень.

Волжскъ. 1814.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

6-й Крымскій Сонетъ.

Еще великъ; но пущъ вашъ пышный домъ, Гирен!
Паша съ пороговъ пылъ челомъ спирали здѣсь—
На пѣхъ софахъ былъ шронъ любви и власпш—днесъ
Гамъ скачешъ саранча; а шупъ гнѣздлптся змѣи.

*

Свободно дикій плющъ чрезъ окна въ царскій домъ
Пробрался; завладѣлъ, во имя опъ природы,
Созданіемъ людей; пѣмыя спѣны, своды
Обвивши, начерталъ *Развалина* кругомъ.

*

Гарема здѣсь фоншанъ журчитъ еще донпнѣ;
Онъ въ чашѣ мраморной средъ залы уцѣлѣлъ;
Ропяя перлы слѣзъ, онъ шакъ гласишь въ пущыпъ:

*

Гдѣ вы, любовь и власть? Гдѣ слава громкпхъ
дѣлъ?

Вы мнили вѣки жить; но шибко убѣгала
Спруя—она бѣжитъ, а васъ уже не спало!

Познанскій.

Кіевъ.

Ш А Р А Д А.

Въ кипѣннй воды мой *первый* слогъ являетъ;
 Нерѣдко мой *второй* младыхъ дѣвицъ плннлепъ,
 Когда гордился имъ набѣдникъ удалой,
 Крупя его могучею рукой;
 А *цѣлое*—песецъ па дѣ водцами:
 Проводитъ богачей за рѣдкими вещами,
 Даетъ движеніе огромнымъ крѣпостямъ,
 Покорно въпру шакъ; какъ смершныя страстямъ.
 М. Жортиловъ.

Въ No 91, помѣщенная загадка значить: *Атл*.

М О Д Е С.

Des femmes en robes de mousseline fond blanc ou même toutes blanches, d'autres en robes de mérinos, d'alépine, de tissu de Pondichéry, de staff et de gros-de-Naples, de satin polonais, couleur feuille d'acanthé, gris de perle, vert émeraude, violet, scabieuse, immortelle et aventurine; les unes avec des canezous en tulle diversement brodé, les autres avec des pélerines de mousseline, et d'autres avec des pélerines de velours; celles-ci portant des chapeaux roses, bleu-de-ciel, jaune-paille et même tout blancs; celles-là des chapeaux feuilles d'acanthé, doublés en noir et ornés d'un plumet-saule noir en plumes de coq, des chapeaux couleur scabieuse, des chapeaux couleur aventurine, doublés en rose ou en noir, ornés, pour la plupart, d'un bouquet de cinq plumes et de rubans; les unes ayant pour chaussure des brodequins, les autres des souliers à cordons croisés comme ceux d'un cothurne, et portant des manteaux, de grands schalls, de légères écharpes, des boas.... Tel est l'aspect qu'offrent les promenades, principalement depuis quelques jours. Cette macédoine de toilettes se retrouve, à peu de chose près, dans les salons; mais quelques jours de pluie, une température un peu froide, l'automne enfin, amèneront bientôt plus d'uniformité dans la mise des dames, et décideront des modes pour toute la saison d'hiver.

М О Д Ы.

Дамы въ кисейныхъ плащяхъ съ узорами или совсѣмъ гладкихъ, другія въ мериносовыхъ, изъ адепины (alépin), изъ ткани пон-

дшери, изъ спаффа (staff) и гроденапля, Польскаго апласа; цвѣщовъ: аканшоваго листа, перловаго, изумруднаго, фиолетоваго, скабіозы, безсмершныхъ и aventurine; одни въ вышншыхъ канзу, другія въ кисейныхъ или бархатныхъ пелеринкахъ; иныя въ розовыхъ шляпкахъ, также небесно-голубаго, соломеннаго цвѣщовъ, даже и совсѣмъ бѣлыхъ, другія въ шляпкахъ цвѣща аканшовый листъ, подложенныхъ чернымъ и съ черными plumet-saule изъ пепушшыхъ перьевъ; шляпки цвѣщовъ скабіозы и aventurine, подложенныя розовымъ или чернымъ и, по большой часпи, опдѣланныя букетомъ изъ пяти перьевъ съ лентами; одни въ ботинкахъ, другія въ башмакахъ, переплетенныхъ шнурками, какъ сандали, въ плащахъ, шаляхъ, легкихъ шарфахъ, хвостахъ..... Вопн зрѣлице, представляющееся съ нѣкопорогаго времени на прогулкахъ. Эпа же смѣсъ нарядовъ, съ небольшою переменною, находилса и въ госпннхъ; но нѣсколько дождливыхъ дней, холодная погода, однимъ словомъ, осень, произведутъ болѣе однообразія въ дамской одеждѣ, и моды оснующей на всю зиму.

С М Ъ С Ъ.

Никогда никакіе Монархи не вели между собою такой долговременной, люшой войны, какъ па, копорую ведутъ невѣжесиво съ просвѣщеніемъ. Она безконечна, непримирима!

Солдашу надлежитъ бытъ здорову, храбру, шверду, рѣшиму, правдиву, благочеспиву.

О п е ч а ш к и.

Въ No 89-мъ сихъ Литерат. Прибавленій въ первомъ стихѣ ошибкой *напечатано*: строк. 1, Голушкинъ—надлежитъ *читать*: А! сударь,—строк. 5 и 6, *напечатано*:
 За то, за то ихъ вѣчной пмой,
 Окружитъ адъ, и прог.
читать: За то, за то ихъ вѣчная, постой,
 Окружитъ пма, и прог.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 93.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
скавкой и пересылкою
75 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 21 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Что новаго покажешь мнѣ Москва?

Вчера былъ балъ—а завтра будетъ два.

Тотъ сватался—усиэль, а шотъ—далъ промахъ.

Все шотъ же толкъ, и тѣжъ стихи въ альбомахъ.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Извѣстный своими литературными увѣр-
ками — *Пялюшкинъ-Невгъединъ*, пославля-
етъ священною обязанностью почтеннѣй-
ше предварить почтеннѣйшую опечесивен-
ную Публику о томъ, что онъ еще разъ
намѣренъ попробовать: не удался ли ему
собрать съ нею новую коннрибуцію. Руко-
водимый сею цѣлью, съ 1 Января 1852 года
будетъ онъ издавать литературную, сапи-
рическую, критическую, модную и шап-
ральную газету, подъ скромнымъ заглавіемъ:
Мошешникъ. Онъ не хочетъ, подобно нѣко-
торымъ своимъ собратамъ, обманывать лю-
бителей чуждѣ, краснорѣчивымъ увѣреніемъ,
будно бы онъ предпринимаетъ сіе для об-
щей пользы и для своей собственнѣйшей славы.
Нѣтъ, онъ откровенно объявляетъ, что
цѣль его—прибытокъ и что славу свою по-
спавляетъ онъ въ количествѣ подписчиковъ.

Мѣры, принятыя имъ для содѣланія сво-
ихъ листковъ занимательными, благонадѣж-
ны. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

I. Издатель, не доучась за недосугомъ Рус-
ской грамотѣ, наимѣтъ шакого переписчи-
ка, который щцашельво будетъ исправлять

ошибки, могущія оказаться въ твореніяхъ
его, противъ правописанія.

II. Не зная ни одного иностраннаго язы-
ка, онъ прибѣгнетъ къ пособію своихъ прія-
телей, въ случаѣ надобности переведетъ ка-
кую нибудь статью для своего изданія.

III. Будучи презираемъ всеми извѣстными
Русскими поэтами, одними за пасквили, кото-
рыя онъ на нихъ выпускаетъ; другими — за
силешии, которыми онъ ихъ между собою
ссоритъ; прѣтвыми за безграмотность; онъ
не надѣется добровольно получить отъ нихъ
ни одного двоеспинія, а поидому и рѣшаетъ
себѣ — со всеми опечесивенными вѣдо-
мостями, журналами, газетами, альманахами,
нововыходящими поэмами, розмками, повѣ-
стями въ стихахъ, и пр. и пр. и пр. и пр.
и пр. паршизанскую войну, *назадничать*,
ясиѣ сказанъ: выбирать изъ нихъ лакомые
кусочки и благовойные цвѣточки — и *переле-
гать* въ своей газетѣ. Симъ Издатель
вполнѣ оправдаетъ данное имъ ей имя *Мо-
шешника*.

Прим. I. Онъ уже и приступилъ къ сему,
опидавъ переписать одну повѣсть изъ Тиф-
лисскихъ вѣдомостей, два стихотворенія изъ
Невскаго Альманаха, одно изъ Сына Опече-
ства и двѣ или три басни Г. *Зилова*.

Прим. II. Чтобы избѣжать опѣ рукъ Управы Благочинія за такую явную кражу, Г. *Пьяншкінъ-Невтъждинъ* постарается позолотить пиллюю, ш. е. посшавить предѣ каждою шаковою спашьейю оговорку; на пр:

1) «Желая доставить нашимъ почтеннымъ читателямъ пріятное удовольствіе, мы выписываемъ изъ превосходнаго повѣсть частямъ журнала NN. такое-то стихопвореніе.»

2) «Оканчиваемъ нашъ разборъ остроумныхъ и изящныхъ стихами написанныхъ сочиненій Господина NN. выпискою изъ него нѣсколькихъ піесъ, кои намъ въ особенності понравились.»

3) «Говоря съ похвалою о басняхъ молодого нашего писателя NN., мы забыли взять изъ нихъ еще одну, отличную по разсказу и содержанію.»

4) «Горя неперпѣнемъ распроспранить славу шакого-то, беремъ изъ него въ нашъ журналъ при небольшія спашейки.»

5) «Мы не можемъ разстаться съ книгою NN. и для того спѣшимъ украсить наше педьльное изданіе еще двумя его элегіями (эпиграммами, посланіями, сонетами).»

6) «Читатели вѣрно поблагодарятъ насъ за перепечатаніе изъ альманаха прекрасныхъ стиховъ знаменитаго отечественнаго писателя NN.»

IV. Каждый мѣсяць особы, подписавшіеся на газету: *Мошенникъ*, будутъ получать по двѣ картинки модѣ. Всего же въ годѣ 24.

Прим. III. Очень легко можетъ случиться, что промашавъ деньги вначалѣ Января, Издатель не въ состояніи будетъ въ срокъ доставлять обѣщанныхъ картинокъ. За то онъ выдаситъ въ *дѣтъ дюжины* въ концѣ Декабря, на пр: ежедневно, начавъ съ 20 числа, по двѣ картинки. Издатель чувствуетъ, что это будетъ немножко непріятно его милымъ читательницамъ, но чрезмѣрно выгодно для ихъ родителей и супруговъ.

V. Газета: *Мошенникъ* будетъ выходить четыре раза въ недѣлю: по Понедѣльникамъ, Четвергамъ, Пятницамъ и Воскресеньямъ, вечеромъ въ 9 часовъ.

Прим. IV. Да извинятъ Messieurs и Mesdames, если иногда Понедѣльничній листокъ

получатъ они во Вторникъ, Четверговый въ Субботу, а Воскресный въ Среду. Издатель осмѣливается напомнить вамъ, Messieurs et Mesdames, стихи *Державина*:

Кто сколько мудростью ни знаетъ,
Но всякой человекъ есть ложь!

И послѣ сего, надѣется на ваше снисхожденіе, Messieurs et Mesdames!

Прим. V. Можетъ также иногда случиться, что вмѣсто 9-ти часовъ вечера, листокъ сей сапирической газеты получится въ полночь: vaut mieux tard, que jamais! лучше поздно, нежели никогда!

Прим. VI. Впрочемъ, оба сіи несчастные случаи могутъ случиться только въ такіе дни, въ которые трудолюбивый Издатель прохлаждается въ кандиперской, или лельеипѣ досугъ свой въ библіотекѣ чпенія у *Смирдина*, въ книжномъ магазинѣ *Слѣнина*. Это случается съ нимъ весьма рѣдко, именно не болѣе 365-ти разъ въ цѣлый годъ!

VI. Въ библіографіи своей крипической газеты не спашепъ Издатель разбирать такихъ книгъ, какъ *Борисъ Годуновъ*, *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича*, *Рославлевъ*, *Послѣдній Новикъ*, *Удивительный человекъ* и имъ подобныхъ: онъ этаго не стумѣетъ. Вмѣсто того, онъ ревностно займѣтся крипикою швореній, *Александра Орлова*, *Александра Степанова*, *Николая Фомина*, *Владимира Филимонова*, *Петра Мошкова*, *Иринарха Завалишина* и иныхъ многихъ поэмъ, одѣ, прагедій, спансовъ и водевилей этаго же разбора.

VII. Сверхъ всего вышеизложеннаго, Издатель обѣщается подсматривать все, печатасное въ разныхъ Санктпетербургскихъ Типографіяхъ и, опчасти собспвенною своею персоною, а опчасти чрезъ тайныхъ агентовъ, — выкрадывать хорошія спашьи въ стихахъ и прозѣ и печатать въ своихъ листахъ. Это будетъ *подражаніе*. . . . Подражаніе ворами. . . .

Цѣна сей газетѣ, которая будетъ состоять изъ 260-ти нумеровъ, къ каждомъ по полтора листа печатныхъ, съ картинками модѣ, назначается самая умѣренная: здѣсь

въ С. Петербургъ 40 рублей, съ пересылкою во всё другіе города 50 рублей.

Иногородные должны относиться съ своими пребываніями прямо къ самому Издашелю Тарасу Фалелъевичу *Пьянгошкину-Невъждину*, живущему на большой улицѣ *Шарлотанства*, въ кварталѣ *Плутней*, въ госпитальницѣ подъ вывѣскою: *пей, не робѣй!*

*

Въ дѣлахъ, оставшихся послѣ покойнаго Надворнаго Совѣтника Тихона Ивановича *Тарантулина* не оказалось *совѣсти*, почему наслѣдники его объявляютъ: не найдутся ли законоискусники, которые бы пересмотрѣли сія дѣла снова. — Кто оную *совѣсть* опыщепъ, или укажетъ, гдѣ она укрывается: дано будетъ въ награжденіе 5,000 рублей Государственными ассигнаціями.

*

Недавно прибывшая изъ Парижа съ Рыбнаго рынка Мамзель, она же и Мадамъ, обучаетъ дѣвицъ кричать во все горло. Взявъ у нее 10 уроковъ, каждая изъ нихъ въ состояніи будетъ съ грасами *перекричать* полдюжины болтушекъ и дюжину говоруновъ. Спросить въ *практирѣ* у Демунпа.

*

Вдова Авдотья Павкратъевна *Толстосулова* покорнѣйше проситъ господъ кредиторовъ Уланскаго Корнета *Лиховзглядова* явиться къ ней съ долговыми его обязательствами, для полученія по онымъ плашежа, въ собственнѣй домъ ея.

*

Во всѣхъ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ вступили на сихъ дняхъ въ продажу слѣдующія книги: 1) *Тайна дѣлатъ изъ свинца золото*, по 40 копѣекъ мѣдными деньгами. 2) *Искусство не платить долговъ*, по 10 рублей, съ пересылкою 11 рублей. 3) Наставленіе, какъ, не зная ни логики, ни грамматики, сочинять рецензіи, ученые разборы и критики, по 2 рубля.

*

Потребна иностранка Мамзель, она же можешъ бытъ и Мадамъ, для хожденія за дѣшми и за болонскими собаками.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Хотя судьбѣ не угодно было дароватьъ намъ такою сыщика лихерапурнаго, каковымъ въ бывшей Французской газетѣ: *Le Furet* и въ нынѣшней: *Le Miroir*, являлся и являещя известнѣйшій *W. V.*,

«Преострый мужъ, достойный хвалъ!»

(опличающійся глубокими познаніями во Французскомъ языкѣ, изысканнымъ и необыкновенно тонкимъ вкусомъ) однакожь и мы не вовсе лишены газетнаго всевѣднія и дара предсказанія. Въ силу таковыхъ журнальныхъ даровъ мы предрекаемъ, что альманахъ: *Съверные цвѣты*, на будущій 1832-й годъ, будетъ очень разнообразенъ. Любители приятнаго чтенія найдутъ въ числѣ прозаическихъ спашей сего альманаха: *повѣсть*, сочиненную нѣкогда *Батюшковымъ* и никогда еще неопечатанную; *письмо* почтеннаго нашего Оріенталиста *Г. Бигурина* (*); *отрывокъ изъ Китайскаго романа, переведеннаго съ Китайскаго языка* и доселѣ еще неизвестнаго въ Европѣ, и нѣсколько другихъ замѣчательныхъ спашей. — Въ отдѣленіи стихопвореній помѣщены будутъ: нѣсколько новыхъ произведеній *А. С. Пушкина* (**), два стихопворенія *В. А. Жуковскаго*, одно *И. И. Дмитріева* и пр. и пр. Повѣривъ, что альманахъ сей будетъ опличаться и разнообразіемъ и выборомъ составляющихъ оный спашей; въ помѣ и другомъ случаѣ вѣрною порукой можешъ служить имя нынѣшняго Издашеля, *А. С. Пушкина*.

Сказываютъ, что альманахъ сей выдетъ непременно къ 1-му числу Декабря сего года. Цѣна оному прежняя: 12 р. въ С. Петербургѣ, и 13 р. съ пересылкою въ другіе города.

ИЗМАИЛЬ И МАРІАМЪ.

Измаиль, сынъ Ахмета, начальника одного изъ значительнѣйшихъ племенъ Арабскихъ Бедуиновъ, сдѣлался плѣнникомъ, послѣ сраженія, въ которомъ онъ оборонялся какъ левъ.

(*) Носившаго, въ духовномъ званіи, имя отца Іакпоца.

(**) Въ томъ числѣ небольшая драматическая пѣса: *Монархъ и Самъери*.

Истекающей кровью, онъ перенесенъ былъ въ Иерусалимъ, гдѣ умеръ бы онъ ранъ, еслибъ попеченія Маріамы, прелестнѣйшей изъ дѣвъ Палестины, не возвратили его къ жизни. «Маріамъ, сказалъ ей Аравишанинъ, ты заставила меня забыть отца моего, вѣру и отчизну: или кости мои превращаясь въ прахъ, который развеетъ вѣтръ Іеменя, или я раскину для тебя брачный шатеръ въ пустынь.»

Тронутая и смущенная Маріамъ опвѣчала ему, что она Христіанка, что все на свѣтѣ разлучаетъ ихъ. «Увы, прибавила она съ горестнымъ предчувствіемъ, быть можетъ, смерть менѣе будетъ несправедлива!»

Новый правитель Иерусалима лишилъ жизни отца Маріамы: онъ назначилъ ее въ число невольницъ своего гарема. Гонимая судьбою, она рѣшается бѣжать съ Измаиломъ въ пустыню. Непорочность покрыва щипомъ своимъ юныхъ любовниковъ; она умѣряла пылкость ихъ душъ и поселила въ сердца ихъ свящую довѣренность, неразлучную спутницу первой чистой любви. Но скоро Маріамъ почувствовала истощеніе силъ своихъ. Нѣжныя ноги ея не могли переносить шруднаго пути. Измаиль видя ея усилія, ея страданія, и сердце его обливаеця кровью. Онъ беретъ ее на руки и идетъ далѣе.

«Ободришь, Маріамъ, сказалъ онъ: сего дня, до солнечнаго заката, мы достигнемъ испочника Энгади, а завтра соединимся съ опцемъ моимъ.»

Съ сердечнымъ шрепетомъ онъ прижималъ къ груди своей драгоценное бремя.

Они достигаютъ столь желаннаго испочника. Измаиль, почерпнувъ горстью воды, освѣжилъ уста Маріамы. Она открыла глаза, омоченныя слезами, которыми шщепно спаралась скрыть слабою улыбкою. Безпокойсь о сосшояніи Измаила, она не думала о своей опасности. . . .

Наконецъ они вышли на Хармскую равнину, гдѣ встрѣтили стараго Шеика, поколѣнія Оухиди. «Родитель мой, вскричалъ Измаиль, завидя его издали, вопиъ Ангель-хранитель швого сына, заколи въ честь его

юнаго верблюда и поднеси ему хлѣбъ и соль.» . . .

Увы! смершный холодъ проникалъ уже въ сердце Маріамы. Она любила Измаила; но ея благочестіе, страхъ вѣчныхъ мукъ, побужденія, столь сильныя для Христіанки, родившейся у подошвы священной Голгофы, все сіе возмущало ея душу; ей безпрестанно слышался голосъ отца ея, который призывалъ ее къ себѣ; она перзалась внушрненною шоскою и безсонницею. Въ одинъ день Маріамъ упала въ сильный обморокъ; послѣдній вздохъ излетѣлъ изъ блѣдныхъ устъ ея, и чистая душа ея воспарила къ Превѣчному. Брвенные ошашки Христіанской дѣвы похоронены подъ шѣнью пальмъ, на могилѣ ея поставленъ крестъ, который несчастная спрадалица при жизни носила на груди своей.

Между шѣмъ, въ совѣтѣ старцевъ назначено переселишья всему племени въ пустыню Меоатскую, за Мершвое море, въ страну Моавитовъ. Каждый спѣшилъ собиратъся въ путь, какъ вдругъ заходящее солнце обложилось кровавымъ сіяніемъ. Небо сдѣлалось палевымъ, изливая багровый свѣтъ безъ тѣни. Пылицы, почти прикасаясь къ землѣ, оплѣпали на западъ. Земля казалась свѣпящеюся, шогда какъ воздухъ былъ шускль и мраченъ. Неподвижная пальма опустила гибкія вѣтви свои, которыя колышались при малѣйшемъ вѣтеркѣ. Все умолкло, повсюду царшвовалъ ужасъ; жалобный вой живошныхъ возвѣщалъ приближеніе спрашнаго *Силуна*, шлепворнаго вѣтра, грознаго бича пустыни.

Измаиль радостно обнималъ могилу шой, которую онъ любилъ. Онъ разрылъ песокъ, покрывавшій прахъ ея; рука его коснулась уже савана и прижала его къ сердцу. Поднялся покровъ, скрывавшій лице дѣвы. Измаиль ловишь взорами сіи чершпы, которыя смерть шадила. Маріамъ будно улыбалась своему другу, будно говорила ему: «приди, мой возлюбленный, оставь сію юдоль и переселись въ обшпель мира.»

—«Такъ, вскричалъ Измаиль, приложивъ уста къ холодному челу Маріамы, прими сей чистый поцѣлуй опъ жениха швого.

Скоро преграда разрушится и мы соединимся навѣки.»

Несчастный съ живѣйшимъ неперпѣниемъ ожидаетъ смерти, которая соединитъ его съ предметомъ его горести. Вскорѣ багровая пуча поднялась съ востока. Ураганъ превратилъ въ хаосъ мирную пустыню: пески ея взволновались, какъ море, высочайшія финиковыя деревья съ корнемъ испоргаются; въ нѣсколько минутъ засыпана вся равнина.

Измаилъ исчезъ въ общемъ разрушеніи. Тотъ, къ престолу Коего молишвы спражующихъ возносящя быспрѣ жертвеннаго оиміама, Коему открыты всѣ дѣянія и тайныя помышленія людей, конечно не захочетъ разлучить сіи двѣ чистыя души въ обители вѣчныхъ радостей!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ: ЧЕГО ДОСТОИНЪ ВЫСОНОСЪ?

Его творенья просто—сыпка,
Но лишь для денегъ — не для рыбъ;
Они гнилыхъ яць — насѣдка,
И кислый плодъ и горькій грибъ;
Ложь, клевета — его пошѣха,
Чегожь онъ споншь? — просто, смѣха.
Терентій Кабановъ.

К. С. С — Б — ИЧУ,

29 Августа 1831.

Твой лучший другъ сокрытъ въ землѣ сырой,
Нѣтъ, шамъ сокрытъ покровъ земной и плѣнный,
Но духъ ея, счастливый добротой,
Летитъ теперъ небесною стравой,
Гдѣ Ангелы безмерны и блаженны.

*

Являлася на краткій срокъ тебѣ,
Чтобъ крошечью плѣнить тебѣя небесной,
Теперь—влечетъ твой взоръ и мысль къ судьбѣ,
Къ стравѣ духовъ, сей области надзвѣздной,
Гдѣ жребій нашъ—скрытъ тайного чудесной.

*

Она теперъ пупеводитель швой,
На морѣ семъ жишейскаго волненья,
Сілющій спасительной звѣздой;
Она теперъ швой Ангель Провидѣнья,
И за тебѣя — ея къ Творцу моленья!

*

Твою печаль не смѣю утѣшать,
Но слезы я съ тобою раздѣляю!
Иди—цвѣты на гробъ ей разсыпашъ;
Она сама—была цвѣпокъ изъ раю,
Чтобъ нашу мысль—на небо обращашъ.

Ф.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Давно ужъ за полночь. Я лягу отдохнуть!
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнутъ
Глаза, усталые опъ бдѣнья,
И опъ жишейскаго волненья
На время упокоить грудь.
Ложуся спать. . . Какою нѣгой чудной
Все дышетъ здѣсь. Какъ сладко думаешь мнѣ
Что кончанъ день заботливый и трудный:
Что я могу въ безпечной тишинѣ
Лелѣять до утра веселья видѣнья,
И вольною мечтой свой повѣй міръ пворить,
И средь роскошнаго творенья
Другую дивной жизнью жить;
Пусть, завтра вновь привычныя волненья...
Пусть завтра вновь... да ктожь порукой въ томъ,
Что встанетъ для меня денница золотая?
Кто скажетъ мнѣ, что засыпая
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть можетъ, что воспокъ туманный
Зажжется въ упренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный...
Подумать спрашно. Сонъ лукавъ!
Что, если жизненныя силы
Коварной цѣпою связавъ,
Опъ передастъ ихъ въ плѣнь могилы?
Что, если чувство бытія
И страсти бурное волненье
И мыслей гордое паренье
Въ единый мигъ ушрачу я?
Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ,

На край пропащей и скалъ,
И никогда въ своей молишь
Объ жизни къ Богу не зывалъ.
Но въ тихій часъ успокоенья
Ударъ нежданый получишь;
На ложъ темнаго забвенья
Украденнымъ изъ міра бышь,
Противно мнѣ.—Творецъ вселенной,
Услышь молебъ полнощный гласъ!
Когда Тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанья!
Тогда, покорною главой,
Безъ малодушнаго ропшанья
Склонюся предъ волею Святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангель-разрушителъ
Какъ гость, издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣришь великана,
Болзною грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольнаго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

А. Хомяковъ.

С H A R A D E.

Des limiers mon premier relève le courage;
Des saints sous mon second on voit souvent l'image;
De ce second aussi tu fais amusement;
Des plafonds, chez les grands, mon tout est l'ornement.

Въ No 92, помѣщенная шарада значить: *Пар-усъ*.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОЛВЫ.

Въ Литературную Управу Благочинія.

Проситъ Надворный Советникъ Читаевъ съ товарищи
о нижеслѣдующемъ:

1.

Я нижеподписавшійся и довѣрили мои,
коихъ вѣрюція письма, на законномъ основаніи
мнѣ выданныя, при семъ прилагаю, имѣли
небольшое простодушіе повѣришь Г. *Поле-*
вому и подписаться на его *Исторію Русска-*
го Народа, обѣщанную, къ неукоснительной
выдачѣ подписавшимся, въ числѣ двѣнадцати

всѣхъ томовъ безъ изъятія, еще въ истек-
шемъ 1830 году. Хотя вышепоименованный
1830 годъ, какъ всѣмъ не безызвѣстно, давно
уже изтекъ, хотя и сего 1831 года насчу-
пилъ уже десятый мѣсяць, хотя *Исторію*
Русскаго Народа выдано только три тома,
и хотя мы, просписердные подписчики на
Моск. Телеграфъ, не получили трехъ книжекъ
оного еще и за прошлый 1830 годъ; но

2.

Приписывая всѣ таковыя неустойки един-
ственно пому рвенію, съ какимъ онъ, Г.
Полевой, занимается улучшеніемъ и приго-
товленіемъ къ гуртовой выдачѣ *Исторію*
Русскаго Народа, мы никакой жалобы на не-
го не чинили и съ долгошерпніемъ рѣша-
лись ожидать обѣщанное.

3.

Нынѣ же увѣдомились мы, что вышере-
ченный Г. *Полевой*, вмѣсто *Исторіи*, изво-
лилъ заниматься сочиненіемъ нѣкоего рома-
на, первая часть коего уже и въ Цензуру
поступила, въ чемъ я персонально удосто-
вѣрился имѣлъ случай, коихъ частей имѣет-
ся пять таковыхъ же, и кои онъ Г. *Полевой*
за немалую сумму, какъ слышно, продалъ
какому-то книгопродавцу; и какъ сіе дѣлает-
ся въ противность его обязательствъ съ
подписчиками на его *Исторію*, причиняетъ
намъ ущербъ опятіемъ у его *Исторіи* ма-
териаловъ, и даже наводитъ подозрѣніе, что
многократно помянутая *Исторія Рус-*
скаго Народа и никогда не выдетъ, то мы
и просимъ:

4.

Поступить съ Г. *Полевымъ*, учинившимъ
немаломысячную неустойку въ выдачѣ по
контракту съ публикою своего сочиненія къ
извѣстному сроку, какъ съ литературнымъ
банкротомъ, что доказывается сочиненнымъ
имъ романомъ, а наипаче докажется, если
благоволено будетъ учинить у него, Г. *По-*
леваго, обыскъ, при коемъ вѣроятно не ока-
жется и четвертаго тома *Исторіи*, не ток-
мо всѣхъ двѣнадцати, какъ онъ объявилъ
шоржественно; впрочемъ, предоставляя по-
становленіе приговора о немъ, Г. *Полевымъ*,

благоусмотрѣнію оной Управы, мы ниже-подписавшіеся, взпроси обратню каждый по при тома *Исторіи Русскаго Народа*, всепокорнѣйше просимъ только возвращеніе намъ наши деньги. (*Подлинное подписано просителями, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа*).

Н О В А Я К Н И Г А .

Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, *изданныя* А. П.—С. П. бургомъ,—въ Типогр. Плюшара, 183 г. (въ 12-ю д. л. 187 стран. (*).

Сочинитель сихъ повѣстей, Иванъ Петровичъ *Бѣлкинъ*, родился ошъ честныхъ и благородныхъ родителей; первоначальное образованіе получилъ ошъ сельскаго дьячка, служилъ въ Егерскомъ полку и по смерши родителей, вышедъ въ отсривку, поселился въ отчинѣ своей селѣ Горюхинѣ, гдѣ и скончался осенью 1828 года ошъ проснудной лихорадки, обрившейся въ горячку.» Такъ сказано о немъ въ письмѣ къ Издашелю, помѣщенномъ въ предисловіи и написанномъ со всѣмъ проснудшiemъ и со всею заботливою точностію пожилаго провинціального помѣщика. Желаютіе узнать подробнѣе о нравахъ, образѣ жизни и занятіяхъ Ивана Петровича, могутъ сами прочесть сіе письмо.— Не смотря, такъ сказать, на официальность сего документа, нѣкоторые нескромные вѣсповщики превратили въ Автора сихъ повѣстей Издашеля оныхъ, дополнили нѣсколькими буквами заглавныя буквы его имени и сдѣлали изъ онаго имя извѣстнаго Русскаго поэта. Какъ опровергнушь приязванія сихъ господъ на пронцапельность, или точность ихъ свѣдѣній о томъ, чего не было имъ сказано? Чшо касаешся до насъ, мы не находимъ лучшаго возраженія, кромѣ извѣснаго полу-стиха Чванкиной:

«Хотъ знаю, да не вѣрю.»

Повѣстей Ивана Петровича *Бѣлкина* въ этой книжкѣ пять. Происшествія оныхъ взяты изъ круга сельскихъ нашихъ помѣщиковъ, либо людей средняго состоянія. За-

(*) Продаешся въ книжн. магазинѣ Смирдина. Цѣна 5 р. съ пересылкою 6 р.

мѣшно, чшо И. П. записывалъ ихъ почти такъ, какъ слышалъ ошъ своихъ знакомыхъ. Естественный ходъ происшествій, благоразумный, спокойный разсказъ и презвый слогъ приносятъ честь вѣрному вкусу покойнаго Автора. Въ первой повѣсти: *Вистрѣль*, весьма занимательный характеръ вѣкого Сильвіо, обманывающій чипашеля мнимою своего прусоспью и злобнымъ долгоперпѣнемъ. Вторая повѣсть: *Мятель*, заключаетъ въ себѣ чудное сдѣпленіе обстоятельствъ въ судьбѣ одной молодой дворянки. (Объ сіи повѣсти, какъ мы слышали ошъ людей, достойныхъ вѣроятія,—основаны на событіяхъ истинныхъ). Въ *Гробовицкѣ* Сочинитель далъ больше воли своей фантазіи: ниръ мерпвцовъ, какъ видно, написанъ имъ соп amore. Спившійся съ кругу *Станціонный Смотритель* и милая рѣзвухка, дочъ его Дуня, сушь порпреты, начерченныя карандашемъ бойкимъ и опытнымъ. *Барышня-крестьянка* большая зашѣйница. Въ прежніе годы она бы навѣрное попала въ героини комической оперы; и теперь, можетъ быть, ей не уйши ошъ водевиля, изъ числа шѣхъ, въ которыхъ поставщики нашихъ драматическихъ продовольствій (или пуспъ будетъ удовольствій) такъ счастливо ловятъ героевъ и героинь Русскихъ повѣстей.

Издашеля, кажется, намѣренъ со временемъ напечатать и другія повѣсти Ивана Петровича *Бѣлкина*. Любители чтенія конечно не подосадуотъ на него за это намѣреніе.

M O D E S .

En attendant que ces modes soient connues, transcrivons ici les notes que les représentations théâtrales nous ont mis à même de recueillir depuis quelques jours, car c'est là que les toilettes, généralement de bon goût, offrent, de temps à autre, des dispositions ou un ensemble dignes d'être cités.

Jeudi dernier, au Théâtre Italien, une dame était coiffée d'un béret en gaze dona-maria bleue, posé assez bas pour cacher entièrement les cheveux; deux petits crochets seuls paraissaient sur les tempes, et une sévigné traversait le front. Le devant de ce béret était orné de nœuds de rubans découpés et qui se

contrаріаіаі; ле дессу авайт дес нœудс semblables pour ornemens.

La veille, à l'Opéra, une autre dame portait un chapeau de crêpe blanc, ayant deux aigrettes de ruban posées à gauche, l'une au-dessus de l'autre. De chacune de ces aigrettes partait un ruban qui, traversant le dessus de la calotte, se terminait en nœuds placés à droite. De ce côté, et un peu par-devant, un bouquet de marabouts, d'où sortait un esprit, était fixé au haut de la forme.

A la même représentation nous avons remarqué une capote dont la passe était formée de larges rubans de gaze à raies satinées, cousus ensemble, et traversée par trois coulisses dans lesquelles passait une baleine. La calotte de cette capote était recouverte par trois biais de rubans-étagés l'un sur l'autre, et le bavole, formé d'un biais semblable, avait la forme du derrière d'un casque. Une aigrette en ruban découpé, sortant de chacun des biais de ruban qui couvraient la calotte, celle de devant plus longues et les autres diminuant progressivement, figurait une espèce de cimier et une disposition tout-à-fait nouvelle.

On voit depuis peu quelques manteaux nouveaux pour dames: un des plus élégans est celui que nous avons remarqué dans le *magasin des Deux Nuits*, place de la Bourse. Ce manteau, à petit collet de velours et à très-grande pélerine de même étoffe que le corps, est en *reps africain*; tissu que le propriétaire de ce magasin, possédant seul les planches des divers dessins qui ornent cette étoffe, a fait fabriquer exprès pour cet hiver. Indépendamment de l'élégance et du bon goût de ces manteaux, leur tissu offre l'avantage bien précieux de ne jamais se gripper, quelle que soit la quantité de pluie qu'il puisse recevoir.

Pl. No 29. Canesou à schall—coiffure ornée d'une fleur-pompon des magasins du petit Tivoli et exécutée par M. Hippolyte, Boulevard des Capucins.

М О Д Ы.

Въ ожиданіи новыхъ модъ, выпишемъ здѣсь замѣчанія, сдѣланныя нами въ театральныхъ представленіяхъ, гдѣ наряды вообще отличныя и гдѣ опть время до время можно замѣтить нѣчто достойное описанія.

Въ прошедшій четвертъ, въ Италіанскомъ театръ, одна дама была въ беретъ изъ бѣлаго газа dona Maria; онъ надѣтъ былъ шакъ,

что волосъ совсѣмъ не видно, кромѣ двухъ маленькихъ крючковъ на вискахъ; по лбу повязано севинье. Спереди беретъ сей былъ оцѣланъ вырѣзанными лентами въ пропиву-положныя спороны; сверху такіе же банты.

Наканунъ, въ Оперъ, другая дама была въ бѣлой крѣповой шляпкѣ, съ двумя султанчиками изъ лентъ, припиденными съ лѣвой спороны одинъ надъ другимъ; опть каждаго султанчика лента, проходя чрезъ пулю, оканчивалась бантомъ на правой споронѣ; съ этой же спороны, немного напередъ, букетъ изъ марабу припиденъ къ верху пули, въ срединѣ султанчикъ.

Въ томъ же предспавленіи мы замѣтили капотъ, у котораго поле сдѣлано было изъ газовыхъ лентъ съ атласными полосами, на поле прошипы при вздержки, въ которыя протернуты косточки. Тулья у капота покрыта тремя складками изъ лентъ, одна выше другой; баволетъ, сдѣланной изъ шакъой же складки, имѣлъ видъ задочка у шишакъ; между складками были султанчики изъ вырѣзанныхъ лентъ, передній длиннѣе, а другіе, уменьшались постепенно, составляли родъ *cimier*, какъ на рыцарскихъ шишакъ, совершенно въ новомъ вкусѣ.

Недавно показалось нѣсколько новыхъ дамскихъ плащей: мы видѣли одинъ изъ самыхъ щеголеватыхъ въ магазинѣ *des deux nuits*, на Биржевой площади; плащъ сей изъ Африканскаго репса, съ небольшимъ бархатнымъ воронникомъ, пелеринка весьма велика, изъ шакъой же матеріи какъ плащъ. Содержатель магазина, имѣя одинъ только доски съ различными узорами для сей матеріи, заказывалъ ее нарочно для нынѣшней зимы. Кромѣ того что плащи сіи щеголеваты и скупаются весьма отличными, шканъ сія имѣетъ неоцѣненную выгоду не сморщиваться, какъ бы ни была дождемъ измочена.

Карп. No 29. Шалевое—канзу. Прическа съ неразвернувшимся цвѣткомъ, изъ Ипподіошова магазина, на Капуцинскомъ бульварѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 94.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ доставкой и пересылкою 55 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 25 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Въ печаль влюбилась всѣ: новѣйшіе поэмы
Всего усерднѣе поютъ свою поску.
«На свѣтъ пошло жить, шакъ бросься въ рѣку!»

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
ПРИБАВЛЕНІЙ, О ВЕЧЕРАХЪ НА ХУТОРѢ
БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ, О КРИТИКѢ НА НИХЪ
Г. ПОЛЕВАГО И О ПРОЧЕМО.

Милостивый Государь!

Прочитавъ въ 79-мъ No вашихъ Литературныхъ Прибавленій статью о книгѣ: *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, мы, ваши усердные читатели, повѣрили на слово *А. С. Пушкину*, изъ письма коего помѣщена рецензентомъ выписка, и со всею охотою принялись читать помянутую книгу. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго раза мы увлеклись живостью и богатствомъ воображенія, неприщворною веселостью Автора, яркою живостью картинъ природы, часто обаятельною новостью выраженія и вѣрностью, какъ намъ казалось, нравовъ и быта Малороссійскихъ поселянъ, выведенныхъ на сцену пасичникомъ *Панькомъ Рудымъ*. Очарованіе наше продолжалось бы, Богъ вѣсть до какихъ поръ, когда бы 17-й No Московскаго Телеграфа, по примѣру старшихъ; особливо прошлагоднихъ своихъ братьевъ, хотя на полгода опоздалъ своимъ появленіемъ. Но эпопѣя роковой No, какъ на зло, вышелъ только черезъ полтора мѣсяца послѣ срока; и хотя

въ книжкѣ, долженствовавшей появиться въ первыхъ числахъ Сентября, мы не надѣялись найти библиографической справки о книгѣ, вышедшей въ свѣтъ, какъ извѣстно, гораздо позже означеннаго времени, однако же мы были приятно удивлены, нашедъ въ часто поминаемомъ No Телеграфа слишкомъ 4 страницы о *Вечерахъ на хуторѣ*. Теперь, не во гнѣвъ *А. С. Пушкину* и вамъ, Г. Издатель Литературныхъ Прибавленій, вѣра наша въ васъ обоихъ сильно поколебалась. Г. *Полевой*, проѣхавшій Малороссію до *Азовскаго моря* (жаль, что не означено, по какому маршруту), видѣвшій Малороссіевъ около *Курска* и *Воронежа*, знающій Малороссійскую пѣсню: «*Шуми и гуди*,» — Г. *Полевой*, утверждающій, что Малороссіяне говорятъ *Славяно-Русскимъ нарѣчіемъ Несторава времени*, нашедшій у поселянъ Малороссійскихъ хаты, складенныя изъ *кривыхъ деревьевъ*, и высказавшій всѣ сіи вѣрныя наблюденія и замѣчанія въ своей рецензій на Исторію Малороссіи Г. *Бантышъ-Каменскаго* (см. 18-й No Москов. Телегр. 1830 г.), — Г. *Полевой* конечно знаетъ Малороссію не по слуху, почерпалъ свои свѣдѣнія не въ *раззолоченныхъ кабинетахъ*, въ которыхъ ему угодно было помѣститься пасичника *Рудаго Панька*. И мы вѣримъ Г. *Полевому*, кошораго энци-

графическія свѣдѣнія споль же не подвержены сомнѣнію, какъ и его познанія въ языкахъ Санскрипскомъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ. *Fotii epistolis*, *Грипусье*, *cent*, принятыя за *пять* и *vaisselle* за *бляль*, ничего не доказываютъ проповѣдь нашего Лингвиста: все это явныя опечашки или описки, не больше. Намъ не убѣдило даже и то, что намъ толковалъ одинъ Малороссіянинъ (вѣроятно пріятель пасичника Рудаго), будто бы 3-е лице единств. числа наспоящаго времени изъяв. наклоненія глагола *шумѣть*, Малороссіянами выговаривается не *шуме*, а *шумѣть*, будто бы Г. *Полевой* слышалъ эту пѣсню не въ Малороссіи, а въ какомъ нибудь *дивертиссементѣ*, данномъ на Московскомъ театрѣ; что будто бы даже это пѣсня споль же народная въ Малороссіи, какъ: *Я въ пустыню удаляюсь*, въ Велико-россійскихъ селеніяхъ; что: *И шумѣть*, и *гуде*, есть пѣсня горожанъ Украинскихъ и выдумана Уланскими вербовщиками, лѣтъ за пятнадцать предъ симъ разсѣвавшимися по Малороссіи. Все это говорилъ намъ Малороссіянинъ, конечно съ досады за своего земляка, или изъ зависти къ Г. *Полевому*, знающему Малороссію лучше туземцевъ онаго края. Но мы вѣримъ только Г. *Полевому*, и вамъ совѣтуемъ вѣрить ему. Послушайте, М. Г., что говоритъ онъ о пасичникѣ Панькѣ Рудомъ и его *Вечерахъ на хуторѣ*: «Воля «ваша, мы своимъ Русскимъ умомъ не понимаемъ этого высокопаренія; но понимаемъ «то, что это писалъ не пасичникъ и не «Малороссіянинъ! Если бы выписывали все «ваше высоко-безпоняшно-лешаніе, то рука «устанетъ...» И въ этомъ случаѣ Г. *Полевой* совершенно правъ: намъ кажется, что *выписывать лешаніе* рука не только устанетъ, но даже и не поднимется. И далѣе: «Довольно; мы видимъ, что вы самозванецъ «пасичникъ; вы, сударь, Москаль, да еще и «горожанинъ. Но дѣло не въ томъ. Будете «вы хоть житель раззолоченнаго кабинета «въ Петербургѣ, да умѣете сказывать сказ- «ки хорошо—мы вамъ поклонимся за нихъ; «да не то, не погнѣвайтесь.»—Этого не погнѣ- «вайтесь чрезвычайно насъ напугало: что зна- «чите сіе грозное quos ego?

Выпишемъ еще одно далѣе Г. *Полеваго*: «Далѣе, при недоспапкахъ слога, при несвой- «спивенной роль, при бѣдности воображенія, «вы еще вовсе не умѣете *сражаться съ ги- «тателемъ* на всякой спрочкѣ, не умѣете «увлекать его подробностями; не умѣете «*быть ловкимъ въ смѣшномъ*, и всего ме- «нѣе, умѣете шутить.» Что скажете вы на это, Г. Издапель Литературныхъ При- «бавленій? Что скажете вы въ защиту паси- «чника? Устоятъ ли вся исторія *красной свитки*, сцена Хиври съ Поповичемъ, гульба парубковъ и пр. и пр., словомъ, все, что казалось намъ забавнымъ и ловкимъ въ раз- «сказахъ Панька,—противъ сихъ споль яс- «ныхъ, споль неопразимыхъ доказательствъ Г. *Полеваго*? Пустъ онъ не подкрѣпилъ ихъ выписками или ссылками; но на что это? Человѣкъ, видѣвшій Малороссіянъ около *Кур- «ска* и *Воронежа*, не имѣетъ нужды прибѣ- «гать къ средшвамъ кришниковъ обыкновен- «ныхъ. Такъ поступаютъ всегда люди съ умомъ самоспояпельнымъ, съ высшими взгля- «дами. Приведу вамъ въ примѣръ оспроумна- «го Француза, М. de Mascarille. Эпопъ М. de Mascarille однажды говорилъ объ Англии са- «мымъ рѣшительнымъ тономъ, и разумѣет- «ся, не въ похвалу. Нѣкто изъ его слуша- «телей обратился къ нему съ вопросомъ: «Mais, Monsieur, avez-vous vu le pays dont vous par- «lez?»—«Je vous demande pardon, Monsieur,» оп- «вѣчалъ Monsieur de Mascarille: «je n'y ai jamais été; mais feu mon oncle devait y aller.»— «Доказательство Г. *Полеваго* о *живости* Гол- «ландца Саарвайерзена не менѣе убѣдительно. «Таковъ шворчскій даръ,» говоритъ онъ. «Ему нѣтъ надобности жить между Гол- «ландцами, между Поляками, Рускими или «Малороссіянами: онъ *держитъ* волшебной «ширинкой—и они передъ вами.»

Мы имѣемъ печатныя свидѣтельства по- «му, что самъ Г. *Полевой* не разъ *держитъ* «такимъ образомъ—и вопъ мы лицомъ къ «лицу увидѣли Симеона Кирдяпу, Суворова и «даже Мещислава удалаго, за котораго Исто- «рикъ Русскаго Народа споль дѣльно и споль «вѣжливо побранилъ цокойнаго Карамзина. Но «вопъ еще одно замѣчательное мѣсто изъ «кришики на сказки Рудаго Панька; Г. *Поле-*

вой обращается къ Липерашорамъ, скрывающимъ настоящіе имена свои подъ вымышленными; съ слѣдующимъ воззваніемъ: «что у васъ за спрашъ бытъ Валтеръ-Скопшиками? Что за мистификаціи? Неужели всѣ вы, Гг. Сказочники, хотите бытъ великими незнакомцами?» И правъ Г. Полевой: самъ онъ, великій нашъ знакомецъ, подаетъ благоразумный примѣръ всѣмъ Русскимъ писателямъ; ибо, каково бы ни было его произведеніе, онъ не обинуясь подписываетъ подъ нимъ свое имя и, никогда не прикрывается псевдонимомъ, хотя, безспорно, самъ чаще всѣхъ В.-Скопшесвуешъ въ своихъ повѣстяхъ, ясномъ и вѣрномъ зеркалѣ спарой и новой Руси. Какимъ ловко-слѣплымъ образомъ, на примѣръ, онъ поставилъ на ходули нашего Суворова въ Краковскомъ замкѣ! Какъ побѣдонбно сражается съ чинателемъ въ Симеонѣ Кирдяпѣ, обмывая завязку веревкой, въ которую запутывается одно изъ дѣйствующихъ лицъ! Вотъ художникъ! Сколько разъ вы сами, вѣрно, хохотали отъ души надъ этими судаклами Нѣмцами, безъ которыхъ Г. Полевой не можетъ обойтись даже и тогда, когда мѣстомъ дѣйствія выбираетъ Сибирь, а героемъ повѣсти—Сахатаго.

Заключу письмо мое тѣмъ же, чѣмъ и началъ, т. е., что отнынѣ мы, ваши чичапели, не спанемъ безусловно вѣрши ни вамъ, ни А. С. Пушкину, когда дѣло будетъ ипши о Малороссіи, а напередъ сличимъ ваши сужденія съ сужденіями Г. Полеваго, какъ писателя, глубоко-проникнувшаго въ рудники нравовъ; обычаевъ, преданій и повѣрій Малороссійскихъ. Онъ видѣлъ Малороссіянь до Азовскаго моря, — ему и книги въ руки.

И. ч. б. и пр.

Никита Луговой.

PS. Если Павко Рудый не чичапалъ еще статьи Г. Полеваго о *Вечерахъ на хуторѣ*, то вы, Г. Издапсель Л. П., не слушайте его 17 № Телеграфа: пасичкинъ, я слышалъ, человекъ всегда гошовый высказатъ самыя рѣзкія истины, да еще и языкомъ Малороссійскаго прамодушія. Онъ, пожалуй, въ со-

спояніи повшоритъ Г. Полевою то, что уже сказалъ одному изъ его собратій, Журналистовъ, въ предисловіи своемъ ко 2-й повѣсти *Вечеровъ на хуторѣ* (см. спран. 81, строк. 1, до конца 4-й строки).

СЛОВЕСТНОСТЬ.

А Л Х И М И К Ъ (*).

Ноель Пикаръ, называвшій себя *Дюбоа*, былъ сынъ Хирурга изъ Каломіень въ Бри. Обучившійся въ молодости Лапинскому языку, онъ, по примѣру опца, хотѣлъ себя посвятить также Хирургіи, но изученіе сей науки, пребующей великихъ трудовъ и вниманія, не согласовалось съ непосшояннымъ его характеромъ: онъ пошелъ въ службу къ человеку съ состояніемъ, именовъ *Дюфе*, въ качествѣ камердинера и вмѣстѣ цирюльника, ѣздилъ съ господиномъ своимъ въ Левантъ, и провелъ чешыре года въ семь путешествій.

Вскорѣ почувствовалъ онъ въ себѣ сильное желаніе узнать таинства, заключающіяся въ Хиромантіи, Магіи, Аспрологіи и Алхиміи: возвратившійся изъ Леванша, опиравился въ Парижъ, завелъ шамъ знакомство съ искапелами Философскаго камня, и шестъ лѣтъ дѣлилъ время между изученіемъ сихъ наукъ и распушествомъ. Иногда совѣсть покоила его, и однажды, въ минушю сего благочестиваго раскаянія, которое наиболѣе происходило опъ невозможности прокормить себя, рѣшилъ онъ пойти въ Капуцины, въ монастырь, находившійся въ Парижѣ въ улицѣ Сп. Оноре; но спустя шестъ или семь мѣсяцовъ и сія новая жизнь такъ ему наскучила, что онъ сбросилъ рясу бѣжалъ, однакожь его не пронули, пошому, что не сложилъ еще съ себя монашескаго обѣта. Черезъ три года вздумалось ему перейти во Францисканскій Орденъ; шупъ посвятили его въ Священники, причемъ и назвали опцемъ Симеономъ. Десять лѣтъ пробывъ

(*) Вотъ любопытная картина суетврія Французовъ за двести лѣтъ предъ симъ. Они не могутъ похвалиться, что въ семь отношеній они тогда были просвѣщеннѣ нашихъ предковъ.

онъ въ семь званій; но привычки, полученныя въ молодости въ веселомъ обществѣ прежнихъ поварихъ, вкоренились въ немъ слишкомъ глубоко; склонность къ разсѣянію пробудилась снова, и онъ, надѣвъ опять свѣтское платье, бѣжалъ въ Германію. Тамъ узнали его: чѣмъ избѣгнуть преслѣдованія, принялъ онъ Люшеранскій законъ, спадъ опять занимается таинственными науками, и выучился не злого дѣлать, а обманывать людей, ищущихъ камня премудрости.

Съ симъ искусствомъ возвратился онъ въ Парижъ, надѣясь найти шире довольно людей просвѣтыхъ, кошорыхъ можно провести, и полагая, что во Францисканскомъ монастырѣ, послѣ семилѣтняго опсуствія, давно объ немъ забыли въ Парижѣ, онъ опять принялъ законъ предковъ своихъ, и съ рѣдкимъ безстыдствомъ, не уважая того, что былъ Монахомъ и Священникомъ, обвѣчался въ церкви Св. Сульпиція съ Сусанною Деклеркъ, дочерью шюренаго служителя.

Дюбоа, говорунъ отъ природы и шарлатанъ, получилъ доступъ въ нѣкоторыя знатныя дома, и приобрѣлъ довѣренность многихъ особъ, а между прочимъ и Аббата Блондо. Аббатъ, человекъ слабоумный и легковѣрный, видѣлъ въ *Дюбоа* человека сверхъестественнаго, узнаваго таинство—дѣлать золото. Онъ познакомилъ его съ извѣстнымъ въ свое время опцемъ Іосифомъ, взявъ однажды съ послѣдняго слово, что Іосифъ не будетъ дѣлать розысканій о прежнемъ образѣ жизни *Дюбоа*. Опецъ Іосифъ обвѣчалъ все, что отъ него требовали, въ надеждѣ представить покровителю своему Кардиналу Ришильё человека, кошорый въ состояніи еще болѣе возвыситъ его самаго и обогатитъ даже Францію такимъ образомъ, что съ опкрытіемъ сего новаго источника сдѣлается облегченіе народу, и заплашятся издержки войны, кошорую велъ тогда Король Французскій, Лудовикъ XIII.

Кардиналъ вскорѣ извѣстился о семъ щастливомъ обстоятельстве, и не сомнѣвался въ ономъ, потому, что опецъ Іосифъ пользовался всею его довѣренностію. Наконецъ положено было, чѣмъ Алхимикъ показалъ искусство свое въ присутствіи Короля, Ко-

ролевы, Кардинала, опца Іосифа, Аббата Блондо и другихъ особъ, принимавшихъ въ *Дюбоа* участіе.

Назначили день, *Дюбоа* пріѣхалъ съ плавленными горшками, развелъ огонь, началъ производить опыты, и дабы не обвиняли его въ подлогѣ,—взялъ на помощь гвардейца Сенья-Аму, выбраннаго самимъ Королемъ.

Когда все было готово, *Дюбоа* громкимъ голосомъ попросилъ Короля приказать подать ему десять или двѣнадцать ружейныхъ пуль, чѣмъ превратить ихъ въ золото. Съ важнымъ лицомъ бросилъ онъ ихъ въ горшокъ, попомъ началъ раздувать огонь, дабы, какъ онъ говорилъ, съ большею легкостію произвести желаемое превращеніе; съ таинственнымъ видомъ, всыпалъ шуда гранъ порошку, отъ кошораго зависло все дѣйствіе, набросалъ шуда еще нѣсколько золы, и черезъ нѣсколько часовъ показался на днѣ немалозначущій кусокъ золота. Подъ предлогомъ, чѣмъ поправить кошель во время шопленія, онъ успѣлъ положить, такъ что никто не примѣтилъ, кусокъ сей въ золу.

Такъ какъ *Дюбоа* увѣренъ былъ, что золото находилось на днѣ горшка, то и предложилъ самому Королю, или кому онъ прикажетъ, сдушь золу. Король съ такимъ неперпнїемъ желалъ видѣть начало тѣхъ сокровищъ, кошорые обвѣчалъ себѣ отъ сего опыта, что началъ раздувать мѣхъ изъ всѣхъ силъ, и засыпалъ золою всѣхъ присутствующихъ, кои надѣялись также получить отъ сего немаловажныя выгоды, весьма близко подошли къ горшку, съ жадностію ожидая видѣть слѣдствіе шудовъ *Дюбоа*.

Всѣ вскрикнули отъ радости, увидѣвъ золото; Король и Кардиналъ обняли *Дюбоа*: увѣрили, что убѣждены въ дѣйствительности его таинственной науки, и что онъ всегда можетъ полагаться на ихъ покровительство и непремѣнную признательность.

Обрадованный Король возвелъ *Дюбоа* въ дворянское достоинство, сдѣлалъ его кавалеромъ; по древнему обыкновенію сдѣлалъ *Дюбоа* за Рьцарскимъ шоломъ и вѣми былъ обвѣченъ; назначенъ Президентомъ Казначей-

ства, и позволено ему безпрепятственно ѣздить на охоту въ Королевскихъ рощахъ. Кардиналь хотѣлъ уничтожить всѣ налоги, подати и недоимки, тяжёлыя для народа, и думалъ, что надобно было только оставить опкупа въ Королевскихъ помѣстьяхъ, въ доказательство его владычества; въ воображеніи своемъ видѣлъ онъ наступленіе золотого вѣка для Франціи, и первенство ея передъ прочими Державами. Опцу Іосифу обѣщаль онъ Кардинальскую шапку; Аббатъ Блондо сдѣланъ былъ Государственнымъ Совѣтникомъ, съ обѣщаніемъ получить первое вакантное Епископское мѣсто; Сенсъ - Аму дали 8,000 франковъ, потому что онъ трудился при первомъ опытѣ; все при Дворѣ было упоено радостію.

Дубоа произвелъ второй опытъ, употребивъ также хипросъ, и умножилъ эшузизмъ зрипелей. Самъ Король снялъ съ угольевъ раскаленный горшокъ, видъ золота произвелъ новый воспоргъ, хотя пеперешній кусокъ былъ легче предыдущаго: ибо тогда вѣсилъ 11-ть, а сей 4 только унціи. Между тѣмъ призвали золотыхъ дѣлъ мастера; долго разбиралъ онъ оба куска, и наконецъ объявилъ, что оба весьма низкаго достоинства. *Дубоа* отвѣчалъ, что онъ весьма сомнѣвается въ искусствѣ сего мастера, если онъ утверждаетъ, что сіе золото успукаетъ добротѣ пому, изъ котораго дѣлаются монеты, и присокупилъ не заиналъ, что онъ обыкновенно при небольшомъ количествѣ дѣлаетъ не лучшее золото, но если сдѣлашь онаго болѣе, тогда оно будетъ 92-й пробы. Присутствующіе легко повѣрили словамъ и внутренно смѣялись невѣжеству золотыхъ дѣлъ мастера.

По счастливомъ окончаніи опытовъ, Кардиналь открылъ *Дубоа*, сколько ему надобно золота; объявилъ ему, что Королю нужно всякую недѣлю 600,000 франковъ, и шарлатанъ сей имѣлъ столько безстыдства, что взялся исполнить его желаніе, только съ тѣмъ, чтобы ему дали десять дней срока, дабы химическими опытами сосавить и усовершенствовашъ девять унцій порошку, употребляемаго для превращенія неблагородныхъ металловъ въ золото, присоединивъ,

что онъ надѣется привести порошокъ до того, что не будетъ въ золотѣ примѣси.

Кардиналь вмѣсто десяти далъ ему двадцать дней, чтобы надлежащимъ образомъ приготовитьсь.

Дубоа вмѣсто работы ѣздилъ на охоту, давалъ обѣды, собиралъ знакомыхъ Алхимиковъ, угощаль ихъ великолѣпно и говорилъ съ ними объ успѣхахъ въ таинственной наукѣ. Вездѣ принимали его за человека необикновеннаго, сверхъ-естественнаго. Между тѣмъ данный срокъ прошелъ, а еще ничего не было приготовлено; Кардиналь послалъ къ Алхимику отца Іосифа, чтобы заставить его приступить къ дѣлу. *Дубоа* просилъ еще нѣсколько дней отсрочки, получилъ ее и продолжалъ веселиться.

Между тѣмъ Король съ неперпнѣишемъ ожидалъ обѣщанные золотые слитки въ пятьсотъ или шестисотъ тысячъ ливровъ; но такъ какъ онъ не показывались, то и начали подозрѣвать *Дубоа* въ обманѣ; дано было тайное повелѣніе присмапривать за нимъ. Кардиналь прислалъ за нимъ свою карету, велѣлъ привезти его въ заспнокъ и одного запереть, чтобы онъ работалъ. *Дубоа* для виду дѣлалъ нѣсколько опытовъ, но всѣ были неудачны. тогда привезли его въ замокъ Венсенъ, и путь увѣрились наконецъ, что онъ дерзкой обманщикъ. Г. де ла Ферма отвезъ его въ Бастилію; Кардиналь Ришелье чрезвычайно былъ раздраженъ, что *Дубоа* провелъ его столь публичнымъ и безстыднымъ образомъ; онъ назначилъ Коммиссію, чтобы судить его въ чародѣйствѣ; предпавляя себя такимъ образомъ жертвою сверхъестественныхъ его дѣйствій.

Прежде суда, Г. де ла Ферма, назначенный Предсѣдателемъ Коммиссіи, занялся Алхимическими книгами, дабы выучиться языку ихъ и имѣть понятіе о сей наукѣ. Приготовленный такимъ образомъ, допрашивалъ онъ *Дубоа* обстоятельно, объ Алхиміи, Магіи и наконецъ, какимъ образомъ онъ недримѣнно обрѣзывалъ золотыя монеты: обвиненный ни въ чемъ не признался.

Спустя нѣсколько дней, приговорили его къ пыткѣ, дабы принудить сказать правду

и признался, что онъ хотѣлъ обмануть Короля и Кардинала. *Дюбоа* опровергнулъ это, и утверждалъ, что никогда не имѣлъ сего намѣренія, и вызвался повторить свои опыты въ дѣланіи золота.

Люди всегда вѣрятъ охотно тому, чего желаютъ; *Дюбоа* освободили отъ пытки; привесли на слѣдующій день орудія, нужныя для работы, а между тѣмъ приказано было двумъ золотыхъ дѣль мастерамъ присутствовать при работѣ, и внимательно смотрѣть, не будешь ли подлогу.

Дюбоа самъ развелъ огонь, по обыкновенію, помощники въ точности исполняли все, что онъ приказывалъ, самъ онъ не подходилъ: оба мастера не выпускали его изъ глазъ. А такъ какъ не было съ нимъ въ шюртъ тайнственнаго порошка, то опыты продолжился до самой ночи, тогда онъ объявилъ, что опазываешься отъ успѣха, по тому, что не свободенъ, а тайнство своихъ не можешь повѣрить людямъ, кошорыхъ не знаешь.

Тутъ приступили снова къ пыткѣ, и онъ признался наконецъ, что обманулъ Короля, Кардинала, и всѣхъ присутствовавшихъ.— Между тѣмъ розысканія продолжались по обвиненію въ чародѣйствѣ, кошорому тогда еще вездѣ почти вѣрили. Часовой, спявшій у Кардинала, когда привезли *Дюбоа* въ заспѣнокъ, жаловался, что въ ту ночь били его въ продолженіе двухъ часовъ, хотя онъ никого не видалъ. Распустили слухъ, что то былъ дьяволъ, кошораго *Дюбоа* послалъ противъ часоваго, чтобы отомстить за жестокіе съ нимъ поступки. Де ла Ферма допрашивалъ его объ этомъ, и получилъ двусмысленные отвѣты; тогда спросили его: зачѣмъ дьяволъ, или пріяттели его черти не освободятъ его изъ темницы, или не покажутъ ему, какъ дѣлать золото?

Сіи двѣ вещи въ тогдашнихъ обспоятеляхъ были ему всего нужнѣе; *Дюбоа* молчалъ, вѣроятно потому, что не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта.

Второй допросъ и обыскъ объяснили, что *Дюбоа* дѣлалъ фальшивую и обрѣзывалъ на-

спояція монеты; множество найденныхъ у него инструментовъ, къ подобнымъ занятіямъ служащихъ, были яснымъ противъ него доказательствомъ; порошкомъ изъ золотыхъ монетъ ослѣплялъ онъ глаза легковѣрныхъ; имѣлъ также при себѣ множество маленькихъ слитковъ золота въ доказательство изящности своей работы. Такимъ образомъ, обманутый имъ Аббашъ Блондо далъ ему за обѣщаніе открыть свои тайнства 8000 франковъ прежде, нежели познакомили его съ опцемъ Іосифомъ.

Дюбоа соспавилъ книжку, въ коей открывалъ мнимое тайнство дѣлать золото. Онъ продавалъ сочиненіе свое за большую или меньшую цѣну, смотря по любопытству и легковѣрію покупателей. Онъ имѣлъ учениковъ и приверженцевъ, кои, не подозревая въ немъ обмана, подъ рукою продавали рукопись сію; въ числѣ ихъ былъ между прочимъ Г. де ла Баль, Директоръ Нантской Камеры.

Коммиссія, признавая *Дюбоа* во многихъ преступленіяхъ виновнымъ, приговорила его къ висѣлицѣ. Онъ не переспавалъ утверждать, что можешь дѣлать золото, и что показанія свои сдѣлалъ, опасаясь пытки; но на слова сіи не обратили вниманія, потому что признаніе его подтверждено было посторонними обспоятельствами. Когда вели его на лобное мѣсто, Духовникъ убѣждалъ его признаться въ своихъ преступленіяхъ: пошли къ Нопаріусу, и *Дюбоа* объявивъ, что не хочешь расстаться съ жизнію безъ исповѣди, торжественно признался, что съ намѣреніемъ обманулъ Короля, Королеву и Кардинала Ришелье; что всѣ его искусства были—обманъ, и что онъ никогда не видалъ людей, дѣлавшихъ золото, а пользуясь легковѣріемъ другихъ, подобными хитростями нажилъ себѣ соспояніе. Въ присутствіи Г. де ла Ферма подписалъ онъ сіе объявленіе.

Отъ Нопаріуса повезли его опять на лобное мѣсто; смиренно и безъ страха приблизился онъ къ смерти. Его казнили 28 Іюня 1637 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И С Т О К Ъ.

Изъ Альбома П. Г. Сіянова.

Сдержи спремительный попокъ
 Стѣною крѣпкою плотины:
 Онъ спашетъ муненъ и глубокаъ,
 И скоро шолка болошной пшны
 Зашелестъ дна его песокъ.
 Но не стѣсняй ему свободы:
 Тогда увидишь, изъ бреговъ
 Какъ хлынуть радостныя воды,
 И по раздолію луговъ,
 Играя силой обновленной,
 Сольются съ пышною рѣкой.

Послыша звукъ шрубы военной,
 Такъ шы, пѣвецъ и воинъ мой,
 Вступашъ снова на раздоліе
 Веселой жизни боевой.
 Какое ждешъ тебя приволье!
 Какъ мнѣ завиднѣ жребій швой!
 Здѣсь, въ эшомъ душномъ започенѣ,
 Коспѣшъ воля гордыхъ думъ,
 Тамъ освѣжисъ смѣлый умъ,
 И заблеститъ воображене
 Какъ спаль булашнаго меча.
 Весь день руби враговъ съ плѣча,
 А вечеркомъ, въ своей палашкѣ,
 На розахъ мягкаго ковра,
 Будь у плѣнительной Сармашки
 Военноплѣннымъ до ушра.

24 Января, 1831.

Вердеревскій.

Э Л Е Г І Я.

Душѣ, кошорая стѣсленна
 Неизлѣчимою шоской,
 Не можешъ цѣлая вселенна
 Минувшій возвратишь покой. —
 Искашъ ли въ мѣрѣ ушѣшеня?
 Но мѣрѣ — меня давно забылъ;
 Идшимъ во глушь уединеня?
 Ахъ! шамъ я самъ себѣ пошпѣлъ.
 Иду шпопою ненадежной,

Во шмѣ подлунныя шправы,
 Гдѣ вспашъ нельзя, а пасшъ возможно;
 Всѣ дни мои изочпены —
 Непроницаемой судьбою.
 И знашъ ли мнѣ, — какой шпропоу
 Она свѣдетъ меня шуда,
 Гдѣ страшное грешитъ — *всегда!*

C.

Э П И Г Р А М М А.

Безшмыднѣй враль, бездарнѣй враль!
 Какъ холодна швоя мораль;
 Кому лукавѣй сунешъ въ руки
 Хотя одинъ швой грѣшнѣй помъ,
 Тощъ вѣрно будешъ подмещомъ
 Ошъ нешперпимой скуки.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ — кусокъ земли, нѣ шпѣста;
Второй имѣешъ мѣсто
 Въ ушпахъ покорныхъ игрока,
 Когда зловшая рука
 Его понудитъ бышъ безшильнымъ.
 А *цѣлое* — лучъ зрѣнїя шловцу.
 Пловецъ бы безъ него подобенъ былъ шлѣпцу:
 Блуждая по водамъ обширнымъ,
 Не зналъ бы какъ шшупишь, куда направитъ путь.
М. Корниловъ.

Въ No 93, помѣщенная шарада значитъ: *Corniche.*

М O D E S.

Les étoffes d'été, dont le règne s'est prolongé avec celui des beaux jours, commencent à ne plus être en aussi grande majorité dans les salons et les promenades; elles font place aux gros-de-Naples, aux satins, aux chalyes qui, par la beauté de leur tissu et de leur dessin, méritent la vogue dont ils jouissent; enfin les bombasines, les tissus de Pondichéry, et même le modeste mérinos, commencent aussi à reparaitre.

Des moires à colonnes viennent aussi d'être mises en vente; elles sont d'un effet délicieux.

On voit, de plus, dans les montres des magasins de nouveautés, un grand nombre d'indiennes, fond gros

bleu, gros vert, etc., à *dessins perse*, dont les couleurs sont vives et variées, et, depuis quelques jours seulement, des indiennes couleur aventurine, à dessins ou raies noires; cette nouveauté paraît être adoptée pour le grand négligé.

Les chaînes d'or, pour ornemens de coiffures, deviennent chaque jour plus nombreuses, et peuvent être indiquées comme une mode.

Les turbans qui furent si en faveur, il y a quelques années, commencent à reparaitre dans les grandes réunions.

Les coiffures à *coques*, dites coiffures élevées, se portent encore; mais la majeure partie est à la grecque avec des fleurs, des perles ou une chaîne d'or pour ornement, ou enfin à nattes tournées en choux par derrière la tête, et presque toujours entourée d'une chaîne d'or.

Les chapeaux nouvellement confectionnés sont à passes plus petites que celles de cet été: on voit déjà, à la promenade, de ces petits chapeaux faits en velours.

Les robes se portent toujours avec peu d'ornemens. Nous avons remarqué cependant une robe de moire qui avait trois rouleaux de satin à la hauteur des genoux, et trois autres à six pouces ou environ du bas de la jupe.

Quelques mancherons de robes se font à gros tuyaux égaux, qui couvrent l'épaule.

М О Д Ы.

Льпнія шкани продолжали носить долѣе обыкновеннаго, по причинѣ хорошей погоды, шеперь же, для собравій и прогулокъ онѣ не въ большомъ употребленіи, и уступаютъ мѣсто гроденаплямъ, апласамъ, шалевымъ матеріямъ, которыя заслуживаютъ преимущественно, по красотѣ своей шкани и узоровъ; наконецъ, начинаютъ показываться бомбазины, шкани пондишери, и даже скромные мериносы.

Полосатыя морѣ также поступили въ продажу; онѣ имѣютъ прелестный видъ.

На выставкахъ магазиновъ новосей видно большое количество сипцевъ, съ Персид-

скими узорами по синеву, темно-зеленому грунту и проч. краски весьма ярки и разнообразны, а нѣсколько дней только, какъ показались сипцы цвѣша *aventurine* съ черными узорами или полосками; ихъ употребляютъ только совсѣмъ за просто.

Золотыя цѣпи день опъ дня входятъ болѣе въ употребленіе для причесокъ; сіе можешъ назваться наспоящею модою.

Тюрбаны, которые такъ нравились нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начинаютъ опять показываться въ большихъ собраніяхъ.

Волосы, убранные пеплями, называемые высокими прическами, еще продолжаютъ носить; но по большой части убираютъ волосы по Гречески, съ цвѣшами, бусами или золотыми цѣпами, или завертываютъ косы репѣйкомъ сзади головы, и почти всегда обертываютъ золотой цѣпью.

У шляпокъ, вновь сдѣланныхъ, поля менѣе лѣтнихъ; на прогулкахъ видны уже подобныя небольшія бархатныя шляпки.

Платья продолжаютъ носить безъ отдѣлокъ. Мы замѣтили однако же платье съ шрема апласными руло въ ровень съ кольчанами, а другія приложены были дюймовъ около шести опъ низу юбки.

Нѣкоторыя рукавчики у платьевъ дѣлаются крупными, ровными складками, покрывающими плечо.

С М Ъ С Ъ.

Есть много такихъ людей, которыхъ одно имя что нибудь значитъ. Когда же поспришь на нихъ вблизи: по они меньше, нежели ничто. Нѣкоторые изъ нихъ еще сносны—издали!

Свѣтъ—спѣнные часы; гири—мѣшки съ золотомъ; маятникъ—женщины.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по.

Средамъ и

Субботамъ.

№ 95.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-р картинками модъ,
въ С. П. б. 80, съ до-
скавкою и пересылкою
85 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 28 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ это знаютъ;
Про вѣтки Климычу чинаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НЕЛЬЗЯ — ХОТЯ, ХОТЯ БЫ.

Человѣка, который не признаетъ *Бориса Годунова* гениальнымъ произведеніемъ, дѣлающимъ величайшую честь Россійской словесности, *нельзя* назвать человѣкомъ со вкусомъ, *хотя бы* онъ хорошо зналъ свой опечиственный языкъ и говорилъ семью иностранными.

*

Бумагомарашеля, Вышевзгляда, у котораго нѣтъ ни складу, ни ладу, *нельзя* назвать *Тацитомъ*, *хотя бы* онъ напачкалъ двѣнадцать томовъ, *хотя бы* разругалъ въ нихъ *Тацита*, *Титъ-Ливія*, *Гюма*, *Робертсона*, *Домоносова* и *Карамзина*.

*

Въ дѣвушку, у кошорой всѣ занятія — шуапельшъ, всѣ познанія — ограничиваются модными магазинами, а спрасши — спраспью къ танцованью, всѣ разговоры вернулись около новѣйшихъ фасоновъ плащя, *нельзя* благодарному человѣку влюбиться, *хотя бы* она играла на фортепiano — какъ *Фильда*, танцевала — какъ *Колосова*, пѣла — какъ *Каталина*, болтала по Французски — какъ попугай (ихъ привозятъ къ намъ на свѣжую Русь изъ Макао) бѣлые съ красными гребнями, зелѣ-

ные, распещренные яркими красками, Кокапуны, Арра-Помпини, Клузюэскіе, Ангола, Бенгальскіе, Барбацскіе, Бразильскіе, Сень-Домингскіе, Боншійскіе, и проч. и проч. и проч.

*

Богомолку, пока она не перестанетъ безпрестанно ворчать на своихъ дѣшей, морить съ голоду дворовыхъ людей, дѣвокъ, лошадей, собаку и кошку, подавая нищимъ краюшки гнилова хлѣба и въ 40 лѣтъ амуришься съ своимъ Лекаремъ: *нельзя* прицлишь къ лику праведницъ, *хотя бы* она каждый день слушала заупрелю, *хотя бы* пворила за обѣднею по сѣту земныхъ поклоновъ и *хотя бы* сходила на поклоненіе къ Кіевскимъ и Соловецкимъ Чудопворцамъ.

*

Нельзя мнѣ по прежнему считать тебя другомъ, *хотя бы* я былъ Ангелъ. Ты два раза измѣнилъ мнѣ, два раза предалъ меня.

*

Нельзя мнѣ послѣ его вѣроломныхъ со мною поступковъ имѣть къ *Подлякову* довѣренность; *нельзя!* *хотя бы* я, по глупости своей, и желалъ эшаго.

*

Нельзя *Подлякову* годиться мнѣ въ друзья, *хотя* онъ весьма пріятный собесѣдникъ; *нельзя* ему быть влпорымъ мною, *хотя* онъ веселый шоварищъ на гуляньяхъ, на балахъ,

на объдахъ; *нельзя* мнѣ счищать его себѣ надежною подпорою, *хотя* онъ богатъ, храбръ, учёнь, знающъ, хорошо расположенъ ко мнѣ. Опъ чего же?—«*Подляковъ* цѣлый вѣкъ свой или приподнимася на цыпочки, или изгибася.»

Нельзя колосьямъ зрѣть на зыбкихъ браздахъ моря: *хотя бы* ты разбросалъ по немъ сто четвершей пшеницы—не соберёшь одного гарнца. *Нельзя* семенамъ благодарности всходить на черствыхъ браздахъ злаго сердца, *хотя бы* ты сто разъ обязалъ его: не жди никакого вознагражденія.

А. *Кораблинскій.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

Т И Р З А.

Еврейское преданіе.

Въ часъ молитвы въ Иерусалимѣ, между обыкновенными посѣпителями Соломонова храма появился, какъ по не трудно было замѣшпть, чужестранецъ, молодой и прекрасный юноша въ одеждѣ сосѣдственнаго колѣна. Не подобно ли шѣснвшейся толпѣ пришелъ онъ по одной любви, или изъ одного страха къ крѣпкому, ревнишльному Богу Израиля? Нѣтъ, споявшіе подлѣ него съ удивленіемъ увидѣли, что голосъ его не соединяется съ ихъ голосами, и что взоры его непрестанно устремлены на возвышавшуюся галерею; казалось, онъ не принималъ никакого учасшія въ совершавшихся обрядахъ Богослуженія.

Галерея заперта была рѣшеткою съ золотыми по угламъ украшеніями, а за нею видимы были женскія покрывала бѣлыя, гладкія, единообразныя, копорыя, составляя повязку по челу и закрывая все лицо, шакъ, что видѣнъ былъ одинъ шолько глазъ, низпадали складками до самыхъ ногъ. Изъ подъ одного изъ сихъ покрывалъ одинъ прелестной формы глазъ, блестящій юностию и красою, низвелъ взоръ на опидѣленіе, назначенное для мужчинъ; оспановясь на молодомъ чужестранцѣ, взоръ сей мгновенно обрашплся къ небу, какъ къ пристанищу въ бѣдспвіи, чуждомъ всякой надежды.

Юный чужестранецъ, объятый при семъ взорѣ трепетомъ, въ изнеможеніи прислонился къ колоннѣ. Подлѣ него споялъ человекъ; грубый видъ его, суровый взглядъ и пламенные глаза, казалось, могли изображать всѣ страсти и всѣ движенія души, кромѣ состраданія.

Густыя брови его сблизились; но онъ оспавался неподвиженъ, преклонясь вмѣстѣ съ брашією своею въ то мгновение, когда скрижали закона представились его взорамъ. Онъ продолжалъ молитву, но глаза его устремлены были на чужестранца.

Когда скрижали закона внесены были въ свяшый кивошъ Завѣпа, по чужестранецъ вышелъ изъ храма, и направилъ путь свой вдоль по берегу Кедрона къ долинѣ Иоасафатовой.

Солнце палило. Упомянутый, печальный незнакомецъ оспановился подъ шѣнію. Слезы орошали лице его.

Престарѣлая женщина прервала его рыданія.

Тогда солнце садилось уже за кедры горы Ливана; безмолвна, пустынна была долина; престарѣлая женщина имѣла видъ шависпвенный.

Она безмолвспивовала и не подавала никакого знака; но лишь шолько взоръ юноши оспановился на ней, какъ она скрылась между деревьями долины.

На мѣстѣ, ея оспавленномъ, лежалъ букетъ цвѣшовъ, бытъ можетъ ея забытый, бытъ можетъ брошенный съ намѣреніемъ.

Юноша поднжалъ цвѣшы: по были *Иудейскія* розы; онъ пересчиталъ ихъ; ихъ было девять.

—*Девять!* сказалъ онъ себѣ, и шотчасъ вспомнилъ взоръ, ушпремившійся на него изъ за галереи храма; онъ понялъ престарѣлую женщину, ея безмолвіе, шощшность, съ какою она удалилась, символическое число цвѣшовъ. Упоенный радоспію, онъ спалъ призыващъ ночь.

Ночь наступила.

—Прощай Тирза, сказалъ врачъ Зимрамъ. Склоняясь на Ангельское лице юной жены, онъ нанечашлѣлъ сперва одинъ, потомъ дру-

гой поцѣлуй на бѣломъ и открытомъ челѣ ея, и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ своего дома.

— Ты не прощаешься со мною, Тирза, прибавилъ онъ останавливаясь; ты не говоришь мнѣ, что будешь дѣлать въ моемъ отсутствіи?

Младая Иудейка покраснѣла. Вопросъ, казалось, смутилъ ее; она отвѣтствовала однако, какъ бы превозмогая тяжкое чувствованіе:

— Я буду ожидать тебя, Господинъ мой. Долго ли ты не возвратишься?

Братъ Ѳаворъ болѣнъ, можетъ быть проведу у него ночь. Ты, Тирза, ложись ранѣ спать, и береги нашего Эмануила.

На лицѣ Зимрама, всегда суровомъ, какъ бы появились черныя крошечки, при взглядѣ его на младую супругу; онъ бросилъ привѣпливый взоръ на колыбель, сквозь полуоткрытый занавѣсъ копорой виднѣнъ былъ предспяній, спящій младенецъ; врачъ медленно удалялся, улыбаясь Тирзѣ, и прощаясь съ нею движеніемъ руки.

Онъ неохотно разспавался съ нею.

— Кедма, сказалъ онъ преспарѣлой женщицѣ, прѣвшеи въ прихожей комнатѣ, я удаляюсь, да будущія двери мои заперены для всякаго, такъ я хочу. Если кто изъ друзей моихъ потребуешь меня, скажи что я у брата Ѳавора; если чужестранецъ будетъ просить гостепріимства, отведи его къ родственнику моему Исаву, онъ приметъ его вмѣсто меня, въ другой разъ я проже для него сдѣлаю. Кедма, не пускай никого, пока меня нѣтъ дома, никого!

— Да будетъ, Господинъ мой, отвѣчала она съ почтеніемъ; и врачъ Зимрамъ удалился.

Едва переступилъ онъ за порогъ, какъ неясное, неопредѣлительное безпокойство, какая-то шлѣпившая и неоставлявшая Зимрама мысль заставила его ворошиться; онъ держался уже за молотъ двери, чтобъ поступчатся; но разумокъ пробудился въ немъ, и онъ, положила руку на чело, какъ бы для разсѣянія помрачившаго его облака, вновь направилъ путь къ жилищу своего брата.

Онъ нашелъ его возспавшаго онъ одра болѣзни, и когда поздравлялъ его съ скорымъ выздоровленіемъ, тогда вошелъ одинъ изъ сосѣдей его, Зевуль.

— Здравствуй Ѳаворъ; радуюсь, что вижу тебя здоровымъ. А, Зимрамъ!... здравствуй, я думалъ что ты дома.

Зимрамъ хотѣлъ отвѣчать, какъ Элифедеу, другой сосѣдъ показавшійся въ дверяхъ:

Ты уже вспалъ, сказалъ онъ, тѣмъ лучше Ѳаворъ, радуюсь. А... Зимрамъ! ты здѣсь; странно! я думалъ что ты дома.

— Почему? спросилъ удивленный врачъ.

— Проходя мимо своего дома, я видѣлъ что человекъ своего роста вошелъ въ него, и думалъ....

Человекъ! человекъ вошелъ ко мнѣ! ко мнѣ! быстро прервалъ Зимрамъ; человекъ!....

— Не тревожься, Зимрамъ, продолжалъ Зевуль, я также его видѣлъ, и въ немъ не примѣтно было никакого худаго намѣренія. Я полагаю, что то былъ чужестранецъ, быть можетъ путешественникъ: одежда его была покрыта пылью.

— Но чужестранецъ по или нѣтъ, его не приняли въ домъ мой! Я запретилъ!... Вы не могли видѣть сего человека, входящаго ко мнѣ, сказалъ Зимрамъ въ величайшемъ волненіи.

Онъ вспомнилъ о чужестранцѣ Соломонова храма. Элифедеу спокойно отвѣтствовалъ: сей человекъ вошелъ къ тебѣ, и вошелъ такъ скоро, что я могъ усмотрѣть только его красныя сандалии... красныя, подобно своимъ, Зимрамъ, и потому-то я принялъ его за тебя; но, какъ говоритъ Зевуль, спашься можетъ, то былъ какой либо странникъ, бѣдный, одинъ изъ своихъ или жены своей сродниковъ.

Зимрамъ не внималъ уже, и бросился вонъ изъ дома.

— Умоляю васъ, послѣдуйте за нимъ, сказалъ Ѳаворъ обоимъ сосѣдамъ.

Быстрыми шагами шель Зимрамъ, и сосѣди его съ прудомъ за нимъ слѣдовали.

Онъ достигъ дверей своего дома; онъ занесъ руку, чтобъ постучатся, и ослабѣвшая рука его опустилась; онъ не могъ переводить духа; казалось, что всѣ спирити соединились въ немъ и устремяся къ сердцу, спѣснили въ немъ дыханіе.

Зевуль поднялъ руку, и постучался.

Прошла минута—два; онъ показались ему въкомъ; двери не отворялись.

Зимрамъ приложилъ руку къ поясу своему и извлекъ изъ за него кинжалъ; попомъ еще спукнулъ въ двери, и спалъ удвоить удары съ такою силою, что спѣны потряслися.

Наконецъ отворили двери.

— Прости... Господинъ мой... сказала препенущая Кедма, голосомъ споль шихимъ, что его едва можно было слышать; прости... сонъ...

— Гдѣ Тирза?

И громовый голосъ мужа довершилъ оцпенѣніе преспарѣлой женщины.

— Гдѣ Тирза? повпорилъ онъ, и не ожидая отвѣта, былъ уже во второй комнатѣ. Шумъ, съ копорымъ вбѣжалъ онъ, ужасный его голосъ, пробудили младенца. Онъ опкрылъ глаза и просперъ къ опцу нѣжныя руки свои. Прелестныя уста его улынулись при видѣ его раздраженнаго лица, и младенческой голосъ его пролепещалъ:

— Мама!

Ее не было.

Зимрамъ бросилъ взоръ на младенца.

Элифедедъ взялъ изъ рукъ его кинжалъ и скрылъ его въ складкахъ своего пояса.

— Теперь отвѣчай, Кедма, гдѣ жена моя? Я спокоенъ; — и изъ устъ его, копорыя онъ кусалъ съ яростию, выступала кровь.

Глаза Кедмы невольно обратились къ саду; дверь въ него была отворена, и Зимрамъ бросился въ нее.

Ночь была мрачна, и садали его не производили, по песку, ни малѣйшаго шума.

Въ концѣ длинной древесной аллеи находилась невысокая спѣна, на копорую, съ помощію вьющейся виноградной лозы, взбирался человекъ; подлѣ лозы спояла женщина.

— Прости, Тирза, прости возлюбленная моя, сказалъ юношескій голосъ, болѣзненный, любовь изъясняющій голосъ.

Жалобный вздохъ опивѣтствовалъ сему голосу, и человекъ исчезъ. Предъ нею споялъ супругъ съ двумя свидѣтелями!

Не смѣтря на мракъ ночи, она видѣла два черныя глаза, бровавшіе на нее ужасныя взоры; она слышала оскорбленный голосъ, вопіяющій:

— Презрѣнная Тирза!

И желѣзная рука схватила ее; безъ чего поверглась бы она на землю.

.....

Толпа движется по улицѣ; куда спремится она?

Своенравная, безпечная, въ безпорядкѣ жажущая зрѣлицъ, толпа сія направляется ко храму Соломонову; но то не седмица, посвященная Богу, ниже день торжественнаго празднества.

Всѣ взоры обращены на главныя врата храма. Предъ сими вратами спойнѣ Первосвященникъ въ одеждѣ своего сана, обратясь къ востоку. По правую и лѣвую руку его два другіе служителя Божіи; далѣ Зевулъ и Элифедедъ, сосѣди Зимрамовы.

Предъ нихъ вскорѣ предстающъ два новыя лица.

Взоры всѣхъ къ нимъ обращаются.

Первый изъ нихъ былъ человекъ лѣтъ сорока, высокаго роста. Черты лица его изображающъ глубокую, смертельную горестъ; въ мрачныхъ взорахъ его пылаетъ огонь, уста препенущъ и судорожное движеніе руки сжимаетъ рукоятку задепаго за поясъ кинжала.

Близъ него спойнѣ покрывающая покрываломъ женщина, преклонившаяся къ самому помосту, препенущая и споль блѣдная, что и самое покрывало не скрываетъ ея блѣдности.

Всѣ входы храма сперлись народомъ: онъ волнуется какъ море, онъ движется какъ песокъ, на коемъ видимы одни бѣлыя покрывала и разноцвѣтныя чалмы; но если въ семъ оживотворенномъ кругу, желаете опличить подробности цѣлаго: то между покрывалами и чалмами усмотрите взоры одушевляемые неперпѣніемъ, чела нахмуренныя опъ гнѣва, уста, отверзшыя для призыванія месни и требующія смерти.

Первосвященникъ хочетъ говорить, ему внемлютъ.

— Зимрамъ, возглашаетъ онъ сильнымъ и твердымъ голосомъ, размыслилъ ли ты рѣшился ли опнавивъ жену свою?

— Да, отвѣчаетъ Зимрамъ, съ холодноспію.

Близъ нею послышался вздохъ, онъ вздрогнулъ.

— По какимъ причинамъ? спрашиваетъ Первосвященникъ.

— Онъ содержался въ разводной.

Тогда разводная была вручена Первосвященнику, и онъ провозгласилъ:

«Что человекъ ночью и тайно проникъ въ домъ Зимрама; что человекъ сей пробылъ тамъ два часа, и что жена Зимрамова способствовала его бѣгству. Два свидѣтеля утверждали сіе, и Зимрамъ, безъ другихъ доказательствъ, требовалъ развода, предавая жену свою правосудію законовъ.»—

Въ продолженіи чтенія царствовало величайшее безмолвіе; легкій шумъ только, какъ бы подавляемый вздохъ, слышался по временамъ близъ оскорбленнаго супруга.

Первосвященникъ прочелъ подпись свидѣтелей и потомъ обратился къ писцу:

— Ассиръ, ты ли писалъ сіе объявленіе?

— Я.

— На пергаментъ ли, данномъ ищущимъ развода, писалъ ты его?

— Да.

— Его ли чернилами и его ли перомъ писалъ ты?

— Такъ.

Первосвященникъ обратился къ свидѣтелямъ, кои подтвердили слова Ассира. Потомъ онъ сказалъ покровенной женщинѣ:

— Жена Зимрамова, подними покрывало швое.

Она повинуется; покрывало ея медленно упадетъ и поспешенно обнажаетъ чело, покрытое румянцемъ стыдливости, и взоръ пошупленный и слезящій; нѣжный и гибкій спанъ ея въ положеніи, исполненномъ скорби, тихо склоняется долу. Несчастная! ей только шестнадцать лѣтъ!

— Жена Зимрамова, присоединилъ Первосвященникъ, принимаешь ли разводную?

При сихъ словахъ она вздрагиваетъ, и устрешенная, роботѣнно отвѣтствуетъ да, но отвѣтствуетъ шмоль тихо, что болѣе можно было видѣть, чѣмъ слышать отвѣтъ ея.

— Сложи руки! сказалъ ей Первосвященникъ. Бѣлая руки ея сложились.

Одно только обручальное кольцо блестяло на пальцѣ ея.

— Опдай супругу швоему брачное кольцо.

— Умилосердись! умилосердись! вскричала она прогашельнымъ голосомъ, и не повиновалась.

Зимрамъ приблизился; смуглая, жилистая рука его схватила руку Тирзы и съ звѣрскою жестокоснію сорвала съ нее кольцо. Тирза не оказала ни малѣйшаго сопротивленія.

Тогда Первосвященникъ сложилъ вчепверо разводную и опдалъ ее мужу.

— Храни ее, сказалъ онъ ему, доколѣ не повелю шобъ передать ее въ руки жены, шобою опшвергаемой.— А вы свидѣтели, ты Зевуль, ты Элифеледъ—внимайте!— Теперь, Зимрамъ, скажи женѣ швоей, которая скоро уже не будетъ болѣе швоею Тирзою, скажи ей: «Я отвергаю тебя!»

— Тирза . . . сказалъ Зимрамъ . . . , но голосъ его ослабѣлъ, онъ не могъ окончить

Тирза была у ногъ его; она умоляла его, обращая къ нему свои большіе черные глаза, выразительность коихъ была неизобразима.

— Умилосердись надо мною, Господинъ мой, говорила она съ пренепомъ, умилосердись, я еще такъ молода, сжался надо мною (*).

Глухой шумъ поднялся въ народѣ; смотряпъ, юноша съ великимъ усиліемъ пробивается сквозь толпу; съ повикнупою главою, пробиваясь руками и ногами, упомленный, измученный, онъ достигаетъ наконецъ супруговъ.

— Невфалимъ! невольно вскричала Тирза . . .

— Невфалимъ! повпорилъ Зимрамъ . . .

Онъ узналъ чужестранца, видѣннаго имъ въ храмъ и попірясалъ своимъ кинжаломъ.

— Рази, Зимрамъ, восклицаетъ юноша, опкрывая грудь свою. Рази меня, но спаси жену швою, Тирза невинна!

— Внемли народъ Израельскій!

«Тирза лишилась своихъ родителей; отецъ мой воспріялъ ее, и я полюбилъ ее любовію, хотя отецъ мой предназначилъ меня для дочери брата своего; онъ приказалъ мнѣ

(*) Въ Иерусалимѣ народъ показывалъ смертію, добивалъ каменіемъ жену, обличенную въ нарушеніи супружеской вѣрности.

судалиться, и я повиновался. . . . Когда я возвратился въ домъ родителей своего, то Тирза уже тамъ не было; всплывъ въ замужество, она послѣдовала за супругомъ своимъ въ Иерусалимъ.

«Желая еще увидѣть друга моего дѣшскаго, увидѣть однажды и навсегда разскашья, я пришелъ сюда; ей сказали, что я въ смертельныхъ перзавяхъ ожидаю свиданія. Поставите ли ей въ преступленіе то, что она жалилась надо мною, что «супруга, ревность и подозрительность коего ей извѣстны?... Ахъ! это сестра моя, я «братъ ея! Ужели братъ не можетъ любить «сестры? ужели не можетъ сказать ей: прощай, сестра!... Я говорилъ ей: прощай, «сестра!... И чтожь?... Я говорилъ ей: завтра я удаляюсь, еще одно мгновеніе, одинъ «взглядъ, одно слово. . . .»

«Зимрамъ, врагъ твой предстоитъ твоимъ ударамъ, но удовольствуйся одною жертвою, пощади сего невиннаго, чистаго «Ангела!»

— Еслибъ ты любилъ одинъ, я не укуснилъ бы умершвишь тебя, отвѣтствуетъ Зимрамъ, хладнокровно опуская за поясъ кинжалъ свой; но смерть твоя возвратитъ ли мнѣ любовь ея? Ты возмущилъ ея спокойствіе, а она. . . . она разрушила мое блаженство.

— Зимрамъ, она тебя одного любитъ.

— Меня одного! . . Презрѣнный, посмотри на нее! посмотри на этотъ румянецъ, кошорымъ присушествіе твое покрываетъ ее; посмотри. . . , ея рыданія прервались, чтобъ внимать тебѣ; скажи, чье имя блуждало на устахъ ея, когда ты явился? мое, или твое? Но пусть поклянется она предъ святымъ закономъ нашимъ, что она меня одного любитъ! . . . Пусть поклянется она. . . . я повѣрю ей.

Тирза безмолвствовала; рука ея искала покрывала.

Юноша спарался удержатъ воспоргъ свой; но ничто не скрылось отъ ревнивой внимательности супруга.

— Доверши обрядъ, сказалъ онъ голосомъ мрачнымъ Первосвященнику.

— Взгляни на сей народъ, вскричалъ съ живостью Невфалимъ, смертный приговоръ жены твоей начертанъ на всѣхъ сихъ лицахъ!

— Ты самъ начерталъ его на лицѣ Тирзы.

— Всѣ присуствовавшіе приведены были въ смятеніе; оба свидѣтели, не смотря на шоржесивенность обряда, не могли удержатъ слезъ; Тирза благодарила ихъ взоромъ. О! какая признательность выражалась въ семъ взорѣ; на послѣдней степени злополучія, соспраданіе бываетъ споль благотвительно!

— Окончимъ, сказалъ Зимрамъ съ чувствомъ и въ самой суровости голоса обнаружившемся.

Тирза съ пятоспною принужденностію преклонила колѣна предъ своимъ супругомъ.

— Ахъ! жалься надо мною, сказала она; слезы прерывали голосъ ея; ты Господинъ мой, власпипель, мужъ, а я раба, жена твоя, пощади меня. . . . вина моя не заслуживаетъ никакого наказанія! . . . Зимрамъ. . . супругъ, мною уважаемый! . . . Участь, ожидающая меня, ужасна; отецъ мой былъ другомъ твоимъ. . . . Я мать твоего Эммануила, онъ сынъ мой; вѣжное и слабое существо, ему такъ необходимы попеченія матери; Зимрамъ, супругъ мой! жалься надъ нимъ!

Она задыхалась отъ рыданія; судорожнымъ движеніемъ сжимала она хитонъ его; приближала его къ устамъ своимъ; закрывала имъ лице свое. . . .

— Безчеловѣчный! стремительно восклицаетъ Невфалимъ, взирая на опчаяніе жены имъ обожаемой; ты имѣешь желѣзную душу, если слезы ея тебя не прогаютъ.

— Благодарю тебя Невфалимъ, отвѣтствуетъ Зимрамъ съ горькою насмѣшкою; я колебался, ты заставляешь меня рѣшиться. Потомъ, не обращая взора на свою жертву, хладную и оледѣвшую въ рукахъ его, онъ громко и съ шоропливостію произноситъ:

— Тирза, я тебя отвергаю!

И, вложивъ разводную въ руки ея, окоспнѣлъ отъ ужаса, онъ оппалкиваетъ несчастную, коей слабое тѣло, не могшее само собою поддерживаться, колеблется. . . . Зимрамъ въ ужасъ убѣгаетъ. . . .

Тогда Первосвященникъ взялъ брачный договоръ, разорвалъ его на чешыре части, бросилъ ихъ на вѣтеръ и въ сопровожденіи свидѣтелей вошелъ во храмъ.

Тирза оставалась на помѣ мѣстѣ, на которое полкнулъ её супругъ ея; взоръ ея неподвижно былъ устремленъ на разводную, на сей пергаминъ, сложенный вчетверо, шажгѣвшій какъ ужасное бремя въ рукѣ ея; она смотрѣла на женъ, мало по малу ошъ неё удалявшихся, смотрѣла, но не видѣла ихъ; въ смертельномъ оцѣпенѣннн внимала она гибельному ропоту, раздававшемуся въ полнѣ.

Но вскорѣ, обратясь къ чувству своего бѣдствія, она отбросила опъ себя роковое писаніе, ища въ народѣ, ее окружавшемъ, защитника или друга.

Ни одинаго!... ибо злополучная не видѣла, не подалеку ошъ себя, юнаго чужестранца, подобно ей увываго, блѣднаго, съ ужасомъ взиравшаго на восплающую грозу, и по временамъ устремлявшаго на неё пламенный взоръ любви. Несчастливая опверженница!

Вскорѣ объялъ ее страхъ, и колеблясь сошла она по мраморнымъ ступенямъ Соломонова храма.

— Она виновна, говорили въ полнѣ. Пресупленіе не доказано. — Мужчина вошелъ къ ней ночью. — Онъ пробылъ съ нею два часа. — Зевуль видѣлъ какъ онъ скрывался. — Элифеледъ былъ свидѣтелемъ его бѣгства. — Она способствовала ему въ бѣгствѣ.

— Она обезчестила своего супруга, говорилъ престарѣлый законникъ, мужъ молодой жены. — Она заслужила смерть, кричали со всѣхъ сторонъ. — Законъ осуждаетъ её. — Пусть примѣръ будетъ ея ужасомъ. — Она такъ молода! Такъ прекрасна! говорили нѣкоторые — конечно молодые люди. — Нѣтъ пощады! восклицали женщины, и тысячи голосовъ повпоряли: нѣтъ пощады! смерть измѣнницъ супружеской вѣрности, смерть пролившей слезы на главы дѣшей своихъ!

Сія клики, сія спрашныя лица, сія толпа людей, возбуждающихъ другъ друга, приближающихся къ слабой женщицѣ, исполняютъ

её ужасомъ; устращенная, приведенная въ себя, она пробѣгаетъ взорами пѣснящую её, живую ограду; она хочетъ бѣжать!

Бѣжать! куда? въ какую сторону? Всѣ выходы заняты, заспавлены изступленнымъ народомъ... Великій Боже! здѣсь, тамъ, всюду, всюду смерть!

Одинъ только взоръ устремленъ на неё съ любовью, съ болѣзненностию; одно только сердце понимаетъ, раздѣляетъ горестъ ея; одно только существо оспашеся неподвижно подлѣ неё, и его одного она не видишь.

Смяпеніе увеличивается, казнь приближается! Она воспаше въ всемъ своемъ ужасѣ; она проспираетъ желѣзную руку свою на жерпву, её ожидающую.

Брошенъ камень; онъ свиспипъ, разсѣкаетъ воздухъ, и недалеко ошъ Тирзы поражаетъ землю.

— Боже Израилевъ, пріими духъ мой! восклицаетъ юная, несчастная опверженница, и завернувъ покрываломъ своимъ олѣдѣвшее лице свое, падаетъ почти бездыханна.

Но чувства ея не совершенно еще её оспавили; ибо она слышала, что кто-то къ ней приблизился; что чьи-то руки охватили спанъ ея, поддерживали ее, и въ поже мгновение почувствовала она сильный ударъ въ голову. Храмъ закружился на своемъ основаннн, земля побѣжала подъ нею; и она болѣе ничего уже не чувствовала.

Не подалеку ошъ стѣнъ Иерусалимскихъ, при врапахъ Еврейскаго кладбища, видны еще два стрые камня, испоченные временемъ и поросшіе мохомъ; на нихъ не видно ни числа, ни имени; но повѣсть о двухъ жертвахъ, сокрытыхъ подъ ними, сохранилась въ преданіяхъ. Мать рассказываетъ её предъ свадьбою дочери, и супругъ, разлучающійся на время съ младою супругою, повѣствуетъ ей съ равнодушіемъ о плачевной кончинѣ Тирзы и чужестранца Невфалима.

Съ Франц. В—ръ М—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

На Кавказъ (*).

Друзья! военными громами
Кавказа горы потрясемъ.
Эмануель, отецъ нашъ, съ нами —
Побѣдный лавръ съ нимъ вновь пожнемъ!
Какъ змѣй, Казы-Мулла гнѣздился
Среди дѣсовъ и дикихъ скалъ;
Но гдѣ ошъ Русскихъ можно скрыться?
Куда ихъ мечъ не достигалъ?
Въ пищи ночной, сквозь мглу шума
Нашъ храбрый Вождь опыщеть слѣдъ
Къ ущельямъ мрачнымъ Дагестана:
Ему извѣстенъ путь побѣдъ.
Друзья! какъ Терекъ бурный мчится,
Какъ грозный падаешь обвалъ,
Такъ будемъ мы шуда спремиться,
Гдѣ врагъ противу насъ возсталъ.
Пусть страшные штыковъ удары
Нежданной молніей блеснутъ,
И дерзновенные Ташары
Вблизи внезапной смерти найдутъ.
А намъ покровъ и заступенье
Съ небесъ Всевышній низпошлетъ,
И Царь, второе Провидѣнье,
Сыновъ достойныхъ въ насъ найдетъ.

Н. Н. ф. д. е. ж.

Наурская Станція.

15 Юля 1831.

(*) Сія пѣсня сочинена передъ походомъ противъ Горцевъ, обитающихъ за Терекъ противъ лѣваго фланга Кавказской линіи, которые, по обольщенію лжепророка Казы-Муллы и подѣ его предводительствомъ, въ числѣ болѣе 10 т. человекъ собрались было у крѣпости Внезапной; но Генералъ Эмануель съ 3 т. опрядомъ ударилъ на нихъ и, въ упорномъ сраженіи 1 Юля сего 1831 года, разбилъ ихъ и разсѣялъ, причемъ самъ онъ раненъ пулею въ грудь, а сынъ его, 17 лѣтній юноша, пулею же въ ногу. — Н.

ENIGME.

Fait pour aller au feu, je le brave sans cesse;
Là, posté sur mon pied, je m'éleve ou m'abaisse
Au gré de la société,
Pour laquelle il paraît que je fus inventé,
Parfois sous un autre costume,
Placé différemment Chloé me prend en main,
Me tourne et retourne sans fin;
Pour l'amuser, moi j'ai contume
De proposer, rébus, charade, calembourg,
Que son esprit subtil devine tour-à-tour.

Въ No 94, помѣщенная шарада значить: *Ком-пасъ.*

M O D E S.

Le mélange de toilettes de deux saisons, que les promenades offraient naguère, a totalement disparu. Des chapeaux en velours, en gros-de-Naples d'une nuance foncée; des robes de mérinos, de bombasine, ou de tout autre tissu d'automne, couleur pensée, vert émeraude, scabieuse, et le plus grand nombre aventurine, ayant pour la plupart des pélerines sur lesquelles se noue l'indispensable boa, après lui avoir fait faire une ou deux fois le tour du cou, composent la majeure partie des toilettes qui se portent actuellement jusqu'à l'heure des spectacles ou des soirées.

Indépendamment des boas qui, ainsi que nous venons de le dire, ont reparu depuis quelques jours, les dames reprennent également d'autres fourtures.

M O D Y.

Смѣсь нарядовъ двухъ временъ года, вспрѣчавшаяся на прогулкахъ, совершенно исчезла. Шляпки бархатныя, гроденаплевья шемныхъ цвѣтовъ; плащя мериносовыя, бомбазиновыя, или изъ другой какой осенней матеріи, цвѣтовъ: фіолетоваго, изумруднаго, скабіозы, а по большой части aventurine, всегда почти съ пелеринками, сверхъ которыхъ надѣваются необходимыя хвосты, обернувъ въ два или при раза около шен; вопрь что составляетъ по большой части женскую одежду, до того часа, какъ надо вѣшать въ театръ или на вечеръ.

Кромѣ хвостовъ, которыхъ, какъ мы уже сказали, опять появились съ нѣкопорого времени, дамы начинаютъ носить и другія мѣха.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 96.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 2 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ
Иль безпорядкомъ—все равно!
На свѣтъ—въ этомъ зданіи шаткомъ:
Жить смирно значить жить умно.

Князь Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ О ПРОДАЖѢ, НАЙМѢ, ПОДРЯДАХЪ И ПРОЧАЯ.

Щеголь первой половины XVIII столѣтія
продаетъ за излишествомъ:

1) Розовый гродѣшуровый, шитый сереб-
ромъ Французскій кафтанъ, нѣсколько паръ
спразовыхъ шлифныхъ и башмачныхъ пря-
жекъ, кошелевъ и Шпанскихъ париковъ.

2) Свѣтло-голубой бархатный, шитый
блѣсками, бишью и фольгою Французскій
кафтанъ, почти ненадеванный.

3) Красный фракъ изъ Англійскаго сукна
весьма коропкій съ весьма широкою спин-
кою и черными косяными пуговицами.

4) Фракъ палеваго цвѣта изъ Англійскаго
сукна, съ узенькою спинкою и чрезвычайно
длинный, до плечъ; у сего фрака лифъ пакъ
высокъ, что лежитъ почти на шеѣ; пуго-
вицы величиною съ мѣдный пятакъ.

5) Фракъ полосатый, пуговицы на немъ
съ букашками и паракашками, кой сидятъ
за выпуклыми стеклами.

6) Фракъ *boue de Paris*.

7) Фракъ цвѣшу *mer d'oie*.

8) Два фрака цвѣта *casa Dauphin*.

9) Фракъ цвѣта *адскаго пламени*.
10) До 20-ти пудовъ пудры, которую ус-
тупилъ Е. П. за бездѣлицу, съ опчаянія,
что доживъ до 94-хъ лѣтъ, не дожидъ до
возобновленія моды пудриться.

11) Колымага, сдѣланная на заказъ колымаж-
наго двора колымажниками, на пасахъ.

12) Одноколка, обитая внутри алымъ при-
помъ, съ мѣдными позолоченными гвоздями.

13) Берлинъ выписной, снаружи вызолочен-
ный, обитый внутри малиновымъ барха-
томъ, висящій на золоченыхъ ресорахъ, не
выше аршина отъ земли; колѣса рѣзные
алой краски съ вызолоченными спицами; на
дверцахъ и бокахъ сего берлина изображены
Испаліанскою кистью сцены изъ Овидіевыхъ
превращеній.

*

Госпожа *Кашеварова* приглашаетъ въ соб-
ственный домъ, состоящій въ Солдатской
улицѣ, подъ № 381, желающихъ купить у
нее при дюжины поношенныхъ башмаковъ
съ высокими каблуками: *бальные* каблуки въ
пол-аршина, *воскресные* въ 7 и 6½ вершковъ
и *будничные* или *ординарные* ровно въ 6 верш-
ковъ вышины. Она же обучаетъ низкорос-
лыхъ дѣвицъ и дамъ бѣгать и танцовать
въ сихъ башмакахъ.

*

Госпожа *Авдотына* отдаётъ желающимъ на съёмку свои густые и длинныя волосы, которые со дня своего замужества, послѣдовавшаго осенью 1810 года, ни разу она не расчёсывала, а каждый день взбивала, опъ этаго и сваялся у неё на головѣ самородный, опличной доброты войлокъ.

*

Госпожа *Припрыжкина* симъ почтеннѣйше извѣщаетъ Публику, что она учредила у себя въ домѣ ежегодный 31 Декабря аукціонъ. На ономъ каждый разъ будутъ продаваться 365 паръ, а въ высокосный годъ 366 паръ башмаковъ, такое же количество перчатокъ, до 250-ти плащей, капотовъ, салоповъ, манжилъ и епанечекъ и до 100 чепцовъ, шляпокъ, наколокъ и поковъ. Она увѣряетъ, что ни одна изъ сихъ вещей не была ею надѣта болѣе одного раза, и что продаетъ ихъ не опъ нужды, а за вѣхостію и негодностью къ употребленію.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ц Е Ц И Л И Я.

Былъ *Цецилинъ* вечеръ. На Вѣнскихъ улицахъ вездѣ раздавались веселые звуки: музыка гремѣла въ бель-этажахъ пышныхъ домовъ и съ вершины кровель; въ цѣломъ городѣ не осталось ни одного общества любителей музыки, которое бы не сослало квартета въ честь своей покровительницы, на чемъ кпо умѣлъ. Въ разныхъ мѣстахъ раздавались тоны опдѣльныхъ инструментовъ, которые въ вышкахъ Студенцовъ казались воздушною гармонією, а въ глубинѣ жилища арписта-нелюдима унылою мелодією все платило дань поржественному празднику.

Изъ числа сихъ послѣднихъ былъ бѣдный кларнетистъ, который сядя на своемъ чердакѣ, на берегахъ Дуная, близъ моста *Разумовскаго*, издавалъ звуки, повпоряемые дальними опголосками Прапера. Георгъ *Кристьянъ* былъ въ свое время не послѣднимъ музыкантомъ. Въ молодости своей онъ игралъ

въ оркестрѣ придворнаго театра, когда еще *Моцартъ* восхищалъ слушателей нѣкоплыми изъ лучшихъ своихъ произведеній. *Кристьянъ* съ удовольствіемъ припоминалъ о томъ счастливомъ времени и любилъ часпо говорить о немъ. Но *Моцартъ* не стало; лѣта ослабили грудь и лишили былости пальцы заслуженнаго арписта; къ тому же явился *Россини* съ своими *crescendo* и молодежь, спаявъ выше всего преодолѣніе трудностей въ музыкѣ, издѣвалась надъ бѣднымъ Георгомъ, привыкшимъ къ плавнымъ пассажамъ.

Въ одной оперѣ нечаянно вырвалось у молодого арписта слово: *парикъ!* Георгъ разобралъ свой кларнетъ, уложилъ его въ кожаную сумку и ушелъ изъ оркестра. На другой день ушромъ онъ явился къ режисѣру, подаль просьбу объ опспавкѣ, которая къ досадѣ его принята была съ обидною готовностью, получилъ за прошедшіе три мѣсяца жалованье и сошелъ съ поприща прежней славы своей, гдѣ не уважали ни его, ни любимыхъ его композитовъ. Между тѣмъ *Кристьянъ* имѣлъ жену и дѣтей. И такъ онъ почиталъ себя счастливымъ, найдя нѣсколько учениковъ изъ сидѣльцевъ и бѣдныхъ Студенцовъ, которые платили ему за уроки по талеру въ мѣсяць; но и сіе послѣднее средство къ пропитанію себя съ семействомъ было очень ненадежно.

Въ тотъ же день цирюльникъ, сосѣдъ его, который порядочно уже наигривалъ извѣстную пѣсню: *Mein lieber Augustin*, пришелъ сказать ему, что ему не нуженъ болѣе учитель и что впередъ онъ не спанетъ брить его даромъ. Это было неприятною новостью, такъ, что все семейство казалось скучнымъ. Самъ *Кристьянъ*, закуривъ послѣ обѣда трубку, выпускалъ дыму болѣе обыкновеннаго; даже сполвная передъ нимъ на шолѣ кружка съ нивомъ осушена была въ разсѣянн, чего за нимъ прежде не водилось. Вдругъ вскричалъ онъ:

— Жена! сегодня праздникъ Цецилии; чпобъ ни случилось съ нами, но никакъ не долженъ сказать, что старый музыкантъ провелъ эпопъ день, не бравъ въ руки своего инструмента. Дѣши сыщите-ка мнѣ кларнетъ,

я сыграю вамъ *Сталиццо* рондо, которое вамъ столько понравится.

Сыновья всѣ шрое кинулись къ спарому дубовому шкафу, гдѣ два дни уже лежалъ сказанный инструментъ безъ употребленія. Старшій прежде всѣхъ схватилъ его и торжественно подалъ опцу.

— *Сталиццо* рондо! кричали прочіе дѣти, прыгалъ спъ радости.

И *Кристьянъ* поправивъ свой инструментъ, началъ со вздохомъ: «Въ 1786 году провелъ я эпошъ день не такъ, какъ теперь. Я помню, какъ мы давали тогда серенаду Г. *Моцарту*. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ и мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ опужинали. Великій человекъ!... Это случилось черезъ нѣсколько дней послѣ перваго представленія его *Nozze di Figaro*. Я будто теперь его вижу. Первый актъ пресскверно сыгранъ былъ Италіанцами, завистниками славы Нѣмецкаго компониста, *Tedesco*, какъ они называли его. Г. *Моцартъ*, въ опчаяніи оставя свой клависинъ, бѣжитъ въ ложу, гдѣ сидѣлъ Іосифъ II со всемъ своимъ дворомъ: «Государь, сказалъ онъ, пѣвцы нарочно портятъ оперу, піеса моя ни къ чему не годится... позвольте оставить ее.» Императоръ приказалъ своему Флигель-Адьютанту сказать актерамъ, что если они не будутъ пѣть какъ должно, то завтра же посадятъ ихъ въ тюрьму. — Второй актъ сыгранъ былъ несравненно!... Вотъ какъ долженъ поступать Государь, который сколько нибудь чувствуетъ и имѣетъ тонкій слухъ.»

Между пѣть инструментъ былъ настроенъ; на пульпестѣ разложена была длинная пепраль въ пергаминаномъ зеленомъ переплетѣ; старшій сынъ спалъ позади опца, приготовясь переворачивать ношы. Георгъ откашливался; жена его принялась за работу; средній сынъ перелистывалъ картинки въ старой Библии съ кожаными заспешками, а меньшей взявъ опцову трубку, перебиралъ по ней пальцами, какъ будто играетъ на кларнетѣ; началось рондо. Это была любимая піеса *Кристьянова*. Откуда взялась у него прежняя сила и чистота игры, которая прежде соспавляла отличительную черту его искусства! Онъ вспомнилъ шо время,

когда сидя въ темномъ углу оркестра, послѣ какого нибудь оплично сыграннаго имъ соло, слышалъ онъ позади себя и надъ головою громко раздающееся: *браво*. Проходящіе по набережной не разъ останавливались и смотрѣли на полуосвѣщенное слуховое окно. Мошивъ рондо былъ уже повторенъ; оставался одинъ прелестный финалъ къ довершенію шоржесшва; вдругъ кто-то при разѣ стукнулъ въ дверь и послѣдовавшее за пѣть явленіе нѣсколько распроило вниманіе слушателей; я говорю слушателей, ибо Георгъ ничего не слышалъ, ничего не видалъ, пока не выбралъ нотъ послѣднихъ прехъ такшъ. Тогда-то поднялъ онъ глаза и не мало удивился посѣщенію: позади его стоялъ лакей въ богатой ливреѣ, дѣти смотрѣли на него съ любопытствомъ, а мать ихъ съ почтеніемъ предлагала ему спуль, опъ кошораго онъ отказался знаками.

— Браво! вскричалъ онъ, когда піеса кончилась; я вижу теперь, что я не ошибся. Не угодно ли вамъ, сударь, иппи со мною, прибавилъ онъ, обратясь къ *Кристьяну*, который испощался въ извиненіяхъ. Я отвезу васъ въ какое мѣсто, гдѣ вамъ, можетъ быть, понравится; только не забудьте взять съ собою кларнетъ.

Георгъ медлил, хотѣлъ знать куда. Мнѣ запрещено опкрывать вамъ болѣе; но повиоряю вамъ, что вы не спавете раскалываться сдѣлавъ эту прогулку. Все семейство въ недоумѣніи: Георгъ рѣшается, кладетъ въ карманъ свой инструментъ, они уходятъ. У воротъ ожидала коляска; темноша не позволила Георгу различить гербъ на дверцахъ. Онъ садится съ своимъ жошатымъ, бичъ хлопнулъ и лошади поскакали. Они миновали Инвалидинъ домъ; проѣхали Въну; недалеко опкрылась передъ ними пѣть соборной церкви съ огромною колокольнею, пошомъ фасадъ національнаго театра, далѣе плацъ-парадъ, а шамъ и Императорскій Дворецъ. Колеска остановилась съ лѣвой стороны Дворца передъ большими гранишными воротами. Они вышли и очутились въ дворцовомъ саду. Пройдя боковую аллею, они подходятъ къ небольшой двери; лакей отворяетъ ее и проситъ за собою

слѣдовавъ. Взойдя на темную лѣспницу, они вступили въ обширныя галлеи, гдѣ *Кристанъ* при свѣтѣ луны различалъ медальоны и шапуи. Наконецъ вожащій, подойдя къ послѣдней двери, сказалъ: сюда пожалуйте.

Онъ отворяетъ ее, и Георгъ приходитъ въ большое изумленіе. Онъ находился въ небольшой круглой залѣ, довольно освѣщенной чепырьмя люстрами. Около 30 музыкантовъ сидѣли за богатыми пульпешами. Они занимались наспройкою инструментовъ, и по данной скрипками *ла*, ноша повпорена была волпорнами, гобоями и флейшами. Георгъ не успѣлъ еще сравнить пышный нарядъ арпистовъ съ своего скромною одеждою, какъ вожащій предспавилъ его одному изъ нихъ проспо одѣтому челоуѣку, которій наклоняя головою къ грифу баса, правою рукою водилъ смычекъ по струнамъ, а лѣвою поднималъ или опускалъ колки. Лакей что-то пощепшалъ ему и онъ поднималъ голову. *Кристанъ* осполбенѣлъ; передъ нимъ споялъ Императоръ. Онъ не могъ не узнать его, видавъ его не одинъ разъ прожывавшагося пѣшкомъ въ Праперѣ.

«Вы играете, сударь, на кларнетѣ;... ваша фамилія?»

—Такъ почно, Ваше Величество, отвѣчалъ *Кристанъ*, и думалъ что онъ уже опдѣлался опъ перваго вопроса.

—Какъ васъ зовутъ? повпорилъ Государь улыбаясь.

—Георгъ Кристанъ Ваше В—о.

—Не хотите ли Г. Георгъ присоединиться къ нашему оркестру? У насъ не доспавало кларнета и я послалъ одного изъ людей моихъ привести къ намъ перваго кларнетиста, котораго онъ услышитъ на Вѣнскихъ улицахъ. Я увѣренъ, что онъ не ошибся въ выборѣ, онъ малой распоронной.

—Государь, я не знаю, ... я не смѣю...

—Хорошо, займите свое мѣсто и примите за кларнетъ.

Ему указали пульпешъ, передъ которыми сѣлъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ. Спрахъ его нѣсколько уменьшился, когда онъ увидѣлъ, что хошатъ играть 20-ю Гайденову симеоію, совершенно ему знакомую. Онъ осмѣ-

лился взглянуть на своихъ споварищей; между арпистами узналъ онъ Бароновъ, дипломатовъ и Князей; *Эстергази* былъ съ скрыпкою, *Кауницъ* съ альпомъ, а за креслами Императора, которій игралъ оплично на басу, споялъ молодой челоуѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, оказывая дѣду своему спуже услугу, какую сынъ *Кристана* опцу своему, это былъ Герцогъ Рейхшпадскій.

Когда дошло до *andante*, Императоръ превосходно сыгралъ соло на віолончели; ободренный Георгъ не хотѣлъ также успунить знаменитымъ любителямъ музыки. По окончаніи концерша, Императоръ подойдя къ Георгу, сказалъ:

—«Г. *Кристанъ*, мы собираемся каждую суббошу; надѣюсь, что вы не пропустите сего случая: но справедливость требуешъ, чтобы вы исполнили сію обязанность не даромъ. Знаю, что у васъ есть жена и дѣти; съ нынѣшняго вечера вы будете получать за каждый приходъ по 15 гульденовъ.»

Императоръ удалился, а Георгъ все еще разсыпался въ изъявленіяхъ признательности. Онъ ушелъ, получивъ обѣщанную сумму и въ шопъ же вечеръ честный *Кристанъ*, оканчивая сытный ужинъ передъ прескучимъ каминомъ своей комнашки, сказалъ женѣ и дѣтямъ своимъ, удивленнымъ его разсказомъ: «Я все думалъ, что праздникъ *Цецилии* принесетъ мнѣ счастье!»

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В А Л Л А И Д А.

Баллада изъ Кёрнера.

(Посвящается А. Ѳ. Воейкову.)

Споприше, — гдѣ вешія спѣны спояшь
Блистая вечерней зарёю,
Тамъ замокъ былъ нѣкогда; пыль лежатъ
Развалины длинной грядой;
Въ нихъ спонешъ Борей;
Во мракъ почей,
Оспавивъ могильныя сѣни,
Скишаютъ тѣни.

Въ семь замкъ могучей жилъ некогда Графъ:
Всегда онъ, средь ратнаго сонма,
Грозою лешалъ, убѣгая забавъ,
И спрогъ, недоступенъ былъ дома.
Но дочь у него
Ныпъ словъ для всего,
Чѣмъ взоръ Валлаида прельщала,
Сердца увлекала.

Пріятнымъ ей кругъ лишь семейственный былъ,
А свѣтъ какъ бы краемъ чужбины;
Но Рыцарь Рудольфъ её пылко любилъ,
Ошдался ей въ плѣнъ до кончины.
На стапномъ конѣ,
Къ желанной спранъ,
Въ приюпъ Валланды смиренный
Спремился влюбленный.

И солнце мерцало еще изъ за-горъ,
Ужъ онъ близъ условнаго мѣста. —
Не лисшь-ли колышется? пѣпъ, черезъ дворъ
Прокралась въ воропа невѣста:
Другъ друга зовушь,
Другъ къ другу бѣгушь,
И, съ милою сердцу увидясь,
Блаженспвуетъ выпязь.

Не видѣли въ пѣгъ ни онъ, ни она,
Какъ счастья часы пролепѣли;
Ложилася пѣни кругомъ пелена,
И свѣша лучи догорѣли.
Минушы лешапъ,
И дѣва назадъ
Идетъ, со слезою кручины,
Въ свой перемъ пустынный.

Вопъ лѣцо прошло, всё спрастие горипъ
Чета, изпывая въ неволѣ,
И, къ Графу пришедши, Рудольфъ говоритъ:
«Таипься не въ силахъ я болѣ,
«Есть дочь у тебя,
«Её за себя
«Прошу я; склонись на молепье,
«Дай благословенье!» —

Нахмурился Графъ и надменно сказалъ:
«Ты хочешь владѣть Валландой?
«Рудольфъ, о несбыточномъ ты возмечпалъ!

«Женихъ ей Баропъ именьшой.
«Хопъ дѣва грустна,
«Но завпра она
«Женою его назовѣпся,
«Пусть плачешъ и рвѣпся.» —

Сраженный Рудольфъ удамился и спалъ
Искапъ онъ разстѣпья въ горъ;
Въ лѣсахъ, по горамъ и пустынямъ блуждалъ
И слѣзъ не имѣлъ онъ во взоръ;
Средь горестныхъ думъ
Былъ дикъ и угрюмъ;
Опъ муки въ несчастномъ остыла
Душа, какъ могила.

Но чѣмъ-то какъ бы оживился онъ вдругъ,
Унылое сердце взыграло,
Предчувствіемъ свѣплымъ наполнился духъ,
Чпо счастье еще не пропамо.
«О дѣва - краса!
«Тебя небеса
«Исхиплпшь изъ ппжкой неволы,
«Для радостной доли.» —

И солнце мерцало еще изъ за-горъ,
Ужъ онъ близъ условнаго мѣста. —
Не лисшь-ли колышется? пѣпъ, черезъ дворъ
Прокралась въ воропа невѣста:
Другъ друга зовушь,
Другъ къ другу бѣгушь,
И, съ милою сердцу увидясь,
Блаженспвуетъ выпязь.

И молвилъ Рудольфъ ей:—«Въ полуночный часъ,
«Когда уснокоплся въ замкъ,
«Не будетъ на спражъ предапельскій глазъ,
«Къ тебѣ я прѣвду во мракъ,
«И ты за меня
«Вспрыгнешъ на коня;
«Помчусь я съ добычей богатой
«Спрѣлою пернашой!» —

Въ объпшп къ нему упадаешъ она;
Ихъ вырвашъ души спремешся;
Вдругъ дѣва сѣзала, какъ вспранувъ опъ сна:
«Какъ миѣ чрезъ воропа прокрастпся?
«Разспавлены памъ,
«По всѣмъ споронамъ,

«Надежные спражи; ихъ очи
 «Не дремлюшь средь ночи.
 «Но нѣтъ, еще средство оспалось одно,
 «Когда я падьюсь пеложно.
 «Для женскаго духа высоко оно;
 «Но что для любви невозможно!
 «Кто ввѣрился ей,
 «Изъ безднѣ, изъ цѣпей,
 «Спасется невидимой силой!
 «Послушай же, милой!—

«Нашъ предокъ здѣсь пѣкогда жилъ Вундеболдъ,
 «И дочь онъ имѣлъ; украшали
 «Всѣ прелести дѣву, какъ налипый плодъ;
 «Её Валлаидой же звали;
 «И съ дѣвою той
 «Любовью святой
 «Былъ юноша связанъ безвѣстный,
 «Младый и прелестный.

«Она ему вѣрной хотѣла пребыть,
 «Въ веселья и горѣ съ нимъ рядомъ;
 «Жестокій отецъ запрещалъ ей любить,
 «А свѣтъ ей безъ друга былъ адомъ,
 «И бѣдная дочь,
 «Хоть тяжко, въ полночь
 «Рѣшилась, не медля ни мига,
 «Бѣжать изъ подъ ига.

«Но Графу предатель промолвилъ о томъ,
 «Надежда несчастной увала:
 «Любезный ея, на распушьи пустомъ,
 «Погибъ подъ ударомъ княжана.
 «Ждѣшь друга она,
 «Внезапно блѣдна,
 «Ошцемъ пораженная жертва
 «Поверглася мертва.

«Теперь нѣтъ покоя и въ гробѣ для ней;
 «Гдѣ друга она ожидала,
 «Туда и изъ самыхъ могильныхъ дверей
 «Невѣста ходитъ не престала;
 «Скипается памъ
 «По цѣлымъ почамъ,
 «Всѣ смотритъ сей призракъ улымый.
 «Не явшся-ль милый!

«И кровью обрызганный, бѣлый покровъ
 «На ней развѣвается вѣпромъ;
 «Она никому не вредитъ, не суровъ,
 «Но полонъ взоръ дѣвы привѣпомъ.
 «Спезя ея та-жъ,
 «Безмолвствуетъ спражъ,
 «Когда пропускаетъ невѣспу
 «Къ желанному мѣсту.

«Живой Валлаидой владѣла любовь,
 «Любовь и въ могилѣ съ ней таже;
 «Она мнѣ отдася на сего дня покровъ,
 «И я прокрадуся межъ спражей.
 «Свободенъ мой пупъ!
 «Къ Рудольфу на грудь
 «Я ринуся главою раскаленной,
 «Съ душой упоенной!

«Приди къ ворошамъ. Лишь двѣнадцать пробьётъ,
 «Къ тебѣ поспѣшишь Валлаида,
 «Кровавая риза предъ очи блеснѣтъ,
 «Имъ будетъ невѣста покрыва.
 «Объятыя твое
 «Согрѣетъ ее.]
 «Насъ конь понесетъ; изъ пемницы
 «Взовѣмся, какъ ппицы.»—

«О счастье!»—Въ отвѣтъ ей женихъ молодой,
 «Печали, сомнѣнья забудемъ!
 «Лишь только-бъ огъ замка мнѣ скрышся съ тобой,
 «И вѣкъ неразлучны мы будемъ.
 «Дождусь ли я дня,
 «Чтобы для меня
 «Приснѣла союза минуша!
 «Я ѣду. До утра!»—

И долго лобзанье горитъ на устахъ;
 Но время! онъ въ долъ носнѣшаетъ,
 Прощанье послѣднее дѣва въ слезахъ
 Рудольфу съ горы посылаетъ;
 «О радость моя!
 «Ты мой, я пвола;
 «На небѣ и въ адѣ — повсюду
 «Съ Рудольфомъ я буду!»—

Вопъ смеркнулъ зѣирный лазоревый сводъ,
 Коня уже Рыцарь съдаетъ; . . .
 Лишь изрѣдка искра на небѣ мелькнетъ,

А землю шуманъ облакасть.

И, въпра быстрѣй,
За милой своей

У замка Рудольфъ очутился,
Къ дверямъ припался.

На башнѣ пробило двѣнадцать часовъ,
И тихо идетъ Валланда;

Её окровавленный обнялъ покровъ,
Какъ спрашная смершна хламида;

И Рыцарь ужь съ ней, —
И, въпра быстрѣй,

Ихъ конь на широкое поле
Помчался на волю.

И долго онъ ѣдетъ, — ни слова онъ ей
На ласки, объятія друга:

«О дѣва, пы легче эонрныхъ зыбей!
Ты образъ безмошнаго духа!» —

— Воздушнѣй паровъ
Мой тонкѣй покровъ;

Легка вся одежда вкругъ спана,
И благоуханна. —

Вдругъ Рыцаря нежно объемятъ она,
И хладомъ Рудольфа обляло:

«Любезная, какъ твоя грудь холодна!
Иль страстное пламя остыло?» —

— «Въ объятѣяхъ твоихъ
«Согрѣюсь я вмигъ;

«Но одръ мой пустынный былъ хладенъ,
«Мой сонъ безотраденъ.» —

Всё дальше чрезъ горы и доли ихъ пупь,
Мелькаютъ унылыя звѣзды;

«Какъ вся холодна пы — и руки и грудь!
Горишь ли хоть сердце невѣсты?» —

— «О радость моя,
«Ты мой, я швоя!

«На небѣ и въ адѣ — повсюду
«Съ Рудольфомъ я буду!»

Всё мчашся они, какъ изъ лука спрѣла,

Часы промешаютъ ночные; —

«Теперь я свободна, покой обрѣла,

«Вдвоёмъ я съ супругомъ впервые.

«О радость моя,

«Ты мой, я швоя!

«На небѣ и въ адѣ — повсюду
«Съ Рудольфомъ я буду.»

Но вопъ запимается первый разсвѣтъ,
И пушники мчашся скорѣе;

Всё тише невѣста, какъ бы ея нѣтъ,
И часть опъ часу холоднѣе.

Вопъ день засвѣтлѣлъ,
И пѣпель пропѣлъ.

Прѣехали. Тянетъ подруга
На землю супруга.

«Какъ холодомъ упреннѣй вътеръ пахнулъ,
«Борясь съ непогодой ночью!

«Ужъ пѣпель пропѣлъ, ужъ и день проглянулъ,
«Послѣдуй на ложе за мною,

«Надежда моя!

«Ты мой, я швоя,

«На небѣ и въ адѣ — повсюду

«Съ Рудольфомъ я буду!» —

И чувствуетъ онъ, ледяныя уста
Ланины его лобызаютъ;

Онъ видитъ окрестность уныла, пуста,

И гробы его окружаютъ,

И падаетъ въ прахъ;

Темнѣетъ въ очахъ:

Могила гонимой сочелала,

Имъ кельею спала.

И. Покровский.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* мой — лекарство опъ спрастей,

И онъ же спражъ домовъ и крѣпостей.

Второй мой слогъ въ лѣсахъ произрастаетъ.

А *цѣлое* въ награду намъ бываетъ

За долгій трудъ, движенъе и ходьбу;

На немъ мы суешу и горе забываемъ,

Перестаемъ ропшанъ на строгую судьбу,

И даже, иногда, разумнѣе бываемъ:

М. Корниловъ.

Въ No 95, помѣщенная загадка значить: *Есран.*

M O D E S.

Nous venons de voir une redingote de satin noir, ornée par devant, à partir de la ceinture, d'une bande de chincilla: une autre bande plus large faisait tout le tour du bas de la jupe. Le collet de cette redingote, rabattu et bordé d'une blonde noire, formait trois pointes: l'une pendait sur le dos, et les deux autres retombaient à droite et à gauche, sur la poitrine; une olive en passementerie terminait chacune de ces pointes. Ce costume élégant sortait des ateliers de madame Boussart.

Une autre robe en moire, couleur oiseau de paradis, avait un collet également rabattu, faisant le tour du corsage, plus large sur les épaules que par devant, et se fermant par derrière. Les manches, larges du haut et se rétrécissant jusqu'au poignet, se prolongent sur la main, en s'y rélargissant un peu, comme dans une manche à l'amadis; trois petits rouleaux de satin bordaient le bas de cette manche. Le corsage croisé avait, de chaque côté, trois gros plis.

Les coiffures à la grecque, et celles où les cheveux nattés par derrière sont tournés en chou, sont toujours en majorité; les spectacles nous en offrent cependant encore d'autres. A l'Opéra, où madame Damoreau-Cinti et mademoiselle Taglioni, avaient attiré la foule, une dame, placée dans une loge d'avant-scène, avait une coiffure à la Clotilde. Cette coiffure se compose d'une couronne de cheveux nattés, qui couvre le sommet de la tête, et de deux guirlandes de cheveux également nattés qui, partant de cette couronne, passent sur les cheveux de devant lisses, et formant bandeau, couvrant les tempes, et remontant audessus de l'oreille, rejoignent le point d'ou elles sont parties.

Pl. No 30. Coiffure à la grecque ornée d'une chaîne d'or. Robe de Cachemire brodé et robe de blonde.

M O D Ы.

Мы видѣли недавно чернѣй, апласнѣй редингошъ, обширнѣй спереди, начиная отъ пояса, полосой изъ шеншиллы: другая полоса, пошире, положена была по низу юбки. Воронникъ опложной, съ шрема мысками, обширнѣ черною блондою; одинъ мысокъ по срединѣ спины, а другіе два, справа и слѣва откидывались на грудь; на концѣ каждого

мыска оливка, сплешенная изъ шелка. Эпотъ шеголевапой костюмъ былъ сдѣланъ у Г-жи Буссаръ.

Другое платье изъ морѣ, цвѣта райской пшпцы, также съ опложнымъ воронникомъ, которѣй окружалъ весь лифъ, на плечахъ шире нежели спереди, застегивался сзади; рукава вверху широкіе, книзу узкіе, потомъ разширяясь немного, прикрывали кисть, какъ рукава à l'amadis; при узенькія руло положены были по краю; лифъ крестообразно съ каждой спороны по шри широкія складки.

Волосы все продолжаютъ по Гречески, или заплетаютъ въ косы и свертываютъ сзади ренейкомъ; въ театральныхъ представленіяхъ видны однако и другія прически. Въ Оперѣ, куда Г-жа Damoreau-Cinti и дѣвица Taglioni привлекли множество зрителей, одна дама въ ложѣ на аванъ-сценѣ была причесана à la Clotilde. Прическа сія состоитъ изъ короны, сдѣланной изъ косъ, на маковкѣ, и двухъ гирландъ изъ заплетенныхъ волосъ, кошорыя начиная отъ короны, сходятъ на передніе заглаженные волосы, и соспавляя повязку, прикрывая виски, подымаются опять къ началу по вышѣ уха.

Карп. No 30. Прическа à la Grecque съ золотою цѣпочкою. Платье Кашемировое, выпшпное. Платье блондовое.

С М Ъ С Ъ.

Если бы у насъ было болѣе частныхъ записокъ, и если бы многіе очевидцы одни и шѣже происшествія описывали: тогда бы легче было соспавлять общую, полную исторію, и яснѣе каждый подвигъ былъ бы представлень.

Сынъ премудръ веселилъ отца; сынъ же безуменъ печаль мащери.

Премудрость лучше каменій многоцѣнныхъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средаиъ и

Субботаиъ.

№ 97.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 5 ДНЯ, 1831 ГОДА.

И полно, ради Бога.
Гдѣ Русскимъ лекарямъ лечять!
Ну, ихъ ли это дѣло?

Загоскинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДОБРОЕ МОЛЧАШЬЕ, ЧЕМУ НЕ ОТВѢТЬ!

Въ первой Сентябрской книжкѣ *Моск. Телеграфа*, блеснувшей на Петербургскомъ горизонтѣ въ половинѣ Ноября мѣсяца, Г. Полевой уведомляетъ своихъ читателей о выходѣ въ свѣтъ второй части *Русской Библиотеки для Нѣмцевъ, издаваемой Карломъ Кноррингомъ въ Ревель, въ 1831 году*. Попомъ, обрадовавшись случаю, швырнулъ камешкомъ въ собраніи своихъ Журналистовъ.

«Замѣчательно,» восклицаетъ онъ: «что объ эпюмъ прекрасномъ предпріятіи Г. Кнорринга не было извѣстія ни въ одномъ изъ «Русскихъ журналовъ, кромѣ *Телеграфа*.» —

Вотъ крашкѣ изъясненіе сего феномена! Предпріятіе Г. Кнорринга похвально; но что могли сказать добросовѣстные Русскіе Журналисты объ исполненіи, когда для дебюта книги; подъ громкимъ заглавіемъ *Русской Библиотеки*, явился Г. Кноррингъ съ кирдяпою въ рукѣ? Они пожимали плечами — и молчали изъ уваженія къ доброму памбренто Издателя. Такого снисхожденія, такого великодушія нелзя, не должно было ожидать Господину Кноррингу! Чшобы сдѣлали Русскіе зрители, еслибъ Г. Дидло, предсав-

ляя Зефира, вышелъ на сцену въ лаптяхъ? Они бы его ошикали! — Какъ бы приняли они Г. Коратыгина б., еслибъ онъ, играя *Фингала*, явился передъ ними въ извощичьихъ рукавицахъ? Безъ милосердія, подъ громомъ ногъ и шростей, принудили бы сойти со сцены!

Принимаясь за столь важное предпріятіе, какъ издаваемая имъ: *Russische Bibliothek für Deutsche*, Господину Переводчику надлежало прежде всего обратиться къ извѣстнымъ Россійскимъ писателямъ, на пр: къ *Жуковскому, Крылову, Пушкину, Грегу, Катановскому*, попросить у нихъ совѣта. Они бы указали ему на повѣсти *Автора Набтьговъ, Погодина, Солова, Каргофи, Владиславлева*; раскрыли бы передъ нимъ *Полярную Звѣзду, Сѣверные Цветы*, нѣкоторые журналы, газеты, альманахи — и сказали бы: выбирай!

Господинъ Кноррингъ поступилъ иначе; пошелъ малозвѣстною ему дорогою безъ проводника, оступился — и упалъ.

Выборъ нѣтъ. напечатанныхъ имъ во второй часни; несравненно лучше; однакожъ ему не должно было предлагать *Марьиной роши*, слабенькой по чести *Жуковского*, грѣхъ юности его. За *Бориса Годунова* благодаримъ: это гениальное произведеніе — и дастъ

Германцамъ понятіе о томъ, до какой высокой степени дошли мы въ словесности; однакожь благодаримъ съ оговоркою, ш. е. если переводъ хорошъ и вѣренъ.

А. Короблинскій.

20 Ноября 1831.
Село Токсово.

СОВѢТЪ ТѢМЪ, КОТОРЫЕ ЖЕЛАЮТЪ РАЗБОГАТѢТЬ.

Всѣ выгоды богатства зависящія отъ употребленія онаго.

Получая не болѣе 300 рублей въ годъ, вы можете пользоваться капиталомъ въ 2,000 рублей, если вы заслужили имя осторожнаго и честнаго человѣка.

Тотъ, кто попустому пратишь по 8 копѣекъ въ день, издерживаетъ бесполезно 29 рублей 20 копѣекъ въ годъ, что составляетъ проценты съ 700 рублей.

Кто ежедневно проматываетъ времени на 8 копѣекъ въ праздности, тотъ лишается 29 рублей 20 копѣекъ въ годъ, а вытѣ это проценты съ 700 рублей.

Кто пратишь времени на 5 рублей, тотъ кидаетъ за окно 5 рублей.

Кто проматываетъ 5 рублей, тотъ не только теряетъ сію сумму, но и всю прибыль, какую бы могъ онъ получить пустивъ деньги сіи въ оборотъ, а это составляетъ въ печеніи промежутка времени, начиная отъ юности до старости, значительный ишогъ.

Другой совѣтъ: продающій въ долгъ поваръ беретъ за него цѣну, равную капиталу, котораго стоитъ поваръ и процентамъ, за то время, въ которое онъ долженъ ждашь уплаты; следовательно, забирающій въ долгъ платишь проценты за купленную вещь; напрошивъ, кто платишь наличными деньгами, тотъ могъ бы деньги отдашь въ проценты; такимъ образомъ купившій вещь: платишь проценты за употребленіе оной.

Во всякомъ случаѣ гораздо лучше все покупать на наличныя деньги: ибо продающій въ долгъ, опасаясь потерять свои пять процентовъ при неисправномъ платежѣ, на столько же возвышаетъ цѣну продаваемой въ долгъ вещи, для вознагражденія убытка.

Покупатель на кредитъ платишь свою долю въ семь умноженіи; платящій наличными деньгами избѣгаетъ, или можетъ избѣгнуть сей необходимости.

Н. Н.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШАЛЬ И СОБАКА.

(Повѣсть, заимствованная изъ рассказовъ старушки.)

Все сокрыто въ міръ, нѣтъ ничего извѣстнаго; самый человѣкъ не есть ли непоспимал тайна?

Шатобрианъ.

.... Я жила тогда въ обширномъ замкѣ Л... (*), лежавшемъ у подошвы Экуанскаго холма. Сіе готическое зданіе, съ двумя дворами, старинными башнями, посроенное однимъ изъ Принцевъ *Конде*, и украшенное портретами знаменитыхъ людей сей фамиліи, носило на себѣ оппечатокъ леннаго правленія и напоминало о временахъ Крестовыхъ походовъ, священныхъ обѣтовъ, сверхъ-естественныхъ явленій и чудесныхъ рассказовъ. Сидя вокругъ большаго камина, спаршіе впереди, а молодые люди по угламъ, мы забавлялись рассказомъ такъ называемыхъ ужасныхъ повѣстей. Особенно нравились изъ нихъ, кои мы слышали отъ людей легковѣрныхъ. Всякое изъявленіе сомнѣнія, шутки, остропы вольнодумства, строго запрещались слушающимъ, отъ чего рассказикъ имѣлъ полную свободу. *Мегиоль* былъ Гомеромъ въ семь родѣ; его мрачное воображеніе, увѣренность въ сверхъ-естественныхъ явленіяхъ, благородная простота выраженій, столько очаровывали, что самые нечувствительные къ симъ рассказамъ, долго не могли изгладить произведеннаго ими впечатлѣнія. Первый Консуль былъ однимъ изъ тѣхъ, кои наиболѣе прогались сими мрачными повѣстями, и въ маленькомъ залѣ Мальмезонскомъ, въ семь прелестномъ убѣжищѣ, гдѣ искусства сдружились тогда съ славою, чудесный рассказъ *Мегиоль* не рѣдко смѣнялся донесеніемъ о какомъ нибудь раженіи; это былъ переходъ отъ одного чудеснаго къ другому.

(*). Замокъ сей сломанъ новыми прожектерами.

Въ одинъ вечеръ *Мегиоль*, спрадая болью въ груди, просилъ, чтобы мы въ свою очередь чтонибудь рассказали ему.

«У меня есть одна повѣсть, сказала Г. де ла Б..., но вы ей не повѣрите.»

—Почему же? возразила я.

—«Потому, что я былъ самъ очевидцемъ сего приключенія, но худо вѣрю ему.»

—Не мудрено, подхватила *Мегиоль*; такой почитатель Вольшера, какъ вы, долженъ быть по неволѣ Скепшикомъ.

—«Клянусь честію, увѣрялъ Г. де ла Б..., тысячу разъ принимался объяснить сію загадку, но до сихъ поръ не умѣлъ. Впрочемъ, я совершенно увѣренъ въ невозможности подобнаго чуда; не вѣрю, чтобы это случилось, однакожь видѣвъ собственными глазами, этого ужъ слишкомъ много.»

Такое вслупленіе удвоило наше любопытство; мы тѣснѣ сомкнули свои спульы, и освѣщаемые однимъ только прескучимъ пламенемъ сухихъ прутьевъ, пылающихъ въ каминѣ, съ неперпнѣемъ ожидали минушы, когда Г. де ла Б... начнетъ свой рассказъ.

«Возвращаясь изъ Пиемонша въспрѣхилъ я съ молодымъ человѣкомъ, пріятной наружности, съ опличнымъ умомъ и пою неприужденною вѣжливостію, копорая съ перваго взгляда возбуждаетъ довѣренность, когда путешествуешь вмѣстѣ. Дальній путь, скука, усталость, нѣкоторыя опасности, при копорыхъ мы оба показали равную опважность, все это тѣснѣ соединяло насъ; онъ ѣхалъ изъ Неаполя, гдѣ онъ старался разсѣять грусть свою, копорую не трудно было ошгадать. Разборчивость не позволяла мнѣ касаться чувствительной струны, его; это родъ варварства, копорое мы привыкли называть лучшимъ тономъ; изъ сего вышло то, что онъ большую часть дороги опвѣчалъ мнѣ не слушая ничего, а я часто надоѣдалъ ему неприличною веселостію.

«Наконецъ, намъ случилось быть въ Туринской карпинной галереѣ, гдѣ онъ вдругъ заился слезами при видѣ Мадонны Андреа дель Сарпо, коей черты представляли не земной идеаль. Я подумалъ, что картина сія напомнила ему о предметѣ его печали и опкровенно сообщилъ ему свое замѣчаніе.

Эта неучтивость разрушила всѣ преграды и сердце его излилось въ признаніи.

«*Фридерикъ*, имѣвъ весьма богашыхъ родителей, кончилъ воспитаніе свое въ Германіи; правила сего крѣпко держашся поргровые люди: они воображаютъ, что говоря языкомъ сей страны, гораздо удобнѣ имѣль дѣла съ Евреями-миліонщиками, копорые вочаюшъ Европою. Франкфуртъ избранъ былъ первымъ мѣстопребываніемъ его, гдѣ онъ долженъ былъ пройти весь курсъ практической поргровли. Домъ *Бетмана*, копорому онъ былъ рекомендованъ, представлялъ ему тысячи способовъ къ пому; но въ этомъ богашомъ домѣ давались праздники, гдѣ лучшія красавицы въ городѣ старались наперерывъ ловить сердца бѣдныхъ поспитителей: здѣсь-то *Фридерикъ* увидѣлъ молодую, прелестную дѣвушку, благородной, но обднввшей во время Французской войны, фамиліи; одно изъ тѣхъ существъ, копорые созданы для любви, и на копорыхъ нельзя смотрѣть равнодушно.

«Сказавъ нѣсколько нѣжностей, копорыя приняты были со всемъ проспосердечіемъ непорочности, *Фридерикъ* рѣшилъ потчасъ приступить къ свашовству, не заботясь о позволеніи своихъ родныхъ. Предложеніе его охотно выслушано было опцемъ *Одиліи*: такъ называлась дѣвушка; но желая знать, согласятся ли его родители, чтобы онъ взялъ жену безъ соспожня, онъ увѣдомилъ ихъ о томъ. Полученный опъ нихъ гордый опвѣтъ заставилъ его потчасъ уѣхать въ Кельнъ и выдать дочь свою за богашаго негоціанша, копорый давно былъ знакомъ съ его семействомъ.

«Отчаяніе *Фридерика*, по оптѣздѣ его любезной, равнялось только бѣшенству его, когда онъ узналъ, что она вышла замужъ за Г. ванъ деръ С... Между тѣмъ онъ притворился, будто бы ищетъ разсѣянія въ свѣтскихъ забавахъ, и когда всѣ увѣрились, что онъ забылъ *Одилію*, тогда началъ путешествие по берегамъ Рейна и скоро очутился въ Кельнѣ.

«Г. ванъ деръ С... никогда не слышалъ о *Фридерикѣ*, и почитая за честь видѣть у себя человѣка, снабженнаго рекомендацельными письмами опъ извѣстныхъ особъ,

предложилъ ему всё выгоды гостепрiимства. *Одилiя* не скрыла отъ него, что она знала *Фридерика* во Франкфуртѣ. О прочемъ она умолчала, опасаясь въпревожншъ бесполезно мужа своего открышиемъ любви, которую она почитала угасшею въ сердцѣ *Фридерика*. Она обманулась; никогда спрасть сiя не перзала его шакъ сильно, какъ въ это время. Томносшъ, изображавшаяся въ глазахъ *Одилiи*, безпредѣльная покорность своему долгу, ея постоянныя усилiя поддержашъ честь мужа, котораго она не любишъ, дѣлали ее во это разъ опаснѣе, чѣмъ всё хитроснш кокетства. *Фридерикъ* былъ отъ нее безъ ума.

«Однажды, оспавшись съ нею съ глазу на глазъ, онъ осмѣлился и лишь предъ нею свои спраданiя отъ ея равнодушiя. Это значило обманывашъ самаго себя: ибо онъ зналъ, что его любилш; но любовныя напраснины всегда имѣютъ свою выгоду. *Одилiя* оправдывалась, проливая слезы; она заклшнала *Фридерика* не упоминашъ ей болѣе о своей любви, или убѣгать ее: ибо она рѣшилась всѣмъ пожертвовашъ обязанности, или лучше сказашъ, признашельности къ честному человѣку, которшй предложилъ ей свою руку. *Фридерикъ* согласился пиниашъ къ ней братскую любовь, хотя ни больше ни меньше, какъ воръ, принимающшй милосншню отъ того, котораго онъ гонитъ обокрасть. Впрочемъ, онъ шакъ убѣдилъ ее, что она совершенно предалась шихой довѣренности, и нѣсколько времени наслаждалась счастиемъ взаимной любви безъ угрызенiя. Но покорившись совершенно волѣ *Одилiи*, *Фридерикъ* не упускалъ ни одного случая ей правиться.

«Однажды, возвращаясь съ нѣсколькими прiятельницами послѣ прогулки по берегу Рейна, она увидѣла прекрасную бѣленькую собачку и вскричала: «ахъ какъ бы я желала имѣшъ эту миленькую собачку!»

— «Она принадлежштъ этому Англичанину, котораго вы здѣсь видѣли;» — кшпто сказалъ изъ общества: «я частно вспрѣчаюсь съ нимъ на дорогѣ въ Дейши, гдѣ онъ оспановился. Мнѣ кажется, онъ пунешествуетъ.»

На другой день, чѣмъ свѣтъ, *Фридерикъ* отпраляется въ Дейши, и шонкшмъ обра-

зомъ заводитшъ рѣчь съ Англичаниномъ, чтобы выманитшъ у него собачку; но сей отвѣчалъ: «Я привезъ свою милую *Фидо* изъ Флоренцiи; у васъ въ холодномъ краю нельзя доснашъ другой шакой же; по этому я люблю и берегу ее. Еслибъ вамъ, сударь, предложили уснушшъ эту прекрасную Арабскую лошадь, на конной вы сидите, примолвилъ Англичанинъ поглаживая коня *Фридерикова*, вы не легко бы на то согласились, не правда ли? Признаюсь, я никогда не видывалъ шакой спашной лошади.»

— Зачѣмъ же дѣло спало? подхватилъ *Фридерикъ*: помвнемся дружески; вы мнѣ отдадите собачку, а я вамъ лошадь.

— Вы оспанетесь въ большомъ пакладѣ.

— Почему знаешь? возразилъ *Фридерикъ* улыбался.

— О, если собачка моя можетъ доспавитъ вамъ.....

«Лукавыи взглядъ досказалъ остальное. Этошъ шоргъ имѣлъ въ себѣ нѣчто оригинальное, которое не могло не понравиться Англичанину. Онъ согласился на предложенный обмѣнъ, но съ шѣмъ условiемъ, чтобы *Фридерикъ* взялъ обратно свою лошадь, если прiобрѣтенiе *Фидо* не доспавитъ ему штого, что онъ надѣется получить.

«Сколько восклицанiй, сколько восторговъ было, когда горничная *Одилiи* привела съ собою милую *Фидо* къ госпожѣ своей. Только что пошпру откроютъ спавни, какъ *Фидо* вскакиваетъ на пожку кровати, какъ будто нарочно для штого, чтобы пробудитъ *Одилiю* воспоминашмемъ о ея любезномъ; потомъ она начинала вышъ: она шосковала о своемъ другѣ. За этошъ отъ шшъ чувствительности она получала ласки. Ее цѣловали, осыпали нѣжншйшими именами, какими хотѣлось бы назвашъ любимый предметъ, и *Фридерикъ*, сидя въ ближней отъ спальной *Одилiи* комнашъ, съ восхищениемъ слышалъ сш нѣжности, воображая, что онъ къ нему отшосается.

«Съ сей минуты, *Фидо* сдѣлалась исполкованельницею всѣхъ чувствъ, всѣхъ упрековъ, которшхъ прямо не смѣли высказашъ; ее холмили, какъ нельзя лучше; она была

слишкомъ зябка, какъ и всѣ собаки жаркаго климата: чтобы защитить ея отъ холода въ зимнее время, *Фридерикъ*, вмѣсто покрываки обернулъ ея большою кашемировою шалью, купленною имъ въ Кельнѣ у одного Жада, какую не стыдно было бы для жениха поднести своей невѣстѣ. Въ маломъ городкѣ ничто не скростся; мужъ *Одиліи* скоро свѣдалъ, что *Фридерикъ* прекрасною лошадию своею пожертвовалъ для одной прихоти жены его: изъ этого вышла размолвка, которая шѣмъ была пылостіею, чѣмъ болѣе старались смягчить горестъ упрековъ; это было одно только предостереженіе, ничуть не похожее на ревностъ; но для *Одиліи* нужно ли было болѣе, чтобы опровергнуть ей опасностъ? *Фридерикъ*, для котораго воля ея была закономъ, поспѣлъ вѣрно удалиться. Въ награду его покорности, нельзя было не позволить извинять горестъ свою въ письмахъ, на которыя общали отвѣчанъ; но все это было для него слабымъ утѣшеніемъ, когда надлежало садиться въ дорожную коляску.

«Прошелъ годъ со времени сей жестокой разлуки; *Фридерикъ* употребилъ его на путешествіе по Сициліи и лучшимъ часностямъ Италіи, осматриваясь на нѣсколько недѣль въ каждомъ большомъ городѣ, чтобы выждать письмо отъ *Одиліи*. Съ тѣхъ поръ, какъ Венеція утратила блескъ свой вмѣстѣ съ тайнымъ Судилищемъ и маскерадами, вошло въ обычай проводить карнавалъ въ Римѣ: это сдѣлалось нѣкотораго рода обязанностію для иностранцевъ, которые съ удовольствіемъ исполняютъ ее.

«Въ продолженіе сихъ восьми дней оставалось всѣ важныя дѣла; смѣхи, желаніе нравиться, свиданіи; вопль все, чѣмъ заняты бываетъ каждый; съ приближеніемъ весны, всѣ сіи забавы, какъ бы одушевляющія очарованіемъ любви; между градомъ гипсовыхъ шариковъ со всѣхъ сторонъ лепящихъ анемолы и пучки фіалокъ, коихъ цѣлью обыкновенно бываетъ прелестнѣйшая женщина, въ самомъ блестящемъ экипажѣ. Въ сей общей суматохѣ нѣтъ средста скрыть внутреннее движеніе: почтисная дама высказываетъ на показъ свою сѣсь, другая свою ревностъ,

и каждый, самъ не замѣчая того, предается своей любимой склонности.

«*Фридерикъ*, при всемъ своемъ уныніи, не могъ воспротивиться сему обольщенію, и когда онъ увидѣлъ въ ряду экипажей, плывшихся влоль Корсо, прелестную Герцогиню А. . . , которая кинула пучокъ цвѣтвъ въ его коляску, гдѣ онъ сидѣлъ одинъ: то искусно подхвативъ цвѣты на лѣну, по вольмъ прижалъ ихъ къ губамъ своимъ.

«Въ поспѣ же вечеръ, на балѣ у Французскаго Посла, Герцогиня сдѣлалась дурно; она попросила *Фридерика* проводить ея до кареты, и вмѣстѣ съ нимъ уѣхала. Такъ-то производятся любовныя проказы въ стѣпахъ, гдѣ искусно сіе доведено до совершенства, прибавилъ рассказчикъ; впрочемъ, съ позволенія любезныхъ моихъ слушательницъ, скажу, что недоспаинокъ предисловія столь же мало вредитъ занимательности подобныхъ приключеній, какъ и въ нашихъ новѣйшихъ разсказахъ: все дѣло состоитъ только въ бережливости личныя выраженія.

«*Фридерикъ* сначала былъ въ восхищеніи, плывъ собою прелестную Герцогиню А. . . , попомъ спалъ жалѣвъ о своей невѣрности; письмо *Одиліи* лежало у него близъ сердца; надлежало отвѣчанъ на него; но легко ли это сдѣлать съ нечистою совѣстью. Такое безстыдство тяжко для человека чувствительнаго, и *Фридерикъ* хотѣлъ лучше заставить безкончиться о себѣ *Одилію*, нежели передъ нею приповорснствовать; потомъ, какъ и всѣ мы любимъ извинять вины свои, которая намъ нравится, *Фридерикъ* началъ увѣрять себя, что онъ очень хорошо поступилъ, стараясь всѣми средствами истребить пресупитную любовь. Какъ это доказательство показалось ему слабымъ: то онъ прибавилъ къ нему обидную догадку, воображая *Одилію* столь же непостоянною, какъ и онъ. Но сердце не обманешь сими пошлыми уловками; упоеніе невѣрности мнѣшь, истинныя чувства вступая въ права свои, начинаемъ сравнивать и съ пресупитомъ открываемъ, что для удовольствія пожертвовали мы нѣжною склонностію.

«*Фридерикъ* скоро замѣтилъ, что Герцогиня А. . . сберегла ему пресмника въ лицѣ

Адьюшанша одного Французскаго Генерала, незадолго предъ тѣмъ прибывшаго въ Римъ, и чтобы пощадить его отъ непріятностей разрыва, она уѣхала почти не проснясь съ нимъ; послѣдняя просьба ея къ нему была, чтобы онъ не заспавилъ долге поминъ своего содѣрника.

«Онъ надѣялся во Флоренціи найши письма *Одиліи*, и вовсе не заботясь о томъ, могла ли она писать къ нему, не получая отъ него ни спроки, досадовалъ на ея молчаніе, рѣшившись подражать ей. Съ тѣхъ поръ, не сомнѣваясь болѣе, что она совершенно исцѣлилась отъ любви къ нему, онъ впалъ въ глубокое уныніе, скипался изъ одного города въ другой, по примѣру брюзгливыхъ путешественниковъ, которые въ каждомъ мѣстѣ хошаго видѣтъ рѣдкости онаго, ни мало не занимаясь ими: ибо не знаютъ, кому дасть отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и къ чему они?»

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОЧТОВОМУ КОЛОКОЛЬЧИКУ.

Ахъ! колокольчикъ, колокольчикъ!

Когда и надъ моей дугой,
Надъ шройкой ухарской, лихой
Ты зазвенишь? Когда дорога,
Широкой лентой раскатясь,
Съ своими песприми столбами
И съ живописностью кругомъ,
Меня, мой колесный домъ,
Мою почтовую шелегу,
Къ краямъ далѣкимъ понесётъ? —
Когда увижу край надъ Волгой
И, съ горъ на горы мча спрѣлой,
Меня утѣшишь пѣснюю долгой
Землякъ — извожикъ удалой?
Когда увижу Русь свящую,
Мои дубовые лѣса,
На двѣхъ ленту золотую
И синій Русскій сарафанъ?
Мнѣ сиротинѣ на чужбинѣ,
Мнѣ часто грустно по родномъ,
И Русь я вижу, какъ въ картинѣ,
Въ воспоминаніи одномъ.

О. Глинка.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

(*Посвящ. Т. . . ть Д. . . ть.*)

Въ прозрачной мглѣ безмолвствуетъ столица;
Лишь изрѣдка на шумъ и гласъ почной
Окликнется дремавшій часовой,
Иль топнетъ конь, и быстро колесница
Продребезжитъ по звонкой мостовой.

Какъ я люблю пріюшь мой одинокой!
Какъ здѣсь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Разсыпалась на полъ его широкой,
Во всю длину трехрамнаго окна!

Сей лунный свѣсъ шаниственнѣй и нѣжный,
Сей полумракъ и свѣжесіе теплоты
Исполнены соблазновъ гдѣ-же пы,
Какъ подѣлуй насильный и мяжежный,
Разгульная, и чудо красоты?

Во мнѣ душа шрепещетъ и пылаетъ,
Когда, къ тебѣ склонившись головой,
Я слушаю, какъ дивный голосъ твой,
Томительный журчитъ и замираетъ,
Какъ онъ кипитъ веселый и живой!

Или, когда пивои родные звуки
Тебя зовутъ — и, буйная, лешишь,
Крупишь главою, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И попадаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятаями восторга встрѣчу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучшій сонъ, мой Ангелъ сладкопѣвнѣй,
Поэзія Московскаго житья!

Приди, утѣшь мое уединенье!
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущіе мои
На свѣтлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

Н. Языковъ.

1831 года,
Марша 25-го.

КЪ РАДОСТИ.

О радость, гостыя дорогая!

Слеши въ мой мирный уголокъ,
Сзови друзей моихъ въ кружокъ,

Налей покаяль виномъ Токая,
Спой пѣсню, сказку разскажи;

Напомни намъ о дѣвѣ милой—
И остропою легкокрымой

Успя друзей вооружи;

И легкомысленую младость

Ты возвращи намъ на часокъ!

Зачѣмъ же медлишь, гостыя-радость?

Слеши въ мой мирный уголокъ!

А. Крюковъ.

LOGOGRIPE:

Je suis un chef d'oeuvre immense,

Qui révèle un Dieu créateur;

Mais si vous m'arrachez le coeur,

Je suis un tyran en France.

Въ No 96, помѣщенная шаряда значить: *Пост-ель.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Спектакль въ Большомъ театрѣ, данный 26-го Ноября, былъ настоящій венегреть, въ кошоромъ чего хочешь, пого и просишь: и весѣлаго и трогашельнаго, и умнаго и глупаго, и шѣмнаго и блисташельнаго. Наши драматурги и актёры безпрестанно вопіють противъ извѣснаго сочинителя спашей о Русскомъ театрѣ, въ *Слѣв. Пчелъ* помѣщаемыхъ. Мнѣ самому, деревенскому жителю, казались приговоры его слишкомъ рѣзкими; но прѣхавъ въ Пиперь, я чѣмъ чаще посѣщаю театръ: шѣмъ болѣе убѣждаюсь, что *Михаиль Алексѣевичъ Яковлевъ*, если не во всемъ правъ: то почти во всемъ.

Мое мнѣніе не законъ, и я никого не прогнѣваю, высказавъ оное откровенно: я мышляю, что рецензенту *Яковлеву* не подобаешь насмѣхаться надъ такими великими аршисшами, какъ *Г. Брянскій*, какъ *Г. Каратыгинъ* большой; можно сказать то же, но мягче, вѣжливей, нѣжнѣе. Касашельно же бенефисныхъ

поставщиковъ драматической дражи: я полагаю, что *М. А. Яковлевъ* до слабости милосердъ къ нимъ. Я бы я бы на его мѣстѣ больнѣе хлыспаль ихъ бапогами крипки.

Въ спектакль 26-го Ноября, блестящемъ и хорошо обставленномъ, кинулись мнѣ въ глаза многія несообразности.

1. Кто видалъ, на пр: чшобы въ Русскомъ царствѣ, молокосось Офицерской деньщикъ вызывалъ на дуэль заслуженнаго, пшидесятилѣшняго унтеръ-офицера? У насъ, благодаря народной нравспвенности, слыхомъ не слыхано о дуэляхъ на сабляхъ между нижними чинами, и дай Боже не слыхатъ о нихъ!

2. Въ балетъ *Гулянье на Крестовскомъ островѣ* выведена цѣлая полпа Офицеровъ въ красныхъ мундирахъ: эпо пропивъ истины! Офицеры, имѣющіе алые парадные вице-мундиры, вѣдѣтъ въ нихъ полько на придворные балы и на самыя блестящія праздники. На публичныхъ же гуляньяхъ обыкновенно увидише вы ихъ въ сюрпукахъ, или, и поуже рѣдко, въ зелѣныхъ будничныхъ мундирахъ.

Откуда взялись Уланы въ бѣлыхъ курпкахъ съ малиновыми лацканами? Всѣ Уланы одѣпы въ синее съ разцоцвѣтными лацканами и воропниками, по дивизіямъ. Въ пѣсѣ *Утро столѣтняго старика* почность костюмовъ соблюдена строго: слѣдспвенно и здѣсь можно было сохранить оную.

3. Позволено ли выводить на сцену передъ образованною Публикою сполницы пакихъ дураковъ, какъ *Филатка*, пакихъ запачканыхъ мужиковъ, какъ мѣльникъ? У кого доспанетъ перпѣнія слушапъ, какъ *Филатка*, главное дѣйствующее лицо, считаесть по пальцамъ и не умѣесть счестъ до десяти, какъ горланипъ дурачекъ-сынокъ его *Ведотка*? По крайней мѣрѣ, въ Италіанскихъ безсмысленныхъ операхъ нелѣпица выкупаеппся прекрасною музыкаю, пѣніемъ; а нашъ *Филатка* можесть сдѣлать форшуну полько въ лубочномъ балаганѣ на масляницѣ.

4. Всего же неприличнѣе показалось мнѣ, что Актёръ, въ военномъ мундирѣ, съ Полковничьими эполетами, вышелъ анонсировать. Эшого не сдѣлають и у насъ въ Рязани!

Въ *Валеріи* всѣ Арпіасты наши играли отлично. Игра Г жи *Каратыгиной* б. божественна; я видѣлъ сію комедію на Берлинскомъ и Дрезденскомъ театрахъ—и съ гордостію признаюсь, что памошнія Актрисы должны успѣшить Россіянкѣ. Передъ нею всѣ другіе Актисры казались холодными.... кромѣ Г. *Хотлиникова*, который игралъ, какъ нельзя лучше.

Петръ Кобляковъ.

M O D E S.

Une jeune dame avait les cheveux en bandeau sur le front, comme dans une coiffure à la grecque, mais ceux de derrière s'élevaient sur le sommet de la tête, en forme de cône, qu'une natte enveloppait, et d'où s'échappait une fusée de tire-bouchons. A la sortie du spectacle, la même personne portait un manteau écossais à grande pélerine, ayant un petit collet en peluche verte.

Des turbans ont encore paru à cette représentation. On y voyait aussi des chapeaux ornés de marabouts montés en éventail, et dont les sommités, s'inclinaient à gauche.

Des hommes ont repris, pour le matin, les redingotes dites à la propriétaire, à jupes longues et amples, et de couleurs foncées, telles qu'on les portait l'an dernier; mais la redingote ayant un seul rang de boutons est celle adoptée par tous nos élégans, et par tout homme dont la mise est de bon goût.

Les magasins de MM. Rayer et Auber, rue Saint-Honoré, viennent de mettre en vente des draps à carreaux aventurine sur fond bleu-clair, destinés pour manteaux d'hommes, et la même disposition, mais à carreaux plus petits, pour pantalons. Ces draps sont d'une belle qualité, et leurs deux nuances d'un heureux effet.

M O D Y.

У одной дамы спереди волосы сдѣланы были повязкою, какъ въ Греческихъ прическахъ, а задніе возвышались на маковкѣ конусомъ, вокругъ котораго обернуша была коса, а внизу при висѣло множество локоновъ; при выходѣ изъ театра на той же особѣ

накинутъ былъ Шотландскій плащъ съ большою пелерникою и небольшимъ зеленымъ, плюшевымъ воротникомъ.

Тюрбаны опять появились въ семъ представленіи. Видны были также шляпки съ марабу, припшленными онахаломъ, верхушки наклонялись на лѣвую сторону.

Мушоны опять начинаютъ носить упрямъ сюртуки, называемые à la propriétaire, оны дѣла книзу весьма длинныя и широкіе, и темныхъ цвѣтовъ, какъ носили въ прошломъ годѣ; щеголи же наши и вообще мушоны, занимающіеся своею одеждою, носятъ одноборныя сюртуки.

Въ магазинахъ Гг. Rayer и Auber, въ улицѣ Saint-Honoré, поспушили въ продажу сукна, съ клѣтками цвѣта aventurine по свѣтло-голубому грунту, приготовленные для мужскихъ плащей, такого же разбора, но съ мелкими клѣтками для панталонъ. Сукна сіи отличной доброты, и два эни цвѣта вмѣстѣ, весьма красивы.

С М Ъ С Ъ.

Если художникъ имѣетъ въ виду только свой подрядъ, расчислѣ и плату; если онъ гошовъ по заказу на *всѣ*; словомъ, если онъ росновщикъ своего таланна: то шупѣ нечего думать ни о славъ, ни о вкусѣ. Жалѣя объ немъ, мы скажемъ ему словами Римскаго поэта:

O Cives, Cives quaerenda pecunia
Primum est,
Virtus post nummos.

О п е ч а т к а.

Въ No 94-мъ Липер. Прибавленій, въ статьѣ Пересмѣшка, ошибкой *напечатано*: на стран. 737 въ первомъ столбцѣ строк. 10 и 11, живописно каршинъ, надлежитъ *читатъ*: живописно каршинъ,— въ той же странѣ *напечатаны* слова: пасичникъ, *читатъ*: пасъшникъ,— тамъ же, на стран. 739 въ первомъ столбцѣ строк. 5 снизу *напечатано*: слушайте, а надобно *сужайте*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 98.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но.
съ 24-ю картинками годъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 9 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Мужъ праведный наслаще Неба стерпятъ,
Но никогда неправды не снесеть.

Шевырѣвъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ОДНОГО ФРАНЦУЗ-
СКАГО ЖУРНАЛИСТА.

Въ 1801 году.—Студентъ Генрихъ *Этьенъ*, окончивъ въ Университетѣ курсъ Словесныхъ наукъ, вступилъ въ сотрудничество къ одному извѣстному издателю полишической газеты, опъ копюраго и получалъ по 10-ти франковъ за печатную колонну (или столбецъ).

1802.—*Этьенъ* сочинилъ ѣдкій пасквиль на одного вельможу; злые стихи чинаны были во всѣхъ лучшихъ Парижскихъ обществахъ, въ респорацияхъ и кофейныхъ домахъ. Газета, въ которой былъ напечатанъ пасквиль, вошла въ славу (en vogue) и *Этьенъ*, въ награду за свою поэтическую дерзость, получалъ уже 20 франковъ за колонну.

1803.—*Этьенъ* усовершенствовался въ сатирическомъ родѣ, и набилъ руку въ сочиненія пасквилей; его уже начали ненавидѣть и преслѣдовать; а издатель журнала спалъ ему плашпшь по 30 франковъ за колонну.

1804.—*Этьенъ* взялся за опасное ремесло театральнаго критика, ругалъ въ пухъ артистовъ, любимыхъ публикою, грызаясь со всѣми театральными богинями, хлеспалъ

бичемъ крипики, какъ спенную лошадь; одну прелестную танцовщицу, и при всякомъ случаѣ издѣвался надъ нею съ Саванинскою злобою.—Весь театральнѣй причетъ боялся *Этьена*, какъ холеры, а ему за то издатели начали уже плашпшь по 40 франковъ за столбецъ.

1805.—*Этьенъ* со всякимъ днемъ спановился ненавистнѣе и опаснѣе для своихъ враговъ. Противъ него уже составилось цѣлое общество, которое избрало *Этьена* цѣлюю всѣхъ своихъ насмѣшекъ и эпиграмъ. Но враги неудачными своими нападеніями еще болѣе прославили журналиста. Они уступали ему поле сраженія, и онъ, хотя неправѣй, увлекъ за собою всю публику; за то и спалъ уже получалъ по 50 франковъ за журнальную колонну.

1806.—Слава *Этьена* росла не по днямъ, а по часамъ. Его остропы и bon mots разлетались по Парижу, какъ бѣглый ружейный огонь пѣхоты.—Весь свѣтъ умиралъ со смѣху надъ его язвительными шутками, а шѣ, надъ которыми немилосердно издѣвался, гошовы были упопипшь съ досады. *Этьенъ* уже вступилъ въ сотрудничество ко многимъ журналистамъ.

1807.—Извѣстность *Этьена* распространилась за границы государства. Во всемъ

Парижъ онь спалъ извѣспень, какъ фальшивая ассигнація. Счастливыи журналистъ купилъ себѣ верховую лошадь, кабриолетъ, и нанялъ Англійскаго жокея.

1808.—*Этьенъ* началъ уже издавать собственннй свой журналъ, копорый своими новостями и ашпическою солюю шакъ подспрекнулъ Парижскую публику, что въ первые при мѣсяца явилось у него при тысячи подписчиковъ. Нашъ журналистъ перѣхалъ въ просторную кварширу, завелся собственнымъ хозяйствомъ, препоручивъ оное одной хорошенькой домоправительницѣ, купилъ карепу, лошадей, нанялъ повара, кучера, лактѣвъ и проч.

1809.—*Этьенъ* достигъ вершины своей журнальной славы. Его уже осмѣяли въ нѣсколькихъ водевилахъ и печатныхъ каррикапурахъ. Но все это увеличило только благоволеніе публики.—Газету его читали съ жадностію, и *Этьенъ* блаженствоваль въ Парижѣ.

1810.—Онъ съ большимъ усердіемъ началъ занимать полипикою и злобно преслѣдовать одну прелестную жрицу Талии, копорая вздумала предъ нимъ играть роль цѣломудренной Веспалки.

1811.—*Этьенъ* немилосердо преслѣдовалъ непокорную акпрису, къ копорой онъ однако же былъ весьма не равнодушенъ, но Эмилиа (имя акприсы), въ опущеніе за шакую дерзоспъ, скупила векселя журналиста и хопъла его уже засадитъ въ шюръму. *Этьенъ* узналъ объ этомъ заблаговременно, занялъ деньги и опъправилъ опъ себя угрожающую опасоспъ.—Наконецъ, они короче узнали другъ друга; теапральная невиноспъ опказалась опъ нѣкопорыхъ предразсудковъ. . . .

Журналистъ достигъ своей цѣли и бросилъ бѣдную двушкуну.

1812.—*Этьенъ*, какъ полипическій писатель, вошелъ въ большую славу. Смѣлое перо его задѣло многихъ значительныхъ особъ, копорыя запушали его въ разныя шажбы; задорный журналистъ долженъ былъ просидѣть нѣсколькко мѣсяцевъ подѣ арестомъ и

заплапипъ немалую сумму пени. Друзья *Этьена* сдѣлали добровольную подписку, собрали деньги и освободили его изъ заключенія.

1813.—Неугомонному *Этьену* дали весьма выгодное мѣспо и орденъ почешнаго Легиона, чтообъ шѣмъ припупитъ злой его языкъ; но ни чемъ не могли обуздапъ этаго дикаго коня: журналистъ опказался опъ мѣста и опъ ордена—началъ ругатьсѣ по прежнему.

1814.—Дочь одного вельможи влюбиласѣ спраспно въ *Этьена*, единственноп пощому, что предметъ любви ея надѣлалъ сполько шуму въ Парижѣ. Журналистъ влюбилсѣ шакже въ дочь вельможи пощому, что опецъ ея занималъ значительную должноспъ въ Государствѣ.—*Этьенъ* сдѣлалсѣ еще опважнѣе, честполубивѣе, онъ вздумалъ уколотъ сапшрою шакую особу, за копорую изгнали его вовсе изъ Франціи.

1815.—*Этьенъ* опправилсѣ въ Лондонъ, началъ шамъ издавать новый журналъ, подѣ заглавіемъ: Le Refuge, въ копоромъ разругалъ всѣхъ Парижскихъ своихъ враговъ, перессорилъ между собою многихъ Лондонскихъ журналистовъ, надѣлалъ сплешней, былъ причиною развода нѣсколькихъ Лордовъ съ своими супругами. За все сіе *Этьена* шакже прогнали изъ Англии.

1816.—Онъ уѣхалъ въ Америку и поселилсѣ въ Новомъ Йоркѣ, гдѣ началъ шакже издавать газету, подѣ названіемъ: The Divle, и напалъ съ ужаснымъ ожесточеніемъ на всю Европу. Онъ взялъ съ собою изъ Лондона одну пригоженькую пѣвицу, копорая посредспвомъ его покровительсства приняла была на Йоркскій теапръ въ качеспвѣ Прима-Доны.

1817.—*Этьенъ* женился на пѣвицѣ *Памелъ*, вѣроятноп пощому шолько, что Дирекція Йоркскаго теапра предложила ей 20,000 долларовъ ежегодно. Пѣвица Г-жа *Этьенъ* опправиласѣ пупешествовать по Америкѣ, чтообъ восхищатъ прелестнымъ своимъ голосомъ всѣхъ дощещовъ пуземныхъ провинцій. Мужъ ея прекратилъ издавіе *Дьявола*, опправилсѣ съ своею супругою въ Рио-Яней-

ро, гдѣ принялъ участіе въ нѣкопорохъ изданійхъ журналовъ. *Этьенъ* и жена его собрали обильную дань съ Бразильцевъ, и возвратились въ Новый Йоркъ.

1818.—*Этьенъ* началъ издаваніе въ Новомъ Йоркѣ снова журналъ, подъ названіемъ: *Le Franc-parleur*,—въ которомъ разбиралъ въ пухъ всѣхъ актеровъ и актрисъ, разумеется кромѣ жены своей и одного ловкаго режисера, который спрощилъ ей куры и посылалъ подарки *Этьену*.

1819.—Г-жа *Этьенъ* родила сына и лишилась своего соловьиного голоса, а вмѣстѣ съ онымъ, получаемого ею жалованья 20,000 долларевъ. Отчаянный журналистъ собралъ всѣ прежнія свои сочиненія и продалъ ихъ книгопродавцу-спекулятору, чтобы замѣнить какъ нибудь причиненный имъ убытокъ.

1820.—*Этьенъ* разлюбилъ свою жену, они поссорились и развелись—судебнымъ порядкомъ.—Г-жа *Этьенъ* вышла въ прошъ же годъ за мужъ за актера, который прежде спрощилъ ей куры. Молодые супруги отправились въ Англію.—

1821.—*Этьенъ* узналъ, что прежняя жена его съ большимъ усѣхомъ поѣхъ на Друриленскомъ театръ въ Лондонъ, и что поперя ея голоса была подложная.—Это совершенно разстроило журналиста и на него напала хандра.—Онъ сдѣлался печаленъ, задумчивъ; тоска по отчизнѣ совершенно овладѣла его душою, и онъ просилъ Французское Правительство о позволеніи возвратиться въ свое отечество.

1822.—*Этьенъ* получилъ позволеніе ѣхать во Францію.—Раскаясь въ своихъ журнальных грѣхахъ, онъ далъ себѣ торжественный обѣтъ исправиться и быть впредь честнымъ литераторомъ. Богачій Американскій книгопродавецъ осудилъ его деньгами на дорогу, за что онъ обѣщалъ прислать ему изъ Парижа рукопись еще несочиненнаго романа.

1823.—*Этьенъ* пріѣхавъ въ Парижъ, вступилъ въ сотрудничество ко многимъ журналистамъ,—но бывъ такъ долго въ отсутствіи, имя его почти изгладилось изъ памяти Французовъ. Журнальные статьи его не могли уже приводить въ удивленіе и восторгъ публику.

1824.—*Этьенъ* сдѣлался низкопоклоннымъ челоуипчикомъ, чтобы занявъ выгодное мѣстечко по службѣ; ибо курсъ весьма понизился на литературныя его произведенія. Всѣ Министры опказали ему въ покровительствѣ, потому, что *Этьенъ* потерялъ всѣ въ публикѣ, и жало сатиры его очень припупилось.—Это неуваженіе къ увядшему шаланту снова возбудило въ немъ всю журнальную злобу.

1825.—*Этьенъ* съ большимъ еще жаромъ принялся писать ядовитыя статьи, но злоба и тоска изнурили совершенно его здоровье, онъ сдѣлался опасно болѣнъ и его оправили въ больницу *Hotel de Dieu*.

1826.—*Этьенъ* выздоровѣлъ по испеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—вышелъ изъ больницы и началъ писать записки о своей жизни. Онъ обѣгалъ всѣхъ книгопродавцевъ, чтобы продать оныя, но никто не хотѣлъ купить ихъ. *Этьенъ* впасть въ крайнюю бѣдность.

1827.—*Этьенъ* нашелъ великодушнаго книгопродавца, который обязался на кредитъ печатать для него новый журналъ, подъ названіемъ: *Démocrate*.

1828.—*Этьенъ* въ опчальнѣ,—на журналъ его не нашлось ни одного подписчика.—Чтобы приманить какъ нибудь публику, онъ принялся опять за сочиненіе пасквилей; написалъ разговоръ звѣрей, въ которомъ, подъ именемъ овцы, задѣлъ одну великую особу. Журналиста пригласили въ судъ, чтобы познакомиться съ Королевскимъ Прокуроромъ, который осудилъ *Этьена* на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму и къ уплатѣ 6,000 франковъ пени.—Журналистъ подалъ аппеляцію.—Касаціонный судъ утвердилъ приговоръ первой инстанціи и *Этьена* засадили въ тюрьму С. Пелажи.

1829.—*Этьенъ* находился въ заключеніи вмѣстѣ: съ ворами, разбойниками и прочими людьми шаковаго разбора.

1830.—Іюль 25 дня Карлъ X обнародовалъ пять послѣднихъ своихъ приказовъ: 26-го *Этьенъ* освобожденъ былъ изъ тюрьмы взбунтовавшеюся чернью, 27 онъ находился при осадѣ Тюльери, гдѣ и убитъ на приступѣ однимъ Швейцарскимъ Гвардейцомъ.—Прахъ его покоится нынѣ на общемъ кладбищѣ Іюльскихъ бунтовщиковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШАЛЬ И СОБАКА.

(Повесть, заимствованная изъ рассказовъ старушки.)

(Окончаніе.)

«Въ семъ-то расположеніи нашель я его въ Туринъ: узнавъ ошъ него исторію, копорую я вамъ шеперь разсказалъ, потчасъ составилъ я планъ, какимъ образомъ извлечь его изъ сего соспоянія, которое наконецъ иснребило бы всъ его способности. «Какъ эша милая *Одилія* не можешь бышь вашею, шо и надобно употребить всъ средшва, чшобы забыть ея, избравъ для себя занятія, кошорыя не давали бы вамъ времени безпресцанно мечпашь о ней. Природа одарила васъ всъмъ, чшо нужно для счастья, для чего же вамъ самимъ разрушать споль прекрасную будущность? Примите мой совѣтъ, мою дружбу, и я обещаю вамъ въ скоромъ времени привести васъ въ шо соспояніе, въ кошоромъ вы своимъ умомъ и способностями можете нѣкогда принести честь своему опечеспу.»

— Я совершенно опдаюсь соспрадательной дружбѣ вашей, опвѣчалъ *Фридерикъ*, кинувшись въ мои объятія, освободите меня опъ воспоминанія объ ней и я вамъ обязанъ буду болѣе, нежели жизнию.—

«Съ сей минушы я устроилъ порядокъ въ ежешевныхъ нашихъ занятіяхъ и начерпалъ планъ для нашего пупешествія. Положено избрать самую глухую дорогу чрезъ Альпы въ Сѣверную Швейцарію, кошорая обоимъ намъ еще не была извѣсна, чшобы потомъ возвращись въ Парижъ Спрасбургскою дорогою.

«Дальними прогулками, учеными занятіями и забавами я успѣлъ нѣсколько ослабить въ моемъ другѣ шягоспное для него воспоминаніе. Иногда, смотря на мою веселость, и онъ подражалъ ей; мы оба шутили другъ надъ другомъ; онъ смѣялся надъ моею философіею, а я надъ его мечпательностью: я любилъ глазами, онъ вездѣ искалъ чувства; я былъ говорунъ, онъ мечпатель; но не смотря на сію противоположность, нельзя было видѣть друзей согласнѣ насъ.

«Такимъ образомъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, мы прѣехали въ Базель и оспановились въ пракпирѣ прехъ Королей, самомъ плохомъ и самомъ дорогомъ въ дѣлой Швейцаріи. Въ эшо время года съѣзжаются туда Англичане, пакъ сказать, изъ всѣхъ тринадцати Кантоновъ; всѣ комнаты въ пракпирѣ были заняшы, кромѣ одной на двѣ кровати, раздѣленные узкимъ проходомъ; комната сія обшпа была синею выбойкою съ бѣлыми разводами, кошорую я, какъ шеперь, помню. Толстыя занавѣсы, закрывающія каждую постель со всѣхъ спорошъ, предшвляли видъ двухъ особыхъ маенькихъ кабинетовъ. Впрочемъ, нельзя было промолвить слова, кошорого бы не слыжалъ сосѣдъ.

«Мы ужинали за общимъ столомъ, пригшповленнымъ въ обширномъ залѣ, съ балкономъ коего, висящихъ надъ рѣкою, можно наслаждаться прекраснымъ видомъ и оглушающимъ шумомъ водъ. Послѣ дурнаго ужина, приправленнаго Рейнвейномъ, опзывающимся бочкою, мы пошли спать.

«Въ эшопъ день я много ходилъ пѣшкомъ, и опъ большой успалости скоро заснулъ глубокимъ сномъ. Во время ночи, не знаю въ кошоромъ часу, я пробужденъ былъ голосомъ, какъ будто кого-то звали. Я не могъ порядочно различить имени; но не сомнѣваясь, чшо эшо голосъ *Фридерика*, я спросилъ его, здоровъ ли онъ и не нужно ли ему чего.— Нѣтъ, опвѣчалъ онъ, но вѣрно вы меня звали: ибо я слышалъ нѣсколько разъ свое имя. Вы мнѣ еще чшо-то говорили, но я не разслушалъ въ просонкахъ. Теперь, я думаю, не болѣе двѣнадцати, или часъ за полночь; и я былъ въ первомъ снѣ...»

— Помилуйте, любезный другъ, вамъ эшо чудилось, прервалъ я его, я не опкрывалъ рта, напротивъ того мнѣ очень хорошо слышался вашъ голосъ... Можешь бышь вы, говорили во снѣ; эшо иногда случается.—

«Не знаю, говорилъ ли я во снѣ; но я увѣренъ, чшо вы меня звали.»

— Вы видите, чшо я сдѣлался лунашкомъ! Но оставимъ эшо; съ нами ничего дурнаго не случилось, проведемъ же покойно опшпнокъ ночи.—

«И я заснулъ оплпшь, оставя *Фридерика* въ увѣренности, что я говорилъ съ нимъ.

«Спустия, можешъ быть, часть попомъ, я услышалъ опять шумъ занавѣсокъ у постели *Фридерика*, и въ тоже время кто-то произнесъ тихимъ голосомъ: *прости!* Мнѣ пришло въ голову, что мой спутникъ забавляется на мой счетъ и что онъ не одинъ; но не желая оскорбить его нескромностию, я рѣшился дожидаться утра, чтобы доказать ему, что я все знаю, какъ вдругъ онъ самъ спросилъ меня, для чего я простился съ нимъ, и не хочу ли я отправиться до разсвѣта, чтобы уѣхать безъ него въ Шафгаузенъ.

— Вы шутите, сказалъ я ему; мнѣ безъ васъ ѣхать! мнѣ бы и тогда не пришла въ голову эта глупая мысль, когда бы вы остались здѣсь долѣе, чтобы насладиться пріятнымъ разговоромъ любезной незнакомки; примолвила я шутя.

— Мнѣ оставалось здѣсь долѣе, вскричалъ *Фридерикъ*, сохрани Богъ! Я здѣсь задохнусь; чувствую въ себѣ лихорадочное волненіе; мнѣ кажется, будио призракъ меня преслѣдуетъ, говоримъ со мною, а между тѣмъ давить сонъ; но не успѣю закрыть глаза, какъ ужасныя грезы начинаютъ меня преслѣдовать. —

«Слова сіи довольно объяснили мнѣ шумъ, опять котораго два раза я пробуждался, и я разувѣрился, что мы были не одни въ комнатѣ. Наспала опять тишина. *Фридерикъ* погрузился въ тяжкій сонъ, который продолжался во весь остатокъ ночи.

«Мы велѣли пракширному слугѣ постучаться къ намъ въ 6 часовъ утра. Вѣрный данному приказанію, онъ перепугалъ насъ своимъ стукомъ. Въ ту же минуту я пораженъ былъ крикомъ ужаса; вскакиваю съ постели, одергиваю занавѣсъ *Фридерика* и нахожу его блѣднаго, едва дышащаго, съ помутившимися глазами, онѣмѣвшего отъ страха, и указывающаго пререпетною рукою на маленькую собачку, полузакрытую синею шалью.

«Я догадался, что это собачка *Одилли*, и не постигая какимъ образомъ очутилась она въ комнатѣ, стараюсь успокоить *Фридерика*, говоря ему, что вѣрно любезная его

въ Базель и онъ её опять увидитъ; но бѣдный *Фридерикъ*, отъ страха не чувствуя себя, ничего не слышалъ; онъ потерялъ рассудокъ.

«Большаго труда стоило мнѣ привести его въ память и попомъ въ рассудокъ. Разспроенное воображеніе его представляло ему случай сей сверхъ-естественнымъ; признаюсь, я и самъ не могъ изъяснить, какимъ образомъ *Фидо* вѣжала къ намъ, когда нашла дверь запершою изнутри.

«*Фридерикъ* съ живѣйшею горестию увѣрялъ, что она призывала его; что это была ея голосъ, и что она произнесла ему послѣднее: *прости!* Я никогда её не увижу, твердилъ онъ; чувствую, что её уже нѣтъ на свѣтѣ. . . .

«Чтобы излечить его отъ спранныхъ предчувствій, я осмопрѣлъ всѣ углы комнаты: снималъ стѣнные обои, отдиравъ дверную коробку, плинтсы, половицы съ-помощію инструментовъ, хранившихся въ моемъ дорожномъ ящикѣ. Наконецъ, видя всѣ поиски свои бесполезными, я велѣлъ позвать хозяина. Когда я ему рассказывалъ о нашемъ приключеніи, осыпая его вопросами, онъ слушалъ меня съ видомъ чловѣка, который увѣренъ, что съ нимъ шутятъ. Такая недовѣрчивость, которую бы и я показалъ на его мѣстѣ, вывела меня изъ терпѣнія: я грозилъ ему распустить невыгодные на счетъ дома его слухи, если онъ не пособитъ мнѣ объяснить причину сего обмана. Такъ называлъ я случай, котораго не могъ постигнуть, слѣдуя изстари заведенному обычаю, порицая все, что выше нашего пониманія.

«Между тѣмъ я все еще былъ увѣренъ въ близости *Одилли*, и мы употребили цѣлую недѣлю, развѣдывая объ ней въ Базель и окрестностяхъ. По всемъ рассказамъ, ни одна дама, похожая на Г-жу ванъ деръ С. . . не останавливалась въ гостинницѣ *трехъ Королей*; нишо въ домѣ и во всемъ городѣ не видалъ ни прекрасной собачки, ни прекрасной шали. Потерявъ всю надежду открыть что нибудь, мы обратно пустились въ Кельнъ. Тамъ только *Фридерикъ* могъ узнать все и возвратитъ утраченное спокойствіе, или навѣки его лишиться.

«Во время сего дальняго пупи, *Фидо* была для него предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій; поску сей собачки онъ считалъ дурнымъ предзнаменованіемъ; впрочемъ, она узнала его и ласкалась къ нему, но не рѣзвилась, какъ прежде. Я увѣрялъ, что она больна; *Фридерикъ* напрошивъ швердилъ, что она несчастна. Въ самомъ дѣлѣ и мнѣ казалось иногда, что бѣдное животное какъ будто знало несчастіе, которое ожидаетъ новаго ея Господина.

«Мы прибыли въ Кельнъ въ 11 часовъ вечера; городскія вороша были запершы, надлежало дожидаться нѣсколько минутъ привратника. Въ это время *Фридерикъ* запрепеталъ такъ, что я за него началъ опасаться. «Она умерла! произнесъ онъ: я содрогаюсь при видѣ спящаго сего города. Здѣсь найду я только раннюю ея могилу.» Слова его прерваны были горькими слезами. Мною также овладѣла какая-то грусть, и я не въ силахъ былъ упѣшиать его.

«Наконецъ повозка наша остановилась у гостиницы Д...; хозяинъ вспрѣшилъ насъ, и первое слово *Фридерика* было: «Г-жа ванъ деръ С... умерла, не правда ли?»—Такъ почтено, сударь; вы вѣрно узнали о семъ въ часовню. Тамъ она кончила жизнь черезъ пять мѣсяцовъ по смерти своего мужа. Эта бѣдная молодая дама заслуживала лучшую участь!.. Но я забылъ было, Мм. Гг., что вы вѣрно худо пообѣдали въ Боннѣ; достараюсь приготовить вамъ хорошій ужинъ.

«Тракширщикъ могъ бы проговорить еще цѣлый часъ, не добившись отъ насъ ни слова. *Фридерикъ*, пораженный ударомъ, который онъ предчувствовалъ, лишился всѣхъ способностей. Я самъ не могъ припши въ себя, размышляя о силѣ предчувствія и нашемъ приключеніи.

«Забывъ горесть своего друга, я употребилъ все средства, чтобы найши какіе нибудь свѣды къ таинственному происшествію. Я велѣлъ позвать горничную, которая ходила за *Одилією* до самой ея кончины. Мы узнали отъ ней, что Госпожа ея умерла отъ горести, не получая никакихъ извѣстій отъ *Фридерика*, особливо послѣ того, какъ она уведомила его о смерти Г-на ванъ деръ С...

Это жестокое молчаніе казалось ей признакомъ невѣрности ея любезнаго, и жизнь ея угасла въ потѣ день, когда шаль и собачка очутились на поспелѣ у *Фридерика*.

«Вошъ что я слышалъ, видѣлъ и чему принужденъ былъ вѣрить, вопреки разсудку и просвѣщенію нашего времени.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

У П Р Е К Ъ.

Что ты, вѣтреная Лила,
Обобравъ въ поляхъ цвѣтки,
Ихъ бросаешь въ ручейки,
Чтобъ струя ихъ уносила?
Иль вѣрешь вътеркамъ
Легкій пухъ, чтобъ отъ, летая
Надъ дубравой по холмамъ,
И кружась, и исчезая,
Быль забавой спральной намъ?
Иль ты хочешь намъ идею
Дать о легкости вещей?
Лила, Лила! я краснѣю
Передъ взорами друзей!
Ты такъ быспро, такъ игриво,
Съ спрасью пѣжной, съ спрасью льстивою,
Ищешь жертвъ любви своей...
Такъ легко и такъ коварно
Ты душой неблагодарной
Забываешь вѣрность словъ...
Но повѣрь хоть дружбѣ, Лила:
Вещи ты не находишь
Легче, чѣмъ пволя любовь,

Карлегофъ.

МЕЛОДІЯ.

(*М. В. Юзефовичу.*)

Мѣсяцъ! другъ моихъ ночей!
Томный блескъ твоихъ лучей
Для чего разсыпалъ ты
На могилы и кресты?
Пусть, чернѣе враньихъ крылъ
Взвѣтъ мгла окрестъ могилъ,
Чтобъ унылый видъ гробовъ,

Въ часъ, какъ бодрствуетъ любовь,
 Не навелъ печальныхъ думъ
 Двумъ любовникамъ на умъ!
 Чшобы въ часъ, какъ спражь нѣмой,
 Льешь ты зыбкій пламень свой
 На счастливую чепу —
 Сквозь почную шемнопу
 Не блеснулъ ея очамъ
 Лучъ, бродящій по крестамъ,
 И креста нѣмой глаголь
 Мысли грустной не навелъ:
 Чшо забвенья сонъ пройдепъ,
 Чшо попухнешь въ свой черёдъ
 Сихъ живыхъ очей чета,
 Чшо умрушь сн уста,
 На которыхъ сей же часъ
 Поцѣлуй горѣль и газъ;
 Чшо и въ сердцѣ, гдѣ одинъ
 Образъ друга властелинъ, —
 Властелиномъ наконецъ
 Будешъ червь — гробовъ жилецъ.
 Мѣсяцъ, мѣсяцъ! опъ гробовъ
 Скройся въ сумракъ облаковъ!
 Пустьъ во мглѣ спояшь кресны —
 Но, любви свѣцило, ты
 Помымъ блескомъ озари
 Ложа - нѣги алшари.
 О! будь я швоимъ лучемъ —
 Яркій, въ сумракъ ночномъ,
 Я-бъ роскошно съ высоты
 Палъ на ложе красопы:
 По ланишамъ, по плечамъ,
 Но раскинутымъ власамъ
 Долго, долго-бъ я блуждалъ,
 На устахъ ея дрожалъ —
 И, разсвѣта въ грустный часъ,
 На груди-бъ ея угасъ! —

А. Подолжскій.

К Ъ Н Е Й.

Давно я въ мѣрѣ безпріютномъ
 Бродилъ съ остылою душой,
 И даже въ счастіи минушномъ
 Обманушь бы. разсудокъ мой.
 Копца уныло, ожидая,

Я безопрадно въ даль глядѣлъ, —
 И къ жизни сей охладѣвая,
 Не жилъ, не думалъ, не хотѣлъ;
 Не въровалъ слѣпой судьбинѣ,
 Надежду въ вѣчностъ пошерялъ,
 И никакого по кончинѣ
 Существованья не желалъ.
 Ужь шайно Ангелъ мой хранитель
 О падшемъ слезы проливалъ —
 Но вдругъ опъ, Неба свѣплый жиптель,
 Въ швоемъ мнѣ образъ предсталъ! . . .
 Слеза его еще горѣла
 Въ швоихъ лазоревыхъ очахъ
 И сквозъ печаль ихъ пламенѣла
 Улыбка райская въ устахъ:
 Ко мнѣ опъ тихо прикоснулся
 Твоею легкою рукой —
 И, съ обновленною душой,
 Для новой жизни я прснулся!
 Его я голосу внималъ,
 Когда уста швои раскрылись;
 На зовъ швой чувства пребудились:
 Онъ въ душу чудно проникалъ!
 Теперь я сладоспъ жизни знаю!
 Хранитель-Ангелъ, ты со мной!
 Теперь живу, люблю, желаю
 И вѣрю жизни не земной. . . .

Ип. Подшиваловъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ — обычна пѣснь волковъ,
 Не рѣдко, плачь надгробный вдовъ.
 Мой слогъ *второй* приняшь повелѣваетъ
 Намъ вещь изъ рукъ шого, кто оной надѣляетъ.
 А *цѣлое* — духъ варварскихъ временъ,
 Который нынѣ въ насъ въ привычку обращенъ:
 Селенья, города мгновенно разрушаетъ,
 Заноситъ иногда свирѣпую чуму,
 И вѣчный врагъ снокойному уму.

М. Корниловъ.

Въ No 97 помѣщенный логогрифъ значить: *Monde*;
 въ немъ найдете вы слово: *mode*.

М О Д Е С.

On ne sait vraiment où s'arrêtera le luxe des peignes, et l'imagination des ouvriers qui les sculptent de mille manières. Ce ne sont plus des plaques d'écaïlle; ce sont des broderies à jour, tantôt dans le genre gothique, tantôt dans le genre régulier. Nous avons vu dernièrement un peigne qui avait coûté 800 francs.

Il y a des bizarreries, dont on ne saurait vraiment se rendre compte. Les dames font mettre dans les médaillons que portent leurs bracelets, les portraits des personnes, qui leur sont chères. C'est ainsi qu'on y voit les miniatures de leurs enfans, de leurs pères, de leurs mères, quelquefois de leurs maris. La femme d'un de nos artistes les plus célèbres, portait dernièrement, dans une brillante réunion à la campagne, les portraits fort bien peints de son chien et de son chat! . . .

La plupart des lorgnons sont à présent en écaïlle noire ou blonde. Ils sont suspendus à un large ruban noir.

Il fut un tems où l'on faisait graver son nom en énormes lettres sur les cartes de visites: aujourd'hui on est tombé dans l'excès tout contraire, on grave les cartes de visites en lettres tellement petites qu'il faut presque une loupe pour lire le nom de la personne de laquelle on reçoit, par les mains de son portier, un témoignage d'intérêt.

Les plus nouvelles tables rondes, que l'on place au milieu des salons, sont entourées de tiroirs portant chacun l'inscription de ce qu'il contient: pour écrire, pour peindre, pour broder, pour tapisserie, etc., et chacun se place devant et s'empare du tiroir approprié à ses goûts.

М О Д Ы.

Трудно рѣшить гдѣ остановится роскошь на гребни и воображеніе рѣзчиковъ, дѣлающихъ ихъ. Это не просто гладкіе черепаховые гребни, но прозрачное шипье, иногда въ гошическомъ вкусѣ, иногда съ правильными узорами. Мы недавно видѣли гребень, который заплаченъ 800 франковъ.

Если справности, въ которыхъ по испинѣ прудно опдашь себѣ опщеть. Дамы вспавляютъ въ медальоны, въ браслетахъ поршреты людей имъ близкихъ. Такимъ образомъ видимъ мы у нихъ мишиашюры ихъ дѣшей, опщевъ, машерей, иногда мужей. Недавно въ одномъ блиспательномъ собраніи за городомъ, у жены одного изъ извѣстныхъ нашихъ арписцовъ, были прекрасные написанные поршреты еѣ собаки и кошки!

Лорнешы, по большой части, обдѣлываютъ въ шѣмную или бѣлую черепаху и носятъ на черныхъ широкихъ лентахъ.

Нѣкогда на визитныхъ картахъ печатали имена свои огромными липерами; нынѣ же впали въ совершенно противоположную крайность: карты печатаютъ такими мелкими липерами, что надобно почти увеличительное стекло, чпобъ прочищашъ имя особы, которая вспоминала васъ, черезъ вашего Швейцара.

Самые новѣйшіе круглые столы, которые спавяптъ въ гостиныхъ, дѣлаются съ ящиками вокругъ, на каждомъ подписано что въ немъ находится: для письма, для рисованья, для вышиванья, для шипья по канвѣ, и проч.; всякой садится противъ ящика пригодноаго его заняціямъ.

С М Ъ С Б.

Въ Греціи болѣе сотни статуи было изъ слоновой кости и золапа выше человѣческаго роста, болѣею частію въ самое древнее время художества сдѣланныхъ.

Греки, изъ любви къ языку своему, опредѣляли къ дѣшамъ кормилицъ, которыя бы знали правильно и пріятно говорить на прирдноиъ ихъ языкѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 99.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 12 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Животныя живутъ какъ братья межъ собою;
Ни злата, ни чести не мучатся алчбою,
Ни гнусной завистью; у нихъ нѣтъ плъжебъ, ссоръ;
Другъ друга не тѣснятъ и всякому просторъ.
А мы? за горсть правы готовы некую! . . .
(Изъ 8-й сатиры Бопло.)

Аксаковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПЛОХО, ОЧЕНЬ ПЛОХО,

или

Третій томъ Исторіи Русскаго Народа.

«Здѣсь было бы ксѣпаши указать на явленіе, въ которомъ сосредоточено и въ высшей степенѣ напряженія обнаружилось ученое усиліе къ возсозданію національности: мы разумѣемъ Исторію Русскаго Народа.»

(См. рецензію на *Вестра Пастыльника Рудаго Панька*, помѣщенную въ 219-мъ № *Сѣверной Звѣзды*, съ отмѣнкою: сообщено.)

Когда случается слышать или читать, (особенно часто въспрѣчается въ *Телеграфѣ*), восклицаніе: *плохо, очень плохо*, то всегда приходилъ на мысли Исторія Русскаго Народа, нынѣ доведенная до шрехъ цомовъ Г. *Полевыхъ*, которую въроятно онъ самъ почитаетъ ученымъ усиліемъ къ возсозданію національности, и которая всѣмъ истинно-ученымъ и образованнымъ читателямъ кажется плохой попыткою самодовольствія. Приведемъ ясныя доказательства:

Нѣчто о Половцахъ.

Томъ 3-й стр. 13-я. «Серпъ судебъ пожиналъ дикихъ обитателей Приволжскихъ и Придонскихъ: въ собственныхъ междуусобіяхъ, и въ войнахъ Руссовъ, гибли *Половцы*: опъ нихъ и опъ другихъ народовъ оспавались только *мелкія стѣмена* новыхъ поколѣній; очищалось обширное поприще *гелу-то грозному, гелу-то страшному, темнѣйшему въ дали степей восточныхъ.*»

Прошу замѣнить, что опъ *Половцовъ* оспавались только *мѣлкія стѣмена*. Такъ говоримъ самозванцы! Историкъ, приготовляясь къ описанію періода Удѣловъ, до насеспвія Татарь.

Но что же найдемъ въ слѣдъ за симъ въ его Исторіи?

«Безпреспанные походы на Половцевъ (стр. 47), ихъ побиваютъ, берутъ въ плѣнъ, а все Половцы являющся.» — Г. *Полевой* забылъ слова свои, что опъ нихъ оспавались только *мелкія стѣмена*. На стр. 127, у него снова *многочисленныя полчища Половецкія*, у нихъ забрали множество плѣнныхъ, *однихъ плѣнныхъ Князей Половецкихъ* насчитали болѣе *четырехъ сотъ*.

Каковъ же народъ, когда въ мелкихъ сѣменахъ оспавалось у него болѣе чепырехъ сонъ Князей! Вошь вамъ и Исторія!

Этого мало: «послѣ сего (на сѣвр. 173) Половцы еще опусушошають Грецію, а Князь Романъ опусушошалъ земли Половецкїя. Изгоняемые, поражаемые всюду, Половцы еще болѣе гибли опть жестокой зимы.»

Казалось полно бы съ Половцевъ, у коихъ прежде взяли въ плѣнь чепырестна Князей, и опть коихъ, какъ сказано выше — оспавались *мелкїя сѣмена*: вѣшь, (на сѣвр. 174) «еще являешся множесство Половцевъ; оеаждають и сожитають Кїевъ, древній, преспольный градъ.»

Да опкуда же взялись эти Половцы? Видно, что не мелкїя сѣмена оспавались опть нихъ; а если такъ, то что же за Историю выдаешъ намъ Г. *Полевой*? — Плохо, оченъ плохо!

(Продолженіе будетъ.)

НА СВѢТЪ ДИВНЫЯ БЫВАЮТЪ ПРИКЛЮЧЕНЬЯ.

Покойный мой прадедъ не перпѣлъ праздноши, манери вѣхъ пороковъ, по увѣренію нашихъ азбукъ, прописей и золотого зеркала дѣшей. Во избѣжаніе ея, досталъ онъ орлиное перо, копорымъ немилосердо билъ мухъ, опшь нечего дѣлать; пока лихорадка его самого не забила, также опть нечего дѣлать. Думалъ ль орель, что опважное перо, служившее ему орудіемъ къ достиженію небесной вышпы, будетъ обращено на пагубу ничтожныхъ насѣкомыхъ?

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!

При восшествїи на престолъ несчастнаго Лудовика XVI, привѣспвенную рѣчь говорилъ ему юноша прїятной наружности; стихи его были прогаметны, какъ опголосокъ чистаго сердца. Король пожалъ ему руку, и въ знакъ своего благоволенїя надѣлъ на его палець драгоцѣнный перспень; умиленный юноша заплакалъ!... а юноша сей былъ — чудовище Робеспьеръ!..

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!

Одинъ Философъ подавился пшеничнымъ зерномъ. Бѣдный Философъ! онъ былъ хуже моей песнрой курицы, копорая глотаешъ (въ добрый часъ будь молвлено! чтообъ не еглазипъ) сонпями пшеничныя зерна. Скажите мнѣ, спопитъ ли пруда углубляться въ таинства природы, не спать, не пить, не вѣсть, однимъ словомъ: жерпшовать вѣми благами жизни — для того, чтообъ подавиться пшеничнымъ зерномъ?

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!

Наполеонъ, безъ шубы, безъ сапоговъ, вздумалъ зимою прогуливаться по сѣверу; долго ѣжился, кряпѣлъ, и кое какъ согрѣвался властолюбіемъ. Но вышелъ наконецъ изъ перпѣвїя, и поджегъ нашу спарушку Москву, для того, чтообъ по-опогрѣться. Москва сторѣла; оспался одинъ пепель; бѣдные Нѣмцы, копорыхъ онъ по-неволю зашацилъ съ собою, сначала находили въ эптомъ пеплѣ нѣсколко искорокъ для своихъ прубокъ; но послѣ и ихъ не спало, а морозъ шрощипъ пуце прежняго! Надменный завоеватель опдалъ бы всю свою казну за медвѣжью шубу, а медвѣдъ пожерпшовалъ бы вѣми завоеванїями Наполеона, лишь бы только не поперяшь своей родовой шкуры... что дѣлать?

Каждое существо есть необходимое звѣно въ цѣпи шворенїя, и правдивый рокъ не захотѣлъ на сей разъ обидѣть медвѣдѣ; Наполеонова армія примерзла къ Русской землѣ, и я, каждый разъ глядя на муху заочепѣлую въ Окпльбрѣ, — вспоминаю того великаго, копорый спитъ иненерь на пустынномъ оспировѣ.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!

Одна благочестивая спарушка пятъдесяти лѣтъ прожила добропорядочно; но на пятъдесяти первомъ году опъ рожденїя внесла спраховую пошлину земнымъ спрасшикамъ, и влюбилась въ одного молодого повѣсу; вкружила ему голову своей любезноспїю; очаровала его своими прелесспями! и нако-

нецъ (что всего лучше!), вышла за мужъ, и уплатила всѣ его долги; годъ жила съ нимъ какъ нельзя лучше, но послѣ... измѣнила ему!.. А дуракъ заспѣшился!..

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенія!

*

Два друга за бакаломъ Шампанскаго какъ-то повздорили, и слово за слово, дошли до ручнаго объясненія. Чтобы не сдѣлать синихъ пятенъ на лицѣ, они рѣшились на волюсную попасовку, и съ общаго согласія дружно привялись за исполненіе своего проекта. Долго лептели клочки русыхъ и черныхъ волосъ (одинъ былъ блондинъ, а другой брюнетъ); какъ вдругъ первый богатырь рванулъ что было мочи — сорвалъ парикъ съ своего соперника — и съ досады на неравный бой началъ драсть усыновленные волосы, между тѣмъ какъ второй управлялся съ его родовыми кудрями. — Наконецъ они успали, сердца охладѣли, руки опушились, старая дружба возвратила свои права, и Орестъ и Пилладъ поцѣловались. Но что же? — Одинъ долго жалѣлъ о своемъ парикѣ, а другой хоть бы вздохнулъ о своихъ волосахъ!

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенія!

Житель Парголова.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ СВѢТСКАГО СЛОВАРЯ.

Болтливость. Наслѣдственный удѣлъ въ которыхъ женщинъ, который не рѣдко захватываютъ и мужчины — Труба невѣжества. — Личина глупости.

Толкователь. Дополненіе, необходимое для многихъ новѣйшихъ сочиненій.

Непріятный. Старый мужъ для молодой жены; ревнивый любовникъ для вѣпреницы; человекъ съ глубокими свѣдѣніями для большей части свѣтскихъ ученыхъ.

Два. Безконечное число всѣхъ возможныхъ блаженствъ на землѣ.

Извиненіе. Губка, которою честный человекъ спарается списать вину свою.

Примѣры. Безконечный лабиринтъ дорогъ, изъ которыхъ трудно выбрать прямую.

Откровенность. Дѣвушка, подобно рыцарю Баярду, безъ страха и укоризны, къ которой однакожъ свѣтскіе люди не смѣютъ приближаться. — Доброутѣль, неизвѣстная большей части писателей, которые развѣ тогда приближаются къ ней, когда прославляя свои дарованія.

Слола. Любезность большей части кокетокъ. — Деньги въ рукахъ скряги.

Наслѣдство. Способъ жизни, заимствованный отъ смерти.

Человѣкъ. Прекрасный предметъ, который, подобно многимъ другимъ, часто употребляется во зло.

Пристройка. Надзоръ за молодою дѣвушкою, имѣющею любовника — Картина благопріятельности въ глазахъ скунца. — Сашира — на глупцевъ.

Церъшителный. Родъ машины, которая дѣйствуетъ по произволу вѣтра.

Чванство. Водяная болѣзнь самолюбія.

Отказъ по завѣщанію. Черта щедрости того, кто ничего болѣе не можешь дать. — Благопріятельность, свойственная себелюбцамъ, которые дѣлаютъ добро только по смерти своей.

Но. Риморическая фигура, называемая: *улолганіе*, которою злословіе искусно пользуетъ послѣ распоченныхъ имъ похвалъ.

Наблюдетель. Пошаенный фонарь, который освѣщаетъ одни только недоспавшіе предметы.

Ода. Чугунная печь, которая грѣетъ только, но не раскалится, и которую многіе спиховорцы спараютъ разогрѣвъ холодомъ.

Праздность. Заемъ смерти.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БЕСѢДА ЛЮБИМЦЕВЪ И БОЯРЪ ЮАННА ГРОЗНАГО.

Отрывокъ изъ Историческаго Романа: Князь Курбскій ().*

— Въ лѣто 7068-е, отъ сотворенія міра, Царь Государь подарилъ своего шуца, Ва-

(*) Долгомъ представляемъ замѣтить, что и малѣйшія подробности въ семъ отрывкѣ, на примѣръ, ошвыдъ Грязнаго о зайцѣ, и проч. суть историческія.

силы *Грязного* золотымъ колпакомъ, а въ бѣ-е льпо, на своей Царской радости, не пожалуешь ли его большимъ круглякомъ?

Грязной указывалъ на золотую медаль, которая была оплечьемъ знаменитыхъ Воеводъ.

«Пожалуй его *Басмановъ*!» сказалъ Царь, и молодой любимецъ, оптадывая мысль *Иоанна*, ударилъ *Грязнова*; шупъ перевернулся на землѣ нѣсколько разъ, при громкомъ смѣхъ Бояръ.

«Ну *Грязной*, доволенъ ли жалованьемъ?» спросилъ *Иоаннъ*.

Челомъ бью на милости, ливнѣ бы полько не подчивалъ меня, какъ Нѣмецкихъ Пословъ. Охъ, вошь ужъ было худое по подчиванье!

«А что, развѣ они не весело шировали?» сказалъ смѣясь *Иоаннъ*.

Самъ знаешь Государь, прислуги было много, блюды еще больше, а все пустые.

—Ужъ какъ ни честили дорогихъ госпей, молвилъ съ усмѣшкою Князь Владиміръ Андрѣевичъ, а что и честь, когда нечего ѣсть? —

Такъ, сказалъ Князь Юрій Васильевичъ.

Нѣмцы пыхтели, краснѣли, блѣднѣли, продолжалъ скороговоркой *Грязной*, а я-по ихъ запрашивалъ кушати!

«Какъ Эзопова лисица журавля, сказалъ *Иоаннъ*; а ты бы примолвилъ имъ по Нѣмцки: за пустое пустымъ и плащати! Они плещдѣсятъ льпѣ не присылали дани, а прислали Пословъ.»

И Послы ихъ были сполько же довольны пвоимъ Царскимъ подчиваньемъ, какъ ты ошь нихъ данью, молвилъ съ важностію Князь *Мстиславскій*.

По дѣламъ Нѣмцамъ, замѣнилъ сидѣвшій подлѣ него большой *Шереметьевъ*. Землю богаты, а силою ерудны, за то уже и горды. . . .

А гордымъ прошивишся Богъ! примолвилъ *Левкій*.

Правда, сказалъ Князь Юрій Васильевичъ.

—Вѣ ихъ Рыцари ходитъ, какъ Князь въ свѣшмой одеждѣ, продолжалъ Князь *Мстиславскій*, а жены въ храмъ Божій безъ апласнаго плащя нейдушъ.—

Лучше было бы, возразилъ Князь Александръ *Горбатой*, еслибъ свѣтлаго плащя не надѣ-

вали, да въ великую Пяпвицу перемирія не нарушали.

—По нашему обычаю, кшо слову измѣнитъ, да будетъ спѣдно! молвилъ *Репнинъ*. За помы не Нѣмцы, а святая Русь!—

Да, святая Русь, перебилъ *Грязной*, а спрося-ка кшо спроитъ намъ соборы, анъ все Нѣмцы! по *Аристотель*, по *Алевино*! . . .

—Они изъ Италіанской земли, прервалъ Князь Владиміръ Андрѣевичъ.—

А мнѣ все равно, возразилъ *Грязной*, домовый ли, льпій ли, все пошь же чортъ.

Такъ! сказалъ Князь Юрій Васильевичъ.

«Решинъ ли, Шереметьевъ ли, все Адашевцы;» молвилъ *Левкій* на ухо *Басманову*, а пошь повпюрилъ поже на ухо *Иоанну*.

Богъ и слѣпыхъ умудраетъ! сказалъ Князь *Гортецкій*; Нѣмецъ же выпроилъ Покровскій соборъ, а что его красивѣе?

—«Малыя головы прижались къ большой средней, какъ дѣти къ матери;» — сказалъ Князь *Мстиславскій*.

Какъ мы пвои богомольцы около тебя, Государь, молвилъ *Левкій* *Иоанну*.

«Онъ и поспроетъ мною въ память взлпн Казани, отвѣчалъ *Иоаннъ*, гдѣ были со мною мои храбрые. . . .» Тупъ онъ смѣшался, и оспановился.

Вольно тебѣ Государь было, подхватилъ *Грязной*, не взлпн меня подъ Казань, я дѣло бы справилъ не хуже другихъ, чебурахнулъ бы хопъ какого великана!

—«Какъ *Курбскій*, *Гатарина* *Яичуру*?» — спросилъ *Репнинъ*.

Не о поганыхъ рѣчь, прошепталъ *Левкій*.

—Не тебѣ *Грязной* говорить о Курбскомъ, замѣнилъ Князь Александръ *Горбатой*; вспомни, что *Курбскій*—оберегашель нашей земли Свято-Русской.—

«Да, сказалъ вешушавшисъ *Левкій*, медвѣдъ оберегаешъ медовыя улья, полько уцѣлешъ ли медъ?»

Этого медвѣдъ давно бы пора въ звѣринецъ! молвилъ небрежно *Басмановъ*.

—Не юродствуй *Басмановъ*, сказалъ Князь *Горбатой*.—

«Не думаешь ли, что я Салось юродивый?» спросилъ гордо Царской любимецъ.

Салось юродствуешь для спасенія, а ты для кубка. . .

«Князь *Горбатый!*» вскричалъ *Иоаннь*: «кому говоришь ты, и въ чемъ присудствіи?»

Государь! онъ молодой *Басмановъ*, а я спарой Болринъ думы пвоей, попомокъ Князей Суздальскихъ.

«Князь *Горбатый*, я тебя выпрямлю!» молвилъ Царь гнѣвно.

Всѣ Адашевцы, какъ борзые заходили на цѣпяхъ, шепнуль *Левкій* Басманову.

«Я знаю, что и здѣсь, сказалъ громко *Иоаннь*, много единомышленныхъ съ Адашевыми и Курбскимъ, знаю и молчу. Дорого мнѣ спояшь оберегашели земли Русской!»

Дивисься имъ нечего, сказалъ *Левкій*, они бради не силою, а волшебствомъ.

«*Курбскій* бралъ грудью, сказалъ *Иоаннь*, но не знаю, какъ смиришь его упорство и самоволіе.»

Что долго думатьъ Государь? сказалъ *Грязной*, произведи его изъ Поповъ въ Діаконы, зашли его куда вибудь, какъ *Адашева* въ Воеводы Вельянскіе; на долю *Курбскаго* сыщепля разоренный городишка; пусть себѣ воеводствуешь шамъ попомокъ Князей Ярославскихъ!

«Умень ты шупь *Грязной*, сказалъ *Иоаннь*, за эшо я велю тебя провезти по городу, въ поржеешвѣ, на быкъ, съ рогами золочеными.»

Завеличается онъ, Государь! молвилъ *Левкій*, наливая чашу меду.

А тебѣ завидно глядѣшь? спросилъ *Грязной*.

Что мнѣ завидовать, сказалъ *Левкій*, смория на льсь, самъ не выроснешь; поздравляю съ почеспію! сказалъ онъ допивал кубокъ.

Пить, такъ пить! говорилъ *Грязной*, пошягивая вино изъ серебряной енды, и перодавая ее другимъ сидящимъ; веселая бесѣда на радосни день!

«Когда выпрезвишься, поѣжай завтра со мной на охоту,» сказалъ *Иоаннь*.

Эхъ! мнѣ ужъ, Государь, чистое-шо поле наскучило! Бывало скачешь на конѣ, посвистываешь: добрый мой конь, бурочка, ко-смащочка, шроселощочка! а земля такъ и бѣ-

жишь подъ шобой; бывало, Государь, завидишь, лецишь орелъ, пуспилъ стрѣлу, взвыла да пошла каленая, угодила стрѣла орла на лешу! а зайца-ль править. . .

—«Полно ты зайць!»—сказалъ покинувъ свой кубокъ полстоголосой *Малюта-Скуратовъ*: «ты и въ полѣ ничего не наѣзживалъ, не слѣдилъ звѣря бѣгучаго, не видалъ ппицы перелетной.»—

Видалъ соколовъ почище тебя, опшвѣчалъ *Грязной*.

«Молчи ты зайць *Грязной!*» сказалъ шупя *Иоаннь*.

Зайць не укусишь, Государь, ни одной собаки, опшвѣчалъ *Грязной*, а я закусаю не одного *Скуратова!*

«За эшо я велю тебя запоишь медомъ на смерть,» молвилъ *Иоаннь*.

Смерти не боюсь, Государь, а боюсь пвоей Царской опалы, въ меду же — медовая смерть!

Иоаннь усмѣхнулся, посмотрѣлъ на *Грязнова* и на большую серебряную бочку, какъ будно измѣрялъ ее глазами, нельзя ли со временемъ бѣдешъ исполнишь его желаніе.

Между пѣмъ кубки не переспавали ходишь вокругъ стола при благословеніи *Левкія*; разговоръ коснулся службы Боярскихъ дѣпей.

—Государь, сказалъ *Левкій*, пусть Боярамъ служащъ дѣпи Боярскіе на *земщину*, а ты, *опричь того*, учреди для себя Царскую спражу, оберегаешь пвое дражайшее здравіе!—

Да изъ кого же выбрать? спросилъ *Грязной*, небось изъ монаховъ?

—А развѣ благочеспивому Царю не прилично окружанъ себя Ангельскими чинами? Такъ, Государь, въ пѣлохранишеляхъ пвоихъ долженъ бытъ Ангельскій чинъ. —

Хорошо, сказалъ Князь Юрій Васильевичъ.

Нѣтъ, прока въ постникахъ мало, возразилъ *Грязной*.

Надежиѣ бѣдешъ, прибавилъ громко *Скуратовъ*, когда выбрать удальца къ удальцу, чшобъ было взглянуть на кого, и посшояшь за Царя Государя!

Правда, сказалъ Князь Юрій Васильевичъ.

«Я соглашу тебя съ *Левкіемъ*, сказалъ *Иоаннь* *Скурашову*, выберу удалыхъ, и облеку ихъ въ чинъ Ангельскій.»

—Пусть никому не служатъ *опричь тебя*,
молвилъ *Левкій*, и назови ихъ *опричниками*,
а самъ будь нашимъ *Игуменомъ!* Воздержаніи,
Государь, опъ себя не пребуемъ; довольно
твоего благочестія, шы благочестивъ и ми-
лостивъ, шаковъ, какъ поется пѣсня про
Князя Ивана Даниловича. При сихъ словахъ,
Левкій, постукивалъ кубкомъ, зашѣлъ:

А какъ было-то, въ Москвѣ бѣлокаменной,
При Князѣ Иванѣ Даниловичѣ,
Зачинался тогда Успенскій Соборъ,
На зачинѣ былъ—самъ бапюшка Великій Князь,
Видитъ много онъ бѣдныхъ по улицамъ,
Спало жаль ему, жаль пищии брашніи,
Государь нашъ Князь въ руку посохъ взялъ,
Государь нашъ Князь — *Калиту* подвизалъ,
Намѣчалъ онъ кораблейчиковъ
Все на денежки, на серебряныя,
Одѣлалъ всѣхъ бѣдныхъ полушечкой,
А иному далъ — и по денежкѣ.
Съ той поры его — *Калитой* прозвали,
И Богъ взялъ *Калиту*, на небесъ высоту!»

Левкій, окончивъ пѣсню, снявъ клобукъ,
поклонился.

«Ну, что ты распѣлся? сказалъ ласково
Іоаннъ, попросилъ бы лучше *Басманова!*» —

—На швое рожденье, Государь, я попѣшу
тебя пѣснейю, сказалъ *Федоръ Басмановъ*, и
зашѣлъ:

Высоталь, высота поднебесная,
Глубиналь, глубина Океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ;
Чтожь земля всколебалася?
Сине море всколыхалось?
Всколебалась земля Русская,
Всколыхалось море синее,
Для рожденья свѣшлю-Княжева,
Государя Ивана Васильевича,
Рыбы нырнули въ рѣки глубину.

А вы кричите, сказалъ *Басмановъ* весе-
лымъ гостямъ:

Рыбы! рыбы! рыбы!

И сіи слова — повторились въ шумномъ со-
браніи пирующихъ.

Пшцы полетѣли высоко въ небеса...

И всѣ, съ громкимъ хохотомъ, повторили:
птицы! птицы! птицы! махая руками.

Туры да олени за горы ушли...

— И Болре, закричавъ: *туры да олени*, по-
бѣжали въ слѣдъ за *Басмановымъ*, спотыка-
ясь кругомъ сполоа. Смѣхъ раздавался въ па-
лашѣ. *Басмановъ*, возвращаясь на свое мѣсто,
продолжалъ пѣшь:

Князь нашъ распеть не по дямъ, по часамъ,
Онъ говоритъ своей мапушкѣ:
Не пеленай меня мапушка,
Въ пелену, поясъ шелковый,
Пеленай Государыня,
Въ крѣпки лапы, булашныя!
Дай на голову — шлемъ золопой!
Въ праву руку дай палицу,
Тяжку палицу свинцовую;
Я возьму Царство Казанское,
Завоюю Астраханское,
Завлажду Сибирскимъ я,
Три короны — къ тебѣ принесу.

Складъ лучше пѣсни, замѣнилъ Князь Юрій
Васильевичъ.

Поцѣлуй *Басманова*, сказалъ *Левкій* *Іоан-*
ну, какъ я цѣлую его. Онъ поетъ --- какъ
красная дѣвица.

У меня голова кружится, Государь, а по-
я бы снѣлъ, сказалъ изнѣженный любимецъ.

«Голова кружится, лягъ отдохнуй», ска-
залъ милостиво Царь, удерживая его за руку.

Басмановъ улыбнулся, и склонился головою
на плечо *Іоанна*.

Между шѣмъ шупъ *Грязной* хвалился, что
скоро будетъ Воеводою.

Горе Воевода! сказалъ *Мстиславскій*.

Не хвались Воеводствомъ, а хвались до-
родствомъ; примолвилъ *Малюта-Скуратовъ*.

Мстиславскій молелъ, а я не просилъ,
говорилъ *Грязной*; величается онъ, что Во-
евода *большаго полка*, а и Воевода *большаго*
ковша, шакъ посмопримъ, кшо когѣ одо-
лветъ?

На чемъ же объявить бой, на копьяхъ, цѣпо-
ли? спросилъ *Мстиславскій*.

На чаркахъ, и кто опеспанеть, потъ ползай сквозь иглиное ухо.

Царь смѣлся, и *Малюта-Скуратовъ*, взявъ съ серебрянаго блюда чрезвычайной величины, покатилъ ее къ Грязному, закричавъ: ѣшь за то, что весело шумишь.

Вошь хорошо, сказала *Грязной*, показывалась обиженнымъ, брось еще камень; другое дѣло, еслибъ пы подвинулъ ко мнѣ спону меду, и сказалъ: пей за то, что весело шумишь.

Иоаннъ велѣлъ подавъ Кравчму золотой кувшинъ съ вишневымъ медомъ, налилъ серебряную спону, и вдругъ опрокинулъ на Грязнова.

«Пей за то, что весело шумишь,» сказалъ онъ, и шумный хохотъ раздался; алый медъ полился ручьями съ головы *Грязнаго* на бѣлую скамерть.

Такъ забавлялся *Иоаннъ* съ новыми своими любимцами. Шутки сіи были для нихъ знакомъ милости, а для добрыхъ Болръ предвѣстіемъ бѣдствій. Никто уже не осмѣливался говорить съ ошкороенностію *Адашева* и *Силвестра* о неприличіи подобныхъ явленій, но вѣрные сыны Отечества не могли веселиться, и печально популяди взоры въ землю. Между ними находящся: знаменищій *Воротынский*, благопворитель народа Иванъ *Щереметьевъ*, прямодушній *Репинъ*. Они предчувствовали, что подобныя пиршества увлекутъ Иоанна въ бездну пороковъ, и можеть быти — послужають къ гибели безразсудныхъ, веселящихъ Царя — недостойными пушками.

Б. Федоровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОМАНСЪ.

(Переводъ.)

Востокъ крашеень за горою,
Съдай мнѣ чалаго коня!
Любовь, любовь зоветь меня! . . .
Когда бъ мнѣ, упренней порою,
Еще у милой побывать;
Еще одно: «проси!» скавати!

Дай шарфъ, Рансой подаренный,
Ея слезами орошенный:
Въ болахъ, въ шурнирь—онъ мой щипъ!
Когда жъ судьба моя сразипгъ,
Когда навѣкъ разстанусь съ милой,
Пусть вѣетъ надъ моей могилкой!

*

Весна съ дубравными пѣвцами
Сошла волшебницей съ небесъ;
Помолодѣлъ пагорный лѣсъ;
Касапки выюлся надъ зубцами;
И все, толпой въ волшебный плѣтъ,
Живеть и дышетъ наслажденьемъ;
Лишь я, судьбы моей велѣнемъ,
Бѣгу опъ сихъ зубчатыхъ степъ!

*

Лобзался вѣжно вѣперками,
Я стану думать, что я съ ней,
Ея лобзаюся успами . . .
Но споны горести моей
Пошлю я къ милой съ спономъ бурп.
Гдѣ конь, мой конь? ужъ день въ лазурп!
Насъ ждуть, летунъ! пора летѣть
Проспнаться съ ней—и умереть!

*

«Не плачь, о другъ мой ненамной!
Какъ быти? Не намъ владыцъ судьбой:
Есть вѣчный мѣръ—за жизнью бреной,
Тамъ, тамъ, мы свидимся съ побой.
Не унывай! . . . я буду славень!
Вошь плепень изъ пвонхъ власовъ,
Вошь шарфъ! опъ мой! съ нимъ кто мнѣ равенъ?
Прости!» . . . И ужъ не слышно словъ! . . .

О. Глико.

ПРЕДЪ МАДОИНОЮ РАФАЭЛЯ.

Изъ Кёрпера.

(Посвящаю милой сестрѣ моей М. Г. Грёммъ).

Долго я споллъ передъ симъ ликомъ,
Дниов со мною совершилось,
Небо взорамъ смершнаго открылось,
И мои все узы спали мномъ!
Горе тѣмъ, кто здѣсь не узрипъ Бога,
Предъ Святыней не преклонипъ вын,

Кто въ чертахъ пророческихъ Маріи
Не пойметъ любви, Небесъ залогъ.

Святъ, Святъ, Святъ! взгремѣло въ долахъ
горнихъ,
Ангелы низринулись, и хоръ ихъ
Господа невесту окружилъ.

Райская опиверзлась духу сѣра,
И воскресла тѣмъ любовь и вѣра,
Кто на ликъ взглядъ чистый устремилъ.

Пер. И. Покровский.

Е N I G M E.

Lorsque la nature sommeille
On voit paraître mes beautés;
Aux champs que le jour a quitté,
Je suis la petite merveille.
Mon éclat n'est point empruntée;
Sur la terre je suis un astre
Qui ne prédit aucun désastre.
De me saisir on est tentée.
Ma lumière croît, diminue;
Souvent, quand on veut m'approcher,
Je sais me cacher à la vue,
Et l'on ne sais où me chercher.

Въ No 98, помѣщенная шарада значить: *Война*.

M O D E S.

A cent pas de Tortoni on sent déjà la fumée du cigare, indispensable accompagnement des hommes élégans. Le cigare est devenu un besoin, une manie, une mode, un cachet de *fashionabilité*, dont on ne peut se dessaisir. Ce qui eût été une cause de réprobation, il y a quelques années, est devenu le type de la bonne compagnie; le cigare est passé des estaminets aux cafés, des cafés aux promenades; de là aux salons il n'y a qu'un degré, et, si la progression continue, nous verrons bientôt la fumée du tabac succéder dans les boudoirs aux encens des cassolettes. Ainsi changent le monde et les choses; ainsi naissent et

s'effacent les préjugés; ainsi verrons-nous, peut-être, bientôt les lèvres de nos plus élégantes Parisiennes presser les *cigarettes* avec autant de grâce et de plaisir que si c'eût été une pastille de rose ou une boucle de cheveux de leur enfant. Les Espagnoles le font, et l'on sait si les Espagnoles savent plaire et séduire! témoin certain chapitre du *Don Juan*, si chaleureusement décrit par lord Byron. Ne nous effrayons donc point de cette nouvelle innovation dans nos mœurs, et trouvons charmans tous ces jeunes gens qui s'offrent des cigares tout comme les vieux preneurs de tabac s'offrent une *prise*. Ce sera encore une exploitation pour le commerce.

М О Д Ы.

За сто шаговъ не доходя Тортона, слышанъ уже запахъ сигарокъ. Сигарки необходимы!— Въ ихъ пользу страсть, мода, клеймо большова Свѣна; безъ нихъ нельзя обойтись. Чдо за нѣсколько лѣтъ предъ сѣмъ было бы весьма предосудительно: шеперь введено въ хорошее общество. Сигарки перешли изъ мѣстъ, гдѣ собиралась чернь въ кофейные дома, изъ кофейныхъ домовъ на гулянья, опшуда въ госпиныя... еще одинъ шагъ— и если поспешенность сія продолжится: то скоро въ будуарахъ табачный дымъ замѣнитъ ароматы курильницъ. Такъ измѣняются Свѣпъ и вещи; такъ рождаются и исчезаютъ предрасудки; такъ увидимъ, можетъ быть скоро, нашихъ щеголеватыхъ Парижанокъ, держащихъ въ усяпахъ своихъ сигаретки, точно съ такою же ловкостію и удовольствіемъ, какъ розовую лепѣшечку или локонъ волосъ своего дилляни. Испанки курятъ сигарки, а всякой знаетъ, какъ Испанки умѣютъ нравиться и прельщать. Это доказаль въ Донъ-Жуанъ Лордъ Байронъ съ такимъ жаромъ. Не надобно бояться сего нововведенія, и находить прелестными ихъ модныхъ молодцовъ, которые подчиваютъ другъ друга сигарками, какъ прежде подчивали нюхашельнымъ табакомъ. Это новля отрасль промышленности.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 100.

Цѣна годовому издаванію, состоящему изъ 104 №. съ 24-хъ каршинами модъ, въ С. П. б. 50, съ доставкой и пересылкою 85 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 16 ДНЯ, 1851 ГОДА.

..... Я колокъ, можешь спастись;
Но можноль говорить о глупости слегка?
По крайней мѣрѣ мнѣ все спосибѣ дурака.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИЗДЕРЖКА ЖИЗНИ.

А... былъ богатый дворянинъ, воспитанный для того, чтобы ничего не дѣлать. Онъ не зналъ, какъ лучше убивать время; не привыкъ къ обыкновеннымъ занятіямъ въ обществѣ, а къ умственной работѣ еще меньше. Десять часовъ въ сутки обыкновенно посвящалъ онъ сну, сверхъ того два или три часа отдыхалъ на мягкомъ диванѣ послѣ обѣда, и столько же времени отдавалъ Ваху, пируя по вечерамъ съ искренними друзьями. Оспальные пять или шесть часовъ проводилъ онъ въ совершенномъ бездѣльи. Главнымъ занятіемъ его было устраивать пиры, и писать воображеніе свое ожиданіемъ обѣда или ужина, не потому, чтобы онъ былъ записной обжора, или человекъ исключительно посвятившій себя удовольствіямъ стола, но потому, что не умѣлъ избрать лучшаго занятія и мысли его никогда не простирались далѣе кухни. Такъ прошли десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался онъ владѣльцемъ опцовскаго наслѣдія. Слѣдуя превращеннымъ понятіямъ нашего времени, его считали добродѣтельнымъ человекомъ: ибо рѣдко видали его пьянымъ, а онъ не слишкомъ предавался разврату.

Въ одинъ вечеръ, когда онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, мысли его получили новое направленіе: онъ размышлялъ о прошедшемъ и дѣлалъ повѣрку жизни своей. Ему предсказалось, что значительное число живыхъ тварей пожертвовало собою для насыщенія его особы, и что сверхъ того онъ потребилъ чрезвычайное количество хлѣба и вина. Не совсѣмъ еще забывъ первыя правила Ариѳметики, выученныя имъ въ дѣтствѣ, онъ началъ исчислять все то, что съѣдено и выпито имъ съ того времени, до тѣхъ поръ, когда онъ вошелъ въ лѣта зрѣлости.

«Каждую недѣлю, говорилъ онъ самъ себѣ, около дюжины пернатыхъ разнаго рода плясать своею жизнію для поддержанія жизни моей персоны; это составитъ въ 10 лѣтъ, на худой конецъ, шесть тысячъ штукъ живности.

«Съ полсотни барановъ и столько же головъ рогатаго скота пригоняется въ годъ на закланіе, для доставленія жирнаго бифшпекса къ моему столу. Слѣдовательно, въ десять лѣтъ спада уменьшились тысячами скотинами для моего пропитанія; не считая съѣденной мною дичи: это мелочь! Нѣсколько сотъ большихъ рыбъ и нѣсколько

тысячъ мѣлкой рыбы пожертвовали жизнию для наслажденія моего желудка.

«Изъ четверти пшеницы едва ли выдепть сполько пудъ крупичапой мѣки, сколько нужно мнѣ на мѣсячную пропорцію. Прибавте къ тому 365 бупылокъ въ круглый годъ пива, вина и другихъ напитковъ, кошорые поглочены моимъ желудкомъ, симъ огромнымъ анбаромъ шакого множества снѣдей и пишья.

«Что же я сдѣлалъ во все это время для Бога и людей? Какое изобиліе благъ для существа недостойнаго, для жизни бесполезной! Изъ всѣхъ пощребленныхъ мною живошныхъ, самое малѣйшее выполнидо лучше меня цѣль, для кошорой оно создано. Они назначены пишать собою человекъ и сдѣлали свое дѣло. Каждое черепоконное, каждая усприца, каждое зерно хлѣба, мною съѣденное, съ бѣльшею опчепливостью занимали свои мѣсна на лѣстницѣ шворенія, нежели я. О поспыдная жизнь!»

А... продолжалъ разбирашь свои поступки съ шакою спрогостію, и сполько убѣжденъ былъ въ справедливости своихъ замѣчаній, что рѣшилсѣ перемѣнить свой образъ жизни, разорвалъ всѣ связи съ ложными друзьями, и завести полезное знакомство, хоня онъ испрачивалъ уже шретій десятокъ лѣтъ. Онъ провелъ оспальную жизнь, какъ прилично честному человекъу и доброму Христіанину; спаралсѣ въ частномъ быту бышь полезенъ ближнему, а въ государствѣ бышь вѣрнымъ сыномъ отечества. Онъ умеръ съ споконною совѣстію и сограждане почтили память его слезами.

Свѣптъ, знавшій очень хорошо исторію всей его жизни, былъ удивленъ шакою перемѣною, и обращеніе его почипалъ чудомъ. Что до него, онъ благословлялъ Промыслъ Всешыннаго и благодарилъ его за шо, что онъ помогъ ему изъ скоша сдѣлалсѣ человекомъ.

Но шакие примѣры чрезвычайно рѣдки; ихъ можно почти названъ *гудомъ*. Сколько найдется въ нашемъ испорченномъ вѣкѣ молодежи обоого пола, кои губяптъ всю жизнь, не обращая взора на прошедшее, и не думая бышь полезными для другихъ!

Вспрѣчая людей подобнаго разбора, я невольню привожу себѣ на память слѣдующіе стихи Горація:

Nos numerus sumus et fruges consumere nati.

..... Alcinoique . . . juvenus

Cui pulchrum fuit in medios dormire dies.

(*Ep. 2. L. 1.*)

Въ шакихъ же случаяхъ, я припоминаю другія изреченія сего языческаго стихотворца; одно изъ нихъ находилсѣ въ первой сапирѣ, а другое въ первомъ посланіи: въ нихъ изображается жизнь какъ бы порою чувственныхъ удовольствій.

... Exacto contentus tempore vitae

Cedat uti conviva satur. . . .

Lusisti satis, edisti satis, atque bibisti,

Tempus abire tibi.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРИГЪ НА РѢКѢ ГАНГЪ.

«Завтра на разсвѣтѣ должно бышь все изготвлено къ опплытію.»

Невольникъ удаллсѣ и направилъ шагъ къ бригу, спольшему въ гавани, чтобы исполнишь волю своего повелителя.

Эпидемія угрожала роскошному городу Калькушѣ, испочнику богатства и счастья Англійскихъ купцовъ, Калькушѣ, кошорая служилъ пристанью торговли и шрономъ, кошорою и столицою царства поргашей, резиденцією царя, назначаемаго акціонерами Ост-Индской Компаніи, кошорые, подобно Сенаторамъ, собираются въ своей биржевой залѣ въ Лондонѣ. Холера была уже у ворошъ Калькушны: надлежало спасалсѣ бѣгшвомъ, или гибушь.

Можно ли убѣдиль богатыхъ Набобовъ, чтобы они не спрашились смерти, кошорая убиваетъ въ продолженіи шести часовъ; недуга, поражающаго ночью цѣлое семейство, опъ кошораго къ ушпру оспаюпся одни шрупы? При первомъ извѣстш объ опасности, Набобы садяпся на легкіе бриги, лешучія гоэлешпы, коихъ машы живописцо крешяпся къ кормъ и уходяптъ въ опкрытое море, пока эпидемія соберешъ сжегодную

данъ свою; потомъ возвращаются въ Калькупу или въ Мадрасъ.

«И шакъ, бригъ *Мадавы* будетъ готовъ къ отплытію; завтра на разсвѣтъ, при попутномъ береговомъ вѣтрѣ, онъ пушится внизъ по Гангу, выдесть въ открытое море и на чистый воздухъ Океана.»

—Но если мы погибнемъ, сказала *Найлъ*; боюсь моря и однообразнаго шума его, огромныхъ его валовъ и качки корабля.—

«Дѣшскій страхъ! Не ужели ты думаешь, что я стану подвергать жизнь свою опасности? Бригъ мой построень въ Бомбавъ (*) изъ лучшаго Пегуанскаго лѣса; онъ обошелся мнѣ вдвое дороже каждаго изъ судовъ, сколько ихъ ни ешь на Гангѣ. Впрочемъ ты не совѣмъ разстанешься съ твердою землею. На корабль усстроена для тебя занана (**), гдѣ ты можешь проводить время съ своими невольницами; у тебя будутъ бани и мастики, цвѣшны Ламры, Малаши и Васпюки; пошешь изъ липыевъ асоки, копорые мягче лебяжяго пуху и свѣжѣе упреннаго вѣшерка. Я велю взять съ собою твоихъ обезьянъ, копорыя будутъ смѣшать тебя, и пшичекъ байя съ золотыми перьями. Все удовольствіе, все рѣдкости Калькушы найдешь на моемъ бригѣ. *Найлъ*, за годъ предъ симъ я смѣялся, слушая рассказы о всепожирющей заразѣ, отъ копорой цѣпенѣешь, разрушается и леденѣетъ составъ нашъ. Все падало вокругъ меня, и я былъ равнодушенъ; но съ тѣхъ поръ, какъ ты спала моею, не хочу умереть. Я дорожу жизнью; люблю свои длинныя перасы, освѣжаемые вечернею прохладою, свои сады и деревья, купающія сѣнисныя верхи свои въ водахъ Гуглеса. Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ тебя, я сдѣлался робокъ, какъ дитя невольника и прусливъ, какъ Браминъ. О, если ты умрешь, моя милая, я не переживу тебя, подобно шупукѣ (***) питающейся влагою облаковъ

(*) Лучшіе суда строатся въ Бомбавъ. Для сего употребляется памошнее дерево, известное подъ названіемъ: *teck*.

(**) Женская комната.

(***) Птица Шупука, по мнѣнію Индѣйцевъ, питается облаками и умираетъ вмѣстѣ съ ними.

и умирающей вмѣстѣ съ ними: *Найлъ*, душу швоею любовью; безъ тебя и меня не спанешъ.»

На другой день, бригъ, распусшивъ бѣлые бумажные паруса, быспро понесся отъ восточнаго берега Гуглеса, на копоромъ, мнѣхъ во спа отъ моря, возвышается Калькупа, богатѣйшій городъ Индіи, столица купцевъ-царей, построенная на землѣ, некогда посвященной Индѣйцами богинѣ смертн. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь утвердилось владычество Англичанъ, національный духъ шземцевъ исчезъ. Предсказаніе ихъ сбылось. Калькупа издали кажется длиннымъ каменнымъ возвышеніемъ, коему плоскія кровли, прерываемыя изрѣдка красными куполами спирной формы, даютъ видъ огромной шахматной доски, уставленной пѣшками. Щегольскія яхты, Европейскіе и Азіатскіе корабли, рыбачьи лодки, легкіе ялы, Индѣйскія шлюбки съ плетеными парусами и желтыми вымпелами, браздили воды рѣки. За ними слѣдовали черные суда, вступившіе на рейдъ, копорые управлялись обнаженными мапросами, оглашающими воздухъ дикими пѣснями. На берегу толпы муштинъ и женщинъ, въ разноцвѣтныхъ живописныхъ восточныхъ костюмахъ провожали глазами бригъ. Нѣкоторые изъ нихъ завидовали участи Набоба, многіе проклинали его богатство и предсказывали ему бурю и кораблекрушеніе вмѣсто холеры; но, по мѣрѣ удаленія брига къ заливу, толпы любопытныхъ рѣдли и взоры путешественниковъ ничего не встрѣчали на берегахъ рѣки, кромѣ цвѣшущихъ плантажей какао, сахарнаго просника, сарацинскаго пшена и растѣній, производящихъ хлопчатую бумагу. Вечеру бригъ вступилъ въ Бенгальскій заливъ; Набобъ приказалъ уменьшить парусовъ, чптобы долѣе насладиться прекраснымъ временемъ, плѣнительнымъ видомъ окрестностей и бальзамическими испареніями, приносимыми съ берега.

Дорогія шкани, привѣшенныя къ кормѣ корабля, будучи поддерживаемы вѣтромъ, образовали собою наметы. *Мадава* съ своею любезною сидѣли на парчевыхъ подушкахъ вверху шканцовъ. Ихъ окружали молодыя

невольницы въ прозрачныхъ одеждахъ съ золотымъ шипьемъ; по палубѣ разсыяны были матросы въ своихъ смоляныхъ карпузахъ, а у подошвы гротъ-мачты собрались сползли начальники экипажа, коихъ загорѣлыя лица рѣзко опличались ошъ бѣлой чалмы.

Такъ продолжалъ плаваніе бригъ, разсыкая послѣднія рѣчныя волны, памъ, гдѣ желтоватый цвѣтъ ихъ начинается переливаться въ голубой и зеленый цвѣтъ моря. Теченіе его было тихо и медленно, подобно погребальному коршежу. Природа начинала засыпать; ничего невидать было, кромѣ красныхъ гусей, которые въ полетѣ своемъ наклоняли гибкій просшникъ, и бамбуковаго лѣса, просширающагося полосою вдоль берега; пеликаны то погружали длинную шею свою въ море, то любовались красою своею съ кокетствомъ женщины. Вдали слышанъ былъ рѣзкій голосъ шакала и пронзительные крики его, успрашающіе пупника.

« О Индія, Индія! милая спрана золопа и розъ! какой край подъ луною замѣнишь тебѣ въ глазахъ моихъ? Ты опчизна благовоной, ээирныхъ танцовщиць, женъ съ глазами газелей, Байядеръ, съ поясомъ и черными рассыпающимися по плечамъ волосами; спрана носилокъ и прохладныхъ вечеринъ. Нѣтъ, ничто не можешь сравниться съ Индією, съ млечными водами Ганга, съ золотымъ пескомъ, съ священными водами, съ ея небомъ, подобнымъ цвѣшу индиго и Океаномъ, улыбающимся мореходцу, съ ея полу-Европейскою и восточною гражданственностію, съ смѣсью разныхъ вѣръ. Люблю Индію болѣе моей матери, болѣе моей возлюбленной, болѣе себя, о *Найя!* не смотри на то, что я много люблю себя. »

Но сія волшебная земля постепенно скрывалась ошъ глазъ *Мадавы*; она казалась ему только легкимъ туманомъ. Воды посинѣли; въперокъ спалъ прохладитѣ, и бригъ тихо скользилъ по волнамъ, копорыя роскошно ласкали его.

Было 30-е Юня 1822 года. Около недѣли уже бригъ носился по по открытому морю, то держался береговъ; праздники и забавы безпрестанно смѣнялись для *Найи*. Она не замѣчала почти, что удалалась ошъ садовъ

своихъ и шерасть, окруженныхъ померанцовыми деревьями и желтыми жасминами. Изобрѣтательная любовь *Мадавы* умѣла замѣнить ихъ. Такъ плавали они спокойно по заливу, когда эиидемія пожирала тысячи людей въ Калькутѣ. 30 Юня празднуется въ Индіи сошествіе Вишну на землю. Въ сей прекрасной области Азіатской наслажденья и религія заключили тѣсный союзъ; нѣкоторые обряды ихъ служатъ только предлогомъ къ роскошной оргіи. Для сихъ-то оргій, для посвященія Вишну или матери Брами, восшпыиваютъ лучшихъ изъ дочерей своихъ. Вокругъ пагодовъ, сихъ зданій, по шажелой и колосальной, по воздушной и спиральной архитектуры, народъ приноситъ въ жертву золоту и сарацинское пшено. Все шшшшш шуда полюбоваться роскошными плясками Девадаси, копорыхъ Португалыцы шакъ кешапи назвали Баудерами и послушанъ соблазнительныхъ басенъ Индѣйскихъ жрецовъ.

Мадава хотѣлъ шоржествовать сей великій въ Индостанѣ праздникъ, посреди залива, въ виду двадцати устьевъ Ганга. Закапъ солнца подаль знакъ къ оному.

Какъ скоро лучезарный образъ его скрылся въ свѣплыхъ водахъ Океана, и выспавлено было на палубѣ золотое изображеніе Вишну: тогда бригъ съ его длинными огнями и вымпелами, веселыми пѣснями и шоржественными кликами, можно было почестъ за одно изъ баснословныхъ судовъ, наполненныхъ Пери, и управляемыхъ Геніями, спушвившимися съ облаковъ на море. При звукахъ трубъ и лишавръ явилась на палубѣ *Найя*, одѣтая въ длинную палевую одежду, подобную, по выраженію поэта Жидевы, золотой пыли, разсыанной по синимъ лиспочкамъ водяной лиліи. Она заняла мѣсто на пиршествѣ подлѣ *Мадавы*. Въ золотыхъ, лшмовыхъ и агаповыхъ сосудахъ курились благовонія; на Японскомъ и Китайскомъ фарфорѣ приготовлено было сарацинское пшено въ двадцати разныхъ видахъ; далѣ стояли Индѣйскія блюда, смѣшанныя съ Европейскими, восшочныя пряности, Африканскія вина и Американскіе ликеры: съ чепырехъ частей свѣла собрана дань для сего Азіатскаго пира. Посреди сего роскошнаго

праздника оплнчались чалмы, блестящія до-
рогими каменьями, красивыя Индѣйскія лица,
бриллианты и глаза женщинъ, цвѣты и об-
наженныя шеи. Все это роскошествовало
на подушкахъ и Персидскихъ коврахъ, на
бути (*), дающей прохладу паркетамъ. Ко-
гда вошла луна и блѣдныя лучи ея смѣшались
съ свѣтомъ лампъ, расположенныхъ фестон-
нами около мачтъ и снастей, начиная отъ
боксприпа до безань-мачты; когда багровый
свѣтъ факеловъ и синевапые Бенгальскіе
огни слились съ блестящею игрою алмазовъ
и освѣщенныхъ водъ, тогда представилось
настоящее явленіе Фей и волшебниковъ. *На-
гара*, веселой предводитель Бадеръ, рѣзкимъ
звукомъ тимпана, потрясающимъ душу, да-
етъ знакъ къ танцамъ, и въ позже время
управляетъ оркестромъ, состоящимъ изъ
шрекъ-сирунныхъ гитаръ; цитры и свирѣ-
лей. Девадаси открыли пляску на палубѣ;
которая колеблется подъ ихъ ногами, увѣшан-
ными погременками; молодыя танцовщицы
почти полунагія; легкое платьѣ обрисовы-
ваетъ ихъ прелестныя формы и опоясанный
спанъ; они оживляютъ сердца зрителей ро-
скошными плясками и мелодическимъ голо-
сомъ, который переливается въ груди ихъ
подобно легкому волненію шен лебедя; ихъ
спанъ спроекъ и гибокъ, подобно вершинѣ
пальмы или вѣтви мироболана; онѣ пля-
шутъ любимую пляску Индѣйцевъ; пѣло-
движенія ихъ очаровательны: онѣ выража-
ютъ весь пылъ спраснъ.

Упомянутого пиршествомъ Набоа и его
любимицу уносятъ на креслахъ въ каюту ко-
рабля.

Тогда всѣ узы принужденія распоргаются;
васхупаютъ пиршество Вахханокъ со всею
шумною веселостью; подаются оіумъ и
вина. Все дышетъ сладоспрасніемъ и сча-
стіемъ на корабль; самый вѣперокъ, какъ
бы въ упоеніи, чуть шевелитъ спаснями.
Одно только существо спрадаетъ. Бадеръ
слышатъ это и смѣются.

(*) Чуна родъ известня или маптки, приготовляемой изъ
морскихъ раковинъ. Въ Индіи покрываются оіою пла-
фоны и паркеты, но причинъ распространяемой ея
прохлады.

Вдругъ посреди плясокъ пронеслось роко-
вое слово, и ноги Бадеръ оцѣпенѣли, стру-
ны мусикійскихъ орудій не издаютъ болѣе
звуконъ; всѣ радости замерли. Не почувля
ли лодманъ бури, скрывающей небо своею
черною мантиею, и дуновеніемъ своимъ взры-
вающей Океанъ? Нѣтъ, небо чисто, какъ
взоръ молодой дѣвушки; звѣзды горятъ и
сверкаютъ на пверди, вѣперъ едва дуептъ;
пишпна въ воздухѣ, и мапрсы охмѣляли.

Между шѣмъ легкіе плясуны падаютъ на
палубу, кровь хлещетъ изъ ихъ ноздрей и
ушей; они бьются въ спрашныхъ судоро-
гахъ, пѣло ихъ обезображено, члены хладѣ-
ютъ и сердце перестаетъ биться. Въ нѣ-
сколько часовъ палуба усѣяна была мерпвы-
ми; женщины съ длинными и блестящими
какъ аганъ, волосами, разбросанными по пле-
чамъ, падаютъ и умираютъ посреди оспап-
ковъ пиршества; зараза посѣпила бригъ.
Среди пламенныхъ упѣхъ, въ жаркихъ кли-
матахъ, гдѣ пылаютъ знойныя спраспи,
зараза разливается и умерщвляетъ съ бы-
спропю молніи.

Набобъ, холера издѣвается надъ пвоимъ
прекраснымъ Бомбайскимъ бригомъ; она смѣ-
лась надъ пвоимъ бѣгствомъ и предостро-
жностью, надъ пвоими забавами. Набобъ,
холера на корабль!

Воля умирающихъ пробудили *Мадаву*:
онъ выходитъ на палубу; ему представилось
адское зрѣлище; онъ пробѣгаетъ корабль,
желая найти живое существо, и на каждомъ
шагу вспрѣчаетъ струпы. Вездѣ пируетъ
смерть; нѣтъ ни спона, ни жалобъ, холера
все испрѣбила. Ужасное открытіе! *Мадава*
хочетъ спасти свою любезную отъ опасно-
сти, броситъ съ нею на плюбку, при-
спанъ къ берегу, лучше умереть отъ голода
и жажды, нежели отъ холеры. Увы! едва
вспунитъ онъ въ каюту, какъ вдругъ почув-
ствовалъ слабость; члены его оцѣпенѣли,
голова закружилась и онъ падаетъ зашав-
нившись въ складкахъ шелковой одежды своей;
онъ не въ силахъ даже произнесъ имя *Найи*,
не въ силахъ позвать ее на помощь.

Вдругъ, посреди общаго молчанія, въ ушахъ
его раздался плачь и вопль: это былъ голосъ
женщины, живаго существа. *Найя*, только

что пробудившаяся, лежала безъ чувствъ на пѣлъ своего любезнаго, который боролся съ смертію.

На другой день Англійскій корабль Ост-Индской Компаніи, возвращавшійся въ Калькупу, встрѣтилъ зараженный бригъ, но никто не отважился взойти на него.

Набоѣ, къ чему послужили пивоя предоспорожность, пвое бѣгство, пвои забавы и пвой прекрасный Бомбайскій бригъ!

Пер. В. Соколовъ.

ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА ЛАВАЛЬЕТА, ИЗДАННЫЯ ПО ЕГО РУКОПИСЯМЪ.

Записки сіи, недавно изданныя, возбуждаютъ живое любопытство. Сообщаемъ здѣсь рассказъ Автора о уходѣ его изъ пемницы 23 Декабря 1815 года.

Два дни тому назадъ, какъ отказано въ просьбѣ его о уничтоженіи приговора; оспавалось при дня осужденному для испрошенія Королевскаго прощенія; прошло два дня съ половиною, въ кошорые Г-жа *Лавальетъ* (урож. Богарне) щещно старалась испросить милость своему супругу. На другой день должна была совершиться казнь, и Г-жа *Лавальетъ* извѣстила уже его, какое средство намѣрена она испытать для его спасенія.

«Сего дня вечеромъ исполнился мое предпріятіе, сказала она ему; завтра было бы уже поздно: и такъ, сегодня мы объдаемъ вмѣстѣ. Сохрани свою твердость, она для насъ нужна. Что до меня, я имѣю еще довольно присутствія духа на однѣ сущки; но ни на минушу болѣе, прибавила она со вздохомъ; я совершенно измучена отъ усталости.»

«... Въ пять часовъ явилась *Эмилиа* въ сопровожденіи *Иозефинъ*; встрѣча сія столько же меня удивила, сколько обрадовала. «Я думаю, сказала она, взять съ собою нашу дочь: эщо доставитъ болѣе удобности привести планъ нашъ въ дѣйство.» Она одѣта была въ богатое мериносове плащье, подбитое мѣхомъ, въ коемъ обыкновенно уѣзжала съ баловъ. Въ рабочемъ мѣшкѣ ея спрятана была черная пафляная юбка. «Вотъ все, примодвила она, что нужно, дабы ты

могъ переодѣться.» Потомъ она опослала дочь свою къ окну и тихо сказала мнѣ: «когда пробьешь семь часовъ, ты переодѣнешься и будешь готовъ. Ты выйдешь подавъ руку *Иозефинъ*; вамъ надобно идти медленно, проходя чрезъ большую присупственную комнату; ты надѣнешь мои перчашки и закроешь лице моимъ плапкомъ. . . Бергись, проходя чрезъ двери, кошорыя довольно низки, чпобъ не смятъ перьевъ на шляпкѣ; тогда все пошеряно. Въ судейской всегда бывають шюремщики, и сторожъ провожаетъ меня до носилокъ, кошорыя обыкновенно ожидаютъ при выходѣ; но теперь онъ будетъ на дворѣ, подлѣ большой лѣспницы. Потомъ встрѣпишь тебя Г. *Бодю* и проводишь до кабриолета, гдѣ ты назначишь свое убѣжище. Богъ да сохранишь тебя, мой другъ... Не забудь ничего, что я тебѣ сказала. Будь покоенъ. Дай мнѣ свою руку, я пощупаю у тебя пульсъ. Хорошо! примодвила она. Теперь возьми мою: не примѣчаешь ли ты легкаго волненія?» Я увѣрился, что у нее сильная лихорадка. «Особенно, сказала она, избѣгай всѣхъ нѣжностей; иначе мы погибли.» Между тѣмъ я опдалъ ей обручальное кольцо, подѣ предлогомъ, что если буду задержанъ на границѣ: то по немъ могутъ узнать меня.»

Послѣ сего Г-жа *Лавальетъ* дала наставленіе своей дочери; Г. *Лавальетъ* принялъ и проводилъ двухъ друзей своихъ, которые приходили къ нему просииться въ послѣдній разъ. . . Наконецъ сполъ былъ накрытъ.

«Ужасенъ былъ для меня обѣдъ, который долженствовало бытъ послѣднимъ въ моей жизни. Куски оспановлялись у меня въ горлѣ, мы не говорили ни слова; такъ прошло полчаса. Наконецъ пробило три четверти седьмаго. «Мнѣ оспасется только 5 минутъ; но надобно поговорить съ *Бонвиллемъ*.» Она дернула за шнурокъ, вошелъ камердинеръ; она опвела его въ спорону, шепнула ему на ухо нѣсколько словъ, потомъ сказала въ слухъ: «прикажи приготоовать носилки, я хочу идти. Теперь, прибавила она, пора одѣтъ тебѣ.» Я поставилъ ширмы въ своей комнатѣ, за кошорыми начался мой туалетъ. Мнѣе, нежели въ при минушы, я совсѣмъ

былъ переодѣвъ. . . Мы пошли молча къ двери. «Тюремщикъ, сказалъ я *Эмилии*, каждой вечеръ приходишь сюда послѣ своего ухода. Оспавайся за ширмами и дѣлай шумъ, будно передвигаешь мебель. Онъ подумаетъ, что я шутъ, и удалится на вѣсколько минутъ, въ которыя я успѣю вышши.» Она поняла меня, и я дернулъ за снурокъ колокольчика. «Прости,» сказала она мнѣ, поднявъ глаза къ небу. Я пожалъ ей руку шпенущою рукою; мы взглянули другъ на друга; обняшь-ся значило бы погибнуть. Послышались шаги шюремщика. *Эмилиа* скрылась за ширмы. Дверь опворилась. Я вышелъ прежде всѣхъ, за мною дочь, потомъ надзирашльница ея Г-жа *Дютоа*.»

Г. *Лавальетъ* прошелъ чрезъ присутственную залу, посреди пяти шюремщиковъ, коихъ глаза усшремлены были на него.

«Я прижалъ плапокъ къ глазамъ, и слышала, что дочь моя шла подлѣ меня по лѣвую сторону. Она взяла меня за правую руку; тогда шюремщикъ, сойдя съ лѣспницы изъ своей комнашы, которая была въ лѣвъ, подошелъ ко мнѣ и взявъ подъ руку, сказалъ: «Вы рано возвращаетесь, Графиня.» Онъ, казалось, былъ очень пронупъ, и безъ сомнѣнн думалъ, что она просшилась* на вѣкъ съ своимъ мужемъ.»

Г. *Лавальетъ* долженъ былъ пройши еще двое воротъ сквозъ желѣзную рѣшетку и первую калитку. Тюремщикъ, спшоявшій между сими двумя выходами, видипъ его и не опшираетъ первыхъ воротъ; Графъ принужденъ былъ пошряести рѣшетчатую калитку, чтобы засшавипъ его опперешъ: шюремщикъ опшираетъ оба выхода одинъ за другимъ и бѣглець очушплся на свободѣ. Онъ проходитъ мимо Жандармскаго пикета, потомъ другаго пѣхопнаго; солдашы послѣднлаго, человекъ до 20, вмѣстѣ съ Ошицеромъ, спшояли шагахъ въ шрехъ, любопытншвуя видѣть Г-жу *Лавальетъ*. Графъ досшпгаетъ пошлокъ, но носильщпковъ небыло. Онъ сашплся и оспашся въ семъ ужасномъ положенн около двухъ минутъ, разспшянемъ въ 6 шагахъ ошъ караулни; наконецъ прпшли носильщпкп и понесли его. На набережной, золотыхъ дѣлъ мастеръ Г. *Бодю*, другъ

его, ошдалъ Графа и посадилъ его въ карбюлетъ, который помчался спрѣлою; кучеромъ сидѣлъ также одинъ изъ друзей его.

«Прѣзжая, говорипъ Г. *Лавальетъ*, я видѣлъ на набережной *Юзефину*, которая сло-живъ руки, съ чувствомъ молилась.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К О Л О К О Л Ъ.

Земля полночной мглой объята, почивала,

Повсюду тишина—какъ вѣчный сонъ гробовъ!

Лампадой блѣдною пустыню освѣщала,

Луна, глядящая сквозъ черныхъ облаковъ.

*

Наспала молшвы часъ...протяжно званъ раздался...

Обишель пробудилъ опшельниковъ въ лѣсахъ;

И по скаламъ гудя, шпенущій, промчался. . .

Умолкъ—какъ пѣжкѣй вздохъ на мертвенныхъ устахъ!

*

Я съ ужасомъ на мѣръ пространный оглянупся. . .

Тамъ гибельный металлъ равно ему гласипъ!

Я духомъ обуялъ. . . я сердцемъ содрогнулся! . .

Дошнѣтъ грушпный зовъ еще во мнѣ звучипъ.

О. *Кафтьревъ*.

К У З Н Е Ц У.

Кузнецъ, раздуи огонь въ печи,

Желѣзо раскали красне,

По немъ сильнѣе и сильнѣе

Тяжелымъ молотомъ спучи.

Ты скуи мнѣ цѣпь: я цѣпью эшой

Красавицу-жену мою

На почъ до блага разсвѣта

Къ постелѣ крѣпко прпкую.

Нашанетъ ночь — въ калитку спукъ;

А песь прпкормленный не лаетъ:

То на свиданѣ вызываетъ

Змѣю-жену сердечный другъ. . . .

Пропала сладкая дремота!

На зовъ условенный чупка,

Она и рада-бъ за ворота,

Да цѣпь крѣпка и коротка.

А. *Коларовъ*.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* мой — въ Ипалін рѣка,
И онъ же произвелъ героя Генриады;
Второй зовешь собакъ издадека;
Итогъ—Славянскій былъ Эогъ, или Дриады
М. Корниловъ.

Въ № 99, помѣщенная загадка значить: *Ver-luisant*.

M O D E S.

Le nouveau, en fait de modes, est toujours une rareté. Nous avons cependant à citer les capotes de moire, gros de Naples ou satin, que quelques modistes font depuis peu.

Ces capotes, qui rappellent les *coteg* que portent les dames de Londres, ont une passe courte et carrée, une calotte presque droite, pas plus élevée par devant que par derrière, et dont le dessus est plat et complètement rond. La disposition du ruban qui les orne est surtout ce qui en constitue la nouveauté. Ce ruban en gaze à raies satinées, monté sur deux petits laitons destinés à le soutenir, se replie lui-même, en forme d'ailes composées de trois ou quatre coques plates, longues et étagées; il passe ensuite à plat sur le milieu, comme pour le lier à cet endroit. Ce nouveau nœud s'appelle *nœud de cravate*, à cause de la ressemblance qu'il a, en effet, avec la forme de ceux que les hommes ont adoptés pour fixer leurs cravates autour de leur cou: il se place à gauche, et un peu obliquement sur la forme, que sa partie supérieure dépasse un peu.

On voit aussi des chapeaux qui, du reste, ne diffèrent des capotes que par l'absence du bavolet, et qui sont également ornés d'un ruban en nœud de cravate.

La forme des robes est toujours la même. Des corsages à gros plis croisés, et des corsages à la grecque; ces derniers; cependant, sont ceux le plus en faveur. La seule différence que les robes de cette année offrent, dans leur coupe, avec celles de l'an dernier, c'est qu'elles ont des jupes très-amples, dans lesquelles il entre de sept à huit les d'étoffe. Ces robes ont, alors, surtout par derrière, des plis très-grands qui se prolongent jusqu'au bas de la jupe.

Pl. No 31. Chapeau de velours des mag. de Mme. Millet-Redingote de satin garnie de fourrure à collet orné d'une blonde et dolives des atel. de Mme. Broussard.

M O Д Ы.

Чтонибудь новое въ модахъ, все еще рѣдко встрѣчается. Мы упомянемъ однакоже, о капотахъ изъ море, гроденапля или апласа, которые показались недавно у нѣкоторыхъ модиспокъ.

Капоты сии напоминаютъ *coteg*, которые носятъ дамы въ Лондонѣ; у нихъ поле короткое, четверугольное, шудля почти прямая, сзади не выше чѣмъ спереди, верхушка плоская и совершенно круглая. Опдѣлка лентами составляетъ всю ихъ новостъ. Лента газовая съ апласными полосами, подшита въ два ряда тонкимъ каркасомъ, складывается на манеръ крыльевъ, сошпавленныхъ изъ шрехъ или чепырехъ пепель, длинныхъ и поспепенно уменьшающихся; лента проходитъ попомъ въ срединѣ, какъ будно связывается бантъ. Бантъ сей называется *nœud de cravate*, по сходству, какое онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ, съ шѣмъ, какъ мущины завязываютъ галстуки: бантъ прикалывается на лѣвой сторонѣ, не много вкось по шудль, верхняя часть его выше шудля.

Показались также шляпки, которые, впрочемъ, опличаются отъ капотовъ шѣмъ только, что онъ безъ баволеша, а опдѣланы лентами, также *en nœud de cravate*.

Покрой платьевъ не перемѣняется. Лифы съ крестообразными, крупными складками, или по Гречески; сии послѣдніе однако болѣе въ употребленіи. Вся разница между платьями нынѣшняго и прошлаго годовъ, состоитъ въ юбкахъ, которые гораздо полнѣе и дѣлаются въ семь и восемь полошницъ. Такія юбки, особливо сзади, складываются весьма крупными складками, которые продолжаютъ до низу юбки.

Карш. No 31. Бархатная шляпка. Рединготъ апласный, опушенный мѣхомъ, убранный блондами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 101.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сважкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 19 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Намъ съ молоду всегда велятъ
Не слишкомъ увлекаться чувствомъ,
И всѣ дѣвицы говорятъ,
Что не спѣшаютъ своимъ замужствомъ.
Но такъ обманывать грѣшно!
Признае дѣло недурное . . .
Мы часто говоримъ одно,
А дѣлаемъ совсѣмъ другое!

Хлѣвничій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

А В О С Ъ.

(1825).

Авось Госпожа *Чудихина* перестанетъ бить-
ся лбомъ о полъ въ церкви — и бить служа-
покъ запылкомъ объ стѣну!

*

Авось Госпожа *Прихудина* перестанетъ счи-
тать чѣрнымъ днемъ Понедѣльникъ, думать,
что угрожаетъ ей несчастье, если за обѣден-
нымъ столомъ сидитъ тринадцать человекъ,
или если просыплется солонка.

*

Авось Г-на *Злодѣева* опучатъ пишатъся
человѣческимъ мясомъ и запивать слезами.

*

Авось надъ головою *Злодѣева*, кошорый
глумится надъ громами правосудія земнаго,
разразится громъ неба.

*

Авось Столоначальникъ *Халкинъ* перестанетъ
по ушрамъ рѣзать другихъ, а по вече-
рамъ самъ нарѣзывается.

*

Авось *Наглопѣровъ* посовѣшится разби-
раться книги, когда самого его поразберетъ
ерофѣичъ.

*

Авось молоденькая *Разратина* перестанетъ
шить себѣ плащя на ростъ и отда-
вать въ ростъ красотицу свою.

*

Авось фанфаронъ *Глушайевъ*, фальшивое
эхо Парижскихъ сумасбродовъ, перестанетъ
расправлять модную шляпу свою на бол-
ванѣ.

*

Авось *Сквольтинъ*, надувая другихъ въ
каршы, самъ перестанетъ надуваться на
манеръ знашнаго барина.

*

Авось доживемъ до того, что таланты
души будутъ предпочитаться золотымъ
талантамъ.

*

Авось доживемъ мы до такой счастливой
эпохи, когда о книгахъ не стануть судить
по переплѣту, а о людяхъ по плащю.

*

Авось . . . спанемъ надѣялся! . . . *Авось* помы Испоріи Русскаго Народа, основательно разобранные Господиномъ Руссовымъ, не будутъ разобраны публикою.

*

Авось Безсовѣстивъ прикуситъ язычекъ и не будетъ хвалиться, что онъ въ пасквильномъ опдѣленіи своего журнала опдѣлялъ Князя таково-то, опрабоналъ Барина эдакого-то: его самого недавно опдѣляли Рюриковою палкою.

*

Авось недоучки-мальчишки, бездарные юноши, беспалавные молодцы, рифмоскрыпные спарики опомнятся и бросятъ въ печь свои фальшивыл поэмы на манеръ Пушкина. . . .
Авось!

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОКОВОЙ ПАСТЕТЬ.

Повѣсть Шпиндлера.

I.

Двѣ недѣли промчались для насъ, какъ мигъ, въ многолюдной столицѣ: благодаря разнообразію, сей милой богинѣ, копорая переносила насъ отъ одного наслажденія къ другому, мы скоро забыли скучное однообразіе оставленной нами родины. Впрочемъ, я и тучный мой пріятель, искали удовольствій разными путями. Я шапался по гуляньямъ, — онъ рылся въ полныхъ библіотекахъ; меня восхищали картинныя галлерей, — его двадцатипятилѣтняя вина изъ извѣстнѣйшихъ погребовъ; я посѣщала масперскія славнѣйшихъ художниковъ и плашилъ дань удивленія ихъ произведеніямъ, — его занимали вновь изобрѣшенныя машины лучшихъ механиковъ; я не пропускалъ ни одного зрѣлища, — онъ осматривалъ исправительныя заведенія и богадѣльни; я волочился за каждою красоткою, — онъ не проходилъ ни одной кандиперской, ни одной респораціи. Чисаптели вѣролпно угадали, что мы минуло только двадцать, а моему тучному пріятелю спукнуло уже сорокъ лѣтъ? — Постараюсь сообщить имъ

остальное въ немногихъ словахъ: я богатъ, изъ хорошей фамиліи, не дурень собою; родители мои, желая просвѣтитъ сынка своего путешествіемъ, убѣдили толстого моего пріятеля, быть моимъ соупникомъ, руководителемъ и наставникомъ, въ надеждѣ, что онъ возвратитъ меня здоровымъ и невредимымъ въ ихъ объятія. Имѣя самъ огромное сосипяніе, любя спрасино путешествія и предпочитая холоспую жизнь семейной единственно для того, чтобы сохранилъ свою независимость, мой пріятель *Валлихъ*, уже раза три или чепыре объѣхавшій Европу, охотно склонился на просьбы моихъ родителей, и вѣрно ни одинъ еще Менпортъ не исполнилъ такъ хорошо своихъ обязанностей, какъ онъ: это вы увидите изъ послѣдствій. Мы предоставили другъ другу полную свободу въ выборѣ наслажденій и занятій, что мнѣ очень нравилось; когда же объденное время сзывало насъ въ гостинницу или полночь загоняла насъ въ кварширу, тогда охотно мы мѣнялись вновь пріобрѣщенными сокровищами познаній.

«Надобно по немного знакомиться съ свѣтомъ, такъ говорилъ мнѣ *Валлихъ*: для одного взгляда эша каршина слишкомъ велика, а при томъ черезъ нѣсколько лѣтъ мы смопримъ на нее совѣтъ другими глазами. Лѣтъ за двадцать предъ симъ я рассуждалъ точно такъ, какъ ты, и любилъ болѣе всего изящное. Когда спукнешъ тебѣ сорокъ, тогда и ты будешь искать прочнѣйшихъ наслажденій и поспояннѣйшихъ занятій.»

Такая философія совершенно согласовалась съ моимъ образомъ мыслей, и я, подобно рѣзвому мотыльку, весело и безопасно кружился въ вихрѣ сполчныхъ увеселеній. Но время уплывало. Срокъ пребыванію нашему въ столицѣ оканчивался. Хотя мой Менпортъ *Валлихъ*, изъ снисхожденія ко мнѣ, продлилъ срокъ сей еще на два дни, но что значать двое супокъ для двадцатипятилѣтняго весельчака? Они промелькнули, и *Валлихъ* сказалъ мнѣ за спомомъ: «завтра мы отправимся опсюда. Пора намъ распаться съ шумными увеселеніями столицы, съ ея гульбищами и псапрами, съ огненными взорами ея престлестницъ. Надобно непременно вхатъ. Для

меня также тяжело расставаться съ свѣжими усприцами и превосходными винами Импалианской рестораціи; но дѣлать нечего. Лудвигъ уложилъ наши вещи, и я сего дня въ четыре часа буду ждать тебя въ нашей кварширѣ. До тѣхъ поръ располагай своимъ временемъ какъ хочешь. Потомъ мы поѣдемъ осматривать Королевскія конюшни, а опшуда по пуши завернемъ къ Импалианцу, покушаемъ макароны съ Пармезанскимъ сыркомъ, и выпьемъ на прощанье бутылочку славнѣйшаго Аликанше.»

II.

«*Пришлось мнѣ счастья искать!*—*Маршировать!*» (*) зашла подъ окномъ моимъ толпа подмастерьевъ, которые провожали странствующаго повара. Молодой дѣшина заливался слезами; объятый подобнымъ чувствомъ, я опошелъ опъ окна.—Мнѣ также предспойтъ опъездъ, подумалъ я; какъ пляжко оставишь обшпованную землю, прекрасную споллицу! «Переспань ревѣшь!» крикнулъ я на Лудвига, который, расчувствовавшись, какъ и баринъ его, во время укладки вещей впорилъ поющимъ ремесленникамъ. «Подай мнѣ шляпу и спрось!»—И вотъ я очутился на улицѣ. Возможно ли расставаться съ этими свѣплыми улицами, великолѣпными зданіями, многолудными бульварами?—

—«*Всѣ радости мнѣ излгънили!*» лепепалъ пьяный, который почти безъ чувствъ валялся подлѣ гостинницы на каменной скамѣ. Эшопъ негодай вывелъ меня изъ сладостнаго упоенія. Досадуя на шо, что попался въ скопище всѣхъ пьяницъ, я опрометью бросился изъ гостинницы. Три часа шолько пробило, однакожь я пошелъ въ Соборъ, дабы въ священной тишинѣ, въ уединенномъ сумракѣ сего древняго зданія приготоновишься къ самоопверженію. Но я очень опибся. Вечерня уже началась; церковь была набита народомъ, и я вдругъ увидѣлъ себя въ кругу прелеспнѣйшихъ женщинъ. При такомъ со-

(*) Ich muss mein Glück probieren!—Marschieren!—Такъ начинается Нѣмецкая народная пѣсня, которую поютъ молодые ремесленники, когда опправляются страншвовашь.—В.

единеніи всего прекраснаго можно ли научишься самоопверженію? Можно ли успоить противъ искушенія? Я содрогнулся. Но, по примѣру всѣхъ мушинъ, чтобы не показаться трусомъ, я опважно вдаялся въ опасность. Смѣло проходя непріятельскіе ряды, я не блѣднѣлъ опъ страха, и хопи чувствовалъ иногда сильное бѣеніе сердца, но не шерялъ присутствія духа, и наконецъ одержалъ побѣду. Во мнѣ пробудилась гордость.

Вотъ еще, подумалъ я: развѣ въ другихъ мѣспяхъ нѣтъ красавицъ? Развѣ онѣ болѣе равнодушны къ своимъ поклонникамъ, нежели здѣсь? Не унывай, дружокъ! Покорись необходимости: надобно расставаться мужественно съ веселою споллицею, и удалишься въ шопъ край, — — —

*Гдѣ нлгой дѣишетъ лгсъ,
Златой ллмою горитъ во лгль древесъ (*).*

Самонадѣянносень не проходишь безъ наказанія. Вечерня опошла. Чернь, какъ и вездѣ, не слишкомъ разборчивая въ подобныхъ случаяхъ, хлынула изъ дверей бурнымъ шопкомъ, который увлекъ за собою множество милонидныхъ дамъ. Одну изъ нихъ какой-то дюжій наглець шолкнулъ локтемъ прямо въ мои объятія. Само собою разумѣется, что я изъ любопытства невольнo взглянулъ на красавицу. Я пораженъ былъ бѣлизною ея шеи, шемнорусыми кудрями, дѣвспвенными персями, и руки мои, проспертыя для защиты, осязали нѣжныя, благородныя ея формы. Но когда она, обративъ на меня небесный взоръ, хопѣла благодаришь, и краснѣя опъ положенія, въ которомъ удерживала ее непрерывная тѣснопа, не могла произнести ни слова, тогда я почувствовалъ шо, что шолько можеть чувствовать пылкій молодой человекъ, въ первый разъ увидѣвшій на яву свой любимый идеаль. Не нужно сказывашь, что моя красавица была царицею всѣхъ споличныхъ красавицъ, что я благополучно съ нею пробрался сквозь толпившійся народъ, и вышедъ на папершь, робко попросилъ у нея позволенія, проводишь ее домой. Мгновенный взглядъ, брошеннй на меня, конечно увѣрилъ прелестную, что ей не зачѣмъ опка-

(*) Стихи знаменитаго Гѣте, перев. В. А. Жуковскимъ.

зываетъ опъ услужливаго жожапаго; но между шѣмъ, какъ она придумывала благо-склонный опвѣштъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, вдругъ увидѣла она большое пятно на бѣленькомъ чулкѣ правой своей ножки.—«Ахъ, Боже мой!» вскричала она въ испугъ.—

—Что такое?—спросилъ я.

«Посмотрите, что мнѣ надѣлали!»

Я изъяснилъ искреннее сожалѣніе.

«Мнѣ никакъ нельзя въ такомъ видѣ ипши домой среди бѣлаго дня; я живу далеко.»

Я предложилъ ей фіакръ.

«Сохрани Богъ!» опвѣчала она, краснѣя; «что подумаешь обо мнѣ папенька?»

Я спарался убѣдить ее, какъ умѣлъ.

«Нѣтъ, нѣтъ!» продолжала она, нѣсколько подумавъ: «одна изъ подругъ моихъ живетъ опсюда недалеко. Я очень буду вамъ обязана, сударь, если вы меня проводите туда, и шѣмъ довершите оказанную мнѣ услугу.»

—Съ большимъ удовольствіемъ!— опвѣчалъ я, и черезъ нѣсколько минушъ мы дошли до означеннаго дома.

У воротъ она со мною простилась. Не знаю, что она говорила мнѣ, ибо я ничего не слыхалъ, а только смотрѣлъ на нее. Впрочемъ, судя по ея пріятной улыбкѣ, надобно думать, что она сказала мнѣ чтонибудь ласковое. Опвѣчала-ли я ей?—и шого не знаю. Однимъ словомъ, она исчезла. Я все еще не сводилъ глазъ съ шого мѣста, куда она скрылась, какъ вдругъ почувствовалъ сильный полчекъ въ бокъ, сопровождаемый грубою бранью; я шогда только замѣнилъ, что шуть проходилъ полкъ Наслѣднаго Принца, съ барабаннымъ боемъ и Янычарскою музыкою, и посѣвшилъ опять на соборную площадь. Выждавъ время, пока прошли герои, я опять направилъ шаги къ дому, гдѣ я распался съ красавицей; но вообразите мою горестъ, я не могъ опыскапъ его. Къ несчастію, занявшись только ея разсматриваніемъ, я не обращалъ вниманія ни на домъ, ни на улицу, ни на полковую музыку. Грустно побрелъ я опять къ Собору,

гдѣ ждалъ меня мой шучный пріятель и записывалъ свое имя на каедрѣ.

«Nomina stultorum!» воскликнулъ онъ, указывая на тысячи своихъ предшественниковъ, которые такимъ же образомъ воображали обезмерипишь себя... «Смоири, вотъ и я между ними! Да гдѣ ты до сихъ поръ пропадалъ и къ чему это кислое лицо?»

—Любезнѣйшій *Валлихъ*!— опвѣчалъ я уныло... я не могу завира ѣхашъ.—

«Какъ? Опъ чего шакъ? Ужь не боленъ ли ты?»

—Нѣтъ.—

«Влюбленъ?»

—Да.—

«Вотъ шебъ на! Но все это напрасно. Лошади уже наняшы.»

—Я не поѣду!—возразилъ я смѣле.

«Ба, ба! опкуда шаккой рѣшипельный шонъ?—Что за скороспѣлая любовь?»

Я рассказалъ ему о своемъ приключеніи. Онъ улыбался.

«Кшо эша дѣвушка?» спросилъ онъ.

—Не знаю.—

«Какъ ее зовушь?»

—Не знаю.—

«Гдѣ она живетъ?»

—Не знаю.—

«Браво, мой милой!» сказалъ онъ съ важнымъ видомъ: «это дѣло другое. Подай-ка сюда карандашъ.»

—На что?—

«На шо, чшобы внести имя *Макса Вилтерфельда* въ списокъ каедральныхъ глупцевъ. Полюбуйся шеперь своимъ именемъ на каедрѣ. Я увѣренъ, что шоварищъ мой шаштра опправится со мною опсюда безъ всякой блпговорки; но черезъ нѣсколько лѣшъ, возвращаясь сюда и увидѣвъ здѣсь имя свое, надорвется со смѣху. Какъ можно было влюбиться въ дѣвушку, ничего не зная объ ней, кромѣ шого, что у ней есть глазки и рошпикъ, какъ и у всякой другой. Пойдемъ дружокъ! Ты долго заспавилъ меня ждашь себя, намъ некогда мѣшкапъ. Къ семи часамъ заказаны макарони.»

III.

Въ Италіанской рестораціи было многочисленное собраніе. Богато убранныя компанши были биткомъ набиты. Фраки и мундиры мирно сидѣли другъ подлѣ друга. Тутъ сверкалъ золотой рейнвейнтъ, шамъ лептѣли въ пополокъ пробки изъ бутылкокъ Шампанскаго. Въ одномъ углу, передъ толстымъ Англичаниномъ съ Гаванскою сигаркою во рту, пѣнился Брипанскій поршеръ; въ другомъ щощій Еврей лакомился Генуэзскимъ Россолисомъ. За однимъ столомъ молодые шалуны перестрѣливались усприцовыми черепьями, за другимъ спарый обжора убиралъ двойную порцію копченой семги, жадно пошмащивая по на миноги, по на померанцовый салатъ своихъ сосѣдей. Повсюду царствовала шумная веселость, вездѣ раздавались звуки арфъ и звонъ покаловъ. Мы помѣстились за маленькимъ столикомъ въ глубинѣ послѣдней компанши. Любимое блюдо Италіанцевъ дымилось предъ нами. *Валлихъ* ѣлъ и пилъ порядкомъ; я не опспавалъ опъ него. Вечерня, Соборная церковь, моя прелестная незнакомка . . . все носилось предо мною въ смутномъ воспоминаніи; нѣсколько покаловъ огненнаго Италіанскаго вина покрасили лице мое яркимъ багрянцемъ. Мы развеселились не шущя, и поклялись другъ другу, какъ можно скорѣе уѣхать въ великолѣпную Пароенопу, дабы на землѣ классической поѣсть макарони и попить *lacrime Christi*. Надобно думать, что мы слишкомъ предались своимъ воспоргамъ, ибо подошедшій къ намъ опъ ближняго шпола Офицеръ напомнилъ намъ: «Господа, мы всѣ уже знаемъ, что вы ѣдете въ Италію. Но какъ вы еще швердите одно и шю же, по опъ имени моихъ пріятелей, покорно прошу васъ умѣришь свой крикъ, иначе намъ должно будетъ вышши на улицу и шамъ продолжашъ свой разговоръ.»

Я приставилъ ухо, ибо рѣчь его показалась мнѣ оскорбительною. *Валлихъ* сначала съ изумленіемъ посмотрѣлъ на разгоряченнаго виномъ Кашипана, но потомъ препокорно разлегся въ креслахъ, и съ такимъ сердечнымъ удовольствіемъ улыбался незвано-

му проповѣднику, что всякій почелъ бы его за помѣшаннаго. Я шолкаю его, мигаю ему; все напрасно. — Наконецъ его Эпикурійское безспрастіе вынудило меня упрекнуть его въ помѣ, что онъ такъ равнодушно переноситъ дерзостъ Офицера. Но онъ, улыбаясь по прежнему, сказалъ: «не горячися, Максъ! *Этотъ* меня не обидитъ.» — Я удивился. — «Что прикажете?» спросилъ Кашипанъ, который все сіе слышалъ, и снова обратился къ намъ съ багровымъ лицомъ. «Ну вотъ еще!» продолжалъ *Валлихъ* шѣмъ же искреннимъ тономъ: «къ чему такъ сердитесь? Еслибъ у пріятеля не шумѣло въ головѣ, то онъ давно бы раскрылъ глаза.» — Новая для меня загадка. — «Милоспивый Государь!» вспыхнувъ сказалъ Кашипанъ: «вы надо мною издѣваетесь?» —

— Сохрани Богъ! — возразилъ *Валлихъ* съ непоколебимымъ спокойствіемъ: но прошу оспавить въ ножнахъ свою шпагу, ибо Бернгардъ *Валлихъ* не намѣренъ драпаться съ своимъ закадычнымъ другомъ *Беломъ*, а развѣ осушитъ съ нимъ бутылку Гохгеймскаго вина.

«*Валлихъ?* Не ужели?» воскликнулъ одинъ; — разумѣется, слыпецъ! — возразилъ другой, и за симъ послѣдовала сцена свиданія, которую не стану описывать, ибо всѣ такія сцены, какъ двѣ капли воды, схожи. *Валлихъ* и *Белъ* служили въ одномъ полку. Въ одной спычкѣ *Белъ* спасъ моему шолстому пріятелю жизнь; въ Аусперлицкомъ сраженіи мой пріятель расквипался съ нимъ, и раненъ въ ногу, что принудило его выпши въ опспавку. На полѣ рашномъ оба сподвижника поклялись въ вѣчной дружбѣ, вскорѣ пономъ разлучились и съ шѣхъ поръ не видались. Пошли вопросы за вопросами, опвѣпы за опвѣтами; рассказы за рассказами. Въ одно мгновеніе *Белъ* узналъ всѣ похождение моего пріятеля, — мой пріятель всю испорію Кашипана, — что онъ былъ женатъ и лишился жены своей, которую обожалъ, что дочь его, образецъ красоты душевной и шѣлесной, воспитывается въ Инспитутѣ, и ш. п. — Я былъ представленъ Кашипану *Белу*, и обласканъ, какъ старый знакомецъ; я поблагодарилъ, и Кашипанъ переселился

къ нашему столу. Спаканы зазвенѣли; шумки и остропы, приправленные искренностью и глубокимъ чувствомъ, разсужденія о добродѣтеляхъ опца семейства, о досто-славномъ поваренномъ искусствѣ, о превосход-нѣйшихъ винахъ полились изъ устъ Капи-тана, къ которому можно было отнести девизъ: Наслаждайся наслаждимъ и не думай о будущемъ!—До сихъ поръ остроумная бесѣда его меня очень занимала; но когда дѣло дошло до походовъ и военныхъ подвиговъ, тогда я обратилъ вниманіе на молодую ар-фисску, которая, послѣ долгой прелюдіи; вдругъ начала безжалостно терзашъ уши своихъ слушателей Россиніевою каватиною. Черты ея, освѣщенные яркимъ сіяніемъ лампъ, казались, имѣли нѣкоторое сходство съ чертами моей прелестной незнакомки. Я пристально смотрѣлъ на нее; при видѣ ея вдругъ ожило въ моей памяти последнее приключеніе мое, столь важное для меня и столь легкомысленно мною забытое. Сколь-ко ни спрадали струны бѣдной арфы подъ ея безчувственнымъ перстами, сколь ни убійственно перзали слухъ мой варварскіе звуки, — я не могъ опвесити глазъ отъ ея лица, и судя по множеству мелкой серебря-ной монеты, которая совсѣхъ сторонъ сы-палась на спрансивующую музыкантшу, не я одинъ въ семъ блистательномъ собра-ніи имѣлъ великодушное снисхожденіе къ ея слабому таланту.

Она удалилась, но образъ, который она во мнѣ оживила, оспался въ моемъ сердцѣ, и мнѣ казалось совершенно невозможнымъ зав-тра отправиться въ путь. Но какъ скло-нить *Валлиха*? Онъ ни подъ какимъ ви-домъ не согласится. Чѣмъ мнѣ оставалось дѣлать? — Судьба надо мною сжалилась!

«Какъ ты думаешь?» спросилъ меня *Вал-лихъ*: «не оспашься ли намъ еще на завпре-шній день? Капитанъ проситъ насъ завтра къ себѣ на славный пашествъ изъ рябчиковъ.»

— Ты не ошибся, примолвилъ Капитанъ. Не хвасповски скажу, Г. *Винтерфельдъ*: без-подобный завтракъ! Пашествъ съ рябчиками составилъ центръ. По флангамъ займутъ мѣста: жирный Вестфальскій окорокъ, оп-лично шеляче рагу, дососина подъ *gelé-garni*

тутъ съ разными салапами. Прибавьте къ то-му при батареи: Рейнвейна, Бургонскаго и Токайскаго. Дессертъ не полагается въ счетъ. И пакъ, Господа, прошу безъ церемоній. Чѣмъ богать, тѣмъ и радъ!

Разумѣется, чѣмъ я согласился.

Я надѣюсь, чѣмъ вы будете, Господа? про-должалъ Капитанъ: очень радъ! Я привезу съ собою четырехъ или пятерыхъ сподвиж-никовъ, чѣмъ составитъ ровное число. Квартира моя въ Крестовой улицѣ, въ домѣ подъ No 7, во впоромъ ярусѣ. Въ 10 часовъ надобно бытъ на мѣстѣ. Прошу не заспа-вить себя долго дожидаться. Понимаете ли?

Мы дали слово любезному весельчаку, и раз-спались съ нимъ довольно поздно. Когда мы возвращались домой, *Валлихъ* скоро заснулъ; между тѣмъ я занялся составленіемъ въ го-ловѣ плановъ: одинъ день былъ уже въ вы-грышѣ. Роскошное угощеніе Капитана, ду-малъ я, легко можетъ причинитъ опсрочку еще на одинъ день; при прожорствѣ моего іполстаго пріятеля, ему нужны два дня для опдыха; положась на сей расчѣтъ, я также препокійно уснулъ. Чего не можетъ успѣть сдѣлать въ три дня влюбленный двадца-тлѣтній юноша!

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СКЛОНЕНІЕ.

Куда? зачѣмъ? и съ кѣмъ изволишь ѣздить мужъ?

Но чѣмъ мнѣ?... Если онъ.... такъ хуже вѣдъ
ему-жь!

Однако же вчера была такая спужа,

А я не дождалась до поздней ночи мужа!...

Рѣшусь.... освѣдомлюсь.... и выскажу все мужу:

Скажу.... седи со мной! не по — повѣрь — при-
нужу....

Ну слыхано-ль? — жена не совладѣетъ съ мужемъ!

Будь всякой шагъ его передо мной наружъ!....

Но послѣ, думая сама съ собой о мужѣ,

Сказала: «будь, что естъ.... чѣмъ не случи-
лось хуже!»

Ф. Глинка,

ОЧАРОВАННАЯ РОЗА.

Отрывокъ.

.....
Посмотри на эпопѣ холмъ:
Въ пурпуръ и виссонъ одѣта,
Блещетъ, какъ мечпа поэта,
Роза свѣжая на нёмъ.
Какъ роскошно помавала
Благовопною главою,
Точнѣ цвѣтъ любви средь рая
Ароматъ волшебный свой!

*
Какъ безмолвна, какъ священна
Вкругъ той розы пишина!
Миншя: дивный цвѣтъ, она
Жизню слыше вдохновенна.
Ни воспочный соловей,
Ни весны сопутникъ милый,
Мопылѣкъ золошюкрымый,
Подлепѣтъ не смѣютъ къ ней;
Лишь лучи свѣпилъ небесныхъ,
Лишь, порой, денницы свѣтъ
Могутъ, сквозь вѣтвей древесныхъ,
Цѣловать роскошный цвѣтъ.

*
Знай же: дѣвы духъ чудесной
Въ этомъ цвѣтъ заключёнъ.
Кръпокъ, кръпокъ дивный сонъ. . . .
На привѣтъ любви небесной
Онъ молчитъ но мигъ придетъ —
И въ красъ преображенной
Для любви неизмѣнной
Дѣва снова оживетъ;
Снова пурпуръ загорится
На живыхъ ея щекахъ,
Снова небо отразится
Въ чисныхъ дѣвственныхъ очахъ.

М. Деларю.

МАРЬИНЫ ЦВѢТЫ (*).

Сибирская Баллада.

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтъ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтъ!
Жуковский.

Межъ сельскихъ дѣвъ цвѣла Марія,
Какъ межъ цвѣшовъ прекрасный цвѣтъ.
О вы, чьи очи голубыя,
Чьихъ устъ примаачивый привѣтъ,

(*) *Мариньы цвѣты, Мариньы коренья*—такъ называется въ Сибири родъ прекрасныхъ полевыхъ пионовъ.

Гордились въ тайнѣ обожаньемъ
Невинной памяти моей!
Средь васъ—сердце очароваьемъ
Она былабъ еще милѣй!

* * *
Но доля самая простая
Доспалась въ мѣръ ей на часть:
Искусвомъ взоромъ не плѣняя,
Она лишь знала шипъ, да прѣсть;
Съ зарей вспавала на работу,
Спѣшила личико умышъ
И только вѣдала заботу,
Чшобъ милыхъ пшичекъ накормить.

* * *
Старушка-мать, любуйсь ею,
Усладой дней своихъ звала,
И такъ ласкала, какъ лилюю.
Межъ тѣмъ она цвѣла, цвѣла!
А взоры ясностью блискали
И яркимъ пламенемъ зарницъ,
Горя, сверкая, вылепали
Изъ подъ густыхъ ея рѣсницъ.

* * *
Но жизнь рядъ чудныхъ приключеній:
Разъ—поздняя была пора;
Съ окрестныхъ горъ ложились тѣни;
Шумѣла глухо Агара. . . .
И въ часъ шопъ, тихо папѣвала:
«Пора, коровушки, домой!»
Брела крестьянка молодая
За спадомъ вслѣдъ съ своей сумой.

* * *
Вдругъ плещутъ волны голубыя,
Паспушка слышитъ чей-то крикъ. . . .
О ужась! То была Марія:
Въ волнахъ понуль Маринъ ликъ! . . .
Что съ бѣдной дѣвой? Что мгновенной
Ея погибелн виной?
Печаль, иль пламень попаенной?
Всѣ скрыто въ бѣзднѣ роковой!

* * *
Уединенная могила
Давно выросла уже холмомъ;
Лишь въ память дѣвы насадила
Любовь цвѣпы на холмѣ шомъ.
И съ той поры, какъ здѣсь веснуопъ
Во всей красъ своей онъ:
Цвѣтальи Марии именуопъ
Ихъ дѣвы въ грустной сей странѣ.

И. Петровъ.

LOGOGRIPE.

De deux Muses, lecteur, je suis l'enfant batard :

Le fou, le sage, le vieillard,

Le jeune homme, la tendre mère,

En me voyant versent des pleurs,

Et me quittent souvent, pénétrés de douleurs ;

Sans tête un bras nerveux me tient à la galère.

Rends-moi mon chef, coupe mon second pié,

Je me métamorphose en dame.

Supprime-les tous deux, ô douleur ! ô pitié !

Il ne me reste plus que l'âme.

Въ No 100, помѣщенная шарда значить: *По-свистѣ.*

MODES.

Nous avons décrit les coiffures les plus remarquables que nous ont offertes, depuis quelque temps, diverses représentations de l'Opéra et du Théâtre-Italien. Presque toutes étaient à la grecque ou nattes tournées en chou par derrière; telles sont celles le plus généralement adoptées, et qui peuvent être indiquées définitivement comme coiffures à la mode.

Les spectacles nous ont offert également plusieurs toilettes d'un ensemble remarquable, et que nous citerions, si deux nouveautés ne réclamaient l'espace qui nous reste.

L'une est un petit bonnet composé de deux ou trois rangs de tulle tuyautés et étagés, formant auréole. Le fond de ce bonnet est également en tulle; il a assez ordinairement, par derrière, un bavonet formé de tulle aussi tuyauté. Par devant, presque au milieu, et entre le fond et l'espèce de passe que forment les rangs de tulle, s'élève une aigrette de tulle toujours à tuyaux, roulé deux ou trois fois sur lui-même, en forme de cornet. Ce bonnet unit l'élégance à la simplicité, et les dames se sont empressées de l'adopter pour le matin, quand elles restent chez elles.

L'autre nouveauté est une étoffe de laine d'un tissu fin, appelée *dalila demasquinée*. Elle est destinée aux robes; elle serait d'un effet très-riche en manteaux. C'est au magasin des *Deux Nuits*, place de la Bourse, que nous l'avons remarquée, au milieu d'une foule d'autres charmantes étoffes que l'espace ne nous per-

met pas d'indiquer aujourd'hui; mais nous y reviendrons.

C'est toujours chez madame Gagelin, marchande de nouveautés, rue de Richelieu n° 93, que se trouvent les étoffes les plus variées et les plus nouvelles pour tous les vêtements de la saison.

МОДЫ.

Мы описывали замѣчательнѣйшія прически, копорья мы видѣли, въ разныхъ представленіяхъ, въ Оперѣ и въ Италіанскомъ театрѣ. Почти всѣ были à la Grecque, или изъ косъ, свернутыхъ сзади репейкомъ; прически сіи вошли въ общее употребленіе и могутъ наконецъ назваться модными.

Въ спектакляхъ замѣтили мы также множество отличныхъ нарядовъ, и непременно бы описали ихъ, еслибы двѣ новости не требовали нашего вниманія.

Первая: тюлевый чепчикъ, обширный въ два или три ряда тюлемъ, сложеннымъ въ трубочки; сзади обыкновенно баволетъ также изъ тюля, сложенного въ трубочку. Спереди, почти въ срединѣ между чепчикомъ и оборками, которыя составляютъ родъ поля, пришилень султанчикъ изъ тюля сложенного въ трубочки, свернутого въ два или три раза, въ видѣ рожка. Въ эшомъ чепчикѣ соединяется щеголеватость съ простотою, и дамы носятъ ихъ упрямъ дома.

Вторая новость: шерстяная, весьма тонкая матерія, называемая *dalila demasquinée*; она употребляется для платьевъ, и была бы отлично красива для плащей. Мы замѣтили ее въ магазинѣ *des Deux Nuits*, на Биржевой площади, между множествомъ другихъ прелестныхъ матерій; не имѣя возможности описать ихъ шеперь, оставляемъ это для будущихъ листковъ.

У Г-жи Gagelin, въ магазинѣ новостей, въ улицѣ Ришельё, No 93, всегда находятся самыя новѣйшія и самыя разнообразныя матерія, для всякихъ одеждъ, по времени года.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 102.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
85 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 23 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Богъ дастъ намъ жизнь на радость
И на добрые дѣла.

Мерзляковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРАВСТВЕННАЯ АЛГЕБРА.

Бываютъ обспоятельства, которые пре-
буютъ отъ насъ рѣшимости въ дѣлахъ важ-
ныхъ; но мы не знаемъ, что предпринять.
Запрудненіе сіе болѣе происходитъ отъ то-
го, что мы не можемъ вдругъ обозрѣть
всѣхъ выгодъ и невыгодъ какого либо пред-
пріятія; мы перебираемъ въ умѣ одну мысль
послѣ другой, и когда дойдемъ до послѣдней,
то первая уже забыта. Отсюда происхо-
дятъ различныя предположенія, которыя по
берушъ перевѣсъ въ нашемъ воображеніи, то
 снова повергаются намъ въ недоумѣніе. Что-
бы останоуицъ на одной мысли, я упо-
требляю слѣдующій способъ: согнувъ на двое
листъ бумаги, на одной сторонѣ пишу за-
главіе *pro*, а на другой сторонѣ *contra*. По-
томъ, употребивъ два или три дня на раз-
мышленіе, кратко записываю въ соотвѣст-
ствующихъ заглавіямъ столбцахъ причины,
побуждающія меня принять ту или другую
сторону. Собравъ вмѣстѣ всѣ противополо-
жныя причины, я начинаю взвѣшивать ка-
ждую порознь, и если найду въ каждомъ
столбцѣ двѣ равновѣсныя: то вычеркиваю
ихъ. Когда одна причина равняется двумъ
противуположнымъ, исключаяю всѣ три.
Если двѣ причины вѣсиль противъ трехъ,

въ такомъ случаѣ исключаются пять; по-
ступая такимъ образомъ, я наконецъ усма-
триваю, на которой сторонѣ находится
перевѣсъ. Послѣ сего, если въ печеніи двухъ-
трехъ дней не придумаю ничего новаго, до-
стойнаго уваженія, я рѣшаюсь. Само собою
разумѣется, что нельзя взвѣсиль сіи причи-
ны съ математическою точностію; однако
же, когда каждая изъ нихъ опдѣльно и опно-
сительно къ другимъ изслѣдована, и когда все
сіе предспавляю себѣ въ совокупности, то-
гда кажется, что я въ состояніи судиль осно-
вательно, и менѣе подвергаюсь опасности
избранъ что либо безразсудное. Сей способъ
уравненія часто приносиль мнѣ великую поль-
зу: это можно назвать *правственою Алгеб-
рою, или Алгеброю осмотрительности.*

(Изъ Франклина.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОКОВОЙ ПАСТЕТЪ.

Повѣсть Шпиндлера.

(Продолженіе.)

IV.

Пробужденный первыми лучами солнца, я
рыскалъ уже по улицамъ и площадямъ, опы-
скивая мою возлюбленную, тогда какъ *Вал-*

михъ еще покоился на мягкихъ пуховикахъ; но всѣ поиски мои были тщетны: я возвратился домой ни съ чѣмъ, и что всего досаднѣе, я долженъ былъ выслушать нѣсколько новыхъ замѣчаній моего Мейнора на счетъ моей справки; наконецъ мы отправились къ Капитану. На дворъ было еще очень рано, но *Валлихъ* любилъ ночность, а припомъ жилище Капитана *Бема* находилось въ одномъ изъ отдаленныхъ предмѣстій. Мы не хотѣли взять съ собою лонъ-лакея, надѣясь съ помощію зоркости своихъ глазъ найти Кресповую улицу и домъ подъ Но 7. Пройдя множество улицъ и переулковъ, наконецъ мы увидѣли предъ собою желтый домъ съ зелеными ставнями. Надъ воротами величаво выставился Но 7. «Здѣсь ли живетъ Капитанъ *Бемъ*?» спросилъ, чтобъ не ошибиться, мой осторожный пріятель спаруху, торговавшую на углу яблоками и грушами. Торговка, какъ видите, крѣпка была на ухо: она, разинувъ ротъ, приставила ухо, и прежде чѣмъ *Валлихъ* звонкимъ голосомъ успѣлъ повпорить свой вопросъ, кивнула головою, указавъ на двери. Чахоточный хозяинъ дома, ремесломъ шкачъ, а характеромъ ханжа, споялъ на крыльцѣ хлопая буркалами.—«Куда пройди къ Капитану?» спросилъ *Валлихъ*.—Благоволите войти во второй ярусъ, проворчалъ святоша, съ поникшимъ взоромъ.

«Тѣфу пропасть, сказалъ *Валлихъ*, входя на лѣспницу: какимъ образомъ весельчакъ *Бемъ* попалъ въ эпоштъ монастырь? Вездѣ пусто, не видашь ни одной живой души!»

На второй лѣспницѣ однакожъ попался намъ съ плашѣемъ деньщикъ, которъй насвистывалъ *Люцову дикую охоту* (*).

«Ба, здѣсь начинается солдатскій бытъ!» сказала захохотавъ *Валлихъ*, и мы вошли. Въ коридоръ сидѣла спаруха, по видимому ключница, и чистила салапъ. Лежавая собака, лежавшая у ногъ ея, залаяла и обнюхала насъ.—«Дома ли Господинъ Капитанъ?»—спросилъ я спаруху.

—Нѣтъ,—опвѣчала она: онъ еще на ученьи.

«Еще на ученьи?» съ досадою подхватила *Валлихъ*.

—Можетъ быть оно и кончилось. Если вашей милости нуженъ Господинъ Капитанъ, по я. — —

«Какъ не нуженъ, чортъ побери!» началъ ворчать *Валлихъ*: «мы пришли къ своему барину завпракать; онъ насъ пригласилъ, а теперь и дома его нѣтъ; это очень неучливо.»

—Не сердись, любезнѣйшій!—уговаривалъ я *Валлиха*: вы сами знаете, что значить служба; что за бѣда, можно подождать четверть часа. — —

«Хорошо, шакъ и бытъ!» примолвилъ онъ успокоясь: «но ты мапушка, вѣрно не заставишь насъ ждать въ коридорѣ?»

—Сохрани Господи!—опвѣчала спаруха, и поспѣшила отворить дверь: не угодно ли войти?—

Мы вошли въ комнату. Посреди оной стоялъ накрытый столъ съ двумя кувертами. Живописный беспорядокъ царствовалъ на письменномъ столѣ и комодѣ. На нихъ навалена была куча бумагъ и книгъ разнообразнѣйшаго содержанія. Фолардъ и Ундина, Бюловъ и Песпалодцъ, Полибій и журналъ чуднаго леченія Князя Гогенлоге, военный уставъ и Эвальдово искусство бытъ счастливою женою и маперью, химическое изслѣдованіе составныхъ частей пороха и Вѣнскій поваръ. *Валлихъ* улыбался, перебирая сіи сочиненія. «*Бемъ* или пустился въ ученость или ряхнулся,» сказалъ онъ наконецъ: «прежде онъ не слишкомъ занимался кнѣгами, и я готовъ биться объ закладъ, что изъ всѣхъ разбросанныхъ здѣсь книгъ для него самая занимательная: Вѣнскій поваръ.»

Било то часовъ. Капитанъ не приходилъ. Спаруха суешилась въ кухню, оставляя насъ однихъ въ комнатѣ. Я стоялъ у окна, смотрѣлъ на голубое небо и мечталъ о своей незнакомкѣ. Прошло полчаса. *Валлихъ* выходилъ изъ терпѣнія.—«Какъ тебѣ нравится!» воскликнулъ онъ: «ни хозяинъ, ни гости не являюща. Насъ славно надули. Но я ему это припомню.»

Тутъ вошла спаруха. «Скажи пожалуй, Сара,» продолжалъ *Валлихъ*: «Капитана все еще нѣтъ!»

—Господь въдастъ, что это значить,—опвѣчала спаруха.

(*) Стихотвореніе известнаго поэта паршизана Кёрмера.

«Однакожь столъ накрытъ?»

— Баринъ велѣлъ приготовить завтракъ.—

«Отъ чего же только два куверта?»

— Что за снранный вопросъ!—возразила старуха.

«Помилуй, что туть мудренаго? подхва- шилъ *Валлихъ*: вѣдь я тебѣ сказывалъ, что Капитанъ пригласилъ къ себѣ семерыхъ го- стей. Гдѣ же онъ самъ до сихъ поръ пропа- даешь? Я ужасно проголодался. Подай-ка намъ водки, да чего нибудь закусишь.»

— Милостивые Государи,— отвѣчала спа- руха въ замѣшательствѣ: я всему этому вѣрю, однакожь баринъ мнѣ ничего не при- казывалъ, и

«Чортъ поberi!» вскричалъ *Валлихъ*: про- шу дѣлать безъ отговорокъ. Я лѣтъ съ двад- цать уже знаю твоего барина, бывалъ съ нимъ въ походахъ, живалъ вмѣстѣ съ нимъ въ одной палаткѣ; правда, онъ всегда былъ большой вѣщеникъ, но никогда не звалъ къ себѣ гостей попустому. И такъ прошу не ворчать. Принеси скорѣе завтракъ. По- давай-ка сюда лососину!»

— Госноди помилуй! — сказала всплеснувъ руками изумленная ключница: какъ подавашъ мнѣ то, чего у меня нѣтъ? —

«Ну, такъ принеси щеляпины, Веспфаль- скаго окорока или каплуна подъ желѣ. . . . Все равно.»

— Царь небесный! — продолжала вопить старуха: этого не бывало у насъ въ домѣ.—

«Право?» сказалъ *Валлихъ* съ яростию, и обращаясь ко мнѣ, продолжалъ: «видишь ли какъ насъ провели, какъ жестоко надули. Теперь нечего и спрашивать про насъ съ рябчиками; ужъ вѣрно и это было ни- что иное, какъ игра воображенія нашего любезнаго Капитана, который вздумалъ по- забавиться надъ нами.»

— Насъ съ — то ешь, — робко сказала старуха — но.

«Сюда его!» — вскричалъ *Валлихъ*.

— Но я не знаю. —

«Не заборись, машушка; я буду въ ошвѣтъ.»

— Онъ подаренъ Генераломъ, и если ба- ринъ узнаешь. —

«Сдѣлай милость, не бѣси меня! Генераль- ской подарокъ! Экая бѣда! Я закадычный

другъ твоего барина, со вчерашнего вечера ничего не ѣлъ, чтобы приготовить къ его проклятому завтраку, и голодный желудокъ не разбираетъ чиновъ. Ну чпожь, спсупай за насъпомъ. Заявившись имъ, я дождусь Капитана и прочту ему славную пропо- вѣдь.»

— По мнѣ извольте!—отвѣчала ключница: не моя будешь вина, если баринъ разсердится.

«Не забудь принести хорошаго вина!» на- помнилъ *Валлихъ*.

Старуха заботливо покачала головою, взя- ла ключи со стѣны и пошла.

V.

«Хорошъ нашъ пріѣшель,»—сердито вор- чалъ *Валлихъ*, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатахъ: «молодецъ! зовешь къ себѣ на завтракъ, а ничего нѣтъ у него ни въ кухнѣ, ни въ погребѣ. Я увѣренъ, что онъ вчера безъ насъ еще порядкомъ нагрузился, и позабылъ гостей и приглашеніе! Онъ все пошъ же, каковъ былъ прежде. Въ комнатахъ его всегда былъ безпорядокъ, но главнаго убранства не вижу: ружей. Не въ этой ли боковой ком- натахъ они?»

Валлихъ, ошворивъ дверь и ошступилъ съ изумленіемъ.

— Чпо такое? — спросилъ я.

«Чортъ возьми!» ошвѣчалъ онъ: «нѣтъ! это не ружья. но чпо-то поопаснѣ.»

— Чпожь такое? — спросилъ я съ любо- пытствомъ, подойдя поближе.

«Посмотри-ка самъ,»—отвѣчалъ мой спуч- ный пріѣшель, и скажи мнѣ, приличны ли такія вещи въ комнатахъ овдовѣвшаго Капи- тана?»

Я посмопрѣлъ и принужденъ былъ улыб- нуться. На полу стояли сундукъ и карпюнк- ки; возлѣ окна висѣлъ дамскій шелковый плащъ, на стульяхъ лежали шляпки и вуа- ли, спереди стояли пальцы, въ углу краси- вая бѣлая поснела съ занавѣсами, а подъ нею маленькіе, миленькіе башмачки.

Валлихъ пришворилъ ошпъ дверь, и про- должалъ: «этого я никогда не ожидалъ отъ *Белы*; теперь понимаю однакожь, какимъ образомъ зашли сюда романы и Вѣнскій по- варъ; но все не поспигаю, на чпо Дульциневъ

вдовца нужны Эвальдъ и Песталоцци: по всему видно, что не старая *Сивилла* живетъ въ этой комнаѣ.»

Въ эту минуту вошла *Сивилла*, неся въ одной рукѣ двѣ бутылки вина, въ другой половину паспета. *Валлихъ* снова взбѣлся.

«Что это значить?» вскричалъ онъ на нее: «зачѣмъ ты принесла только половину паспета?»

— Царь небесный! — проворчала старуха: откуда же взять мнѣ болѣе. Вчера еще паспета былъ цѣлехонекъ. Но Господинъ Капитанъ поздно ужиналъ съ пріятелями. —

«Право?» вспыхнувъ сказалъ мой полсшій Меншоръ: «видишь ли, *Винтерфельдъ!* Вчера поздно, т. е. послѣ коварнаго приглашенія, эпоть варваръ, эпоть Вандаль припащилъ своихъ клевереповъ, и сожралъ съ ними паспета, копорымъ онъ хотѣлъ насъ угостить. Хорошо-же, скряга, обманщикъ! Центру, флангамъ и бапареямъ твоего завтрака нанесу я жесточайшее пораженіе. Садись, *Винтерфельдъ!* Врубись и не цади его артилеріи!»

Мы съѣли завтракъ; превосходнѣйшій паспета, начиненный рябчиками, подвергся жестокой апакъ. Старуха, выпацивъ изъ за-печи самонрялку, занялась работою и поемапривала на насъ съ удивленіемъ. *Валлихъ* налилъ стаканы, попробывалъ. — «Эпо здѣшнее вино?» угрюмо спросилъ онъ ключницу.

— У Господина Капитана нѣтъ другаго въ погребѣ; — отвѣчала она.

«Прекрасно!» воскликнулъ мой пріятель и пожалъ плечами: «проказникъ обѣщавъ намъ Бургонскаго и Токайскаго, а у него нѣтъ и Рейнвейна въ погребу. Погоди-ка, лжепророкъ! За сей обманъ осушимъ мы весь твоей запасъ и не оставимъ ни капли изъ твоего кислаго доморощеннаго вина.»

Я уговаривалъ его умѣрить гнѣвъ, но голосъ мой былъ голосомъ въ пустынь. *Валлихъ* ѣлъ и пилъ непомѣрно. Наконецъ онъ остановился только для того, чтобы спросить пряху: давно-ли Капитанъ на другой женатъ?

Старуха, выпучивъ на него глаза, отвѣчала: онъ уже дѣвъ десять вдовцемъ. Я за-

крыла глаза покойницѣ, — и знаю навѣрное, что баринъ никогда опять не женится. —

«Пустяки! Враки!» сказалъ захохотавъ *Валлихъ*: «не спорю: можетъ спастись онъ и не женатъ, но у него есть возлюбленная. Я искалъ въ этой комнаѣ ружей, а нашелъ женскіе наряды и посмелю съ занавѣсами. Какимъ это образомъ?»

— Гмъ! лукаво улыбнулась пряха, чтожь шутъ мудренаго! Тамъ живетъ барышня, дочь Капитана. —

«Право?» подхватилъ *Валлихъ* недоумчиво: «та самая, кошорая въ 15 милляхъ отсюда воспитывается въ Институтѣ?»

— Точно такъ. Въ Среду она прѣхала, и врядъ ли возвратится въ пансіонъ, пошому, что Генеральша беретъ ее къ себѣ въ компаніонки. —

«Гмъ!» проворчалъ мой пріятель: «спало бытъ я ошибся; однакожь довольно странно! Капитанъ вчера именно говорилъ мнѣ, что се нѣтъ въ городѣ.»

— Хороша она собою? — спросилъ я.

— Какъ Ангелъ! —

«Разумѣется! Онъ всѣ Ангелы!» сказалъ *Валлихъ*.

— Хорошо воспитана? прибавилъ я.

— Какъ царица! — продолжала старуха.

«Ого! такого сравненія не допускаетъ и Риторика, замѣнилъ *Валлихъ*; но гдѣ же эта красавица, эта хорошо воспитанная дѣвица?»

— Она поѣхала въ городъ и . . . —

Тутъ загремѣлъ колокольчикъ. Старуха встала, и вышла изъ комнаты.

Валлихъ продолжалъ: «Вотъ какъ людишки льстятъ. Можеть бытъ эта дѣвушка дурна собою какъ уродъ, глупа какъ Иродъ — но она дочь ея барина, и . . .»

— Любезнѣйшій *Валлихъ!* прервалъ я его: вы знаете мое пристрастіе къ женскому полу. Поцѣдите мои уши отъ подобныхъ опзывовъ (*). «Уважайте женщинъ; онѣ влетаютъ намъ колотіе терны въ семейную

(*) Ehret die Frauen! sie flechten und coeben Himmlische Rosen in's irdische Leben.

Уважайте женщ! Онѣ влетаютъ небесныя розы въ земную жизнь. (*Изъ Шиллера.*)

жизнь,» пародировалъ варваръ: «но довольно.» Да здравствуюте женщины! Не прислуживалиеь намъ за споломъ Церера и Деметръ? Не веселише ли насъ въ эшомъ опечесивенномъ и доморощенномъ винѣ веселый *Бахусъ* или *Либеръ*? Бьюсь объ закладъ, что для соснавленія прію скоро явится къ намъ и Госпожа *Афродита*, по крайней мѣрѣ слышу шепчущій за дверью сладостный голосъ.»

И дѣйствительно за дверью послышался шорохъ.

—Извольте войши, сударыня! — говорила ключница довольно громко: одинъ изъ нихъ хоше большой чудакъ, за то другой шѣмъ ласковѣе и скромнѣе. Но оба корошкіе знакомцы вашего бапюшки.—

Дверь расворилась, и на порогѣ сполла— въ першисмосни, войши ли или нѣтъ—моя вчерашняя незнакомка.

Трудно изобразише мои чувствования: Да и къ чему?

Я бросился къ прелестной на встрѣчу, и краснѣя и запинаясь, ввелъ ее въ комнату.

«Извините, сударыня!» сказалъ *Валлихъ* опмѣнно учиво: «извините! Вы видисше здѣсь экзекуцію, но самую мирную въ свѣтѣ. Папенька вашъ сыгралъ съ нами шутку, копорая пребовала мщенія. Вы видисше, папеша ужъ нѣтъ; онъ *былъ!* Вино выпито, и мы еще намѣрены были мстити погребу вашего бапюшки. Но эшо мщеніе угасло при вашемъ появленіи.»

Онъ спалъ разсказывать. Дѣвица, казалось, слушала его со вниманіемъ, чпобы только уклонишеся опъ пламенныхъ взглядовъ, кои ми я, въ сладостномъ упоеніи, пожиралъ ея прелести. *Юлія* весьма снисходительно опвѣчала на искренній разсказъ моего пріятеля, но жалѣла, что ни слова не знала о семъ приглашеніи.— Мнѣ даже кажется, сказала она, что папенька сегодня опозванъ къ одному корошкому пріятелю.—

«Эшо спранно!» возразилъ *Валлихъ*: «не ужъ-то я ошибся, и Капишанъ назвался къ намъ?» . . .

Сивилла поставила для своей барышни пальцы къ окну. Я подселъ къ красавицѣ . . . Сладкія, какъ медъ, выраженія, изливались

изъ устъ моихъ; краснорѣчивые взоры были мнѣ за то наградою. Съ четверть часа мы бесѣдовали, не обращая вниманія на *Валлиха*, копорый рылся въ книгахъ, игралъ съ лягавою собакою, сунулъ ключницѣ въ руку кроншалеръ за ея хлопоты, и проводилъ время какъ умѣлъ. Съ четверть часа говорилъ я съ *Юліею*, и мы знали уже, что оба любимы другъ друга, не сказавъ о томъ ни слова.

«Видисше ли *Винтерфельдъ*,» — вскричалъ внезапно *Валлихъ*, и подошелъ къ намъ съ распечатанною запискою, найденною имъ на сполѣ. . . . «На вошъ, чишай. Я правду говорилъ, но при всемъ томъ, дѣло эшо весьма запушанное. Въ эшой запискѣ Капишанъ приглашаетъ къ себѣ какого-то пріятеля *Бернера* на пашетъ съ рябчиками.—Хорошо, что эша записка не послана, а то бѣдный, обманушый *Бернеръ* пришелъ бы понапрасну, также какъ и мы.»

—Развѣ мы пришли понапрасну?—вскричалъ я съ живоспью, крѣпко наспушивъ безразсудному на ногу, и поцѣловалъ руку у моей прелестной, прося прощенія за моего полстаго Менпора. Она съ удивленіемъ посмошрѣла на насъ обоихъ, и сказала мнѣ въ полголоса: «вашъ другъ, мнѣ кажется, ужасно разсѣянъ, или шупъ еспъ недоразумѣніе. Но ваша фамилія, сударь, мнѣ знакома. *Винтерфельдъ* изъ Г. . . .?»

—Точно такъ, сударыня.—

«Вы сынъ фабриканта *Винтерфельда*?»

—Единственный сынъ.—

«Не ужели! И папенька вчера васъ видѣлъ, говорилъ съ вами, зналъ, съ кѣмъ говорилъ, и мнѣ не сказалъ о томъ ни слова?»

—Чтожь шупъ необыкновеннаго? Почему же непременно? Разскажисше, пожалуйста,—спросилъ я, подешрекаемый любопытствомъ. «Наши родисшели были старинные друзья.» —Право? въ первый разъ слышу; но шѣмъ лучше.—

«Папенька мой,»—продолжала она,—«когда-то имѣлъ случай оказашъ вашему бапюшкѣ услугу, копорая, будучи съ избыткомъ опплачена, соединила ихъ узами вѣчной дружбы.»

—Превосходно! Безподобно!—вскричалъ я.

«Вашъ папенька, путешествуя въ молодости, попался вербовщикамъ въ когпи. Неопытный юноша погибъ бы невозвратно, но папенька мой, служившій въ то время Прапорщикомъ, освободилъ его.»

—Боже мой! воскликнулъ я, вскочивъ: эпю исторію слышалъ я тысячу разъ въ родительскомъ домѣ, впрочемъ. . . .—

«Нѣсколько лѣтъ спустя,»—продолжала разсказъ свой *Юлія*—«опецъ мой находился въ крайности. Будучи обрученъ съ прекрасною, образованною дѣвицею, онъ не могъ на ней жениться, ибо не имѣлъ никакого капитала, которой Офицеръ по закону обязанъ представить въ поручительство. Онъ былъ въ опчаяніи! Вдругъ являеися вашъ батюшка ангеломъ-избавителемъ, узнаетъ эпю, помогаетъ ему, присылаетъ обратно разорванный вексель въ 6,000 талеровъ, и назначаетъ сію сумму въ приданое дочери своего друга.»

—Точно такъ! Знаю, знаю, по фамиліи. . . Боже мой! Я совѣтъ не свой. Теперь только я догадался, почему поразило меня имя, которое мой пріятель читалъ въ запискѣ. Тотъ услужливый Прапорщикъ, о которомъ вы изволили говорить, назывался *Бернеръ*.—

«Да, да! Такъ чтожь?»

—Но фамилія вашего папеньки не. . . .—

«Неужь-то вы хотите у него оспоривать его честное имя?»—спросила она лукаво, грозя пальцемъ.

—Да развѣ я околдованъ?—спросилъ я; потеръ себѣ лобъ, и въ замѣшательствѣ посмотрѣлъ на *Валлиха*, который съ отверстыми ртомъ слушалъ разговоръ, изъ коего онъ, по видимому, не понималъ ни слова.

—Развѣ мы теперь не у. . . .—

«У моего папеньки,»—подхватила красавица, улыбаясь: «но такъ какъ слышу его голосъ, то скоро вамъ все объяснится.»

—Она жестоко ошиблась. Тутъ-то потемнѣло у насъ въ глазахъ, ибо дверь отворилась, а передъ нами стоялъ не другъ нашъ *Бель*, а какая-то воинственная, совершенно незнакомая фигура въ мундирномъ серпукѣ

и Капитанскихъ эполетахъ. *Сивилла*, блѣдная какъ полопно, оспанивилась у дверей и, казалось, выдержала уже первый напискъ разгнѣваннаго воина.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ (*).

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота)
деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ
покойно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко! И только успѣла Суббота
промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ шупъ и ее принимаетъ
безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресе-
сень;
Легкой рукою, шихонько двери свои опворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сія-
ютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ за-
держивъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣ-
вашъ
Свѣжій почвой въперокъ, сквозь сонъ встрепену-
вшись, какъ будто.
Утра далекій приходъ боясь пропустишь; невди-
димкой
Ходишь, какъ духъ безтѣлесный, несмыслиной спо-
ной Воскресень.
Въ роцу заглянешъ—шамъ тихо; листья молчатъ;
сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки
смотрятъ;

(*) Изъ отличпо-хорошаго Альманаха: *Альціона*, издава-
наго *Барономъ Е. Ѳ. Розеномъ* на 1832 годъ.

О семъ Альманахѣ въ № 276 Сѣв. Пчелы сказано:
«Спѣшимъ извѣститъ публику, что появился въ свѣтъ Альманахъ *Альціона*, на 1832 годъ, издаваемый
Б. Розеномъ. Разборъ сего прекраснаго Альманаха бу-
детъ помѣщенъ въ одномъ изъ первыхъ номеровъ Сѣв.
Пчелы на будущій годъ. Теперь же скажемъ предвари-
тельно, что сіе изданіе отличается изящесствомъ и
правоспвенностью, и можетъ быть пріятнымъ подар-
комъ дамамъ и дѣвцамъ.»

Кое-гдѣ яркій свѣшлякъ на листочкѣ горитъ, какъ
лампада
Въ кельѣ опшельника. По лугу тихо пройдетъ —
шамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ
вся окрестность,
Холмы, деревья въ пестрыя пѣни слился, и
молча
Слушаютъ шопошъ. Зайдетъ на кладбище — мо-
гилы въ глубокомъ
Слѣ, и подѣ легкимъ вѣхъ дерномъ, какъ будто что
дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дышащемъ. Въ село завернетъ — и шамъ
все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣшухи, и сельская цер-
ковь
Съ шемной своей колокольней, внутри озаренная
слабымъ
Блескомъ свѣчи предѣ Иконой, спонитъ какъ будто
безмолвный
Спорожъ деревни. Спокойно на паперши свѣтъ,
Воскресенье
Ждетъ посреди глубока пмы и молчанья, чшобъ
утро
На небѣ тронулось. . . . Тронулось утро; во пму
и молчанье
Что-то живое проникло; спало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть. . . . пѣшухъ закричалъ. Воскре-
сенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько ше-
пнуло:
«Солнышко, встань!» И разомъ подернулся
блѣдной струєю
Темный воспокъ; началось шамъ движенье, и слѣ-
домъ за яркой
Упренней звѣздочкой, рой облаковъ прилепѣлъ и
усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ выбѣгалъ, облака зажн-
гая. . . .
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце
явилось.
Вся деревня проснулась, и видяптъ: спонитъ Во-
скресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ,
«Доброе утро!» всѣмъ говорить. И шоржешивенно-
шихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-труд-
ной недѣли;
Благовѣсптъ звонкій въ церковь зоветь — и въ
одеждѣ Воскресной

Старый и малый идушъ на молитву. . . въ де-
ревнѣ молчанье;
Въ церкви дымящая кадиль, и тихое слышншя
пѣнье.

В. Жуковский.

Д Ъ Т С Т В О .

Я былъ дитя, онажъ прекрасна, высока,
Мнѣ улыбалася, къ себѣ меня манила,
Брала въ объятія, — а дѣтская рука
По персямъ, по лицу, по локонамъ скользила. . . .
Съ улыбкой милою, красавица смелка
Перспомъ лилейнымъ мнѣ за шалости грозила.
Влюбленныхъ юношей пуспой надеждой льстия,
Она ири нихъ ко мнѣ казалася болѣ страстной;
Какъ часто, но тогда, увы! что смыслилъ я?
Подѣ поцѣлуйми дремалъ я у прекрасной,
А паспухи, вздохнувъ: «о щастливый дитя!»
О! сколько милыхъ благъ, потерянныхъ напрасно!..

А. Норовъ.

Ш А Р А Д А .

Попробуйте завестъ *нагало*,
Такъ запаскаютъ по судамъ,
Что на дары Секретарямъ
Полуначала будетъ мало.
Последнимъ въ древнѣ вѣка
Звалася извѣстная рѣка.
Отъ *црлаго* жъ, слухъ носится старинной,
Вдругъ загорѣлася Москва;
И у него жъ въ Москвѣ невинно
Скапнлася съ плечъ на плаху голова.

Въ No 101, помѣщенный логогрифъ значить:
Drame; въ немъ найдѣте вы: *game, dame* и *ame*.

М О Д Е С .

Le cachemire s'emploie plus que jamais pour robes.
Plusieurs de ces robes, portées par différentes dames
à la représentation de mercredi dernier à l'Opéra,
avaient pour bordures deux rangs de palmes, celles
du second, moins grandes que celles du premier rang,
dépasseaient d'environ six pouces la hauteur du genou.
La couleur dominante du fond de ces robes était ou
bleu haïti ou gros vert.

Les manteaux, devenus très-nombreux, sont aussi très-variés dans le choix des tissus employés pour leur confection. Un des plus remarquables que la sortie du spectacle nous ait offerts, et que portait une dame, était un manteau semblable à ceux des Arabes, et que l'on appelle *barnus*. Il était blanc, en étoffe de poil de chameau, et doublé de gros de Naples cerise. Il avait un capuchon rond, doublé aussi en soie cerise, froncé en dedans; une frange de soie blanche l'entourait. Sur ce premier capuchon en retombait un second, formant une pointe terminée par un gros gland de soie blanche. Deux bandes de gros de Naples cerise, de quatre à cinq pouces de large, bordaient par devant chaque côté de ce manteau, au haut duquel étaient deux brandebourgs et une gance servant à l'attacher.

Dans ce moment où les manteaux deviennent indispensables, nous croyons ne pas pouvoir mieux terminer cet article qu'en citant les tissus les plus nouveaux employés pour ce genre de vêtement. Nous nommerons d'abord le *dalila*, étoffe laine et soie damasquinée couleur sur couleur, que nous avons citée dans un de nos précédens numéros; vient ensuite le reps africain qui a beaucoup de vogue, et enfin le velours d'Ispahan.

La forme la plus nouvelle est à pélerine découpée à dents et collets de velours. Un autre manteau, qui unit la simplicité au bon goût, est celui en cachemire fond uni, avec une bordure en relief imitant parfaitement la broderie.

М О Д Ы.

Кашемиръ въ большемъ употребленіи для плащей. Въ прошедшую среду въ Оперѣ на многихъ дамахъ были кашемировыя плащя, съ каймами, состоящими изъ двухъ рядовъ пальмъ; пальмы верхняго ряда выше колѣнъ на шестъ дюймовъ и меньше пальмы нижняго ряда. Для группа господствующіе цвѣта: голубой *Haiti* или темнозеленой.

Плащей появилось весьма много, и замѣтно большое разнообразіе въ выборѣ матерій, на нихъ употребляемыхъ. Мы опишемъ замѣчательнѣйшій, какой мы видѣли на одной

дамѣ, при разѣздѣ изъ Театра: онъ походилъ на Арменскіе плащи, которые называются *barnus*. Бѣлой, изъ мапериі, сдѣланной изъ верблюжьей шерсти, и подложенъ алымъ гроденаплемъ. Круглой капшонъ, подложенъ также алымъ гроденаплемъ, внутри собранъ и обшитъ бѣлою, шелковою бахромою; сверху откинувшъ другой капшонъ, оканчивающійся мыскомъ, къ которому пришитъ большой желудъ изъ бѣлаго шелку. Шлы обшиты алымъ же гроденаплемъ, отъ чешырехъ до пяти дюймовъ ширины, вверху два брандѣбура и шнурокъ, которыми завязывался плащъ.

Теперь, когда плащи сдѣлались необходимы, мы не можемъ приличнѣе описать сей шапцы, какъ описать новѣйшія мапериі, употребляемыя для сего рода одеждъ. Мы назовемъ сперва: *dalila*, мапериі шерстяная съ шелкомъ, камчатная пикань одного цвѣта по другому; о которой мы уже говорили въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ номеровъ; потомъ въ большемъ употребленіи Африканской реишь, и наконецъ, Испанской бархатъ.

Самой новѣйшій покрой для плащей съ пелеринкою, вырѣзанною зубцами и бархатными воронниками. Еще видѣли мы плащъ, въ которомъ соединялась простона съ щеголеватостію, изъ одноцвѣтнаго кашемира, возвышенной каймою, совершенно подражающей шипью.

С М Ъ С Ъ.

Полученные и недоученые считаются самыми злыми врагами просвѣщенія. Ученые судящъ о наукахъ здраво, невѣжды совѣтъ не судящъ, а полученные судящъ о нихъ криво, но смѣло, рѣшишельно.

Свѣдѣнія умозрительныя возможны только при опытныхъ, а послѣдніе возможны сами по себѣ, независимо отъ первыхъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 103.

Цѣна годовому издавію,
состоящему изъ 104 Но.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 26 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Напрасно ты о томъ скучаешь,
Что не живешь въ иномъ краю;
Не ужьли ты воображаешь,
Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
Князь Долгорукий.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СОВѢТЪ МОЛОДОМУ РЕМЕСЛЕННИКУ.

Ты желаешь, чтобы я сообщилъ тебѣ на письмѣ свои мысли, копорыя принесли мнѣ пользу, и копорыми ты можешь также воспользоваться, если захочешь: исполняю швое желаніе.

Вспомни, что время драгоцѣнно. Кто можетъ заработать въ день пять рублей, но употребляетъ половину дня на гулянье или на бездѣлье, тотъ, хотя бы издержалъ въ сіе время не болѣе 15 копѣекъ, долженъ полагать въ счетъ не одиъ сіи издержки. Онъ сдѣлалъ невозвратный расходъ, скажемъ лучше, бросилъ за окно 2 рубля съ половиною.

Помни, что довѣріе драгоцѣнно. Человѣкъ, оставшая деньги свои въ моихъ рукахъ долге назначеннаго къ платежу срока, уступаютъ мнѣ проценты или всю прибыль, какую могу я получить отъ нихъ въ сіе время. Подобныя уступки составляютъ значительную сумму для того, кто имѣетъ обширный и постоянный кредитъ, и умѣетъ имъ пользоваться.

Помни, что деньги имѣютъ большую раздѣлительную силу. Деньги родятъ деньги; отъ первой прибыли еще скорѣе получается но-

вая прибыль и.т.д.—Пять рублей, отданные въ ростъ, черезъ 11 лѣтъ составляютъ десять рублей, черезъ двѣдцать съ процентами на проценты 18; черезъ 40 лѣтъ 36 рублей. Возрастая постепенно—бѣдѣе 5 рублей составляютъ, наконецъ, сумму, равную долгамъ Великобританіи. Чѣмъ болѣе вѣрныхъ ссудъ, тѣмъ болѣе приращенія, и прибыль быстро возрастаетъ. Кто убиваетъ супорось, тотъ уничтожаетъ весь приплодъ до тысячнаго колѣна. Кто бросаетъ одиъ рубль, тотъ уничтожаетъ всю прибыль, какую бы онъ могъ принести, до нѣсколькихъ сотъ рублей.

Помни, что въ годъ можно накопить пятьдесятъ рублей, откладывая каждый день не болѣе пятнадцати копѣекъ. Съ помощію сей маловажной суммы, тогда какъ другіе на столько же прапятъ времени или денегъ, человѣкъ съ кредитомъ, безъ всякаго поручительства располагаетъ и пользуется нятью процентами съ капитала въ 1,000 рублей. Капиталъ сей, пущенный въ оборотъ, принесетъ промышленному человѣку большую прибыль.

Помни пословицу: *вѣрный плательщикъ есть хозяинъ чужихъ кошелековъ.* Тотъ, кого почитаютъ исправнымъ и вѣрнымъ платель-

щикомъ въ опредѣленный срокъ, всегда и при всякомъ случаѣ можешь пользоваться всѣми деньгами, коими въ состояніи располагать его приятели: пособіе, иногда весьма полезно. Сверхъ труда и бережливости, ничто столько не способствуетъ успѣхамъ молодаго человека въ свѣтѣ, какъ починность и справедливость во всякомъ дѣлѣ. Для сего берегись промедлить одинъ часъ послѣ срока, въ который надобно заплачивать долгъ, дабы сею неисправностію не потеряшь навсегда довѣрія своего заимодавца.

Для поддержанія довѣрія, не надобно забывать самыхъ ничтожныхъ мелочей. Когда заимодавецъ швой слышитъ спукъ молотка въ швоей масперской въ 5 часовъ утра или въ 9-ть вечера, тогда ты смѣло можешь имѣть у него кредитъ на полгода впередъ; но если онъ увидитъ тебя за биллардомъ, или услышитъ голосъ швой въ пракширѣ, тогда, какъ ты долженъ бы быть за работою, то на другой же день пошлешь къ тебѣ за долгомъ и впередъ не надѣйся выпросить у него ни гроша. Подобныя мелочи показываютъ, каково исправляешь ты свои дѣла; симъ-то образомъ можешь ты заслужить имя порядочнаго и честнаго человека, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножишь свой кредитъ.

Берегись впаспѣ въ заблужденіе, свойственное людямъ, имѣющимъ довѣріе, то есть, почищать собственностію все то, что имѣешь, и смотря пошому, располагать свой образъ жизни. Для избѣжанія сей ошибки, веди точный счетъ своимъ приходамъ и расходамъ. Если потрудишься записывать всѣ мелочныя издержки, то это принесетъ тебѣ большую пользу: ты увидишь тогда, съ какою удивительною скоростію, самые ничтожные расходы, сославляютъ значительную сумму, и узнаешь, что прежде легко было бы сберечь, и сколько можно оплощить на будущее время, не лишая себя необходимаго.

Наконецъ, дорога Форшунны угладится для тебя пзже, какъ торговая площадь. Все зависитъ отъ двухъ вещей: *труда и бережливости*; ш. е. не надобно прапиривъ ни времени, ни денегъ, но дѣлать изъ нихъ сколько можно лучшее употребленіе. Безъ

труда и бережливости не сдѣлаешь ничего, а съ ними все совершишь. Тотъ, кто пріобрѣтаетъ все, что можно пріобрѣсти честнымъ образомъ, и берегаеть пріобрѣтенное, исключая необходимыхъ издержекъ, тотъ непременно сдѣлается богатымъ, если только промыслу Всебшшняго, Который правитъ вселенною и Котораго всѣ должны умолять о благословеніи своихъ честныхъ трудовъ, не благоугодно будетъ устроить иначе.

Старый Ремесленникъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОКОВОЙ ПАСТЕТЪ.

Повѣсть Шпиндлера.

(Окончаніе.)

VI.

Минулы двѣ прошло въ безмолвномъ замѣшательствѣ. Наконецъ Капитанъ значительно попрыскалъ серебрянымъ пемлякомъ, и усремилъ на насъ убійственный взглядъ, какъ бы въ укоръ за похищеніе превосходнѣйшаго въ свѣтѣ пастета. *Валлихъ* окаменѣлъ; я заговорилъ было робкимъ голосомъ: Господинъ Капитанъ. . . . Но громовымъ *молчатъ!* онъ зашкнулъ мнѣ рошъ. *Юлія* хотѣла говорить и она не смѣла.

«Презабавная исторія!» сказалъ онъ выразительнымъ голосомъ: «кто этому повѣришь? Я на минупу отлучаюсь изъ дому, и два человека, которыхъ и въ лице не знаю, никогда не видывалъ, берутъ присупомъ мою квартиру, называютъ себя моими закадышными пріятелями, обманываютъ и спрашиваютъ мою спарую ключницу, копоралъ, какъ нечистая совѣсть, прижалась къ уголку, пожираютъ славный пастетъ, присланнй Генераломъ право не для ихъ хищныхъ когтей, браняшь мое вино, ругаютъ меня, и даже не довольствуются эшимъ разбойническимъ нахальствомъ.»

—Господинъ Капитанъ!—Прошу успокоиться и выслушать меня!—вскричалъ *Валлихъ* спрोगимъ голосомъ. — *Юлія* кивнула мнѣ, чтобы я молчалъ.

«Сперва выслушайте меня!» продолжалъ Голяевъ, и сдѣлалъ двусмысленное движеніе просьбою: «наружность ваша меня не обманетъ; нынче бездѣльникъ болѣе всѣхъ походитъ на честнаго человѣка. Онъ находитъ въ этомъ свой расчетъ. Но я не сегодня родился, и очень понимаю, что ваши нахальства мѣшали на неопытность моей дочери.»

—Вашей дочери?—спросилъ я съ удивленіемъ.

«Да,» возразилъ Капитанъ еще сердитѣе: «моей дочери, которая, мимоходомъ сказать, могла бы въ Институтъ своемъ научиться чемунибудь лучшему, нежели въ отсутствіи отца назначать свиданія своему любовному.»

—Ради Бога! быстро подхватила Юлія милый папенька!

«Молчи, сударыня!» вскричалъ разгнѣванный старикъ: «я знаю, что говорю. Развѣ эпопѣй молодецъ не пошѣ самый подлипала, который вчера проводилъ себя къ подругѣ, который разсѣлся съ тобою у воротъ и смотрѣлъ за тобою вслѣдъ, до пѣхъ поръ, пока фельдфебель мой не образумилъ его порядочнымъ пощкомъ, когда мы проходили мимо церемониальнымъ маршемъ? Вы, сударыня, вѣрно не думали, что бы мои пятидесятилѣтніе глаза видѣли такъ далеко, но...»

—Да выслушайте меня,—прервалъ я война и схватилъ его за руку.

«Позвольте вамъ сказать одно слово,»—проворчалъ Валлихъ, и схватилъ его за другую руку.

«Милый папенька! пусть недоразумѣніе. Выслушай!» примолвила Юлія вѣжливымъ умоляющимъ голосомъ, и кинулась къ нему на шею.

Капитанъ былъ скованъ.

Валлихъ началъ разсказывать, Юлія и я поподняли. Ошибка была очевидна, но старикъ влиязь все еще упорствовалъ.

«Но моя фамилія не Бемъ, а Бернеръ,» сказалъ онъ наконецъ: «и наши жительство...»

—Близехоньки одно отъ другаго,—подхватила Юлія: Бемъ живетъ подлѣ насъ въ новой Крестовой улицѣ.—

—И подѣ темъ же самымъ номеромъ,—вскричала Сивилла въ дверяхъ.

«Почему же ты этого не сказала Господамъ?» спросилъ Капитанъ снисходительнѣе.

—Они просто спрашивали Капитана,—отвѣчала спаруха торжествующимъ голосомъ: и какъ въ нашемъ домѣ живетъ одинъ только Капитанъ, по...—

«Хорошо, хорошо,» прервалъ ее отецъ Юліинъ, поширая руки: «быть можетъ... У Капитана Бема нынче дѣйствительно званый завтракъ; онъ пригласилъ и меня; записка его еще ипамъ на письменномъ столѣ; дѣла меня задержали...»

—Вопш и разгадана загадка,—сказалъ Валлихъ: вы пожалуете вмѣстѣ съ нами къ Бему, котораго застанемъ или въ опчальни, что такъ долго неидемъ, или за завтракомъ, и Гордіевъ уземъ самъ собою развяжется.—

«Да, да!» возразилъ Бернеръ, нѣсколько подумавъ: «это дѣльно; я безъ этого приглашенъ. Дай Богъ, чтобы справедливость была на вашей сторонѣ; въ такомъ случаѣ я попрошу прощенія у моей Юліи, а вамъ, Господа, дамъ сачисфанцію, какую хопите. Я васъ въ сердцахъ обидѣлъ; шеперь я это очень чувствую.»

—Все къ лучшему!—сказалъ Валлихъ, смѣясь.

«Надѣюсь!» возразилъ Капитанъ важно, и схватилъ шляпу.

Юлія прижалась къ нему, и спросила протрапелънымъ голосомъ: «неужели ты можешь обнажить шпагу противъ сына пивоего стариннаго друга Винтерфельда, или онъ проптивъ себя?»

Онъ изумился. Я подтвердилъ слова Юліи. Онъ еще сомнѣвался. Я вытащилъ изъ кармана башюшкины письма и подаль ему. Взоръ, исполненный любви, отблагодарилъ прелестную за ея благосклонное участіе; глаза ея заблестали живѣйшимъ огнемъ, ланиты подернулись пурпуромъ дѣвственнаго стыдливости.

Капитанъ узналъ почеркъ моего отца; распроганный, прижалъ письма къ сердцу, и возвращая мнѣ оныя съ душевнымъ пожатіемъ руки, сказалъ: «добро пожаловать, юный другъ мой, сынъ благороднѣйшаго въ

свѣпть челоѡвѡка! Теперь всему вѣрю, и пойду съ вами, чпобы возстановить вашу честь, сколько въ моихъ силахъ. Пусть рѣшатъ мои поварищи. Если эпо можетъ обойтись безъ кровопролитія, то покорно прошу впередъ навѣщать меня: я покажу вамъ письма вашего бапюшки, коими я горжусь и копорья нѣкогда составляютъ драгоценнѣйшее имущество моей дочери. Но теперь намъ пора итти.»

Мы пошли. *Юлия* проводила насъ до лѣспницы. Когда я поцѣловалъ у нее руку, то она поблагодарила меня такимъ взоромъ, который сдѣлалъ меня счастливѣйшимъ челоѡвкомъ въ свѣтѣ. Повернувъ только за уголъ, мы вошли въ домъ Капитана *Бела*, подѣшамъ же номеромъ. Уже издали мы слышали шумный разговоръ пирующихъ собесѣдниковъ и звонъ покаловъ. «Ахъ мы чудаки!» со вздохомъ шепнулъ мнѣ *Валлихъ*: «среди бѣлаго дня прозѣвали мы самое лучшее, и придемъ теперь къ сѣбѣкамъ богатаго завтрака.»

—Нѣтъ, нѣтъ!—твердилъ я ему шопотомъ: мы не обманулись: ибо я нашелъ самое лучшее, и къ счастью не опоздалъ.—

Прожора посмотрѣлъ на меня косо; но сердце мое такъ было полно, чпо я, вошедъ въ залу, гдѣ *Белизъ*, окруженный остатками завтрака, сидѣлъ среди пирующихъ гостей, не слышалъ упрековъ, коими осыпалъ насъ хозяинъ. Впрочемъ я имѣлъ духъ рассказать довольно забавно спрнанное свое похождение, помѣшавшее намъ во время явивъся къ пиршеству, и такимъ образомъ, предупредивъ всѣ вопросы, опять возстановилъ равновѣсїе. Само собою разумѣется, чпо рассказъ о томъ, чпо происходило въ другомъ домѣ подъ Но 7, ни мало не былъ оскорбительнъ для отца *Юліана*. Впрочемъ, его ошкровенность не позволила ему скрыть суровую опрощивость, и онъ безъ околичностей признался въ своемъ несправедливомъ поступкѣ. Офицеры, ушопая въ радостяхъ *Лукульскаго* пиршества, совсѣмъ не расположены были къ кровавому удовлетворенію, и все эпо дѣло кончилось обоюднымъ извиненіемъ. Насъ проихъ торжественно посвятили въ шайншва

Вакха; пиръ, по правиламъ хозяина, продолжался до ночи, и за дымящеюся пуншевою чашею у *Валлиха* вынуждено обѣщаніе, прожить еще двѣ недѣли въ сполитѣ, въ кругу веселія и дружбы.—Ахъ! эпи двѣ недѣли! Онъ были счастливѣйшими въ моей жизни! Всякій догадается, чпо я съ нетерпѣнїемъ поспѣшилъ посѣтить Капитана *Бернера*, чпобы прочитать бапюшкины письма.

Наконецъ, я отправился на родину, съ милымъ образомъ въ сердце, сохранялъ его свѣтло, и при года спустя, повезъ въ женѣ моей оригиналъ въ родительскій домъ. Какъ эпо случилось, не трудно угадать, слѣдовательно эго не принадлежить къ нашей повѣсти. Похождение въ домъ подъ Но 7 сказано, заглавіе оправдано, ибо судьба сама указала мнѣ голубой Кипридиныхъ на днѣ пастеша, начиненнаго рябчиками, а припомъ изъ уваженія къ шайншвенному числу 7, я долженъ прекратилъ здѣсь рассказъ мой, заключивъ оный шестою главою.

Съ Нѣм. *Тило*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОНЪ НА БИВАКЪ.

Кровавой бившвой утомленный,
Подъ чужеземною луной,
На буркѣ, льдомъ опягощенной,
Склонился воинъ молодой. —
Предъ нимъ дымясь костры сверкали,
И ихъ иривъшнымъ огнемъ,
На полѣ влажномъ, боевомъ,
Какъ бы въ раздумъ увлекали. —
Неленый говоръ у копловъ.
При сумракъ грядущей ночи,
Смыкалъ лазоревые очи.
Приманкою опрадныхъ сновъ. —
И трубка гасла поспешенно:
Мечталось юношѣ, чпо онъ
Уже на родинѣ безцѣнной
Подруги: взглядомъ награжденъ! —
Чпо ловитъ онъ волшебны звуки
Игривой рѣчи; чпо полна

Бывалой ласки, ждётъ она,
Копца оплаканной разлуки.
Онъ счастливъ спалъ! Онъ снова зрнть
Сей локопъ чёрный, пол-развиный,
Висящій будно безъ защиты,
На близнъ ея ланптъ. —
Внекомый пламеннымъ жезацёмъ
Стремнпса воннъ молодой,
Его съ невольнымъ содроганьёмъ
Схватнпшь дрожащую рукой! —
И вонть ужъ локопомъ играеть.
Его цѣлуеть онъ. Но вдругъ
Счастливица шумно оглашаетъ
Трубы военной рѣзкій звукъ! —
И вспрядуль юноша смущенный! —
Взглянулъ: ужъ день! . . . исчезнулъ сонъ! . . .
По прежнему, на буркѣ онъ
Лежалъ мяшелью занесенный,
И дымъ заглохшаго костра
Боролся съ вьюгой до утра!

Маріамполь.

Суходольскій.

КЪ СІЯНОВУ.

Съ проспымъ и добрымъ сердцемъ
Ты намъ являешься играющимъ младенцемъ;
Какъ пыкій юноша цвѣтешь
Воображеніемъ въ стихахъ своихъ, въ разсказахъ
О молодыхъ проказахъ;
Какъ зрѣлый мужъ — ты бьешься, любишь, пьешь;
Умень и добръ на Царской службѣ;
И какъ спарикъ — спепенень въ дружбѣ.

27 Января 183 г.

Восейковъ.

БАБАДАХЪ.

(Посвѣщено Ф. М. Искрицкому.)

Ты зрѣль спрану Магометанъ,
Когда вониственный пашъ спанъ
Грозилъ твердынямъ Истамбула.
И сабля Русскаго блеснула
На грозной вышннѣ Балканъ!
Насъ пѣшили кровавы сѣчи,

Какъ пѣшаптъ въ шиннѣ почной
Младаго юношу порой,
Красавицы волшебны рѣчи.
Но спраспн бушевали въ насъ,
Какъ избалованные дѣпи,
Когда съ разрушенной мечети,
Для нашихъ любопытныхъ глазъ
Явились дикія обломки.
Кпо, скажущъ позднѣ попомки?
Чей, скажущъ, мечъ завоевалъ,
И кпо невѣрныхъ поражалъ,
Кпо кости ихъ сложилъ въ курганъ?
То вы — горднпсь Россіане!
Пройдушь вѣка, гдѣ страхъ почной?
Вольный въ пустыняхъ дупникъ дышетъ
И Русскій къ радости услышнптъ
Родной языкъ въ спранѣ чужой.
Увидяптъ только на равнинахъ
Чалмы на мраморныхъ вершинахъ (*):
Палаты нищихъ и царей.
И бресьашъ взоръ шуда безъ спраха,
Гдѣ чистый капнптся ручей
Подъ Минаретомъ Бабадаха.

Н. Ступинъ.

1829.

(*) Кладбище.

ENIGME.

Fille de l'art et mère du silence,
L'empire d'Apollon est mon pays natal;
Inutile au barbon, nécessaire à l'enfance
Pour un grand bien, je fais un peu de mal.
Quoique d'un sexe né pour plaire,
Jamais pourtant on ne me fait la cour.
Suis-je maussade? Oh! non; l'on me trouve, au contraire,
Douce, polie, et surtout faite au tour.
Le maître que je sers commande en souverain;
Un peuple soumis l'environne,
Moitié grec, moitié latin.
Pour moi, quelque nom qu'on me donne,
Arbitre des honneurs qu'on rend à sa personne,
J'ai l'air d'un sceptre dans sa main.

Въ No 102, помѣщенная шарада значнптъ: *Иск-ра.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Ноября 27, на *Большомъ Театрѣ* представлена была трагедія (а не драма, какъ названа сія пьеса въ афишкѣ, и не мелодрама, какъ наименована она въ одномъ журналѣ): Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, сог. Виктора Дюканжа и Дино, весьма хорошо переведенная съ Французскаго Р. М. Зошымъ. Музыка Г. Меса, вполне соответствуетъ содержанію пьесы; декорация хижины Г. Конопини не испортила бы и на *Парижскомъ Театрѣ*; пожаръ и обрушившаяся кровля оной произведены Г. Тибо весьма естественно; такъ падаютъ горячіе бревна, такъ вылетѣтъ пламень въ настоящемъ пожарѣ!

Сія ужасная изъ ужасныхъ трагедія есть образецъ романтизма, въ которомъ нарушены всѣ при единства, предписанныя законодательствомъ поэтовъ *Буало*. Въмѣсто 24-хъ часовъ, дѣйствіе продолжается 30 лѣтъ! Правда, главный герой не качается въ колыбели въ первомъ дѣйствіи: ему 25 лѣтъ оупъ рожденія, во второмъ 40, въ послѣднемъ оупъ спарикъ 55-ти лѣтній. Декорация также безпреставно мѣняется. Чего вамъ угодно? Балъ, засмѣренный сынъ богатаго негоціанта, игрецкій домъ, зарѣзанный путешественникъ, Французская кадриль, смѣшной Нѣмецкій пракширицикъ съ женою, раненый молодой Офицеръ, дряхлый старецъ, проклинающій сына, умирающій оупъ несстерпимой печали на сценѣ; ложный другъ, брошенный въ огонь бѣщеннымъ, разочарованнымъ своимъ другомъ... Но вы хотите, чтобы я обстоятельно рассказалъ вамъ содержаніе; извольте!

Сынъ богатаго, дряхлаго спарца — *Жоржъ де Жермани*, главное дѣйствующее лицо, заведенъ въ карточную игру коварнымъ *Варнеромъ*, ложнымъ другомъ его. На канунѣ брака съ добродѣтельною *Амалиею*, воспитанницею своего отца, *Жоржъ* проигрываетъ деньги, имѣ ему данныя на покупку брилантовыхъ вещей для подарка невѣстѣ. По рекомендаціи *Варнера*, оупъ беретъ въ долгъ бриланты, даритъ ихъ, въичаешся, возвращаешся къ родителю: вдругъ Полиція, по подозрѣнію, окружаетъ домъ; бриланты, надѣтые на новобрачную, оказываются кра-

денными. Все обнаруживается. Раздраженный симъ безчестнымъ поступкомъ его оупецъ проклинаетъ его и кончаетъ жизнь оупъ паралича. Это первыя сущки!

Проходитъ 15 лѣтъ! *Жоржъ* все больше и больше приспращаешся къ каршамъ. Оупъ проигралъ все свое и женило имущество, вошелъ въ неоплаченные долги, наконецъ, для удовлетворенія пагубной страсти — надѣлалъ фальшивыхъ векселей. Коварный другъ, питаетъ гнусную склонность къ несчастной *Амалии*. Преступленіе *Жоржа* почти обнаружено: ему не оспается къ спасенію себя оупъ поносной смерти другаго средства, кромѣ денегъ, кои завѣщаны маленькому сыну его и храняцца у *Амалии*. Оупъ открываетъ ей свое ужасное положеніе, выманываетъ, выграживаетъ у неѣ оныя; но не спѣшитъ искупить честь свою, а наущаемый коварнымъ *Варнеромъ*, даетъ въ домъ у себя блестящій праздникъ, на которомъ принуждаетъ присутствовать спрадалицу — жену свою. Начинается банкъ: *Жоржъ*, надѣясь опыгратья, проигрываетъ деньги, полученные оупъ *Амалии*, достояніе сына своего. Злодѣй *Варнеръ* пользуется хлопотами и бѣдственными обсиоятельствами слабого *Жоржа*: прокрадывается въ спальню жены его, дѣлаетъ ей гнусныя предложенія. Она съ презрѣніемъ опвергаетъ ихъ. Злодѣй обнажаетъ шпагу. Въ эту минупу слышатъ сильный спукъ у дверей и опчаянный голось преслѣдуемаго. заимодавцами *Жоржа*. *Амалия* въ смѣненіи, *Варнеръ* пользуется ея замѣшательствомъ и скрывается, забывъ шпагу. Вбѣгаетъ раздраженный мужъ, подозреваетъ жену въ измѣнѣ, наступаетъ ногою на шпажный клинокъ, бѣсится оупъ ярости, выбѣгаетъ въ другую дверь, думая, что преслѣдуетъ соперника, встрѣчаешся съ *Варнеромъ*, который раздуваетъ въ немъ еще болѣе ревность и указываетъ на молодого *Родольфи де Эрикура*, который приходитъ къ *Амалии* съ порученіемъ оупъ ея дяди-благодѣтеля. Изступленный *Жоржъ* убиваетъ его изъ пистолета — и скрывается. Такъ кончились вторыя сущки, или дворя понятіе: второе дѣйствіе.

Баварія, развалившася хижина въ дикомъ, необитаемомъ мѣстѣ. Сорокапятыльпннй *Жоржъ* живешъ въ ней съ женою и дочерью въ крайней бѣдности. Сынъ его *Албертъ* остался во Франціи. Онъ воспитывается памъ дядею *Амаліи*, богатымъ негоціантомъ *Дермономъ*. Всѣ окрестныя жишели чуждаются его, какъ дикаря, пугаются встрѣчи съ нимъ, какъ съ злодѣемъ. Блуждая по лѣсамъ, печально очутился онъ близъ постоялаго двора. Одинъ путешественникъ, желая поскорѣе прѣѣхать въ Минхенъ, береть его въ проводники по просѣлочной крапчайшей дорогѣ. *Жоржъ* умерщвляетъ его, грабитъ его золотомъ, покупаетъ вина и съѣстныхъ припасовъ—и приноситъ семью своей, два уже дня сидѣвшей безъ хлѣба.

Тутъ, откуда ни возмись *Варнеръ*, также нищій, также изгнанникъ, проситъ почета и нищи. *Амалія* не можетъ снести его присутствія—и уходитъ со сцены съ маленькою дочерью. *Жоржъ* указываетъ ему холодно-кровно на корзину. *Варнеръ*, нашедъ въ ней хорошо изготовленные кушанья и вино, замѣчаетъ, что его прежній другъ не такъ бѣденъ, какъ притворяется. Онъ замышляетъ новыя злодѣйства, новыя искушенія; выведываетъ отъ него объ убійствѣ путешественника, и идетъ вмѣстѣ съ нимъ зарывать его гробъ.

Въ это время прѣѣзжаетъ изъ Франціи сынъ ихъ *Албертъ*, Капитанъ, получившій богатое наследство послѣ дяди. Онъ открывается мащери, которая бѣжитъ обрадовать симъ извѣстіемъ своего бѣднаго мужа. Гроза; молодой *Албертъ* укрывается въ хижину. *Жоржъ* и *Варнеръ* возвращаются; узнаютъ отъ маляшки—дочери, что у нихъ въ хижинѣ путешественникъ, что онъ очень богатъ, что съ нимъ на миллионъ банковыхъ билетовъ. У *Варнера* разгорѣлись глаза; онъ уговариваетъ слабого *Жоржа* убить его. *Жоржъ* колеблется, уступаетъ, вручаетъ ему ножъ; *Варнеръ* крадется въ хижину; памъ раздающа крикъ. Разбойникъ *Варнеръ* ранилъ *Алберта*, поджѣгъ хижину, опнялъ бумажникъ—и спѣшитъ убѣжать. Между шѣмъ, приходитъ *Амалія*; открывається ужасная тайна, выносятся раненаго ихъ сына. Гроза усиливается:

молнія блещетъ чаще, громъ гремитъ ближе; солдаты, посланные для опысканія разбойниковъ, поймали *Варнера* и привели въ хижину *Жоржа*. Пожаръ! хижина пылаетъ; *Жоржъ* бросаетъ въ огонь *Варнера*, и самъ, опчаянный, перзаемый угрызеніями совѣсти, опдаетъ себя въ руки правосудія. Такъ оканчиваются претвы суетки и трагедія!

Бѣглыя мои замѣчанія ограничу двумя-тремя вопросами: 1) справедливо ли названа сія трагедія *Жизнью игрока*? Гнуснѣйшія злодѣйства совершены *Жоржемъ* дѣ *Германи* не опъ спраситъ къ карточной игрѣ и не имѣютъ съ нею ничего общаго. На пр: онъ застрѣлилъ *Родольфа* д' *Эрикура* въ припадкѣ ревности; умертвилъ путешественника, уполившаго голодъ его, подавшаго ему богатую милосщину, взявшаго его въ проводники—какъ закоренѣлый убійца; соглашается съ *Варнеромъ* зарѣзать молодого Офицера, какъ подлый разбойникъ, изъ одной корыщши.

2) *Жоржъ* родился въ Парижѣ; онъ сынъ миллионщика; первое и второе дѣйствіе происходитъ въ сей столицѣ моды и вкуса. Онъ одѣтъ щегольски. Третье происходитъ въ Баваріи, куда спасся онъ съ семействомъ, умертвивъ *Родольфа* и надававъ фальшивыхъ векселей. Отъ чего же является онъ въ семь послѣднемъ дѣйствіи въ какомъ-то смуромъ армякѣ, не похожемъ ни на плащъ, ни на шинель, и съ березовою оглоблею, вмѣсто прости? Нищіе ни во Франціи, ни въ Германіи такъ не одѣваются: надлежало надѣть поношенный, изорванный и, если угодно, съ запламами серпукъ, или фризую шинель.

Вообще, всѣ наши Арписпы играли свои роли, какъ нельзя лучше. Г. *Каратыгинъ* б. превосходилъ самъ себя; Г. *Брянскій*, всегда опчѣнистый, всегда обдумывающій свою роль, не уступалъ ему. Госпожа *Брянская* выдержала отъ начала до конца; особенно же опличилась въ сценѣ, гдѣ *Жоржъ* принуждаетъ еѣ опдать ему деньги ихъ сына, гдѣ мащериная вѣжностъ борется въ обязанности спасти честь мужа, и въ сценѣ свиданія съ *Албертомъ*, сыномъ ея. Г. *Каленгорскій* представлялъ дряхлаго старика *Германи* очень удачно.

Петръ Кобяковъ.

M O D E S.

Coiffures.—Pour demi-toilette: des capotes et des chapeaux à passes courtes, à formes d'une égale hauteur par-devant comme par derrière, en gros de Naples, en satin à raies, d'une seule nuance, en satin uni et en velours; cette dernière étoffe est encore peu employée. Les couleurs les plus généralement portées sont le rose, le bleu, l'aventurine, le grenat, celles violettes de Parme et lapis: on les orne ou de rubans, ou de plumes et rubans. Les plumes les plus nouvelles ne forment plus des bouquets; ce sont de longues plumes dont les barbes sont souvent encore rallongées par d'autres qui y sont nouées, et leurs extrémités sont gaufrées.

Les plumets en plumes de coq se portent de plus en plus: on en voit un assez grand nombre en noir. Des plumassiers, voulant profiter de la vogue de ces plumets, en ont fait aussitôt en *pampille* (rebut de plumes), qu'ils croyaient voir adopter à cause de leur bas prix; les dames de bon goût en font justice, en se gardant bien de les porter. Dans cet élégant ornement de chapeau les plumes doivent être du premier choix, et assez longues pour tomber sur le côté jusqu'au bord de la passe, et même la dépasser.

En grande toilette, les coiffures sont le chapeau-béret, le béret et la toque, tous trois ornés de longues plumes; le turban, formé le plus souvent avec une écharpe, et enfin les coiffures en cheveux. Nous avons déjà indiqué, comme le plus en faveur, celles à la grecque et celles formant le chou par derrière, et nous avons dit, encore dernièrement, les divers ornemens qui y sont employés; nous ajouterons que les fleurs dont on usait peu, il y a quelque temps, partagent avec les perles, les chaînes d'or et les pierreries, le droit de faire partie d'une coiffure en cheveux. On leur fait traverser le front en guise de féronnière, et le surplus de la guirlande s'unit au reste de la coiffure.

M O D Ы.

Головные уборы.—Въ полу-нарядъ капоты и шляпки, съ короткими полями и пюльями одинакой вышины сзади и спереди, дѣлають изъ гроденацля, поласанаго одноцвѣтнаго апласа, гладкаго апласа и бархата; сію послѣднюю матерію еще мало носятъ. Въ

наибольшемъ употребленіи цвѣта: розовый, голубой, aventurine, гранатовый, Пармскихъ фялокъ и lapis. Опдѣлываютъ шляпки лентами, или перьями съ лентами. Перья не прикалываютъ болѣе букетами, а носятъ длинныя, и къ волокнамъ ихъ привязываютъ иногда еще другія волокна, чшобъ сдѣлать ихъ длиннѣе; концы гофрируютъ.

Султанчики изъ пѣтушкихъ перьевъ все болѣе входятъ въ употребленіе: видно много черныхъ. Султанчики, желая воспользоваться сею модою, надѣлали ихъ изъ *pampille* (опброски перьевъ) и думали ввести въ употребленіе по чрезвычайной дешевизнѣ; но дамы имѣющія хорошій вкусъ, тренебрегая ими, отдають имъ полную справедливоспъ. Для сей щеголеватой опдѣлки шляпокъ, перья должны бытъ опличной доброты, и споль длинны, чшобъ упадали на бокъ, до края поля, и ниже.

Въ большой нарядъ головные уборы состоятъ: изъ шляпокъ—беретовъ, беретовъ и шокетъ, опдѣланныхъ длинными перьями: шюрбановъ, сдѣланныхъ часно изъ шарфовъ, и причесокъ изъ волосъ. Мы говорили уже, что всего болѣе въ употребленіи прически à la grecque и репейкомъ сзади головы. Мы описывали недавно разныя украшенія къ нимъ принадлежащія; прибавимъ еще, что цвѣты, копорыя мало употреблялись, раздѣляютъ, съ нѣкотораго времени, съ бусами, золотыми цѣпями и каменьями, право, украшаютъ прически изъ волосъ. Гирланду изъ цвѣшковъ кладутъ по лбу вмѣсто ферроньеры, а оспадную присоединяють къ прическѣ.

С М Ъ С Ъ.

Въ стѣнахъ Новгорода родилось, утвердилось, прославилось Самодержавіе земли Русской. Тамъ великодушный Рюрикъ шворилъ судъ и правду. Древніе Новгородцы лобызали ноги своего опца и Князя, копорый примирилъ внупренніе раздоры, успокоилъ и возвеличилъ городъ ихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 104.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ до-скавкой и пересылкою 55 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 30 ДНЯ 1831 ГОДА.

Какая нужда мнѣ до глупости людей?
Пусть хвастаетъ осель длиною своихъ ушей;
Что можетъ сдѣлать онъ? Что можетъ онъ? лягаться!

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КНИГИ И ЖЕНЩИНЫ.

Женщины имѣютъ большое сходство съ книгами.

Хорошія книги и прекрасныя женщины всѣми почти уважаются.

Женщины и книги часто дѣлаютъ насъ мудрецами.

Книги также, какъ и женщины, состоятъ изъ отдѣльныхъ листковъ, которые переплетаютъ, чтобъ не растерялись страницы. Гимевъ, переплетчикъ, а брачный союзъ, крѣпкій папковый переплетъ.

Книги и женщины не имѣютъ никакой цѣны, если изъ нихъ вырваны листки.

Женщины и книги имѣютъ почти всегда предисловія.

Въ женщинахъ и книгахъ всегда находящіяся худыя и хорошія страницы.

Если книги и женщины очень занимательны: то выходятъ въ свѣтъ во многихъ изданіяхъ.

Въ книгахъ и женщинахъ часто бываетъ любопытно только одно заглавіе. Въ книгахъ заглавный листъ, а въ женщинахъ красивенькое личико.

Въ книгахъ и у женщинъ много осведомляются сперва о годѣ выхода ихъ въ свѣтъ; жаль, что часто у тѣхъ и у другихъ, число лѣтъ бываетъ, или подложное, или о немъ совсемъ умалчивается.

Книги и женщины, — первыя носятъ въ рукахъ, а вторыя водятъ подъ руку.

Кру..... въ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО.

(Историческій Англійскій анекдотъ.)

Герцогъ Ньюкастельскій былъ опличнымъ Министромъ Ганноверскаго Дома, Министромъ, преданнымъ славу своего опечесства, и великимъ полиптикомъ. Такъ повторялъ Виги, пока звѣзда его не померкла предъ Вальполевою.

Между прочими средствами, къ приобретению народности, Герцогъ сей пользовался своимъ искусствомъ обѣщать, предупреждая желанія тѣхъ, коихъ онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону, отгадывая ихъ мысли и часто не давая имъ времени изъяснить оныя. Но когда надобно было сдержать слово,

погда онъ приходилъ шѣмъ въ большее затрудненіе, что на другой же день забывалъ свои обѣщанія, данныя имъ на канунъ.

Въ одно время производился выборъ въ Корнуэльской провинціи. Одинъ изъ двухъ кандидатовъ, имѣвшихъ равныя права, былъ покровительствуемъ Герцогомъ, которому очень хотѣлось, чтобы выбранъ былъ его кліентъ. Сему послѣднему недоставало одного только голоса, да и избираемый оспавался одинъ. Министръ не погнушался самъ поспити се споль важное лице; онъ пожималъ ему руку, увѣряя его, что опъ него только зависитъ благосостояніе Англіи, а можетъ быть и цѣмой Европы; однимъ словомъ, онъ такъ оспшилъ избираемаго, что опотъ честной и почтенный человекъ, подалъ голосъ въ пользу Министрова любимца.

Какое торжество! Герцогъ Ньюкастельскій не былъ скупъ на изъявленіе признательности. Съ обыкновенною своею опрометчивостію, провозгласивъ избираемаго лучшимъ изъ друзей своихъ, онъ клялся ему быть вѣчно благодарнымъ за его патриотизмъ, и просилъ располагать собою въ случаѣ нужды, во всякое время, днемъ и ночью.

Избираемый, обворожанный такою енисходительностію, благодарилъ Герцога, какъ умѣлъ, и заблагоразсудилъ ограничить пребыванія свои одною нижайшею просьбою: «Милордъ, сказалъ онъ: Смотритель здѣшней таможни, человекъ дряхлой и больной; если бы, въ случаѣ смерти сего 70 лѣтняго чиновника, вамъ угодно было замолвить слово за моего зятя, то я со всею роднею своею почелъ бы за честь, во всѣхъ случаяхъ показывать безпредѣльную преданность Правительству.»

— Другъ мой, отвѣчалъ Герцогъ, я удивляюсь вашей скромности, вашей умѣренности. Просьбу вашу ничего не спойтъ выполнить. Зять вашъ получитъ это мѣсто. Скажите мнѣ только слово, когда оно упразднится.

Избираемый видя, что отдаются справедливостъ его скромности и желая по крайней мѣрѣ удостоверить въ исполненіи своей просьбы, возразилъ Герцогу: «но ка-

кимъ образомъ могу я быть представленъ Вашей Свѣплости? Въ Лондонѣ, говорятъ, очень прудентъ доступъ къ значнымъ особамъ, которыя оказываютъ намъ сполько енисходительности въ нашихъ провинціяхъ.»

Министръ, привыкшій къ опкровенности и проспотъ избираемыхъ преній, ни мало не оскорбился симъ замѣчаніемъ.

«Какъ скоро таможенный Смотритель умретъ, подхватилъ онъ, то вы спощасъ садитесь въ почтовую карету, поѣзжайте въ Лондонъ и оспановитесь у воротъ моего дома. Въ какую бы ни было пору, днемъ или ночью, живъ ли я, или умеръ, сплю или не сплю, вы поспучитесь у воротъ. Спорожу приказано будетъ спощасъ васъ ввести, и мѣсто получитъ опотъ, кого вы назначите.»

Герцогъ, распроспясь съ избираемымъ, рѣшился провести спашокъ два въ ближнемъ помѣстѣ одного Лорда, а оптуда опправился въ Лондонъ, въ полной увѣренности, что не услышитъ болѣе ничего о просподушныхъ жителяхъ Корнуэльской провинціи прежде испеченія семи лѣтъ, когда возобновятся выборы въ члены Нижняго Парламента.

Герцогъ Ньюкастельскій, какъ первый Министръ, долженъ былъ наблюдать не только ходъ внуспреннихъ дѣлъ, но и политику всѣхъ Европейскихъ Кабинетовъ. Вскорѣ дѣла Испанскаго Кабинета обрапили на себя все вниманіе Его Свѣплости. Испанскій Король сдѣлалъ опасно болѣнъ, и какъ послѣ его не оспавалось наслѣдниковъ, то съ смертію его возникъ бы вопросъ, могущій нарушить всеобщую спину. Австрія, Франція и другія Державы твердой земли, недреманнымъ окомъ взирали на Испанскій спровъ. Герцогъ Ньюкастельскій опправилъ нопу къ Англійскому Посланнику въ Мадридъ, коею предписывалось ему, увѣдомить Его Свѣплость спощасъ, какъ скоро преспарльбый Король испуститъ послѣдній духъ. Какъ въ слѣдствіе сихъ депешъ, надлежало ожидать съ часу на часъ извѣстія, то Герцогъ, упомянутый успалостію, прежде не ложился въ постель, пока спрого не прикажетъ каждой разъ приврашнику быть на

спорожежь, чтобъ не пропустить посольскаго курьера, споль неперпѣливо ожидаемаго, и шопчасъ ввести его въ комнату Его Свѣпмоспи.

Не смопря на то, Герцогъ однажды не могъ одолѣть сна: пакъ говоритъ его исторія, хопя исторію сію писалъ одинъ изъ Виговъ. Какъ бы шо ни было, онъ наслаждался глубокимъ сномъ, неизвѣстнымъ злымъ Миниспрамъ; видно, что и у привратника его не хуже была совѣспь: онъ также препокійно спалъ, однакожь во всей одеждѣ, и сидя въ большихъ обипыхъ кожею креслахъ.

Вдругъ, царствовавшая на площади тишина прервана была спукомъ повозки; она оспанавливается передъ большимъ домомъ, который и теперь еще существуетъ въ *Lincoln-Inn-fields*. Кто-шо могучею рукою брякнулъ въ кольцо пакъ сильно, что воропа зашашались на цепляхъ. Видно было по всему, что незнакомцу дорого было время, и онъ зналъ, что его ожидали.

«У себя ли Герцогъ?» спросилъ онъ.

— У себя!—опвѣчалъ привратникъ.

«Онъ, можетъ спашься, спишь?»

— Да; но онъ шопчасъ приказалъ опвести васъ къ нему; идите за мною. —

«Охотно; ибо дѣло мое не терпитъ опсрочки.»

Незнакомецъ, слѣдуя за спорожемъ, всходитъ по лѣспницѣ. Пройдя спупеней придцашъ, вожапый его оспановился у двери, опворилъ ее, и опойдя въ спорону, сказалъ: «войдите, эшо комната Милорда.»

Герцогъ лежалъ въ постелѣ, полупробужденный шумомъ, и мечтая все еще о Его Каполическомъ Величествѣ.

«Что, умеръ?» вскричалъ онъ проширая глаза.

— Такъ точно, Милордъ,—шоропливо опвѣчалъ незнакомецъ.

«Когда онъ умеръ?»

— Третьяго дня, Милордъ, въ 35 минушь вшораго часа, послѣ болѣзни, продолжавшей-

ся при недѣли, и принявъ довольную порцію пилюль, (сколько же, навѣрное не могу сказать), которыхъ впрочемъ не пособили ему. По приказанію вашему, я отправился въ Лондонъ, когда шѣло покойника еще не охладѣло въ постелѣ, не жалѣя ни лошадей, ни постильоновъ, въ полной надеждѣ, что Ваша Свѣпмоспъ изволишь сдержать свое слово и мой зпль назначенъ будетъ преемникомъ покойнаго.

Но Герцогъ, совершенно проснувшись, замѣпилъ, что въ такое короткое время нельзя получить извѣстій изъ Мадрипа; а припомъ онъ не могъ понять нельзяго пребыванія курьера, который осмѣлился просить Испанской короны для своего зптя.

«Ты пьянъ, или сошелъ съ ума? Увидимъ, что скажутъ твоей депеши, вскричалъ Герцогъ, съ неперпѣниемъ поднимая споры, и вмѣсто курьера замѣпивъ знакомое лицо своего Корнуальскаго друга, который, держа шляпу подъ мышкою, испощался въ извиненіяхъ и безпрестанно повпорялъ, сколько онъ былъ увѣренъ, что Его Свѣпмоспъ не забылъ милостиваго обѣщанія своего въ пользу его зптя.

Сначала Герцогу неприятно было обманупись въ своемъ ожиданіи новостей изъ Испаніи, и онъ нахмурилъ было брови; но вмѣсто гнѣва, имъ овладѣло другое чувство; такое спеченіе двухъ сходныхъ обстоятельствъ показалось ему шоль страннымъ и забавнымъ, что онъ вдругъ поднялъ громкій смѣхъ, подобно Гомеровымъ героямъ. Дѣйствіе смѣха заразительно: избиратель и привратникъ также вшорили Его Свѣпмоспи, сами не зная, чему смѣются.

Наконецъ, Герцогъ успокоясь, сказалъ: «любезный другъ, я, право, не могу располагать Испанскою короною въ пользу вашего зптя; но къ счастью я худо понялъ васъ, и ваши желанія не такъ шрудно исполнить. Зпть вашъ займетъ мѣсто Смошришеля. Возвратитесь въ свою провинцію и увѣдомите его объ этомъ.»

Изъ J. de St. P.

ЗАМОКЪ ДѢ ФЕРЬ ВЪ ТАРДЕНОВА.

Скажу вамъ, какъ милъ эпопѣя лѣсъ въ осенней одеждѣ своей; какъ пріятно эпогористое мѣстоположеніе, гдѣ на кремнистой скалѣ вы видите рощицу, или рядомъ съ песками, цвѣтущій куспарникъ; какъ нравятся эпита Готическія развалины, выглядывающія изъ густой зелени, сіи величественныя своды, опирающіеся на дно живописной долины, и служившіе нѣкогда подземельемъ разрушеннаго замка. Опишу вамъ все, что пощажено временемъ отъ сихъ твердынь, по которымъ извивающійся плющъ, кажется, ищетъ послѣднихъ слѣдовъ феодализма; всѣ дикіе и странные виды, коими природа въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ окружила сіи остатки. Дополню сіе описаніе картиною очаровательнаго сумрака, лежавшаго въ одинъ изъ прекрасныхъ осеннихъ вечеровъ надъ развалинами замка дѣ Феръ въ Тарденова.

Но не скажу, для чего вкругъ сихъ гордыхъ остатковъ, одинъ мужчина съ женщиною, можетъ быть, оба любители историческихъ воспоминаній, въ эпопѣ прекраснаго вечера бродили по сіимъ дикимъ окрестностямъ; отъ чего не спросили ихъ ни чаща деревьевъ, ни висющія скалы, на которыхъ они взирались, ни заглохшіе цвѣтники; что находили они предестнаго, оспанавливаясь передъ каждымъ мшистымъ холмикомъ или густою тѣнью семьи деревьевъ.

Скажу вамъ однакожь, какая сладость рѣчей изливалась изъ устъ ихъ, когда они сообщали другъ другу свои мысли; какъ краснорѣчивы были взгляды ихъ; какой прелесть чувствовали они, когда руки ихъ сжимались тѣснѣе, когда дыханіе ихъ смѣшивалось: сидя одинъ подлѣ другой, они безъ сомнѣнія постигали блаженство небожителей, коего предвкушеніемъ наслаждающіеся два существа, понимающіе другъ друга, любящіе одинъ другаго, удалившіеся отъ свѣта, окруженные лѣсами и развалинами, освѣщаемые одними только звездами ясной ночи.

Но я не скажу, отъ чего прелепалъ онъ, когда склонялся къ ней; отъ чего помрачался взоръ его и слова замирали въ устахъ, когда онъ говорилъ ей: «видишь ли сіи полу-

разрушенныя башни, сіи своды, сіи портики, заросшіе пеперъ дикими распѣвками; безъ сомнѣнія они были нѣкогда свидѣтелями тихихъ радостей; нѣкогда въ нихъ обитала любовь и клятва ея еще не изгладилась на стѣнахъ сихъ; быть можетъ, мы найдемъ здѣсь слѣды пайныхъ удовольствій и нѣжной признательности. — Пойдемъ вмѣстѣ искать ихъ; ты узнаешь, какая прелесть заключается въ одномъ поцѣлуѣ среди сихъ развалинъ...»

Могу вамъ также повѣрить повѣсть, рассказанную имъ своею подругою среди сихъ развалинъ. Прислушавъ къ разсказу, онъ молвилъ ей сладостнымъ голосомъ: «сиди подлѣ меня; склони голову твою на плечо, обними меня; пусть бѣлоснѣжная рука швол играетъ моими волосами, тогда какъ я возобновлю въ памяти нѣсколько горестныхъ воспоминаній при видѣ сей башни.»

«Здѣсь, сказалъ онъ, напечатлѣвъ поцѣлуй на челѣ ея, здѣсь за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, въ одинъ вечеръ, когда пробило одиннадцать, вдругъ угасли всѣ огни въ этой башнѣ. Въ поже мгновеніе кончился балъ, коимъ оживленъ былъ замокъ. Обширныя галереи не повторяли уже звуковъ веселой музыки. Всѣ вассалы, подвластные владѣтелю замка, при шумномъ говорѣ, смѣхѣ и шушуканьи, отправились домой, часто обращая взоры на башню, которая въ темнотѣ казалась черною почкою, среди остатковъ освѣщенія, сверкавшихъ еще во всѣхъ прочихъ частяхъ замка.

«Въ эту башню Графъ де Дрѣ удалился съ своею молодою супругою, предестною *Клотильдою*; счастливецъ, за нѣсколько часовъ получивъ руку ея, преждевременно поспѣшилъ оставить собраніе, и изъ спѣшности не хотѣлъ, чтобы хопя одинъ лучъ открылъ нескромнымъ взорамъ убѣжище пайнаго его блаженства.

«Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, въ той же башнѣ представлялось горестное зрѣлище; Рене де Дрѣ покрылся рыцарскими доспѣхами; дружины ожидали его на дворѣ, готовые слѣдовать за нимъ въ Палестину, и прелестная Графиня, томная и заплаканная, дала ему прощальный поцѣлуй; оросила

слезами спалъ обложившую грудь его, произнесла последнее *прости* и поклялась ему въ любви и вѣрности.

«Но во времена Крестовыхъ походовъ, опускствіе мужей было споль продолжительно, и молодые пажы были шакъ прекрасны, что не многія владѣтельницаы замковъ могли устоять противъ сладкихъ рѣчей ихъ и очарованія любви. Тысячу разъ *Клотильда* отвергала всѣ исканія; но въ тысячу первый разъ не могла воспротивиться искушенію, и тогда всѣ прелести удовольствія, всѣ Амуры и Граціи оживили своимъ присутствіемъ безмолвную пышность замка.

«Однакожь, не на блистательныхъ пирахъ, не на турнирахъ разцвѣло счастье *Клотильды*. Одинъ мигъ приковалъ къ себѣ всѣ ея мысли и желанія, и когда наступало это мгновеніе, вы сказали бы, что гений любви, облеченный въ газъ и распроспраняющій вокругъ себя запахъ розъ и лилій, легкою сполою спускается съ ступеней башни и оспановляетъ ночный ходъ свой у попасной двери; попомъ, когда дверь сія, отворяясь безъ шума, позволяла любовникамъ заключить другъ друга въ объятія, вы бы подумали, что ихъ присутствіе разливаешь вокругъ себя счастье; самымъ желѣзнымъ сердцамъ сообщилось бы ихъ упоеніе, и они почувствовали бы, что если можно просипть слабость, то поцѣлуй любви особенно заслуживаетъ прощеніе.

«Для нихъ *завтра* было всегда прекраснѣе, чѣмъ *вчера*. На другой день *Клотильда* являлась всегда ранѣе и была нѣжнѣе, а любовникъ ея признавательнѣе и спрасивнѣе. «До завтра, сказалъ онъ ей въ одну ночь, когда въ упоеніи блаженства они забыли, что минуша разлуки ихъ наступила. До свиданія, моя милая; только приходи пораньше, *Клотильда*.»

«И на другой день *Клотильда* ранѣе обыкновеннаго сошла съ башни. На устахъ ея скользила улыбка младенца, играющаго цвѣтами, въ глазахъ ея свѣпились надежда и веселость; приложя милую руку свою къ двернымъ запорамъ, она на минушу оспановилась, приняла нѣжный видъ, и поправила кудри свои, рассыпанныя по плечамъ, чтобы показаться еще прелестнѣе: шакъ, у

любви есть свое кокетство; наконецъ, увѣряясь въ могущество своей красоты, она отворяетъ дверь и обращаетъ взоръ на любимый предметъ... но вмѣсто знакомыхъ чертъ, споль милыхъ ея сердцу, сихъ прелестней юности и красоты; которыми она гордилась; вмѣсто пожатія руки, коей одно прикосновеніе заспаляло еѣ шрепешать отъ удовольствія; вмѣсто сладкихъ звуковъ нѣжнаго голоса, — она видитъ передъ собою воина величественнаго роста, неподвижнаго, съ сложенными на крестъ руками, съ лицомъ закрытымъ забраломъ, сквозь которое, при свѣтѣ луны, по временамъ сверкали глаза, дышущіе местию. *Клотильда* шакже оцѣпенѣла, жила только машинальнымъ чувствомъ; она не спрадала, не спрашила, не превожилась; она видѣла передъ собою супруга, и въ семъ явленіи открывалась передъ нею участь ея. Взоры и уста ея были неподвижны, дыханіе оспановилось въ ея груди, и когда мститель, поразившій ее своимъ присутствіемъ, грознымъ движеніемъ руки велитъ ей за собою слѣдовать, она идетъ, какъ бы повинувшись невѣдомой силѣ; но когда она подходитъ къ кустарнику, гдѣ распроспертію было тѣло ея любезнаго, пронзенное мечемъ; когда мужъ схвативъ ее желѣзною рукою, принуждаетъ ее спастъ на колѣна передъ трупомъ и говоритъ ей: «взгляни и умри!» Тогда злополучная выпускаетъ такой пронзительный вопль, что онъ вѣрно опозвался въ оледенѣвшемъ сердцѣ ея друга. Это былъ послѣдній вопль угасающей жизни: она ничего уже не видѣла, не слышала, не чувствовала; она не замѣчала острія кинжала, успремленного на грудь ея, и холодная спаль безъ боли повергла ее на трупъ, который она умирая, еще заключила въ свои объятія.

«И эта башня любви и несчастія болѣе прочихъ частей сего древняго замка уцѣлѣла отъ разрушенія; роковая дверь существуетъ еще у подошвы подземелья и открыта для всѣхъ путешественниковъ, которые не зная о любви *Клотильды*, спѣшатъ конные и пѣшіе полюбоваться развалинами замка дѣ Феръ въ Тарденоя.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БАЛЛАДА (*),

въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.

На кровль врачъ печально прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что вѣщій врачъ сказалъ:
Слегла въ постель, дрожитъ, хладнѣетъ.
И вопишь скорбно: гдѣ мой сынъ чернецъ?
Ему сказать мнѣ слово дайте!
Увы! я гибну! близокъ мой конецъ!
Скорѣй, скорѣй! не опоздайте!
И къ матери идешь чернецъ свяшой;
Ея услышатъ покаянне;
И тайные Дары несешь съ собой,
Чтобъ утѣшилъ ее спрдаанье.
Но лишь пришелъ къ одру съ Дарами оцъ,
Старушка въ шренетъ забыла;
Какъ смертъи гласъ, ея протяжный стопъ
Не приближайся! возопила.
Не подноси ко мнѣ святыхъ Даровъ:
Уже не въ пользу покаянне!
Быль страшень видъ ея съдыхъ власовъ
И страшно груди колыханье.

(*) Изъ новыхъ стихотвореній нашего знаменитаго соотечественника.

О нихъ въ No 316 Русскаго Инвалида сказано: «Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго, съ гравированною виньеткою и картинкою. С. П. б. 1831. Двѣ части. Издвненіемъ книгопродавца Смирдина.

Русскій соловей долго молчалъ; наконецъ пропѣлъ овъ намъ нѣсколько громкихъ, безсмертныкъ пѣсенъ.

Изчислимъ здѣсь нѣв баллады и стихотворныя повѣсти, кои никогда, нигдѣ еще не были напечатаны.

Баллады:

1. Торжество побѣдителей; 2. Алонзо; 3. Подвратовъ перещепъ; 4. Доника; 5. Жалоба Цереры; 6. Ленора; 7. Судъ Божій надъ Епископомъ; 8. Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди; 9. Кубокъ; 10. Королева Урака и пять мучениковъ; 11. Покаянне; 12. Опрывки изъ Испанскихъ балладъ о Сидѣ.

Повѣсти:

1. Неожиданное свиданіе; 2. Перчатка; 3. Двудесяти рассказы; двѣ Были и еще одна. Продается въ новомъ, великолѣпно-опуздланномъ книжномъ магазинѣ Александра Филиповича Смирдина на Невскомъ проспектѣ, по 10 р. экземпляръ, съ пересылкою въ другіе города по 12 рублей.»

Дары святыя сынъ опнесъ назадъ
И къ спраждающей приходитъ слова;
Кругомъ бродилъ ея попухшій взглядъ;
Лзыкъ искалъ, пѣмья, слова.

«Вся жизнь моя въ грѣхахъ погребена,
Меця опвергнувъ Искупитель;
Твоя-жъ душа молишвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.»

«Здѣсь вмѣсто дия была мнѣ ночи мгла;
Я кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ полшебиомъ жгла,
И кости мертвыхъ похищала.»

«И казнь лукавый обольстителъ мой
Ужъ мнѣ готовишь въ адской злобѣ;
И я, смушивъ чужихъ гробовъ покрѣй,
Въ своемъ не успокоюсь гробѣ.»

«Ахъ! не забудь monkъ послѣднихъ словъ:
Мой трупъ, обвинный пеленою,
Мой гробъ, мой черный гробовой покровъ
Ты окропи свяшой родою.»

«Чтобъ изъ свинца мой крѣпкій гробъ былъ слитъ,
Семью окованъ обручами,
Во храмъ внесень, предъ алтаремъ прибитъ
Къ помосту крѣпкими цѣпями.»

«И цѣни окропи святой водой;
Чтобы священники соборомъ
И день и ночь стояли надо мной
И пѣли палихиду хоромъ;
«Чтобъ пятьдесятъ на крылосахъ дьячковъ
За ними въ черныхъ рясахъ цѣли;
Чтобъ день и ночь свѣчи у образовъ
Изъ воску яраго горѣли;
«Чтобы звучный во всѣ колокола
Съ молишвой день и ночь знопили;
Чтобъ заперта во храмъ дверь была;
Чтобъ дьяконы предъ ней кадили;
«Чтобъ крѣпокъ былъ заперъ церковныхъ вратъ;
Чтобы съ полуночнаго бдѣнья
Опъ ни на мигъ съ разпворовъ не былъ снятъ
До солнечнаго восхожденья.
«Съ обрядомъ симъ молишеса при дия,
Три ночи сряду надо мнѣю:
Чтобъ не достигъ губитель до меня,
Чтобъ прахъ мой принятъ былъ землѣю.»

И гласъ ея бытъ слышенъ пересталъ;
Померкши очи закатились;
Послѣдній вздохъ въ груди запрепешалъ;
Успа, охолодѣвъ, раскрылась.

И хладный пруть, и саванъ гробовой,
И гробъ подъ черной пеленою
Священники съ приличною мольбой
Опрыскали святой водою.
Семь обручей на гробъ положены;
Три цѣпи тяжкими винтами
Вонзились въ гробъ и съ нимъ утверждены
Въ помостъ предъ Царскими дверями.
И вспрыснуты они святой водою;
И всѣ священники въ собраньи:
Чтобъ день и ночь душъ на упокой
Свершать во храмъ поминанне.
Поютъ дьячки всѣ въ черныхъ стихаряхъ
Медягательными голосами;
Горятъ свѣчи надгробны въ ихъ рукахъ,
Горятъ свѣчи предъ образами.
Пропляжный гласъ, и блѣдный ликъ пѣвцовъ,
Печальный, страшный сумракъ храма,
И тихій гробъ, и длинный рядъ поповъ
Въ туманъ зыбкомъ онимама,
И горестный чернецъ предъ алтаремъ,
Творящій до земли поклоны,
И въ высоту дрожащимъ свѣчь огнемъ
Чуть озаренныя иконы. . . .
Ужасный видъ! колокола звонятъ;
Ужь часъ полуночнаго бдѣнья. . . .
И заперлись затворы тяжкихъ вратъ
Передъ начашемъ моленья.
И въ первую ночь опъ свѣчь веселый блескъ,
И вдругъ. . . . къ полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шумъ и прескъ;
И слышалось: гремятъ цѣплями.
Железныхъ вратъ запоръ, стуча, дрожишь;
Звонятъ на колокольнѣ звончѣ;
Молитву кларъ усерднѣ шворить,
И пѣнне потощихъ громчѣ.
Гудяшъ колокола, дьячки поюшъ,
Попы молитвы въ слухъ читаюшъ,
Чернецъ въ слезахъ, въ кадилахъ ладонъ жгушъ,
И свѣчи яркя пылаюшъ.
Завѣлъ нѣтухъ. . . . и смолкнувши бѣгушъ
Враги, не совершивъ ловишвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поюшъ,
Смѣлѣй попы шворяшъ молитвы.
Въ другую ночь опъ свѣчь пемнѣ свѣшъ,
И слабо шеплются кадилы,
И гробовой у всѣхъ на лицахъ цвѣшъ:
Какъ будто, вспали изъ могилы.

И снова шумъ и ревъ и прескъ у вратъ;
Грызущъ замокъ, въ затворы рвущся:
Какъ будто вихрь, какъ будто шумный градъ,
Какъ будто воды съ горъ несущся.
Предъ алтаремъ чернецъ на землю палъ,
Священники шворяшъ поклоны,
И дымъ опъ свѣчь туманныхъ побѣжалъ,
И потемнѣли всѣ иконы.
Сильнѣе спукъ — звучнѣй колокола,
И препеннѣй покоющихъ голосъ:
Въ крови ихъ хладъ, объемлетъ очи мгла,
Дрожащъ колѣна, дыбомъ волосъ.
Завѣлъ пѣтухъ. . . . и прочь враги бѣгушъ,
Опять не совершивъ ловишвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поюшъ,
Попы смѣлѣй шворяшъ молитвы.
На претью ночь свѣчи едва горяшъ;
И дымъ густой, и запахъ сѣрный;
Какъ рядъ шѣней, попы во мглѣ сполшъ;
Чуть виденъ гробъ во мракъ черный.
И спукъ у вратъ: какъ будто Океанъ
Подъ бурною реветъ и воетъ,
Какъ будто епень пещаную орканъ
Свисшящими крылами роетъ.
И звонари опъ спреха чуть звоняшъ,
И руки имъ служить невольны;
Часъ опъ часу спрашнѣ громъ у вратъ,
И звонъ слабѣе колокольный.
Дрожа, упалъ чернецъ предъ алтаремъ;
Молишся силы нѣтъ; во прахъ
Лежишъ, къ землѣ прикинувши лицемъ;
Главу поднять не смѣетъ въ спрехъ.
И пѣвчихъ хоръ, досель согласнѣй, спалъ
Неспиройнымъ крикомъ опъ смятенья:
Имъ чудилось, что церковь зашаталъ
Какъ бы ударъ землепрясенья.
Вдругъ зашускнѣлъ огонь во всѣхъ свѣчахъ,
Погасли всѣ и закурились;
И замеръ гласъ у пѣвчихъ на устахъ,
Всѣ препентали, всѣ крестились.
И раздалось. . . . какъ будто оный гласъ,
Который грянешъ надъ гробами;
И храма дверь со спукомъ зашряслась
И на полъ рухнула съ пешлями.
И Онь предспалъ весь въ пламени очамъ,
Свиртпый, мрачный, разъяреннй;
Но не дерзнулъ войти опъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раздробленной.

И съ громомъ гробъ опшоргея опъ цѣпей,
Ни чьей не пропущый рукою;

И въ мигъ на немъ неспало обручей . . .
Они разсыпались золою.

И вскрылся гробъ: *Онъ* къ шѣлу вопіеть:
Возстань! иди во слѣдъ владыкъ!

И проспунилъ опъ словъ сихъ хладный пошъ
На мершвомъ, неподвижномъ дикъ.

И тихо прупъ со' спономъ шяжкимъ вспалъ,
Покорень спрашному призванью;

И никогда здѣсь смершный не слыхалъ
Подобнаго тому степенью.

Шашаяся, пошла она къ дверямъ:
Огромный конъ чернѣе почи,

Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ шамъ,
И какъ пожаръ пылали очи.

И на коня съ добычей прынулъ врагъ;
И шрупъ завылъ; и быспропечю

Конъ помешѣлъ, взвивая дымъ и прахъ;
И слухъ объ ней пропалъ на вѣчно.

Ни кто не зрѣлъ, какъ съ нею мчался *Онъ* . . .
Лишь спрашный слѣдъ нашли на прахъ;

Лишь, впемя крикъ, всю ночь сквозъ шяжкій сонъ
Младенцы вздрагивали въ спрахъ.

Ш А Р А Д А.

Второму въ цѣломъ нѣтъ надежды пировать,
За шо, по *первому* свободенъ онъ гулять

И день и ночь, и въ праздники и въ будни:
Спрахъ любящъ *цѣлое* общественные шрушни.

Въ No 103, помѣщенная загадка значить: *Ferule*.

М О Д Е С.

Robes.—Avant de parler des robes proprement dites, parlons des douillettes, car elles deviennent maintenant à la mode. Elles se font en diverses étoffes de soie, sans ornemens; elles ne diffèrent de celles que l'on portait il y a quelques années que par la pélerine quelquefois double qu'on y adapté maintenant. Les manches très-larges du haut ont, en cet endroit, une double ouate pour en soutenir les plis.

Les redingotes se portent aussi le matin: les unes se font encore à revers à pointes; mais les mieux portées sont à revers à châle.

Les corsages se font ou à la grecque, ou à plis croisés et à plis formant draperie. Le plus grand nombre

est orné d'une mantille de blonde, pour les robes de grande toilette. Les manches, de même étoffe, pour toilette ordinaire, sont ouattées, afin de donner de la consistance aux plis.

En grande toilette, comme nous l'avons dit plusieurs fois, les manches sont courtes. Celles à deux bérêts, et dont celui inférieur est plus petit, sont les plus nouvelles, bien qu'elles aient été portées déjà l'an dernier; enfin les manches en blonde à broderies en colonnes, broderies larges du haut et diminuant jusqu'au poignet, sont toujours bien portées pour grande toilette.

М О Д Ы.

Платья.—Прежде, нежели будемъ говорить о собственно называемыхъ платьяхъ, скажемъ нѣсколько словъ о дульетахъ, потому что они входятъ въ употребленіе. Ихъ дѣлаютъ изъ разныхъ шелковыхъ матерій, безъ отдѣлокъ; они отличаются опъ шѣхъ, которые носили нѣсколько лѣтъ тому назадъ, иногда только двойною пелеринкою. Рукава вверху чрезвычайно широки, и положены шупъ вапою вдвойнѣ, для поддержанія складокъ.

Ушромъ,носящъ шакже рединготы; иные дѣлаются съ оспироконечными опшоротами, другіе же съ опшоротами, на манеръ шали.

Лифы дѣлаютъ по Гречески или съ крестообразными складками, или драпированные складками. Къ наряднымъ платьямъ по большой части надѣваютъ блондовыя маншильи. Рукава, за просто, изъ одинакой матеріи, дѣлаютъ на вашъ, чтобъ лучше обозначить складки.

Для большаго наряда, какъ мы говорили уже нѣсколько разъ, рукава дѣлаютъ корошкіе. Самые новѣйшіе, хопя ихъ носили уже въ прошломъ году, двойные берепы, изъ которыхъ нижній меньше верхняго; наконецъ, рукава блондовыя, вышитыя колоннами, вышитыя вверху широко и постепенно суживаясь къ кисти, все продолжаютъ носить въ нарядъ.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе четвертой части Литерат. Прибавленій къ Русск. Инвалиду.*

Въ семъ No 104, помѣщенная шарада значить: *Тракт-иръ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1851 ГОДЪ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Дружба дружбой, а служба службой, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	стр. 617.
Характерныя черты и расходная записка 45 годовъ, 5 мѣсяцамъ и 13-ни днямъ жизни отставнаго Капитана Петра Юасафовича <i>Неудивленева</i> , веденная домашнимъ Секретаремъ его <i>Демокритовымъ</i> , и выданная въ свѣтъ <i>А. Кораблинскимъ</i>	625.
Еще чудная вещь! Непонятная вещь! или о томъ, чтоо списки, на взлііе Варшавы 26 Августа 1831 года Графомъ <i>Эриванскимъ</i> , напечатаны въ Св. Меркуріѣ 9 Марша того же года, т. е. пятью мѣсяцами и 18-ю днями прежде сего событія	633.
Безъ хвастовства сказать! или о томъ, какъ издатель Св. Меркурія держитъ въ когтяхъ издателей Св. Пчелы, Сына Отечества, Св. Архива, Моск. Телеграфа, Телескопа, Дамскаго Журнала и всехъ прочихъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	—
Любимица Маршалыни Люксамбургъ, мадамъ Брильянтъ.	650.
Объ Упренней Звѣздѣ, Альманахѣ, издапомъ на 1831 годъ <i>Дмитріемъ Г. Сиговымъ</i> , соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	673.
Ему везло, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	681.
Кто правъ? Кто виноватъ? соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	697.
Объ Отшельникѣ, повѣсти въ стихахъ <i>Г. Кобылина</i>	—
Поминованіе по усопшимъ отъ холеры журналамъ, соч. <i>Владимірскаго</i>	705.
Сплешни, Глава шретья, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	706.
— — — — — (Продол.)	714.
— — — — — (Оконч.)	721.
Объявленіе объ изданіи <i>Г. Пяльгошкинымъ-Невѣждимымъ</i> на 1832 годъ журнала <i>Мошеникъ</i>	730.
Въ литературную Управу Благочинія, изъ <i>Молвы</i>	734.
Письмо къ издателю Лит. Прибавленій: о Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки, о критикѣ на нихъ <i>Г. Полеваго</i> и о прочемъ, соч. <i>Никиты Луговаго</i>	738.

Нельзя—хотл, хотл бы, соч. <i>А. Кораблинскаго</i> . стр. 745.	
Объявленія о продажѣ, наймѣ, подрядахъ и проч. соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	755.
Доброе молчанье, чему не отвѣтъ! соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	761.
Тридцать лѣтъ жизни одного Французскаго журналиста.	769.
Плохо, очень плохо, или шрестій помъ Испоріи Русскаго Народа.	777.
На свѣтъ дивныя бываютъ приключенья.	778.
Извлеченіе изъ Свѣтскаго словаря.	779.
Издержка жизни.	785.
Лвось (1825), соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	795.
Нравственная Алгебра (изъ <i>Франклина</i>).	801.
Совѣтъ молодому ремесленнику.	809.
Книги и женщины, пер. <i>Кру ва</i>	817.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Гробница на оспровѣ Рюгенѣ, пер. <i>В. Тило</i>	617.
Роскошь.	630.
Управитель, повѣсть, пер. <i>В. Соколова</i>	636.
— — — — — (Продол.)	656.
— — — — — (Окончаніе).	657.
Четыре Наптскіихъ урожденца.	655.
Ипохондрикъ.	654.
Первая пѣвица	660.
Число пять.	661.
Софія, повѣсть, пер. <i>В. Соколова</i>	682.
О волосахъ.	699.
Литературное предсказаніе.	731.
Измайлъ и Маріамъ, повѣсть	—
Алхимикъ, пер. <i>В. Соколова</i>	739.
Тирза, Еврейское преданіе, пер. <i>Влад. Михайлова</i>	746.
Цецилія, анекдотъ, пер. <i>В. Соколова</i>	754.
Шаль и собака, повѣсть.	762.
— — — — — (Окончаніе).	772.

Бесѣда любимцевъ и Болръ Иоанна Грознаго, отрывокъ изъ испорич. романа: Князь Курбекій, <i>Б. Федорова</i>	стр. 779.
Бригъ на рѣкъ Гангъ, пер. <i>В. Соколова</i>	786.
Записки и воспоминанія Графа Лавальета, изданныя по его рукописямъ	790.
Роковой наместъ, повѣсть Шпиндлера, пер. <i>В. Тило</i>	794.
— — — — — — — — — — (<i>Продол.</i>)	801.
— — — — — — — — — — (<i>Окончан.</i>)	810.
Смерть Короля Испанскаго	817.
Замокъ де Феръ въ Тарденоа	820.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Варшава, соч. <i>В. Ширкова</i>	622.
Куплеты изъ водевиля: <i>Новыя проказы</i> , соч. <i>А. Булгакова</i>	650.
Свиданіе въ лѣсу, сонетъ, соч. <i>Мицкевича</i> , пер. <i>Ю. Познанскаго</i>	639.
Допъ, соч. <i>А. Пушкина</i>	655.
Романсъ, соч. <i>Е. Ададунова</i>	662.
Парголово, соч. <i>Тришугино</i>	—
Къ С***, соч. <i>С. Хитрово</i>	679.
Могла Графа <i>Полье</i> , соч. <i>Тришугино</i>	—
Моей звездочкѣ	687.
Отрывокъ изъ <i>Мицкевической</i> поэмы: Дѣды, пер. <i>Вас. Романовича</i>	702.
Осень, соч. <i>Кафтырева</i>	—
Такого время долго ждали, соч. <i>Θ. Слѣпушкина</i>	710.
На взлїеіе Варшавы, соч. <i>Ив. Черкасова</i>	719.
Ел. <i>Никол. Лихачевой</i> , соч. <i>Б. Федорова</i>	720.
Святополкъ, соч. <i>Барона Розена</i>	726.
Бакчисарайскій дворецъ, сонетъ, соч. <i>Мицкевича</i> , переводъ <i>Юрія Познанскаго</i>	727.
Отвѣтъ на вопросъ: чего достоинъ Высокосъ?	733.
Къ Сербиновичу, соч. <i>Б. Федорова</i>	—
На сонъ грядущій, соч. <i>А. Хомякова</i>	—
Листокъ въ альбомъ <i>Сяноу</i> , соч. <i>В. Вердеревскаго</i>	743.
Элегія	—
Эпиграмма	—
Солдатская пѣсня, соч. <i>Н. Нефедьва</i>	752.
Валланда, Баллада, соч. <i>И. Покровскаго</i>	756.
Къ почтовому колокольчику, соч. <i>Θ. Глинки</i>	766.
Весенняя ночь, соч. <i>Н. Языкова</i>	—
Къ радости, соч. <i>А. Крюкова</i>	767.
Упрекъ, соч. <i>Карлгофа</i>	774.
Мелодія, соч. <i>А. Подольскаго</i>	—
Къ ней, соч. <i>Ил. Подшивалова</i>	775.
Романсъ, пер. <i>Θ. Глинки</i>	785.
Предъ Мадонною Рафаэля, изъ Кёрнера, пер. <i>И. Покровскаго</i>	—

Колоколь, соч. <i>Θ. Кафтырева</i>	стр. 791.
Кузнецу, соч. <i>А. Кошарова</i>	—
Склоненіе, соч. <i>Θ. Глинки</i>	798.
Очарованная роза, отрывокъ, соч. <i>М. Деларю</i>	799.
Марьяны цвѣты, Сибирская Баллада, соч. <i>И. Петрова</i>	—
Воскресное утро въ деревнѣ, изъ Альманаха: Альціона, на 1832 годъ, соч. <i>В. Жуковскаго</i>	806.
Дѣтство, соч. <i>А. Норова</i>	807.
Сонъ на бивакъ, соч. <i>Суходольскаго</i>	812.
Къ Сяноу, соч. <i>Восейкова</i>	815.
Бабадахъ, соч. <i>Н. Ступица</i>	—
Баллада, изъ новыя стихотвореній нашего знаменитаго соотечественника <i>В. А. Жуковскаго</i>	822.

IV.

КРИТИКА и БИБЛЮГРАФИЯ.

Вечера на хуторѣ близъ Дикашки	623.
Повѣсти Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя <i>А. П.</i>	735.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Мадрицъ, ашаманъ разбойниковъ, драма въ 5 дѣйствїяхъ	703.
Татьяна прекрасная, нисермедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствїи	—
Любовь и случай, комедія въ 3-хъ дѣйствїяхъ	710.
Неожиданное возвращеніе, или вечеръ въ саду, эпизодическій дивертисементъ	—
Госпитиница, повалъ комедїа-водевиль	—
Минавская ярмарка, или Филишка въ маскарадъ	—
Гулянье на Кресповскомъ островѣ, балетъ	767.
Утро сіюлѣтняго старика	—
Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока, трагедія	814.

V.

СМЪСБЪ.

Печаталась почши въ каждомъ нумерѣ.

VI.

ЛОГОГРИФЫ, ШАРАДЫ, ЗАГАДКИ, ОМОНИМЪ:

Русскія *Шарады*: 1) Корвей-па; 2) Соло-вей; 3) Ноч-ка; 4) Раз-бой; 5) Пѣ-почка; 6) Пар-усъ; 7) Ком-пасъ; 8) Пост-ель; 9) Вой-на; 10) По-свисть; 11) Иск-ра; *Омонимъ*: 12) *Шшоуф*.

Французскія: *Логогрифы*: 1) Orage; 2) Malheureux; 3) Argent; 4) Monde; 5) Drame; *Шарады*: 6) Cor-niche; *Загадки*: 7) Gants; 8) Ami; 9) Ecran; 10) Ver-luisant; 11) Felure.

VII.

МОДЫ.

Спатїи о новыя дамскія и мужскія Парижскія, Лондонскія, Вискихъ и Петербургскія модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусство-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинѣкъ.